

*Санкт-Петербургский государственный университет
Кафедра истории русской философии*

А. В. Малинов

**ОЧЕРКИ
ПО ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ
В РОССИИ**

Санкт-Петербург
2013

ББК 87.3

М 19

Малинов А. В.

М–19 Очерки по философии истории в России в 2 т. Т. 2.

СПб.: Интерсоцис, 2013. – 448 с.

ISBN 978-5-94348-072-0

В монографии рассматривается процесс формирования проблематики философии истории в России, начало которому было положено просветительскими учениями XVIII в. (теория естественного права, рационализм). Следующий этап становления истории как науки пришелся на вторую половину XIX – начало XX в. Он был связан с постепенным внедрением с систему университетского преподавания теории и методологии истории, на развитие которых существенное влияние оказали позитивизм и неокантианство.

Книга предназначена для историков русской философии, специалистов по русской историографии, а также для всех интересующихся историей русской общественной мысли.

Исследование подготовлено
при поддержке гранта РГНФ (№12-03-12020).

ISBN 978-5-94348-072-0

© А. В. Малинов, 2013
© Интерсоцис, 2013

ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ОНТОЛОГИИ ИСТОРИИ

ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА Н. И. КАРЕЕВА

Одним из крупнейших, во всяком случае, самым плодовитым, теоретиком исторической науки в России был Николай Иванович Кареев (1850–1931). Кареев учился в Московском университете у В.И. Герье, избрав темой магистерской диссертации историю французского крестьянства в последней трети XVIII в. Как известно, преподавательская деятельность ученого в Варшавском и Петербургском университетах сосредоточилась на курсах всеобщей истории, отражением которых стали многочисленные опубликованные учебные пособия: «Введение в курс новейшего времени» (1881); «Введение в курс Древнего мира» (1882); «Введение в курс Нового времени» (1884); «Философия культурной и социальной истории Нового времени» (1893), «Главные обобщения всемирной истории» (1903), «Общий ход всемирной истории» (1903), а также фундаментальная семитомная «История Западной Европы в Новое время». Согласно оценке В. Бузескула, «по широте масштаба, точности и объективности равного этому труду нет ни в русской, ни в западно-европейской литературе»¹.

Диссертационная сторона биографии Кареева, напротив, была обращена к философии истории. Уже работы Кареева, подготовленные в Варшавском университете, «шли с философским уклоном»², поскольку были вызваны написанием докторской диссертации. В 1883 г. он издал двухтомные «Основные вопросы философии истории», на основе которых защитил в Москве докторскую диссертацию. Значение этого

¹ Бузескул В. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Часть первая. Л., 1929. С. 164.

² Погodin С.Н. «Русская школа» историков: Н.И. Кареев, И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский. СПб., 1997. С. 173.

труда неоднозначно оценивалось в отечественной историографии. По словам Б.Г. Могильницкого, «сколько-нибудь заметного следа в истории науки он не оставил»¹. В «Основных вопросах философии истории», написанных с позиций «либерально-народнической субъективной школы в социологии» Б.Г. Могильницкий указывал на тяжелую манеру изложения, обилие цитат, трюизмов и повторов. Один из современников Кареева, Б.Б. Глинский, напротив, считал исследование Кареева этапным в разработке проблем философии истории в России. Он оценивал его как «капитальное сочинение... имевшее бесспорное влияние на оживление в нашей литературе интереса к изучению философии вообще и философии истории в частности»².

Впоследствии Кареев неоднократно возвращался к теоретическим и философским вопросам истории, посвящая их разработке многочисленные статьи, лекционные курсы и написанные на их основе монографии. Синтезом педагогического и теоретического усердия Кареева стали опубликованный им курсы по социологии «Программы социологии» (1895), «Введение в изучение социологии» (1897), «Общие основы социологии» (1919) и по теории истории и исторического процесса: «Из лекций по общей теории истории. Ч. 1. Теория исторического знания (Историка)» (1913), «Из лекций по общей теории истории. Ч. 2. Историология. Теория исторического процесса» (1915). Тематически к ним примыкают и работы ученого по критике экономического материализма, значению самообразования, выработке мирозерцания, основам нравственности, сущности общественной деятельности. В результате, по подсчетам современного исследователя примерно треть научных трудов Кареева посвящена философии истории и социологии³.

Философские и теоретические взгляды Кареева, несмотря на многолетнюю научную деятельность, менялись незначи-

¹ Могильницкий Б.Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. – начала 900-х годов. Томск, 1969. С. 168.

² Глинский Б.Б. Культурная история России // Исторический вестник. 1897. Т. LXVIII. С. 917.

³ Золотарев В.П. Историческая концепция Н.И. Кареева: содержание и эволюция. Л., 1988. С. 44.

тельно, оставаясь в целом в рамках позитивистских представлений. Б.Г. Могильницкий указывает на основополагающее влияние позитивизма в нескольких аспектах. «С позитивизмом у него, – писал исследователь о Карееве, – ассоциируется стремление связать обществоведение с естествознанием, превратить историю в науку точную, снабдить ее более совершенными методами познания прошлого»¹. «Позитивистские взгляды, – продолжал он далее, – оказали определенное влияние и на исторические взгляды Кареева. Оно проявилось, в частности, в несомненной переоценке значения интеллектуального развития в историческом процессе»². Вместе с этим ученый отмечал и переключку некоторых идей Кареева с цивилизационной концепцией А. Тойнби³. Влияние позитивизма, признавал и сам Кареев: «я еще несколько колебался, как уже говорил об этом, быть ли мне в будущем историком или философом. В течение всего последующего времени философские интересы не покидали меня, приняв историко-теоретическую и социологическую окраску. Докторская моя диссертация была об основных вопросах философии истории, и занятия в этой области не прекращались до самого последнего времени. И опять я здесь невольно откликался на явления современной жизни, к числу которых относится пропаганда и распространение у нас в последних годах прошлого столетия теории экономического материализма. В IV–VII томах “Истории Западной Европы” я притом дал довольно много места рассмотрению главных течений философской мысли в XIX и XX веках, знакомство с которыми, скажу кстати, не поколебало во мне моего позитивизма, хотя внесло в него некоторые поправки и приучило более исторически понимать культурное значение осуждаемых позитивизмом стремлений. Наконец, и в своих книгах для молодежи о значении самообразования, о способах выработки миросозерцания, об основах нравственности, о сущности общественной деятельности я подчинялся тем же философским устремлениям своей психики»⁴. Диапа-

¹ Могильницкий Б.Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики. С. 123.

² Там же. С. 125.

³ Там же. С. 220.

⁴ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 251.

зон философско-исторического синтезирования у Кареева был необычайно широк. «Философия истории Кареева, – замечает И.Д. Осипов, – занимала место между кардинально отличающимися друг от друга религиозной историософией и историческим материализмом»¹. В большинстве своих философско-исторических работ Кареев отстаивал один и тот же круг положений, давал схожую аргументацию, приводил идентичные примеры. Подобное постоянство научных убеждений, проявляемое Кареевым, очень удобно для реконструкции его взглядов, хотя и утомительно для ознакомления с ними.

Среди философско-исторических исследований Кареева доминирующее положение занимали проблемы исторического процесса, затем исторического знания и преподавания истории. Становление истории в качестве разновидности научного знания было неизбежным и постепенным процессом. «Развитие исторической литературы, – писал Кареев, – шло от художественности к научности, от эпоса, от исторических поэм, заменившихся позднее историческими романами, к социологии, от исторической пластики к исторической анатомии и физиологии. Чисто научный, теоретический интерес [к] истории и в жизни целых обществ, и в индивидуальном существовании появляется и развивается лишь на известной ступени умственного развития»². В России, как и в Европе этот процесс пришелся на XIX в. Решающими факторами здесь, по мнению Кареева, были: умножение исторического материала; совершенствование критики источников и теоретическая разработка исторической методологии; увеличение числа биографических и монографических исследований в историографии; сближение истории с другими науками, равно как и утверждение в других науках (языкознании, религиоведении, литературоведении, философии, политике, юриспруденции, экономике) исторической точки зрения; применение общего научного «понятия закономерности» к историческим явлениям.

¹ *Осипов И.Д.* Философия русского либерализма (XIX – начала XX века). СПб., 1996. С. 142.

² *Кареев Н.И.* О школьном преподавании истории. Из лекций по общей теории истории. Часть III. Пг., 1917. С. 46.

ям¹. Следствием научного совершенствования историографии стала и разработка теории исторического процесса. «Отсюда, – по словам Кареева, – под историческим изучением чего бы то ни было разумеется такое изучение, которое берет предмет в его прошлом, в его происхождении (генезисе), видоизменениях (трансформации), развитии (эволюции). Подобно тому, как понятие истории в смысле простого повествования о случившемся, развилось до понятия исторической науки, так и понятие об истории, как о простой совокупности фактов прошлого, развилось до понятия об историческом процессе»².

Началом философии истории как специальной дисциплины, полагал Кареев, следует считать XVIII в.³ Однако философия истории не охватывает всех теоретических проблем историографии; это лишь один из способов их осмысления. Теория истории опирается не только на философию, раскрывающую законы сущего, но и на психологию и социологию, раскрывающие, соответственно, законы духовной и общественной жизни. Философия приложима к истории только если понимать под первой науку, «занимающуюся явлениями вообще». Так вырисовываются три точки зрения на теоретическое осмысление истории: «...воссоздать историю по ее условиям – дело феноменологии, найти законы развития – дело номологии, показать действие этих законов среди данных условий и влияние этих условий на процесс развития – задача философии истории»⁴. Феноменализм философии истории сближает ее с самой исторической наукой. «История, – утверждал Кареев, – состоит вся из смены известного рода явлений, она сама есть очень крупное и очень сложное явление в ряду других феноменов»⁵. Философия истории отличается от историографии как описание явлений «лишь большею абст-

¹ Кареев Н.И. Главные обобщения всемирной истории. СПб., 1903. С. 7.

² Там же. С. 1–2.

³ Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Критика историософических идей и опыт научной теории исторического прогресса. В 2 т. Т. I. М., 1883. С. 10.

⁴ Там же. С. 228.

⁵ Там же. С. 224.

рактностью, более тесным отношением к субъективным вопросам человеческого духа и необходимым распространением на целое исторического процесса»¹. Отсюда и определение Кареевым философии истории «как абстрактно-феноменологического изображения перемен в жизни человечества»².

Описание явлений, т. е. по терминологии Кареева «феноменология», чем и занимается история, не исключает обобщающего подхода. Сам отбор, фиксация фактов, их осмысление предполагают абстрагирующую точку зрения. Собственно поэтому Кареев и называет философию истории абстрактно-феноменологической дисциплиной. Философско-исторический взгляд на прошедшие судьбы человечества неизбежно вытекает из самой исторической (= феноменологической) установки. Неизбежность философии истории Кареев выводит в результате следующего умозаключения: «В феноменологии также можно изучать более общее и постоянное, искать более глубокие причины, не заботясь о выставке всех фактов и каждого в его индивидуальности, минуя мимолетные случайности, не имевшие существенного значения и стремясь постигнуть причины, которые лежат в основе не одного факта, а в основе массы связанных между собою явлений: это будет философская история, которая, делая своим предметом всю совокупность жизни человечества, превращается в философию истории. Тут философское углубление доходит до самых *общих* условий, в которые были поставлены отдельные народы, до *общих* между ними отношений, до *общих* результатов истории каждого, до изображения *общего* хода всемирной истории, и только в этих громадных рамках возможно проследить многообразно обусловленное действие *общих* законов развития духовной и общественной жизни...»³

Историография, таким образом, выступает эмпирической базой для философско-исторических построений. Можно даже сказать, что при таком подходе в философии истории исключается чисто умозрительная точка зрения. «Философии истории, – писал Кареев, – ничего не остается делать, как, приняв из рук эмпирической науки обобщенный материал опыта, по-

¹ Там же. С. 106.

² Там же. С. 109.

³ Там же. С. 228.

стараться определить, какие известные психологии и социологии тенденции и при каких условиях участвовали в его образовании. Первую часть работ мы называем эмпирическим построением истории, направления для которого дает особая дисциплина – историка, априорные принципы для второй части может дать только философия»¹. Сочетанием априорного и эмпирического, заданного и данного, абстрактного и феноменологического и определяется специфика философии истории. Разбирая взгляды Краузе, Кареев давал разъяснения по поводу согласования этих оппозиций в философско-исторических построениях: «...априорное и эмпирическое имеют каждое свои задачи и не должны вторгаться в чужую область. Первое не может дать знания хода всемирной истории, второе – общего знания законов, которыми управляется развитие народов. Философия о ходе истории может знать только из опыта, о законах – из умозрения»². Последующее уточнение «положений относительно философии истории» состояло в указании «отрицательного свойства», т. е. своеобразным подобием апофатического определения, переходящего в догматические утверждения. Однако в результате дефиниционных излишеств Кареева граница между философией истории и историографией стала еще менее различимой. «Во-первых, – начинал ученый свои уточнения, – философия истории не есть философская теория истории, как науки; во-вторых, она не есть исследование законов, управляющих ее явлениями; в третьих, ей следует отказаться от поисков плана, по которому совершается история; в четвертых, она не должна быть конструирована *a priori* из каких бы то ни было философских принципов. Предмет ее не принципы знания, но действительность, — не законы явлений, но сами явления, – не гипотетический план, а эмпирически данный ход, – не априорное выведение, а апостериорное посторонние события. Но такова задача вообще истории, как науки, и применение к явлениям общих принципов еще не сообщает ей специально философского характера»³.

Подобная «встроенность» философии истории в историографию побудила ученого искать аналог философско-истори-

¹ Там же. С. 232.

² Там же. С. 233–234.

³ Там же. С. 242.

ческого осмысления в пределах уже известных разновидностей исторического построения. И такой аналог был найден – это всеобщая история. Здесь сошлись и специальные историографические и теоретические искания Кареева. Экстенсивное расширение предмета историографии до описания прошлых состояний человечества вполне может, по мысли Кареева, быть сопоставлено с той всеобщностью, которой доискивается философия. «В этом смысле, – рассуждал ученый, – философия истории будет в конце концов та же всемирная история, только доведенная до известной степени абстрактности в изображении ее хода»¹. Всемирная история не только задает наиболее общий из возможных взглядов на историю, что и позволяет, согласно Карееву, перевести ее фактографическую ретроспективу в философию истории, но и с «общих» позиций набрасывает эскиз прошедших судеб человечества.

Конечно, всеобщая история может быть разделена на ряд частных историй. Однако между совокупностью частных историй и всеобщей историей, между всеобщей историей и философией истории различие в степени общности, а не в принципе. Всеобщая история, как оговаривает Кареев, «при известных условиях» превращается в «философию истории человечества»². Философия истории не может быть построена на националистической основе, не может быть выведена из парадигматического толкования одной из частных, конкретных историй. Философия истории как всеобщая история не может быть односторонней. «Философия истории, – писал Кареев, – должна человечество ставить выше отдельной нации и созерцать его прошлое с космополитической точки зрения; она должна исследовать всю культурную жизнь, а не отдельные ее элементы, становясь на точку зрения общую, а не специальную. Словом, она должна всегда иметь в виду целое и общее, а не частное и отдельное»³. В то же время, хотя в философии истории следует сторониться субъективизма националистического толка, полный индифферентизм и обезличение так же противопоказаны философии истории. Определенная, внятная

¹ Там же. С. 107.

² Кареев Н.И. Историология (Теория исторического процесса) // Социология истории Николая Кареева. СПб., 2000. С. 28.

³ Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. I. С. 371.

точка зрения в философии истории необходима; и Кареев уточняет: нужно стремиться смотреть на историю с точки зрения всего человечества и всестороннего развития личности.

Однако философия истории, понимаемая «как картина развития всего человеческого рода»¹, не исключает прежнего деления народов на исторические и неисторические. Всемирно-историческая точка зрения, поднимающаяся до казалось бы метаисторических высот, тем не менее не утрачивает способности отделять существенное от случайного, главное от второстепенного, доминирующее от сопутствующего. Задаваемая всемирно-исторической точкой зрения всеобщность не исключает ретроспективного дифференцирования народов. Борьба за историческое признание в толерантной кабинетной атмосфере сменяет более трагическую борьбу за историческое существование, по мере развития цивилизованности все больше напоминающую исходный естественно-правовой сценарий. «Нам понятна теперь будет, – прояснял Кареев суть дела в 1883 г., – руководящая идея и в философии истории. Имея дело со всем человечеством, мы и тут должны следить за его переходами на высшие ступни развития, за сменами его состояний и общих течений его жизни. Место каждого народа определится в истории человечества индивидуальным характером истории этого народа: народ развивающийся займет и места больше и получит больше значения потому что и самое его существование сильнее отразится на других народах»². Прошедшие десятилетия не прибавили ученому чувства исторического равноправия: «Многие народы до сих пор живут еще, так сказать, в до-исторической эпохе, разумея под последнею основные особенности первобытного культурного и социального состояния. Отсюда – деление народов на исторические и неисторические»³.

Еще одно предназначение философии истории – уяснение смысла истории, оценка событий и исторических деятелей, суд над прошлым. Подобная установка в отношении истории долгое время признавалась в качестве главной особенности

¹ Кареев Н.И. Главные обобщения всемирной истории. С. 6.

² Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. I. С. 290–291.

³ Кареев Н.И. Главные обобщения всемирной истории. С. 8.

философско-исторического подхода, попустительствуя вольному морализаторству на исторические темы. «Философия истории, – излагал Кареев свою позицию, – есть познание смысла истории, как она совершалась доселе, куда и как вела и ведет она земное человечество в пределах земного; философия истории суть суд над историей: мало сказать что ход ее был такой-то, что составляющие его процессы управляются такими-то и такими-то законами, нужно найти еще смысл всех этих перемен, сделать им оценку, разобрать результаты истории и их также оценить»¹. Итак, философия истории – это «искание смысла в целом всемирно-исторического процесса»². Однако ученый не воспроизводит буквально устаревшую точку зрения на предназначение философии истории, а переинтерпретирует ее с передовых на то время позитивистских позиций: история имеет смысл лишь тогда, когда мы можем признать ее движение прогрессивным. Вопрос о смысле истории, таким образом, есть вопрос о прогрессе.

Исторический процесс

Двоякое понимание философии истории – с одной стороны, рассмотрение целостного исторического процесса, как он происходит, какие силы в нем действуют и т. п., с другой, искание смысла истории, установление ее цели, оценка исторических событий, деятелей, эпох, – позволяют различать в философии истории или, по словам Кареева, в теории истории, две самостоятельные области. Одну из них он называет *историологией* или теорией исторического процесса, другую – *историософией*. В то же время философия истории вслед за историографией не просто восстанавливает прошлое, как оно происходило, но тем самым и познает его. Так обозначается еще одна отрасль философии истории – *историка* или теория исторического знания.

¹ Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. I. С. 242–243.

² Кареев Н.И. Историология. С. 13.

Историология задается вопросом «о том, как вообще делается и происходит история»¹. Ближе всего к пониманию специфики историологии подходит социология и Кареев их часто сопоставляет. При таком понимании историология сопрягается прежде всего с социальной динамикой или, как, инверсируя, выражается ученый, «динамической социологией». Однако, хотя историология и «коррелятивна социальной динамике»², их не следует отождествлять буквально. Историология изучает только процессы, в то время как социальная динамика еще и результаты изменений, т. е. то, что Кареев называет «динамической морфологией общества»³.

К историологическим вопросам так или иначе обращались не только историки (хотя историки, по мнению Кареева, «наиболее компетентны его разрешать»⁴), но и государственеды, юристы (прежде всего, криминалисты), экономисты, психологи (занимающиеся, в первую очередь, коллективной психологией), историки права и литературы. Многие их соображения, касающиеся, на первый взгляд, частных вопросов своих конкретных дисциплин, по признанию Кареева, имеют ценность и для общей теории исторического процесса. Так, например, рассуждения криминалистов о причинной связи в уголовном праве и о соучастии в преступлениях или разыскания психологов в области коллективной психологии и т. п.

Сближение историологии с социологией происходит на почве поисков законов, управляющих обществом и действующих в истории. Кареев называет такие дисциплины *номологическими*. «Таким образом, – заключал он, – историология есть номология исторического процесса, отвлеченно взятого»⁵. «То, что индивидуализирует данное движение, – пояснял он далее, – относится к идиографии, а то, что во всех однородных движениях является параллельным, общим должно идти в историологическое построение»⁶.

¹ Там же. С. 14.

² Там же. С. 29.

³ Там же. С. 30.

⁴ Там же. С. 31.

⁵ Там же. С. 33.

⁶ Там же. С. 160.

Кроме социологии историология, воплощающая философскую установку в отношении истории, может быть сопоставлена с онтологией. Точнее, историологию следует понимать как региональную онтологию, как теорию исторического бытия. В «Историологии» Кареев настаивал на необходимости сформулировать теорию исторических явлений на основе «общей теории бытия», что позволило бы устранить все субъективные элементы оценки, желательного и должного в истории и лишь «констатировать сущее», т. е. заниматься установлением того, «что есть или бывает, как оно есть или бывает»¹.

Историология, таким образом, занимается разработкой «чисто научного вопроса о том, как происходит история»². В ней реализуется научная или, что для Кареева в данном случае одно и то же, социологическая точка зрения на историю. «Теория истории, – писал он, подразумевая социологию, – имеет, прежде всего, чисто научную ценность – понимание того, как вообще совершается история, какими силами историческая жизнь движется вперед, в смысле порождения новых фактов»³. Историология как чисто научная дисциплина не дает прямого практического результата. Она представляет самостоятельный интерес и значение для историков и не может быть отнесена к вспомогательным историческим дисциплинам.

Помимо историологии, связанной с социологией, в теорию истории входит *историка* или теория исторического знания, сближающаяся с гносеологией. «Гносеологические и онтологические вопросы общей теории истории, – писал Кареев, – в сущности, являются обще-философскими вопросами, только взятыми в применении к историческому знанию и историческому процессу»⁴. Проблемы исторической методологии, к которым преимущественно сводится историка, по мнению ученого, представляют интерес только для специалистов-историков, в то время как историологические или социологические проблемы вызывают более широкий интерес. Поэтому, хотя Кареев и посвятил вопросам исторического знания спе-

¹ Там же. С. 26.

² Там же.

³ Там же. С. 214.

⁴ Кареев Н.И. Историка (Теория исторического знания). Из лекций по общей теории истории. Часть I. Пг., 1916. С. 6–7.

циальное исследование, его работы по теории исторического процесса значительно превосходят их не только по численности, объему, но и по подробности, степени разработанности затронутых проблем.

Конечно, в историке, также как и в историологии реализуется научный подход к истории. Историка изучает «приемы добывания исторических истин», рассматривает «надлежащие способы занятия исторической наукой». Специфику историки Кареев разяснял через противопоставление ее историологии. «Теория исторического знания, которую можно еще назвать “историкою”, – рассуждал он, – имеет своим предметом выяснение того, как добывается познание прошлого и при соблюдении каких условий оно может быть действительно научным, тогда как теория исторического процесса, или “историология”, ставит себе задачей научное понимание того, как совершается всякая история, где бы и когда бы она ни происходила»¹. «Вопросы широко понимаемой историки, – продолжал ученый, – это – вопросы гносеологии (теории знания), логики, методологии, часто даже научной техники, вопросы же историологии, это – вопросы онтологии (теории бытия), инструментальной или коллективной психологии и социологии, а в последней ближе всего вопросы так называемой социальной динамики, т. е. теории общественных изменений, развития общества, его движения вперед»².

Равнение философии истории на социологию, не скомпрометировавшую себя метафизическим глубокомыслием, сводится для Кареева, главным образом, к экспортированию в философию истории эволюционной точки зрения. Анахронизм социологической ориентации философии истории не смущает Кареева: пусть образец для подражания возникает позднее подражающего, зато в нем концентрируются сциентистские грезы современности. Важно другое: доминирующая интенция социологического знания состоит в поиске «идеальной и вечной истории»³, основные черты которой задаются эволюционной теорией. Вдохновляясь последними взлетами позитивистского мышления, Н.И. Кареев выкраивал концепцию

¹ Кареев Н.И. Историология. С. 24.

² Там же.

³ Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. I. С. 106.

исторической эволюции по мерке спенсеровского учения. «Исторический процесс, – писал он, – есть таким образом эволюция культуры и социальных форм»¹. Ближайшим образом эволюционная точка зрения соприкасается с психологическим взглядом на историю, пропагандируемым Кареевым в лучших традициях прагматической историографии. Другой источник эволюционизма – прописавшаяся в новоевропейской философии идея развития. «Мир как целое, есть развитие, эволюция, творчество высших форм бытия... В недрах мира неорганического возникает органический, в нем мир явлений психических и, как последний их продукт, мир истории. Если эволюция есть общий смысл мира явлений, как целого, то не может быть иной смысл и у мира истории, как его части»². Концепцию исторической эволюции Кареев непосредственно выводил из учения О. Конта о социальной статике и социальной динамике. Однако русский ученый делал идею эволюции основополагающим принципом всех обществоведческих, т. е. допускающих историческое измерение, дисциплин. Он подразделял эволюцию на неорганическую, органическую (физиологическую и психическую) и над-органическую (культурную и социальную).

Теория исторической эволюции оперирует понятиями прогресса и регресса социальных и культурных форм, обозначающими ее крайние, определенные проявления. Системообразующими же категориями концепции исторической эволюции выступают понятия традиции и творчества, в динамических взаимоотношениях которых вызревает и главный признак эволюционизма – принцип личности. Историческая эволюция во всех своих проявлениях демонстрирует ослабление традиции и усиление творческого и личностного начала. Иными словами, историческая эволюция имеет органическую (наследственные признаки, психические качества, передающиеся от родителей) и над-органическую составляющие как результат совместной жизни индивидов на основе психического взаимодействия, развивающую «альтруизм» и чувство

¹ Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Критика историсофических идей и опыт научной теории исторического прогресса. В 2 т. Т. II. М., 1883. С. 238.

² Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. I. С. 244.

социальной солидарности. Совместная жизнь, преследуя духовные интересы, приводит к возникновению *миросозерцания*, передающегося благодаря традиции из поколения в поколение и изменяющегося благодаря критически настроенным мыслям и представлениям личности; *этических систем*, возникающих путем «обобщения исторических чувств»¹, также передающихся из поколения в поколение благодаря традиции и изменяющихся благодаря критически мыслящим личностям; и *общественных институтов*, эволюционная динамика которых тоже определяется взаимодействиями традиции и личности. «И эволюция истории, – подводил итог Кареев, – вся идет к тому, чтобы сделать возможным развитие личной инициативы, обнять в системе социальных взаимоотношений все человечество и осуществить в жизни новые идеи, постепенную эволюцию идеалов»². Однако эволюционная точка зрения, реализующаяся в историологии, т. е. теории исторического процесса, при переходе к конкретным социальным дисциплинам, в исследованиях отдельных элементов культуры и быта может быть заменена сравнительным методом. Сравнение, в частности, позволяет проследить сходство в конкретных проявлениях социальной и культурной жизни у народов, находящихся на одной ступени развития. Иными словами, определенный уровень социологической эволюции предполагает и определенные социо-культурные формы, разнящиеся в строгих пределах тех возможностей, которые осуществимы на данном этапе исторического развития. «В обществе, – добавлял Кареев в гимназическом курсе, – могут существовать только известные комбинации отдельных культурно-социальных форм, и наличность той или другой комбинации зависит от той ступени общего культурного развития, на которой находится то или другое общество: то, что мыслимо и возможно у цивилизованного народа, не может быть достигнуто и осуществлено в каком-нибудь диком племени»³.

Эволюционный подход способен заменить привычное причинно-следственное объяснение. В этом смысле концепция исторической эволюции может разрешить те сложности,

¹ Там же. С. 315.

² Там же. С. 238.

³ Кареев Н.И. Главные обобщения всемирной истории. С. 56.

которые возникают при поисках исторической закономерности. Кареев, считая все попытки установить законы истории ненаучными, переводил проблему исторической закономерности в компетенцию психологии и социологии. Эволюционная же точка зрения дает возможность остаться на исторической почве. «Законы, – констатировал историк, – по которым происходит какое бы то ни было развитие, или эволюция, как принято теперь говорить, можно назвать эволюционными в отличие от причинных, или каузальных. Последние указывают, что от чего зависит, а эволюционные – что во что переходит»¹. Материал для формулирования эволюционных законов дает сравнительно-исторический метод, а также сопоставление культурных результатов стадиям исторического развития.

Для того, чтобы понять специфику истории необходимо представить те позитивистские координаты классификации наук, в рамках которых рассуждают философствующие историки. В кареевской классификации это науки *феноменологические*, описывающие факты (к ним относится история и философия истории) и *номологические*, выискивающие законы явлений (таковы механика, химия, биология, психология, социология). Кареев провел различие между номологическими и феноменологическими науками несколько раньше В. Виндельбанда и Г. Риккерта, на что указывал еще В. Бузескул². Позднее, опираясь на научные авторитеты и корректируя собственную терминологию с сложившимися к тому времени философско-историческими понятиями, Кареев писал: «История, в обычном смысле, есть наука конкретная (по Контю), индиви-

¹ Там же. С. 59.

² «Изложение Н.И. Кареева собственных его воззрений, – писал В. Бузескул об “Основных вопросах философии истории”, – быть может, недостаточно отчетливо, не совсем ясно и удобопонятно. Но он дал в своем труде прекрасный критический обзор огромной литературы по данному вопросу, а главное, – он в сущности предвосхитил идею Виндельбанда-Риккерта; лет за десять до Виндельбанда Н.И. Кареев уже установил различие между двумя категориями наук, по его терминологии – между *номологическими* и *феноменологическими*, по Виндельбанду – *номотетическими* и *идиографическими*» (Бузескул В. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. С. 160).

дуализирующая (по Риккерт), идиографическая (по Виндельбанду), или феноменологическая, как я предпочитал классифицировать ее раньше, а историология, наоборот, есть дисциплина абстрактная (по Конту), генерализирующая (по Риккерт), номотетическая (по Виндельбанду), или номологическая, как я продолжаю ее и теперь называть»¹. История и философия истории как науки феноменологические не ищут законов, хотя Кареев и не может совершенно исключить понятие закона из истории, не скомпрометировав ее научный статус. По замечанию Кареева, «в истории, как и в природе, господствует закономерность»². У Кареева нет сомнений в существовании законов, управляющих историческими явлениями. Другой вопрос: принадлежат ли эти законы самой истории. Кареев категорически отрицал существование специфических исторических законов. Поэтому он предлагал говорить не о закономерности, а о законосообразности истории, полагая, что такая терминологическая замена сблизит непримиримые классификационные крайности. Историческая законосообразность сводится к психологической и социологической. «История как наука идиографическая, – отмечал Кареев, – применяет знание (хотя бы и крайне несовершенное) психологической и социологической законосообразности к отдельным комплексам культурных и прагматических фактов. Она не нуждается в особых исторических законах, да таковых и не может быть, чем мы не отрицаем существование исторической необходимости»³. В своей докторской диссертации, имея в виду историю, Кареев писал: «Задача этой науки – констатировать факты, приводить их в причинную связь, обнаруживать между ними существенные, сводить их к общим формулам и объяснять их психологическими и социологическими законами, от-

¹ Кареев Н.И. Историология (Теория исторического процесса) // Социология истории Николая Кареева. СПб., 2000. С. 27–28.

² Там же. С. 33.

³ Там же. С. 130. В докторской диссертации Кареев писал, что «возлагая задачу открытия законов исторического процесса на психологию и социологию, мы не нуждаемся в каких-то еще особых исторических законах, помимо общих психологических и социологических, что устаревает из философии истории массу недоразумений» (Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. 1. С.109).

крытыми совсем иным путем в науках номологических»¹. Итак, нет законов истории, но есть законы социологии и психологии, на основе которых история может быть объяснена. В философии истории вопросом о законосообразности и необходимости истории занимается такая ее разновидность, как теория исторического процесса. «Таким образом, – уточнял Кареев, – историология есть номология исторического процесса, отвлеченно взятого»². В сущности, историология – это социология истории, обремененная коллективной психологией.

Современная наука, полагает Кареев, обращается к идее закономерности для связывания фактов. Он трактует законы как «постоянные и необходимые отношения между отдельными явлениями»³; «...под законами мы разумеем некоторые общие истины, применяемые к однородным случаям во всех странах и во все времена»⁴. К признанию законосообразности исторических явлений ученого подталкивают повторяющиеся элементы, из которых состоит сложная индивидуальность исторического факта. Именно эти элементы могут быть объяснены действием социологических и психологических законов. «Мы можем найти некоторые постоянные пути, – рассуждал Кареев, – по которым совершается развитие того или другого элемента культуры, той или другой формы социальной организации, поскольку изучаемые нами явления повторяются у разных народов и по самой своей природе должны повторяться именно в такой, а не другой последовательности: ту-то последовательность мы и называем закономерной»⁵.

Однако историк как никто другой знает, насколько индивидуальны и неповторимы исторические события. Повторяемость в истории – предусмотрительно разбавленная опытом научная закономерность – носит не исторический характер, имеет, так сказать, не историческое происхождение. В то же время, если прошлое познается историографией (а только в этом случае история может претендовать на статус науки), то

¹ Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. 1. С. 133–134.

² Кареев Н.И. Историология. С. 33.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 35.

⁵ Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. 1. С. 114.

оно познается в его повторяющихся элементах. Не прибегая к диалектическим ухищрениям, Кареев вынужден разрешать древнюю проблему соотношения единого и многого применительно к истории. Ее решение виделось ему следующим образом: единство законов социального развития при несходстве и разнообразии истории разных народов. «Каждый исторический факт, взятый в отдельности, – писал он, – история каждого отдельного народа в ее совокупности, весь всемирно-исторический процесс в его целом таким образом вполне индивидуальны, только основные явления духовной и общественной жизни повторяются в своих элементах»¹. Именно поэтому «номологические науки, изучающие человечество, могут установить общие законы эволюции культуры и социальной организации, но не в состоянии дать законов хода истории, потому что последний не одинаков у различных народов»².

В то же время получается, что социологическая и психологическая законосообразность, приписываемая истории, ничего не говорит о конкретных явлениях исторической жизни и в этом смысле их не объясняет. Кареев справедливо оговаривал, что «из знания законов общих тенденций духовной и общественной жизни народов» невозможно «вывести эмпирическое содержание истории»³. Однако научно интерпретируемая философия истории не может игнорировать идею закономерности. Ее задача сводится к тому, чтобы постараться максимально вписать конкретный ход истории в указываемое социологией и психологией законосообразное направление. Для этого сам ход истории должен быть максимально обобщен, что и дает всеобщая история. Философия истории, таким образом, может быть только всеобщей историей, поскольку только в перспективе общих судеб человечества возможно «понять сущность основной тенденции» и раскрыть «общие законы» исторического процесса.

Итак, исторических законов самих по себе не существует, но ученый-историк должен признавать историческую закономерность или законосообразность. «Другими словами, – пояснял Кареев, – исторических законов нет и быть не может, а

¹ Там же.

² Там же. С. 124.

³ Там же. С. 232.

есть законы психологические и социологические, и потому законосообразность в истории есть не какая-то специально историческая законосообразность, а общая психологическая и социологическая»¹. Усмотреть историческую законосообразность даже в ее социологическом и психологическом выражении трудно еще и в силу многообразия самих исторических явлений, сочетания и комбинации в них множества элементов. «Течение исторической жизни в каждом конкретном случае, – осторожно развивал свою мысль Кареев, – есть нечто донельзя сложное, состоящее из необозримого количества более простых элементов в самых разнообразных сочетаниях, и каждый из этих элементов, так сказать, подчиняется своему закону, как и результат каждой комбинации тоже вытекает с необходимостью из данного сочетания действия законов»². Ограничение законосообразности причинными отношениями при признании многосторонности исторических событий открывает дорогу концепции многофакторности исторического развития.

История, говорящая на научном языке с социологическим акцентом, имеет дело уже не с мелочными фактами, усеивающими своими осколками источниковедческие и археологические закрома науки, а с истинами и закономерностями. История с высоты своего научного положения обзревает всемирно-исторические дали уходящих за горизонт судеб человечества. Кареев прямо рифмует социологическую точку зрения со всемирно-исторической и общечеловеческой: «Социологическая точка зрения... многими принимаемая за научную по преимуществу... не может не быть вместе с тем и точкою зрения гуманной, общечеловеческой, а раз это так, то и всемирно-историческою. Дело в том, что интерес к человеческой личности, как к таковой, заставляет нас следить за ее историческими судьбами в жизни всего человечества, поскольку эти судьбы были различны у разных народов, в разные эпохи, на разных ступенях развития, в то самое время, как, кроме того взаимодействия между отдельными обществами и культурная преем-

¹ Кареев Н.И. *Историология*. С. 36–37.

² Там же. С. 36.

ственность народов образует из суммы отдельных частных историй единую и общую историю человечества»¹.

В ряд, образуемый историей как наукой, социологией и всеобщей историей синонимически встраивается и философия истории. Как пишет Кареев, «именно изображение всемирно-исторического процесса с некоторой общей точки зрения и есть основная задача философии истории»². «Общая точка зрения» в данном случае – принцип личности. Философия истории есть прежде всего история всеобщая, универсальная, объединяющая частные истории отдельных народов и выявляющая в них общие черты и преемственность развития. Сближение Кареевым всеобщей истории с философией истории можно объяснить научными пристрастиями исследователя.

В то же время всемирно-историческая точка зрения еще с XVIII в. воспринималась как привнесение в историю философского измерения. Философскую роль здесь брала на себя теория прогресса. Кареев, сам отчасти реализуя в своем творчестве этот исторический архетип, указывал на Тюрго, Кондорсе, Гердера, Канта, Пелитца, Гегеля и Конта. История, следуя прогрессистскому начертанию, вырастает из природы, наследует природе и стремится к определенной цели, например, совершенному гражданскому обществу, как у Канта. И хотя всемирно-историческая точка зрения, засвидетельствованная еще Полибием³, имеет давние исторические корни, только в эпоху Просвещения возникает идея универсальной истории (у Гаттерера и Шлецера) как истории философской.

Однако философская точка зрения не насаждается в истории. Она, напротив, выводится из истории и отличается только большей степенью абстракции и упорядочения. История может приближаться к своему философскому рассмотрению. «И историческая наука как и всякая другая, – писал Кареев, – может так обрабатывать свой материал, чтобы все ближе и ближе подходить к философии. Этого она достигает, во-первых, посредством обобщений отдельных фактов, во-

¹ Кареев Н.И. Об общем значении исторического образования // Историческое обозрение. Т. VII. СПб., 1894. С. 54.

² Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории. Очерк главнейших исторических эпох. СПб., 1903. С. 12.

³ Там же. С. 18.

вторых, через внесение некоторой стройности в изображение их связи, и, в третьих, соединяя всю их область в одно целое».¹ История, в том числе и всеобщая, – наука феноменологическая, т. е. описательная. Философский подход привносит в нее обобщение и этическую оценку. «И в истории возможна целая градация от художественных картин, мелочных подробностей, длинных перечислений частных до отвлеченных схем, до общих характеристик, до крайних формул, – ряд ступеней между конкретностью непосредственного исторического материала и абстрактностью, так сказать, его квинт-эссенцией. В этом смысле философия истории будет, в конце концов, то же изображение всемирной истории, только доведенное до известной степени абстрактности»².

Всемирно-историческая или философская, что то же, точка зрения, утверждающаяся в науке имеет реальную основу в самих исторических процессах. История все более и более приобретает всеобщий или глобальный характер. Объединительные движения в истории насчитывают тысячелетия. «С этой точки зрения всемирная история и является перед нами как процесс постепенного установления политических, экономических и культурных взаимоотношений между населением отдельных стран, т. е. процесс постепенного объединения человечества, расширения и углубления связей, мало-помалу образующихся между разными странами и народами. В этом процессе каждая отдельная часть человечества, им захватываемая, все более и более начинает жить двойною жизнью, т. е. жизнью своею собственною, местною и особою, и жизнью общею, универсальною, состоящею, с одной стороны, в том или ином участии в делах других народов»³. Переплетение политических, экономических и культурных интересов различных народов придает единство современному историческому процессу. Всемирная история, таким образом, не сводится к сумме историй отдельных стран и народов, а фиксиру-

¹ Кареев Н.И. Философия, история и теория прогресса // Собрание сочинений Н.И. Кареева. Т. 1. История с философской точки зрения. СПб., 1911. С. 89.

² Кареев Н.И. Задачи социологии и теории истории // Собрание сочинений Н.И. Кареева. Т. 1. С. 53.

³ Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории. С. 6.

ет общие тенденции в историческом процессе. Наблюдение над ними позволяет Карееву заключить, «что история движется в объединительном направлении»¹. Переориентация исторической жизни народов с внутренних отношений на внешние дает ему основание утверждать о глобализации современной истории, а уже после ее фактологического подтверждения выстраивать и ретроспективную методологию всемирной истории. Так все прошлое человечества обретает смысл лишь в конечной цели всемирно-исторического объединения.

Движения всемирной истории определяются более масштабными сдвигами нежели политика отдельных стран и государств. Кареев усматривает истоки всемирно-исторического процесса в сближении цивилизаций, последовательность смены которых заимствуется им у Л.И. Мечникова. Первые цивилизации были речными, затем последовал период морских цивилизаций. «В настоящее время мы живем в период океанической цивилизации», – заключал историк².

В то же время история не может быть сведена лишь к общим тенденциям, раскрываемым социологией. Задача состоит в том, чтобы показать как и в силу каких причин единая история человечества разниться на множество вариантов. Единство задается общей логикой эволюционных процессов, внутренней закономерностью «исторических организмов». Различия же есть результат внешних условий, неповторимых в каждом конкретном случае. Среди них решающее значение имеют природно-климатические условия или внешняя среда, влияния других народов и расовые особенности. Кареев добавляет к этим причинам еще и условия исторического воспитания народа или над-органические условия жизни, но при этом замечает, что все причины следует рассматривать в комплексе, не абсолютизируя каждую из них в отдельности. В докторской диссертации Кареев следующим образом суммировал взаимодействие исторических причин: «Животная борьба, психическое взаимодействие, общественная солидарность, – органическая наследственность, культурная и социальная традиция, – индивидуальная изменчивость организма, личная ини-

¹ Там же.

² Там же. С. 7; аналогично см.: *Кареев Н.И.* Главные обобщения всемирной истории. С. 9.

циатива человека и его самостоятельность в социальной организации – вот факторы исторической жизни человечества»¹. В ходе исторического развития значение условий меняется. В начале народ находится под сильным влиянием внешних факторов, затем постепенно решающее значение переходит к культуре и воспитанию. Как пишет Кареев, «чем ниже стоит народ, тем больше на него влияние имеют физические и органические агенты разнообразия; чем – выше, тем сильнее начинают действовать агенты над-органические, и воспитание в известной традиции, в известных социальных формах не только придает известный характер индивидууму, но и переделывает саму расу»². Понятие над-органической среды включает в себя прежде всего и социальную организацию. Понятиями над-органической и культурной среды Кареев часто пользовался как синонимами. Давая им индуктивное определение, он писал: «Все, что мы у каждого народа относим к понятиям его религии, искусства, нравов, техники, права, государства, все то, что мы обобщаем под понятием культуры в широком смысле, т. е. как культуры в более тесном смысле духовных ценностей, так и социальной организации, все это по отношению к каждому отдельному члену общества является особого рода средою, которую можно назвать средою культурно-социальною, или, говоря короче, вообще культурною»³. Перечисленные элементы позволяют различать в самой над-органической среде «разные стороны, или, говоря иначе, разнородные составные части, своего рода специальные среды»⁴. К ним можно отнести и язык, называемый Кареевым «лингвистической средой» или «лингвистической атмосферой».

Во взаимоотношениях над-органической среды и личности кроется как главный источник исторического развития, так и исследовательская интрига исторического знания. По словам ученого, «...сущность исторического процесса состоит... во взаимодействии личности и над-органической среды, и что перемены в человеческой деятельности, которые мы

¹ Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. II. С. 137–138.

² Там же. С. 165.

³ Кареев Н.И. Историология. С. 83.

⁴ Там же. С. 84.

изучаем в истории, заключаются не в изменении органических качеств человеческого существа, а в изменении над-органической среды, в которую она поставлена деятельностью человека, т. е. его духовной культуры и социальной организации»¹. В ослаблении влияния среды, природных и биологических условий Кареев усматривал признак цивилизованности. «Можно сказать, – добавлял он, – что значение внешней среды и расовых качеств в истории народа обратно пропорционально степени развития его цивилизации»². Противоестественность цивилизации, конечно, не исключает полностью влияния климата и внешней обстановки. Природа воздействует на внешнюю и внутреннюю сторону человека: ласкает душу, зрение и слух, и питает желудок. Кареев давал подробное разъяснение по этому поводу: «Несомненно, что физические условия страны действуют на человека, но это действие весьма разнообразно: с одной стороны, под влиянием климата и употребления в пищу известных произведений природы должна изменяться до некоторой степени организация человека, а с нею и его психическая сторона; с другой стороны, общий характер природы производит весьма различные впечатления на душу человека и, действуя на нее постоянно, не только влияет на создаваемую им себе культуру, но и на его психическую жизнь вообще; наконец, образ жизни находится в зависимости от условий страны, а образ жизни влияет как на организацию человека, так непосредственно и на его происхождение, но сам этот характер не остается чем-то неизменным, и факторами, его изменяющими, являются условия его существования физические и духовно-социальные»³. Историческая наблюдательность позволила Карееву, например, констатировать температурную последовательность в продвижении цивилизации. «В ранние периоды исторической жизни человечества распространение цивилизации шло из стран более теплых в более холодные»⁴.

¹ Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. II. С. 75–76.

² Там же. С. 344.

³ Там же. С. 166–167.

⁴ Кареев Н.И. Историология. С. 58

На общий фон условий, создаваемых природно-климатической средой наслаиваются и другие обстоятельства исторической жизни. В итоге, отказываясь от монистических притязаний как идеалистического, так и материалистического истолкования истории, Кареев присоединяется к концепции многофакторности исторической жизни и многообразия причин исторических изменений. «Изменения, – пояснял ученый, – производимые самим же человеком в окружающей природе, увеличение народонаселения, заставляющие его расширять свою экономическую деятельность, соседские отношения народа, оказывающие то или другое влияние на его внутренний быт, наприм., необходимость усиления военной обороны или заимствование у соседей какого-либо изобретения, и единичные или коллективные уклонения и отступления самих людей от данных воззрений, обычных приемов деятельности, установившихся порядков, – все это вместе взятое и составляет общие причины культурно-социальных трансформаций»¹.

Внешние условия помимо климата включают в себя целый ряд географических факторов: ландшафт, качество почвы, водные пути, флору и фауну, а также положение страны относительно других государств². Ближайшими последователями географического детерминизма, переработавшими его в историческую теорию, были Монтескье, Гердер, а наиболее детальная разработка проблемы влияния природной среды на историю и общество принадлежит Боклю. Утверждение естественных оснований истории столкнулось с альтернативным подходом – теорией расы – также отчасти восходящей к труду Гердера. Теория расы возникла как реакция на теорию климата³. Она поднимает вопрос об этнографических условиях истории и в наиболее полном виде реализуется в антропологии – науке, ставившей «историю народа в исключительную зависимость от его происхождения и этнографического состава»⁴.

¹ Кареев Н.И. Главные обобщения всемирной истории. С. 57.

² Кареев Н.И. Историология. С. 63.

³ Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. II. С. 172.

⁴ Кареев Н.И. Теоретические вопросы исторической науки // Собрание сочинений Н.И. Кареева. В 3 т. Т. I. С. 14.

Раса формируется благодаря биологическому закону наследственности. Одновременно с историческим или культурно-социальным процессом идет биологический процесс смены поколений. «Кровь, повторяю, имеет, конечно, свое значение, ибо параллельно с культурно-социальной историей народа протекает его биологическая история, история улучшения или ухудшения породы, и обе эти истории находятся во взаимодействии», – настаивал Кареев¹. Биологическая наследственность поддерживает «в последовательных поколениях народа единство типа»² и может быть признана фактором консервативным. В «Основных вопросах философии истории» Кареев давал следующую расшифровку расовой теории: «Рассматривая теорию расы, мы, собственно говоря, имеем дело с четырьмя основными положениями, на которых зиждется вся теория. Коротко они могут быть формулированы так: 1) раса состоит из однородных особей, одаренных специфическими качествами; 2) эти качества очень постоянны; 3) поддерживаются только органической наследственностью, и 4) поэтому признаки расы суть постоянно действующий исторический фактор, делающий возможным такие характеристики расы, которые объясняли бы в общем всю их историю»³.

Итак, расы образовались в результате естественной истории человечества. Их изучением как раз и занимается антропология, сближающаяся в этом с зоологией. Говоря о расах Кареев фиксирует, что «тут люди различаются между собою по своим физическим признакам и по степени духовного развития»⁴. При этом он осторожно намекает на потенциальную равноценность рас: «Существующее между расами различие скорее количественное, чем качественное: способности их приблизительно одни и те же, но степень их развития различна»⁵. Ученый называет их породами или расами антропологическими, отличая их от рас лингвистических. Так белая раса в языковом отношении распадается на расу семитическую и

¹ Кареев Н.И. *Историология*. С. 71.

² Там же. С. 67.

³ Кареев Н.И. *Основные вопросы философии истории*. Т. II. С. 175–176.

⁴ Там же. С. 152.

⁵ Там же. С. 197.

индоевропейскую или арийскую. Невозможность постоянного психического общения при расселении народа на обширной территории приводит к дальнейшему обособлению языков. Из единой языковой расы выделяются другие. «В лингвистическом отношении, можно сказать, – продолжал Кареев, – сколько языков, столько и рас»¹. Люди, принадлежащие к одной породе (антропологической расе) могут входить в разные лингвистические расы. И, наоборот, над-органические явления (например, язык, религия) способны объединять людей разной породы.

К вопросу о роли расы в истории примыкает и вопрос о причинах падения цивилизаций. Вырождение расы и застой в исторической жизни народов объясняются Кареевым как результат воздействия ненормальной над-органической среды. «Не сама историческая жизнь изнашивает нацию, а ненормальность ее хода»². Ненормальные формы принимает прежде всего культура и социальная организация. Примером подобного вырождения в истории может служить конец античного мира. Его падение – результат ложного и одностороннего исторического развития. Непосредственные причины вырождения могут быть различны: праздность и излишества, приводящие к росту сумасшествия, самоубийств, пьянства и т. п., а также непосильный физический труд. Вместе с этим возникает вопрос о норме цивилизационного развития. Стабилизирующие, консервативные формы жизни сразу же отвергаются Кареевым, как ненормальные. Нормально, согласно его подходу, все то, что способствует улучшению и развитию. Это прежде всего формы социальной организации и культуры, способствующие интенсификации психического взаимодействия, а вместе с ним и всей исторической жизни. В этом отношении культурные влияния и социальное развитие предпочтительнее биологических процессов, формирующих породу. «В истории, – писал Кареев, – психическое взаимодействие народов играет более важную роль, чем их физиологическое скрещивание, заимствование идей и принципов важнее обновления крови, известное воспитание существеннее известного произ-

¹ Там же. С. 154.

² Там же. С. 226.

хождения»¹. В то же время, по мнению Кареева, в идеале при прогрессивном развитии культуры и социальных форм должна прогрессировать и природа человека².

Различие между расами осложняется национальным и культурным разнообразием народов. Крайними точками зрения по этому вопросу, полагает Кареев, были представления Кондорсе о гипотетическом «едином народе» и Гегеля о «всемирном духе». Более реальный, по его мнению, взгляд на исторический процесс возможен исходя из представления о *национальном типе*. Это общий для нескольких народов, связанных взаимными культурными влияниями, тип. Он разнообразится и видоизменяется при переходе от одного народа к другому. «Каждый народ, – рассуждал Кареев, – придает общему для многих явлению своеобразную окраску, и каждый народ создает нечто свое, что усвоится потом другими народами и, таким образом, делается общим им всем»³. Примером наиболее развитого общего типа может быть названа Западная Европа, что дает основание составить единую историю населяющих ее народов. В определенной степени можно говорить и о единой истории стран Востока.

К понятию о национальном типе у Кареева примыкает представление о культурном или цивилизационном типе. Цивилизационный тип по существу устраняет национальные различия, унифицирует поступь исторического процесса. Он задает норму исторического и культурного развития и вписывает народы в объединяющую перспективу цивилизационной глобализации. «Тип цивилизации, – растолковывал Кареев, – не есть необходимая принадлежность известной расы, ибо культура и социальные формы человека не связаны неразрывными узами с его организацией. Тут возможны постоянные переходы от одного типа над-органического развития к другому, а потому возможно и культурное объединение человечества. Только один тип над-органической среды можно считать нормальным, и совершаясь прогресс правильно, все народы развивались бы по одному типу. С другой стороны, духовное взаимодействие между народами уничтожает их исключи-

¹ Там же. С. 235.

² Там же. С. 230.

³ Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории. С. 13.

тельность и односторонность».¹ Более того, в идеале, так сказать в «чистом» виде, при стерильности исторических условий народы имели бы однородную историю. Недостижимость полной «чистоты», однако не исключает возможности цивилизационного сближения народов посредством унификации культурно-исторической среды. Уменьшение зависимости от природы по мере укрепления цивилизации и однотипность самого цивилизационного развития все больше сближают народы. Но до окончательного слияния еще далеко. В гимназическом курсе по всеобщей истории Кареев пояснял свою мысль следующим условным умозаключением: «Если бы все народы, составляющие человечество, были поставлены в одинаковые условия, то они развивались бы совершенно одинаково, и история одного была бы повторением истории другого. Лишь в известных отношениях отдельные народы как бы проделявают одну и ту же историю, повторяют одну и ту же эволюцию, но в других каждый имеет свою собственную, непохожую, на другие историческую судьбу. Это последнее обстоятельство зависит от трех категорий причин, из которых одна находится в географической среде, другая – в расовых различиях, существующих между народами, третья – в общем ходе всемирной истории»². Однообразные потенции унылой глобализации не смущают Кареева, и он с энтузиазмом, ссылаясь на Рюдигера, провозглашает: «Новое человечество стремится к культурному космополитизму»³. Народ способен менять тип своей культуры и социальной организации. Примером могут служить античные греки, византийцы и современные греки.

Если порода создается природой, то «только внутреннее чувство создает национальность»⁴. Нация, в широком смысле, есть понятие культурное. Это субъективно полагаемое (разделяемое и признаваемое) единство. «В конце концов, – писал Кареев, – мы можем определить национальность, как культурную группу, сознавшую свое отличие от других групп и свое единство. Каждая культурная группа стремится превратиться

¹ Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. II. С. 346.

² Кареев Н.И. Главные обобщения всемирной истории. С. 60.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 156.

в национальность, и каждая искусственная национальность в культурную группу».¹ Иными словами, принадлежность, или как выражается Кареев, «предел», нации и государству определяется сознанием причастности к одной культурной группе. «Национальность, – рассуждал ученый, – есть высший продукт психического взаимодействия в пределах расы. Национальность создается сознанием: этнографическая группа может говорить одним языком, но не составлять национальности. Национальность есть понятие субъективное: каждый сам себя причисляет к той или другой национальности и никогда не ошибается».² Кареев выстраивал следующую цепочку понятий по мере сокращения объема получающих большую определенность и содержательность: порода или антропологическая раса – лингвистическая раса – культурная группа (без национального самосознания) – нация. Кареев фактически отождествляет нацию с народом. Нация получает статус исторической индивидуальности. «Каждый народ, – писал историк, – имеет свою физиономию, особый характер, особый дух, отличающий его от других народов».³

Дополнительным стимулом для национального самоопределения и, одновременно, одним из факторов исторического развития выступает влияние других, как правило соседних, народов, вовлекающих этнос в широкий поток исторической жизни, выводящих его из доисторического оцепенения. «Народы лишь до поры до времени, – писал Кареев, – живут изолированной экономической и политической жизнью, пока исторические судьбы, слагающиеся вне их самих, не вовлекают их в общий оборот... Каждый народ есть не только то, что создали из него он сам и окружающая его природа, но и то, что из него сделали другие народы, так или иначе на него влиявшие, то или другое ему давшие»⁴. Соседние народы, таким образом, выступают тем политическим, культурным, международным контекстом, в который вписывается исторический текст изучаемого народа. Пробужденное психическим и культурным взаимодействием национальное сознание при бли-

¹ Там же. С. 158.

² Там же. С. 156.

³ Там же. С. 161.

⁴ Кареев Н.И. *Историология*. С. 81.

жайшем рассмотрении оказывается фрагментом всемирно-исторической панорамы.

Видя в космополитических процессах прогрессивную линию исторического развития, Кареев в то же время допускал и существование наций с разнообразными «характерами», поскольку подавление национальности может привести к подавлению личности. Если же возможно безболезненное для либерального устроения устранение национальности, то с ним можно согласиться как с исторической необходимостью. Солидаризируясь с Рюдигером в неизбежности исчезновения наций «беспольных» для человечества, Кареев снисходительно соглашался принести их в жертву прогрессу, «ибо маленькие этнографические группы, малочисленные и не имеющие замкнутой территории, неспособные образовать собственного государства, развить собственную литературу и т. д., самую судьбою обречены на гибель, но пусть их исчезновение не сопровождается подавлением деятельности их членов и совершается мирно и безболезненно, если это уж необходимо для блага особей, входящих в состав этих наций и своей, так сказать, через-чур местной культурой отрезанных от общего течения цивилизованной жизни»¹.

Пренебрежительное отношение к «маленьким этнографическим группам» оправдывалось неравнозначностью народов в истории, делением народов на исторические и неисторические. По словам Кареева, «человечество не есть нечто однородное, но состоит из множества разных народов, стоящих на неодинаковых ступенях цивилизации»². Универсалистские установки академической философии истории парадоксальным образом отказывают в праве на историческое существование народам, не вписывающимся в обозначенные европейской цивилизацией стандарты глобализма.

Историческое превосходство одних народов и цивилизационная бездарность других иллюстрируется ходом всемирной истории, сменяющей эпоху господства отдельных рас и

¹ Кареев Н.И. Главные обобщения всемирной истории. С. 352.

² Кареев Н.И. Формула прогресса в изучении истории. Вступительная лекция, читанная экстраординарным профессором Императорского Варшавского университета Н.И. Кареева 5-го сентября 1879 г. // Варшавские университетские известия. 1879. №3. С. 12.

стран. Различие между расами придает особенный характер и самой истории. При этом, как замечал Кареев, «не все расы – одинаково одарены в духовном отношении, и поэтому они могут быть разделены на высшие и низшие». Расы различаются и физическими и психическими особенностями. «Исторические народы, – продолжал он, – принадлежат, напротив, к высшим, более одаренным расам»¹. «То обстоятельство, – повторял Кареев, – что наибольший прогресс совершен народами одной крови, одного происхождения, дает значение теории расы. Несомненно, что есть расы более одаренные и менее одаренные...»² Древнейшие цивилизации, по видимому, были созданы монголоидной расой. Последующее развитие цивилизации связано с белой расой, историческое первенство внутри которой сначала принадлежало семитам, а затем – арийцам. История Китая, Индии, а также Мексики и Перу стоит особняком.

Современная общая цивилизация сложилась из греческой образованности, римской гражданственности и христианской религии. Она расширила «пространство» истории, включив в историческую жизнь сначала Европу, Западную и Восточную, а затем и открытые земли Америки, Австралии, Африки, восточные народы. «Старо-греческая» основа вошла в состав и мусульманской цивилизации. Постепенно цивилизация укрепляется и становится более прочной. Главный итог развития цивилизации связан с усилением значения человеческой личности. «Не говоря уже об успехах знаний и технических изобретений, – рассуждал ученый, – сказывающихся на всей нашей духовной и материальной жизни, главное различие заключается в бóльшем развитии и бóльшей самостоятельности человеческой личности»³. В этом состоит прогресс истории.

Главный признак исторических народов обнаруживается в том, что они развиваются на основе идеалов, побуждающих стремиться к изменению (в лучшую сторону) существующего порядка. Неисторические народы, напротив, довольствуются действительным состоянием дел и пребывают в вечном настоящем. Отсюда и задача философии истории: проследить

¹ Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории. С. 8; аналогично см.: Кареев Н.И. Главные обобщения всемирной истории. С. 9.

² Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. II. С. 176.

³ Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории. С. 11.

как из общего (неисторического) состояния некоторые народы посредством реализации идеалов достигли более высокой степени развития. «Вот почему философия истории, – пояснял Кареев, – справедливо делит время существования человечества на доисторическое и историческое и народы на исторические и неисторические. История есть смена идеалов: когда народ впервые заявляет новые требования от жизни, он вступает в историческую эпоху своего бытия и делается народом историческим. Все племена земного шара вышли из одного, в смысле общности идей и форм жизни, – состояния, и философия истории должна его изобразить, как исходный пункт всего совершившегося прогресса, чтобы следить затем за изменяющеюся судьбою тех частей человечества, которые не остались в первобытном состоянии»¹. Интенсивность психического взаимодействия и, соответственно, его культурных и социальных проявлений, гарантирует и историческое развитие народа. Одновременно историческое значение исчисляется степенью влияния народа на другие народы. Проследить эти влияния и оценить историческую роль народов как раз и призвана философия истории. «Нам понятна теперь будет, – признавал Кареев, – руководящая идея в философии истории. Имея дело со всем человечеством, мы и тут должны следить за его переходами на высшие ступени развития, за сменами его состояний и общих течений его жизни. Место каждого народа определится в истории человечества индивидуальным характером этого народа: народ развивающийся займет и места больше и получит больше значения, потому что и самое его существование сильнее отразится на других народах»². Различные ступени исторического развития соответствуют делению народов на дикарей, варваров и цивилизованные народы. Признаки перехода из одного состояния в другое – ослабление инертности и усиление роли личностного начала. «Главным предметом философии истории, – развивал свою мысль Кареев, – являются поэтому народы цивилизованные, которым принадлежит будущность, и только при помощи которых могут теперь двинуться вперед отставшие племена земного ша-

¹ Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. II. С. 242.

² Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. I. С. 290–291.

ра»¹. И далее ученый вполне по-чаадаевски замечал, что «философия истории не может обойтись без рассмотрения влияния европейской цивилизации на народы других частей света, если ее задача – история всего человечества»².

Более того, представления, выработанные передовыми историческими народами должны служить руководящими идеями и для всякого исследователя прошлого. Историк должен следовать в своем обзоре исторических судеб человечества последним интеллектуальным достижениям цивилизационного развития. Итог высшей (конкретно, европейской) цивилизации принимается за норму исторического развития вообще. Все что не соответствует и не вписывается в культурные рамки европеизма подлежит вытеснению на периферию исторической эволюции. «Итак, – подытоживал Кареев, – взгляды историка зависят от типа и степени общественного развития. Чтобы подняться выше всякой односторонности и всякого несовершенства идеала, он должен непременно быть выразителем идей передовых наций человечества и не одной какой-либо из них, а всех, ибо исторический опыт каждой вносит свой особый вклад в понимание истории и свои особые идеи в общечеловеческий идеал. История главным образом и движется этими нациями»³. На этом фоне несколько двусмысленно выглядит утверждение Кареева о том, что отсутствие представления о русской истории как о цивилизационной норме и особом цивилизационном типе, является достоинством русской науки и залогом «трезвости мысли» и «широты взгляда»⁴. Русская наука и русская история обрекаются Кареевым на повторение истин и дублирование достижений европейской цивилизации, что, несмотря на наукообразные заверения, все же указывает на историческую второсортность русского исторического процесса.

¹ Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. II. С. 242.

² Там же.

³ Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. I. С. 352.

⁴ См.: Кареев Н.И. Лекция о духе русской науки (читана 9 ноября 1884 г. в русском собрании в Варшаве). Варшава, 1885.

Деонтология истории

Самостоятельный комплекс проблем философии истории составляет искание смысла исторического процесса с субъективной, т. е. человеческой точки зрения. При этом смысл истории увязывается с целеполагающей деятельностью личности: с одной стороны, это цели, которые ставят себе действующие в истории люди, с другой, – оценивающая прошлое деятельность историка. Критерий и целеполагающей и оценивающей практики в обоих случаях один и тот же: «...осуществление наибольшего количества блага в жизни человечества»¹. Утилитаристская редакция телеологизма, на первый взгляд примиряющая позитивизм с метафизикой, исчисляет смысл количеством осчастливленных человеческих особей. «С этой точки зрения, – пояснял Кареев предлагаемую им интенциональную калькуляцию, – искание смысла истории сводится к ее оценке в виду субъективной цели жизни, которую может быть для разумного существа только увеличение блага для других подобных мыслящих и чувствующих существ, где бы то ни было и когда бы то ни было, и в соответствующем уменьшении суммы страданий»². Смысловой прицел истории не означает, что историография и философия истории должны отказаться от фактов и депортировать историю в телеологическую резервацию. Основа и начало истории, конечно, в природе, в устройстве вселенной, но в истории действуют не стихийные силы природы, а идеи, т. е. психические продукты, которые человек полагает себе в качестве целей своей жизни. По словам Кареева, «идеи – и фактор и продукт исторической жизни»³. Мысли, чувства, стремления, страсти, привычки, цели, идеи, представления о должном историк называет «внутренней подкладкой фактов».

Проблемы смысла и цели истории в большей степени относятся к области философии истории, чем историографии. Точнее, они представляют предмет интеллектуальных усилий *историософии*. Термин «историософия», как упоминает Кареев, был введен польским гегельянцем А. Цешковским. Со-

¹ Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. I. С. 419.

² Там же. С. 420.

³ Там же. С. 325.

гласно Карееву, историософию можно понимать как «синоним философии истории»¹. Заложенное в историософии телеологическое понимание исторического процесса способствует утверждению в философии истории метафизической точки зрения, для которой характерно навязывание истории «априорной логичности», поступательно-прямолинейной схемы. В телеологический схематизм хорошо вписывается и провиденциалистская установка, предполагающая заранее данный свыше план истории. Так телеология истории перерастает в теологию, что не может устраивать Кареева и он сам специально формулирует свое понимание историософии. Заранее оговорюсь, что кареевская интерпретация историософии не прижилась в философско-исторической науке. «Под именем же историософии мы разумеем, – писал он, – не что иное, как общую теорию философии истории, как существует общая теория исторической науки – историка. Это чисто практическая дисциплина, которая должна, так сказать, дать свод принципов, коими обязан руководствоваться философ истории. Понятно, что историософия должна отличаться иным характером, чем историка, поскольку философия истории имеет задачи, отличные от задач истории»². Три десятилетия спустя Кареев растолковывал свою позицию в докторской диссертации: «...под “историософией” я разумел совокупность теоретических принципов, которыми следует руководствоваться при построении философии истории как философского обозрения судеб человечества в прошлом с точки зрения совершающегося в истории прогресса»³.

В компетенцию историософии входят, прежде всего, вопрос о действующих в истории людях, чаще всего в форме вопроса о роли личности в истории, и вопрос о прогрессе. «Научная историософия, – писал Кареев, – отказывается искать идеи, управляющие историей, но находящиеся вне человеческого сознания, и не отрицать идей, которыми, как мотивами и критериями, руководится человек в делании и оценивании истории; она отказывается построить историю из идей, но считает возможным эмпирически-построенный ход исто-

¹ Кареев Н.И. Историология. С. 157, прим.

² Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. I. С. 109.

³ Кареев Н.И. Историология. С. 13.

рии измерять меркой общей идеи прогресса, как процесса, создающего высшее благо идеальной величины – человечества; она отказывается видеть в реальной истории воплощение идеи, совпадение действительного и разумного, но это не мешает ей ставить истории идеальную цель. Мы хотим познать историю точно и полно: точность возможна лишь при анализе конкретного, всякая абстракция уже вносит элемент неточности в знание; полнота осуществима только при синтезе абстрактного»¹.

В «Историологии» Кареев пытался указать и на отличия историософии от философии истории. Так историософия направлена «на теоретическое выяснение того, что такое историческая жизнь в ее отношении к человеческому существованию»². Она занимается, в частности, вопросами о движущих силах, смысле и цели истории. Историософия стремится к установлению «общих», «отвлеченных положений, касающихся того, как совершается всякая история и что ею должно было бы осуществляться для того, чтобы за нею признать разумный смысл»³. Проблема смысла истолковывается в философии истории в форме вопроса о смысле событий, смысле (цели) существования, а в историософии в форме вопроса о возможности приписывания событиям «разумного смысла». Приводимое Кареевым различие, скорее всего, может привести к обратному результату: отождествлению философии истории и историософии. На это указывает и предложенное им в «Историологии» расширенное толкование историософии, в которую входят историка, т. е. дисциплина, рассматривающая проблемы «философской гносеологии в ее применении к истории»; деонтология истории, которая занимается проблемами «этико-философского понимания смысла существования человека»; историология, озабоченная разработкой «чисто научного вопроса о том, как происходит история»⁴. Поскольку историка и историология ранее уже были выделены Кареевым в качестве самостоятельных отраслей философско-историчес-

¹ Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. I. С. 329–330.

² Кареев Н.И. Историология. С. 25.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 26.

кого знания и он посвятил им отдельные исследования, то к области историософии в узком или более точном смысле следует отнести проблемы деонтологии истории.

Деонтология истории не выводится в полной мере из этико-социологического направления в социологии, к которому относил себя сам Кареев¹, хотя многое в ней, конечно, примыкает к субъективному методу². При этом стоит подчеркнуть, что этическая сторона исторической науки не была главной проблемой исследований русского ученого. Основной философско-исторический интерес Кареева был сосредоточен вокруг вопросов исторического процесса.

Формулируя те представления, из которых выростал деонтологический взгляд на историю, следует указать на различие отношений человека к действительности. Кареев полагал, что существует четыре рода наших отношений к предметам и явлениям: теоретические, эмоциональные, утилитарные и этические³. Нормативная оценка этих отношений показывает, что отношения эмоциональные и утилитарные являются единичными, сугубо индивидуальными, в то время как отношения теоретические и этические, в не зависимости от объективного и реального характера одних и субъективного и идеального других, могут быть общими для целых групп людей, не смотря на их индивидуальные особенности.

Позиция, с которой русский историк рассматривал исторический процесс прежде всего требовала провести разграничение между научной и ненаучной формами знания. Требование демаркации – одно из основных условий позитивного изучения проблемы. Этический взгляд на историю предполагается философским (в смысле позитивизма) подходом и четко выясняется при указании различия между наукой и философией, между науками точными и гуманитарными.

По-позитивистски и несколько упрощенно рассматривая отношения между метафизикой и наукой и сводя последнюю

¹ См.: Кареев Н. И. Основы русской социологии. СПб., 1996. С. 74–81.

² Подробнее о Н.И. Карееве, как представителе «субъективной школы» см.: Леонтьева О.Б. «Субъективная школа» в русской мысли: Проблемы теории и методологии истории. Самара, 2004.

³ Кареев Н.И. Задачи социологии и теории истории. С. 37.

на почву чистого феноменализма, Кареев писал: «Нашему знанию доступны только явления, никак не самая сущность вещей»¹. Метафизика занимается сущностями вещей и идет «путем творчества понятий», тогда как наука исследует только явления, какими бы они ни были: материальными или духовными. Знание как в области материальных, так и духовных явлений дается исключительно опытом. Явление – это то, что дается в опыте. Оно представляет собой ту предельную реальность, из которой и в соответствии с которой складывается знание. Мир духовных явлений соответствует внутреннему опыту (внутреннему миру). Итак, явления мира физического и явления мира духовного или морального могут быть предметом науки именно потому, что они даются в опыте.

Однако стремление уравнивать в познавательном значении естественные науки и науки изучающие моральные (духовные) явления, а также огрубленное понимание метафизики приводят Кареева к ряду затруднений и непоследовательностей. Во-первых, метафизика сводится к представлению недоступных опыту сущностях, лежащих в основании вещей и выражаемых в «пустых» понятиях, т. е. таких словах, которым ничего не соответствует в реальности. Понятие, таким образом, лишается познавательного статуса, который переходит к опыту, но последний не дает формулировку знания, не способен выразить, артикулировать знание, а в лучшем случае лишь фиксирует результат восприятия, «схватывает» данность. Опыт не обладает собственными средствами «обработки» того, что в нем дано. Отказ от понятийной формы познания делает знание невыразимым. Сознвая подобную опасность, Кареев признавал значение идей и общих понятий для науки, их необходимость для формирования знания. Цель науки в данном случае состоит в том, чтобы показать как понятия возникают, что им соответствует в действительности, в каких отношениях они находятся между собой. Существует два рода понятий: те, которым нечто соответствует в действительности, и те, которые выражают наши представления о должном. Понятия второго рода в известном смысле представляют собой идеалы, с которыми конкретные явления действительности

¹ Там же. С. 25.

могут сообразовываться, к которым они могут стремиться, но которые в их реальном существовании непосредственно не обнаруживаются. Представление о должном реализуется в науках изучающих общественные явления. «Таким образом, – подытоживал Кареев, – к общей идее существования, которая имеет одинаковую силу для всех наук, в науках гуманитарных и социальных присоединяется еще идея долженствования»¹. Понятия и идеи, регулирующие познавательную деятельность, суть необходимые составляющие всякого познания, его творческая компонента. «Данные опыта, наблюдений и достоверных свидетельств еще не составляют науки, ибо это – только материал, из которого наш ум творит научные знания»².

Во-вторых, явления общественные, согласно Карееву, относятся к явлениям моральным, т. е. принадлежат внутреннему миру и являются предметом (данностью) внутреннего опыта. Но внутренний опыт единичен и индивидуален, значит общественное явление как его предмет носит единичный характер и тем самым перестает быть в собственном смысле общественным, утрачивает свое непосредственное социальное значение.

Естественные и моральные науки, как полагал историк, имеют один и тот же предмет и задачи. В обобщенной форме таким предметом является *факт*, который следует признать результатом наблюдения, данным непосредственного опыта или чужого свидетельства, которое в конце концов можно свести к подобному опыту. Факт – это определенным образом обработанное и описанное явление. Факт – зафиксированное и констатированное в своем существовании явление, явление удерживаемое, растягиваемое в своем существовании благодаря описанию. И естественные и моральные науки имеют дело с тем, что существует, с реальными вещами (хотя, при этом и необходимо учитывать, что существование может иметь различные модусы). Существование представляет первую, ближайшим образом, непосредственно данную характеристику таких предметов. Повторяемость их позволяет классифицировать эти предметы. Следующий шаг в научной

¹ Там же. С. 30.

² Там же. С. 32.

обработке фактов состоит в установлении причинно-следственной связи между ними, а отсюда вытекает возможность раскрытия законов явлений. «Общий закон есть ни что иное, как формула, в которой выражается то постоянное отношение существования или последовательности, в каком между собою находятся известные явления», – утверждал историк¹. Законы моральных наук столь же естественны, как и законы самого естествознания. Все это означает, что «между задачами естествознания и наук гуманитарных и социальных нет и не может быть никакой разницы»². Таков вывод Кареева.

В основе этого универсализирующего подхода лежит представление о единственности и безпристрастности истины. «Цель науки – знание истины» и «все науки должны совершенно одинаково основываться на фактических данных и подчиняться логическим законам»³, избегая влияния эмоций, влечений, интересов, лиц.

Однако между естественными и гуманитарными науками есть и различие, пролегающее между *существованием* и *долженствованием* и сводимое Кареевым «к противоположности между отношениями объективными, или теоретическими, и субъективными или практическими»⁴. Субъективное отношение к предмету, конечно, можно обнаружить и в естествознании, где оно выражается в понятиях приятного и полезного, понимаемых в качестве возможного практического результата теоретического исследования, но ни в коем случае не как его условие. Эмоциональные и утилитарные отношения также могут встречаться и при изучении духовных явлений, в которых, однако, помимо этого присутствует отношение долженствования или отношение этическое. «Субъективизм в практических отношениях ко всему, что может быть предметом наук гуманитарных и социальных, обуславливается не только соображениями удовольствия или пользы, но и соображениями нравственности. В науках гуманитарных и социальных поэтому мы имеем дело не с одной идеей истины, но и с идеей

¹ Там же. С. 33.

² Там же. С. 27.

³ Там же. С. 28.

⁴ Там же. С. 30.

справедливости»¹. Благодаря этической составляющей в познание привносится творческий элемент.

Творческая или синтетическая сторона познания воплощается прежде всего в научных гипотезах, создающих в силу этого целостное представление о предмете исследования. В определенной степени творчество как синтетическая деятельность присутствует также в научных классификациях, производит научные понятия и формулы, создает общие системы доступного науке знания. Оно же позволяет гуманитарным и социальным наукам расширять экзистенциальную модальность исследуемых ими явлений, т. е. изучать уже не только (как естественные науки) то что есть, но и то что было и даже должно быть. Долженствование, регулирующее познавательную деятельность общественных дисциплин не может быть представлено в виде научного закона. Оно воплощается в принципе, каким человек должен руководствоваться в личной и общественной жизни и который должен лежать в основе общественных форм и порядков. Благодаря творчеству складывается представление о том, что должно или *идея совершенства*. Как отмечал Кареев: «Совершенно то, что вполне соответствует своей идее»². В отличие от идеи совершенства *идея нормальности* отражает лишь то, что есть в действительности и что можно получить путем исследования фактов. Нормальным признается наиболее часто и постоянно встречающееся. Общественные явления в силу осознанного и идеального поведения человека могут развиваться под воздействием той или иной идеи, стремление к воплощению которой совершенствует их. Аналогичное же развитие естественных явлений не возможно.

Продолжая проводить различие между естественными и гуманитарными науками, Кареев признавал, что первые занимаются вещами и человеком со стороны его телесной организации, а вторые имеют дело с лицами, т. е. с духовной (и общественной) стороной жизни, свойственной только людям. К вещам можно относиться и с утилитарных, и с эмоциональных, и с теоретических позиций, «но этическое отношение может

¹ Там же. С. 31.

² Там же. С. 34.

существовать только к личностям, к их духовной и общественной жизни»¹. Личность, повторял Кареев либеральные установки, включает в себе цель своего существования, не может быть только средством для достижения посторонней цели, обладает безусловным достоинством, естественными и неотъемлемыми правами. По его словам, «к личности мы можем и должны относиться еще и этически»². Долженствование не только вытекает из раскрытия этического отношения, но и предшествует ему.

В итоге историк приходил к выводу, что естествознание основывается исключительно на одном теоретическом отношении к своим предметам, а гуманитарные науки допускают еще и этическое отношение. Теоретическое отношение бывает или научным, или философским, «смотря по тому, что преобладает в каждом отдельном случае такого отношения, – исследование ли действительности, или творчество идей»³. В науке творчество подчинено опыту. Философия стремится к полноте, стройности и целостности знания в ущерб научной точности.

Характерным признаком науки надо считать подчинение объекту, «в пределах которого должен оставаться и творческий процесс мысли»⁴, в то время как философия, опираясь на творческое начало и преследуя идентичную с наукой цель – познание, – пренебрегает этим требованием. Научное знание должно быть точным, истины науки должны соответствовать действительности. Но такое долженствование не является нравственным требованием. Результатом творчества являются научные гипотезы, а также научные представления и понятия, которые сохраняют отношение к данным в действительности предметам. Продуктом чистого творчества выступают идеи, отражающие представления не о существующем, а о возможном или должном. Построенные на основе таких идей системы знания и обобщения не могут быть верифицируемы, но именно в них выражаются этические понятия. Вненаучное творче-

¹ Там же.

² Кареев Н.И. Что такое общественные науки? // Введение в изучение социальных наук. СПб., 1903. С. 2.

³ Кареев Н.И. Задачи социологии и теории истории. С. 40.

⁴ Кареев Н.И. Философия, история и теория прогресса // Собрание сочинений Н.И. Кареева. Т. 1. С. 79.

ство придает знанию целостность, полноту и стройность. «Итак, – заключал историк, – если идеал науки – точность знания, то полнота в едином и стройном целом – идеал философии»¹. Понятия философии и ее системы в широком смысле суть гипотезы. Преобладание последних делает философию идеалистической, удаляет ее от науки, а отсюда возникает требование установления строгих границ идеализма в философии, что позволит преодолеть антагонизм между наукой и философией. Последняя также как и наука, не выходя за пределы мира явлений, может предвосхищать ее открытия и, по сути, располагается между двумя полюсами: религиозной философией, отдающей предпочтение вере, и научной философии, отдающей предпочтение знанию. Посередине между ними размещается метафизика. «Во всякой, однако, философии полнота, стройность и целостность мирозерцания ради удовлетворения субъективных стремлений духа стояли всегда на первом плане, и ни в чем до такой степени не сходились между собой религиозная, метафизическая и научная философия, как именно в творчестве идеалов», – писал Кареев².

Философский подход, основанный на этическом отношении к фактам, преобладает в гуманитарных науках и позволяет говорить об идеализме в исследованиях человека и общественных явлений. «Философия истории не может быть не идеалистичной», – настаивал ученый³. Кареев указывал на шесть значений слова «идеализм». Из них три, как он считал, «не оправдываются критической философией, общими принципами науки и действительности»⁴. К ним относится *метафизика*, ищущая внутреннюю сущность вещей за пределами явлений. Метафизике противостоит *феноменология* или изучение одних явлений. Столь же ущербна в научном плане *идеология*, приписывающая реальность идеям нашего ума и конструирующая на их основе явление. Идеологии противостоит *эмпиризм* или связывание идей согласно данным опыта. Третий, забракованный историком вид идеализма, – *идеализация*, искажающая и приукрашивающая действительность. Идеализации противо-

¹ Там же. С. 82.

² Там же. С. 86.

³ Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. I. С. 327.

⁴ Кареев Н.И. Задачи социологии и теории истории. С. 45.

стоит *реализм* или верное изображение действительности. К философски и научно оправданным видам идеализма принадлежат *субъективизм*, т. е. изучение не только внешней, но и внутренней стороны явлений, «где таковая имеется, или может предполагаться на научных основаниях»¹; *абстракция*, т. е. связывание явлений на основе наиболее существенных, отвлеченных в результате умственной деятельности, их сторон; *идеализм* в собственном смысле слова или «здоровый идеализм», или *деонтология*, т. е. творческое или синтетическое производство идеалов (должного), не усматриваемых уже осуществленными в действительности². «Идеалистичность философии, – писал Кареев, – должна заключаться... в этической оценке фактов и явлений, узанных нами при изучении личной и общественной жизни человека»³.

Все это имеет непосредственное отношение и к исторической науке. Кареев выделял несколько подходов и, соответственно, несколько задач в изучении истории. «Это все разные задачи, – писал он, – а именно задача социологическая, заключающаяся в изучении “движения человеческого общества” вообще, потом задача частно-историческая в исследовании того, “какие силы возникали и работали” внутри отдельных народов, и, наконец, всемирно-историческая, историко-фило-

¹ Там же. С. 46.

² В диссертации этот пассаж выглядит следующим образом: «Другими тремя формами идеализма будут: 1) *субъективизм* в смысле изучения не одной объективной стороны явлений там, где существует и субъективная сторона (вышеуказанное значение идей в истории), 2) *абстракция*, т. е. связывание явлений не так, как они даны в своей конкретности, но по тем их сторонам, которые ум наш отвлекает от других, и 3) *идеализм* в собственном смысле, или деонтология, как синтетическое творчество идеалов, противоположное аналитическому изучению действительности» (Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. 1. С. 327), «здоровый идеализм (деонтология) ограничивается одним творчеством идеала, не усматривая его уже осуществленным в действительности. Идеалистичность философии истории заключается... в субъективной оценке смысла исторических явлений, эмпирически данных в реальности, для некоторого идеального целого, человечества, с точки зрения идеала» (Там же. С. 328).

³ Кареев Н.И. Задачи социологии и теории истории. С. 46

софская по преимуществу, – в изображении общего хода истории человечества, постепенно объединяющегося и прогрессирующего».¹

Историософия как разновидность философского взгляда на историю делает историческое знание более целостным, стройным и полным. «Историософия как деонтологическая концепция, по Карееву, – излагают взгляды ученого современные исследователи, – предполагает органическое включение в свое предметное поле антропологический принцип постижения истории, ибо только человеческие существа способны создавать себе идеалы и стремиться к их осуществлению»². Основные положения историософского подхода заключаются в рассмотрении истории со стороны возможного будущего, что придает историческому процессу целостный вид. Далее, этот подход ставит вопрос о цели истории, достижение которой связывается с совпадением культурных форм с основными мотивами человеческих действий. И, наконец, историософия рассматривает общественные явления с точки зрения их должной формы. Кареев справедливо отмечал, что подобный подход относится уже к области творчества. Общественные явления с историософской точки зрения рассматриваются исходя из представления о должном, из идеи общества. Деятельность, соответствующая этому представлению или этой идее и способствующая ее реализации, является прогрессивной. Последующее развитие идеи прогрессивной деятельности приводит к необходимости установления порядка или формулы прогресса, которая, в свою очередь, черпает материал из исторического процесса, из его законов, из конкретных форм воплощения в истории идеала, понимаемого как цель этого процесса. В идею прогресса изначально (с XVIII в.) были заложены понятия идеала, совершенства, блага, цели. Идея эволюции, развиваемая философами XIX в., представляет собой процесс развития без совершенства, без идеала, без цели. Это индифферентное развитие. Научное понимание прогресса проистекает от обобщения действительных фактов, а философское его понимание следует из признания творческой деятельности

¹ Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории. С. 19.

² Русакава О.Ф., Дука О.Г. Современная историософия. Екатеринбург, 2004. С. 46.

людей по установке идеалов и стремления к ним¹. Формула прогресса позволяет взглянуть на действительный, эмпирический ход истории с точки зрения возможной реализации в нем идеальной цели и дать на ее основе оценку исторических явлений. Кареев писал: «Философия истории есть изображение истории с точки зрения предположения, что для жизни человечества желательны только одна разумная цель, одна разумная последовательность в ее движении, одна общая всем людям основа этой последовательности»². Представление об идеале и цели тесно увязаны в теории прогресса, которая сводится к вопросу о разумной цели истории и ее постепенном осуществлении или, другими словами, реализации «историей известного этического и социального идеала»³. «Для идеи прогресса, – пояснял Кареев в “Основных вопросах философии истории”, – достаточно исторической цели, и для обоснования этой цели достаточно идеалов, открываемых критической личностью»⁴.

Научная философия истории опирается на факты доставляемые наукой, использует формулу прогресса в качестве мерки для оценки хода истории, т. е. рассматривает идеал как основу суждения, а не действительности истории. Все это позволяет научной философии истории как более строгой и последовательной историософии сформулировать смысл истории. Научность достигается путем ограничения творчества при сохранении существенного для историософии деонтологического элемента. По утверждению Кареева: «философия истории есть философская феноменология, историософская формула прогресса – философская номология»⁵, т. е. она утверждает законы, способствующие воплощению в истории идеала. «Теория прогресса, – провозглашал историк, – должна быть именно его номологией»⁶. Социология и психология раскрывают не законы истории или философии истории, а как раз

¹ Кареев Н.И. Идея прогресса в ее историческом развитии // Собрание сочинений Н.И. Кареева. Т. 1. С. 159–160.

² Кареев Н.И. Философия, история и теория прогресса. С. 94.

³ Кареев Н.И. Историология. С. 13.

⁴ Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. I. С. 333.

⁵ Кареев Н.И. Философия, история и теория прогресса. С. 96.

⁶ Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. I. С. 275.

законы прогресса. Номологичность прогресса Кареев противопоставляет феноменализму историографии и пишет, что «теория прогресса должна быть полной противоположностью истории»¹. Водораздел между ними проходит по линиям абстрактное – конкретное, законы – явления, внутренне-необходимая связь – случайно-необходимая связь, априорное – эмпирическое. Правда, Кареев признается, что пока не существует удовлетворяющей его теории прогресса. Это, правда, не мешает, а, возможно, даже стимулирует его собственные теоретические поиски, ведь прогресс, по его словам, есть «главнейшая историософическая идея». Ученый писал: «в идее прогресса мы имеем лишь руководящую идею при оценке действительного хода истории и при предъявлении требований наших к имеющей еще свершаться истории»². Идеалы, покоящиеся на априорных принципах, суть продукты творчества и употребляются лишь для оценки действительности, сама же историческая эмпирия априорным образом постигнута быть не может.

Особенностью прогресса является его бесконечность и самодетерминация. Прогресс сам себя поддерживает и укрепляет, сам себя планирует и производит. «Вообще прогресс является нам, – признавался Кареев, – выработкой новой и более совершенной программы дальнейшего прогресса»³; «мы не можем сказать, чтобы для прогресса существовал какой-либо естественный конец, кроме причин, которые сделали бы невозможным само существование человечества»⁴. Два обстоятельства – то, что прогресс выступает смыслом существования человека и истории, и то, что он бесконечен и мультиплицируем – рано или поздно приведут к глобализации самого прогрессивного типа развития. «Тенденция прогресса – охватить все человечество», – так это выражал Кареев⁵. Выход прогресса на общечеловеческий уровень не только совершенствует и возвышает саму человеческую жизнь, но и расширяет сферу осмысленности на природу, деонтологизирует будущее. «Сло-

¹ Там же. С. 276.

² Кареев Н.И. Философия, история и теория прогресса. С. 97.

³ Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. II. С. 342.

⁴ Там же. С. 344.

⁵ Там же.

вом, – писал Кареев, – прогресс заключается в развитии тех начал, которые принципиально возвышают людей над миром животных, которые постепенно очеловечивают природу. Humanität ist Zweck der Menschennatur! Это – те начала, естественная эволюция которых необходимо приводит к тому, что мы называем общечеловеческими идеалами: мы говорим о развитии сознания человеком своей сущности, своего места в природе, своих обязанностей по отношению к другим людям и о развитии деятельности, основанной на сознании должного, деятельности, стремящейся воплотить истину и справедливость в общественных формах»¹. Однако при этом не стоит полагать, будто прогресс имеет биологические корни или природную основу. Прогресс прежде всего происходит в интеллектуальной области, осуществляется духовными средствами и охватывает культурную деятельность. Прогресс – совершенствование в первую очередь в сфере человеческого духа, как утверждали сторонники прогресса в XVIII в. «Прогресс, – соглашался с ними Кареев, – в теснейшем смысле состоит не в органической эволюции, совершающейся при посредстве органической наследственности, а в эволюции над-органической: развивается тут нечто над-органическое (культура), изменяемое духовными средствами (критика мысли) и поддерживающее свое единство духовной наследственностью (традиция)»².

В чем же критерий прогресса? В ухудшении или улучшении человеческого существования. Оценку того, прогрессивно или нет историческое развитие дает *«развитая личность, находящая удовлетворение своим потребностям»*³. Или, другими словами, «человеческая личность одна есть та мерка, которая определяет в конце концов прогрессивный или регрессивный характер той или другой перемены»⁴. Это, однако, не означает относительность прогресса. Его окончательная оценка зависит от того, какое значение произошедшие перемены будут иметь для грядущих поколений и истории в целом. В этом смысле прогресс никогда не может быть полным, совершен-

¹ Там же. С. 305.

² Там же. С. 311.

³ Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. I. С. 424.

⁴ Там же. С. 422.

ным, поскольку исторический процесс еще не завершен, равно как и соотносимый с ним смысл истории не может быть до конца исчерпан и даже нам известен. В истории, таким образом, остается место для тайны, для до конца нелогизируемых действий, а в самом прогрессивном развитии сохраняется (хотя бы потенциально) и возможность регресса. Смысл в истории может как нарастать, так и истончаться. Возвратность смысла в истории, его, так сказать, теневой теургизм преодолеваются самоуверенной современностью, устанавливающей проясняющую «точку зрения наших идеалов». «Идея прогресса, – писал Кареев, – есть мерка для оценки хода истории по категориям лучшего и худшего, истинного и ложного, вследствие чего философия истории необходимо превращается в критику всемирной истории с точки зрения наших идеалов. Основной вопрос ее: *куда идет человечество с самого начала исторической жизни*, – переводится при этом на другой: осуществляет ли история наш идеал?»¹ Современность диктует свой исторический идеал: максимальное счастье максимального числа индивидов. Совпадение интенсивных и экстенсивных максимумов, качественных и количественных характеристик в эвдемонической формуле, Кареев несколько корректирует апофатическим альтруизмом: счастье одних не должно строиться на несчастьи других. Точнее, «прогрессивна всякая перемена, при которой счастье одних все менее обусловлено несчастьем других»². Эта мысль повторялась Кареевым с тем же бентамовским акцентом еще раз: «Идея всеобщей причинности приводит нас к идее всеобщей взаимозависимости в судьбах, а идея прогресса предполагает высшую цель – установление такого счастья, которое не требовало бы никаких жертв, т. е. никакого несчастья»³.

Однако негатив прогресса переносится теперь на природу. Рост любви к ближнему компенсируется ростом насилия над природой. Максимальное счастье достигается за счет эксплуатации природы. Кареев, правда, не рефлексировал над этими последствиями прогресса, а лишь фиксирует его социальную эффективность: «Прогресс то, что дает человеку новые

¹ Там же. С. 423.

² Там же. С. 453.

³ Там же.

средства в борьбе за существование, но не с ближними, а с окружающей природой, т. е. знания, технические изобретения в добывании средств к жизни; прогресс то, что развивается внутри человека, как помеха для борьбы с ближним, – симпатия, альтруизм, совесть, чувство справедливости; прогресс то, что в социальной организации создает такие формы быта, которые делают для него эту борьбу излишнюю, ненужную, вредною, – солидарность, регулирование отношений, кооперацию. Такой прогресс возможен только там, где психически развитые особи вступают в духовное взаимодействие и соединяются в общество»¹.

Прогресс в истории можно наблюдать в развитии интересов высшего порядка, более высоких аффектов (любовь, дружба, филантропия), развитии памяти, воображения, мышления. Все это может привести к вполне практическим последствиям, связанным с сознательной и целесообразной перестройкой сначала органической, а затем и над-органической среды. Помимо метафоры движения вверх, вперед и т. п., иллюстрирующей, но не объясняющей прогресс, Кареев прибегал к тавтологичным взаимопереходам между понятиями совершенствования и развития. «Прогресс (progress), – писал он, – значит движение вперед, успех, совершенствование. Это совершенствование может совершаться только при помощи эволюции (evolutio), развития того, что совершенствуется. Развитие состоит в ряде перемен в том, что развивается, в смене состояний. Смена общественных состояний и составляет из себя историю»². Регресс тоже смена состояний, только уже к менее совершенному. Впрочем, понятия «прогресс», «регресс», «развитие», «эволюция», согласно Карееву, не включают в себе оценочной точки зрения, т. е., другими словами, лишены субъективности. Наше «знание» о прогрессе только одной стороной опирается на идеалы, т. е. наши же изобретения, а другой, – на «объективные наблюдения» истории. Как возможно «объективное наблюдение» над тем, чего уже нет, да к тому же скорректированное нашими идеалами (ведь идея прогресса – руководящая идея философии исто-

¹ Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. II. С. 133.

² Там же. С. 237.

рии), Кареев не разъясняет. Он пишет: «...идея (прогресса – А. М.) имеет в нашей психике два источника, а именно объективные наблюдения над разными улучшениями, действительно имевшими место в истории, с одной стороны, и наши идеалы, чаяния сердца, оптимистические упования – с другой»¹.

Более убедительно, по крайней мере более содержательно, выглядит постатейная инвентаризация прогресса. Прежде всего необходимо отметить, что выход прогресса на общечеловеческий уровень делает прогресс нормой исторического развития. Но это норма, которая не задает рамки, пределы развития, а указывает лишь направление развития (метафорически: вверх, вперед). Более того, это норма, противостоящая ограничению, т. е. в перспективе любому запрету, табуированию. В этом отношении безудержный прогресс не создает, а разрушает; для него есть невозможное, но нет недопустимого. Радикальный прогрессизм как идеальный тип антикультурен и антигуманен, поскольку в конце концов перешагнет и через человека. Его просчитываемый горизонт обозначает переход от антигуманизма в постантропологическое состояние. Пока же Кареев видит лишь кумулятивную динамику прогресса. «Именно при нормальном ходе дела, – рассуждает он, – с каждым новым поколением люди должны рождаться все с большими задатками к умственному, нравственному и социальному развитию; с каждым новым поколением должна все более утверждаться такая обстановка всей жизни человека, при которой личность получает все более и более интеллектуальное, моральное и социальное воспитание»². Прогресс состоит в развитии человеческих интересов и их содержания: в переходе от ложного к истинному, от нелепого к разумному, от дурного к хорошему. Прогресс охватывает несколько взаимообусловленных процессов, распадается, так сказать, на несколько направлений. «Разбирая все сказанное, – подводил историк предварительный итог, – мы можем общее понятие прогресса разложить на пять понятий частных: прогресс умственный есть воспитание способности к духовным интересам и улучшение мирозерцания; прогресс нравственный есть воспита-

¹ Кареев Н.И. *Историология*. С. 204.

² Кареев Н.И. *Основные вопросы философии истории*. Т. II. С. 317.

ние способности действовать по убеждению и улучшению принципов этики; прогресс политический есть развитие свободы и улучшение государства; прогресс юридический есть развитие равенства и улучшения права; прогресс экономический есть развитие солидарности и улучшение способов совместного добывания средств к существованию»¹. Однако при такой многосторонности и даже глобальности прогресса Кареев прозорливо отмечал его неравномерность и непрочность и признавал, что этот вопрос еще не разработан в историософии².

Подтвержденные историей и соответствующие кумулятивной логике прогресса данные позволяют зафиксировать несколько направлений прогресса. Первое из них – «умственный прогресс», состоящий в развитии интеллекта, накоплении знаний. Правда периодически в этой сфере случаются кризисы, революции в научных и философских представлениях, приводящие к смене господствующей системы знаний. Но эти факты не отменяют «умственный прогресс»; они, напротив, предусмотрены, заложены в его специфике. «Умственный прогресс есть процесс, в котором главную роль играет критическая мысль»³. «Умственный прогресс» может проходить путем кризисов и революций, путем критического переосмысления теорий и концепций. Другой вид – «прогресс этического сознания» или нравственный прогресс. Это, пожалуй, наиболее спорный вид прогресса: экспансия морализма далеко не очевидна. Но у Кареева она не вызывает сомнений: «...в самой культуре общества может происходить и происходит на самом деле морализация понятий и отношений, в смысле более глубокого понимания того, что должно признавать нравственным, и более напряженного стремления сообразовывать с этим пониманием и поведением свое, и формы человеческого общежития»⁴. Следующая разновидность прогресса – это прогресс общественной культуры, который сводится к усложнению и дифференциации структуры общества. Почему усложнение означает совершенствование и улучшение, Кареев не поясняет. «Усиление общественных связей, – констатировал

¹ Там же. С. 330.

² Там же. С. 331.

³ Кареев Н.И. Историология. С. 209.

⁴ Там же. С. 210.

он, – охватывание ими все большего количества людей и населяемых ими территорий, усложнение этих связей, внесение в жизнь большего разнообразия, вот в чем мы имеем право видеть одну из сторон общественного прогресса, тогда как в процессах, ослабляющих, сужающих, упрощающих эти связи, нельзя не видеть наоборот, регресса, обратной эволюции, или диссолюции»¹.

Более ранняя редакция подобных формул прогресса выглядела у Кареева и более диалектично. Эклектическая всеядность ученого приводила его к гибридным формулировкам, по мерке паралогического мышления роднящих Конта с Гегелем. Так прогресс мирозерцания состоял в изменениях идеи причинности, которая первоначально относилась только к сфере внутреннего опыта, затем была распространена только на материальный мир и, наконец, было предпринято причинное (необходимое) объяснение «актов воли». В области метафизики мы видим сначала признание только мира явлений, к которому относится и духовный мир, затем дуализм ноуменального и феноменального и на третьей стадии, признание познаваемыми только явлений, а не сущностей. Приведу еще несколько формулировок Кареева из «Основных вопросов философии истории». «Прогресс творчества человека, – писал он, – должен был также пройти три ступени: первая из них творчество поэтическое, создавшее мифологию, последняя творчество логическое, имеющее создать рациональную этику, середине занимает дуализм поэтического и логического творчества, создавший нечто гибридное – логические образы и поэтические формулы метафизики»². Прогресс в этической сфере имел следующий вид: «...на первой ступени повиновение требованиям своей телесности (отсутствие нравственности), на второй повиновение требованиям духа, предъявленным ему извне (моральная девтерономия); на третьей повиновение требованиям своей собственно духовной природы (этическая автономия)»³. Лестница социального прогресса состоит из следующих ступеней: «...первая ступень – свобода личности от

¹ Там же. С. 211.

² Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. II. С. 383–384.

³ Там же. С. 388.

социальных стеснений, вторая – отрицание этой свободы через возникновение и развитие институтов, которое имеет тенденцию превратить общество в организм, третья – отрицание социальных стеснений посредством приспособления институтов к личной автотелии»¹.

И последнее, что стоит упомянуть, рассматривая кареевскую концепцию прогресса, это соотнесение его с понятием эволюции. Понятия прогресса и эволюции не тождественны. Во-первых, не всякая эволюция бывает прогрессивной. Во-вторых, эволюция противопоставляется кризисам, т. е. «внезапным переворотам, прерывающим, как говорится естественный ход вещей»². Умственный прогресс менее всего является эволюционным. С другой стороны, кризисы могут быть и регрессивными. В третьих, получить представление об исторической эволюции можно путем классификации и сравнения фактов, в то время как «формула прогресса будет необходимо субъективно-априорной»³, т. е. составленной не на основе фактов, а на основе идеалов. «Вся история, – рассуждал Кареев, – есть громадная совокупность одновременных и последовательных эволюций и кризисов, и задача философа истории заключается в том, чтобы проследить в этом разнообразии явлений судьбу прогресса, будет ли он осуществляться или задерживаться этими эволюциями и кризисами»⁴. Идея прогресса как бы налагается на историческую эволюцию, приписывается фактам.

Эмпирический взгляд на историю видит лишь хаотичное множество отдельных фактов. Задача науки философии в отношении истории состоит в том, чтобы привести эту совокупность разрозненных элементов к единству. Метафизика попытается усмотреть единство во внутренней основе самих процессов, в их субстанциональной взаимосвязи, в заключенном в них смысле, стремиться вывести историю из одного начала. Научная философия, напротив, создает объективное единство рассмотрения истории, исходя из ее смысла для человека, т. е. судит исторические явления, каковы они на самом деле на ос-

¹ Там же. С. 393–394.

² Там же. С. 288.

³ Там же. С. 289.

⁴ Там же. С. 288.

нове представления о том, какими они должны быть. Философия истории представляет собой субъективное, смыслонаходящее отношение к последовательности фактов или объективной эволюции общества, устанавливаемой исторической наукой. «Историческая наука есть объективная феноменология жизни человечества; философия истории есть та же феноменология с субъективным элементом суда, оценки, критики явлений», – полагал историк¹. Историософия, по его мнению, это своеобразная философия мира истории, по аналогии с натурфилософией, но в отличие от последней опирающаяся на антропоцентричную точку зрения, т. е. видящая в человеке центр мира истории, через которого и для которого свершается история и от которого отмеряется ее смысл. В природе человек имеет иное значение, чем в истории. В мире природы мы видим лишь подготовку мира истории.

Отсюда вытекает ключевое для Кареева положение о смыслонаправленности всякой человеческой деятельности. «Каждый мыслящий человек ищет внутреннего смысла во всем, что его окружает», – утверждал он². Надо иметь в виду особенность такой деятельности. Человек не просто ищет смысл, он его привносит. Процесс смыслополагания – творческий процесс. При этом смыслополагание не только реализует некоторые возможности, заложенные в самой действительности, не только развивает те стороны явлений, которые значимы (в практическом или идеальном плане) для человека, но и вносит в мир нечто новое, доселе в нем отсутствовавшее. Поэтому историк писал: «Но в мире есть разряд явлений, искание смысла которых удовлетворяется творчеством идеалов: это явления, обязанные бытием своим деятельности людей»³. Таким образом, речь идет о человеческой деятельности, о результатах этой деятельности и о том, что существует через эту деятельность (например, государство, право, экономические отношения). Смысл таких образований дается посредством указания их цели. «Итак, – заключал Кареев, – всему существующему через человеческую деятельность мы определяем цель, сообщающую ему смысл, хотя бы на эту цель указывали

¹ Кареев Н.И. Философия, история и теория прогресса. С. 98.

² Там же. С. 115.

³ Там же.

только людские поступки»¹. Благодаря такому подходу обозначается целый ряд явлений, представляющих собой в смысловом отношении телеологическую структуру, осуществляющую не предварительный замысел, а внеположный идеал. Идеал может быть сформулирован. Выраженный в словах или в поведении идеал конкретного явления, существующего через человеческую деятельность, ставящую определенные цели, и есть смысл этого явления. Цели частных явлений соотносятся с более общей целью. Формулированию обобщающей цели соответствует понимание смысла жизни. Смысл, по мысли Кареева, есть «лишь субъективное отношение людей к своему существованию»². Смысл принадлежит тому роду сущего, которое не только существует определенным образом, но и способно отслеживать сам способ своего существования, выбирать его и выражать свое отношение к нему. Таким родом сущего является человеческая действительность. Это в подлинном виде смысловая действительность, а ее воплощение, ее реальный, одействующий (если воспользоваться термином А.И. Герцена) ход – и есть история. Вопрос о смысле истории, таким образом, является наиболее «естественным» вопросом о самой истории. Если история полнее всего соответствует человеческому бытию, практически совпадает с ним как вид бытия смыслового, то вопрос о смысле истории есть одна из (может быть наиболее адекватная) формулировок вопроса о смысле жизни. Точнее говоря, смысл истории раскрывается через понимание смысла жизни в конкретную эпоху. Поэтому смысл истории изменчив. В разные времена, у разных народов, он разный. Подход к истории со стороны ее смысла есть задача философии истории, центральным моментом которой является теория прогресса. «Идеальный порядок уяснения смысла жизни и удовлетворения ее требований, – писал ученый, – есть задача философии прогресса, ибо прогресс есть не что иное, как уяснение смысла жизни через постановку ей все высших целей и удовлетворение этих целей с помощью совершенствующейся культуры и социальной организации, позволяющих нам с бóльшим успехом оказывать

¹ Там же. С. 116.

² Там же. С. 117.

воздействие на природу»¹. Прогресс – процесс накопления, кумуляции смысла и его технического осуществления-усвоения.

Интерпретируемый в контексте теории прогресса смысл (смысл жизни, как пишет Кареев) определяется эффективностью и практическим усовершенствованием самой жизни. Смысл с точки зрения прогресса сводится к более (или менее) довольному существованию. Смысл, во-первых, ограничивается условиями жизни, а во-вторых, обретает некое экстенсивное измерение. Смысл получает меру, его может быть больше или меньше. В конце концов, он должен быть не только способен к измерению, но и к дроблению, к фрагментизации. «В историческом знании с философской точки зрения мы ищем ответов на вопросы о том, как уяснялся смысл жизни и насколько удовлетворялись бессознательно или осознанно ставившиеся цели: когда мы замечаем большее уяснение смысла жизни, лучшее удовлетворение ее потребностей, мы говорим о прогрессе; когда, наоборот, обнаруживается возвращение к менее полному, стройному и целостному пониманию жизни, падение более совершенных средств удовлетворения ее потребностей, мы говорим о регрессе»². Конечно, эта позиция Кареева вызывает множество вопросов. Что служит мерой смысла, если эту меру не отождествлять со способом удовлетворения потребностей? Каким образом смысл как функция целостности определенной исторической эпохи может быть разделен для своего измерения? Смысл, вероятно, способен перемежаться с бессмыслицей (причем, смысл вовсе не означает больше осознанности, ведь философия смысла в отношении истории есть, согласно Карееву, бессознательная философия общества), но как провести различие внутри самого смысла?

В то же время историк признает, что совершенствование материального удовлетворения на основе более совершенной эксплуатации природы не составляет прямого содержания исторического процесса. Он повторяет, что «принципиальное значение сами по себе имеют лишь деятельности, направленные

¹ Там же. С. 117–118.

² Там же. С. 118.

ные непосредственно на жизнь людей, ибо в них прямо заключается то или другое понимание смысла жизни вообще и в частности нашей собственной или чужой»¹. Отражением человеческой деятельности, направленной на людей являются религия, философия, наука, искусство, государство, право, экономика. В них реализуются принципы истин, справедливости, всеобщего блага, и именно они составляют, по словам Кареева, «настоящее содержание исторического прогресса»².

Сама история в качестве предпосылки предполагает оценку хода истории, возможность которой как раз и дает формула прогресса. Смысл истории достигается путем сравнения реального (известного) хода истории с тем, что представляется ее идеальным порядком. Смысл, таким образом, есть итог суждения на основе принятой «мерки». «Итак, желание иметь философию истории, т. е. философски понять историю приводит нас к необходимости создать некоторую формулу, как мерку, и по существу дела нам остается представить общее совершенствование в виде переходов от менее совершенного к более совершенному»³. Эта мерка задается формулой прогресса, выстраивающей события прошлого по шкале большего или меньшего совершенства, соотносимых либо с совершенным с нашей, современной точки зрения, либо с тем, как уяснялся смысл жизни. Деонтологический элемент теории прогресса обуславливается тем, что цели личной жизни должны соотносываться с целями общества, к которому принадлежит личность. Цели общества в свою очередь должны иметь в виду прогресс всего человечества и идеальный план истории как переход от менее совершенного состояния к более совершенному. Это долженствование, нудительное отношение плана нашей частной жизни к жизни общества и судьбе всего человечества, известное подчинение, подчинение осознанное, а значит свободное, личных целей целям общественным и общечеловеческим и придает нравственный характер формуле прогресса, раскрывающей такое же необходимое в нравственном смысле отношение и в историческом процессе. Требование совершенствования жизни есть нравственное требование.

¹ Там же. С. 120.

² Там же.

³ Там же. С. 123.

Однако теория прогресса не ограничивается указанием целей жизни и идеального плана истории. Она предлагает и средства к их достижению, что дается формулировкой законов. В силу этого в теорию прогресса входит номологический элемент. Законы основываются на причинно-следственном отношении, которое в обратном порядке отражает отношение цели к средству. «То, что с одной точки зрения, – писал Кареев, – есть причина и следствие, с другой есть средство и цель: от следствия мы заключаем к причине, от цели – к средству»¹. Деонтологический момент в теории прогресса предполагает номологический и наоборот, поэтому «цель есть только неосуществленное следствие еще не созданной причины»². Человек стремиться к улучшению своего состояния. Такова основа всякого прогрессивного движения, которая рассматривается Кареевым по аналогии с физическим движением: «формула прогресса может быть построена, как формула падения тела: для обоих процессов мы можем указать цель, в обоих случаях необходимость движения можем вывести из некоторой основательной причины, в обоих же случаях мы можем представить путь, по которому должно идти движение при благоприятных условиях»³. При этом следует иметь в виду, что цели прогресса осознаются субъективно и таким же образом устанавливаются. Действительность цели прогресса не есть ее реализация, но ее осознание. Осуществление же этой цели зависит от множества условий, как благоприятных, так и не благоприятных.

Надо признать, что Кареев несколько старомодно, в духе просветительской историографии трактует деонтологический характер исторического знания. Исторические явления имеют моральное значение, в котором выражается отношение человека к вещи. Но моральное значение понимается Кареевым достаточно широко, а именно как смысл вещи вообще. Соответственно, и смысл исторических явлений есть прежде всего смысл моральный. Исторические явления подлежат моральной оценке, в которой и раскрывается их смысл, «смысл вещи для нас». *У исторического нет, строго говоря, своего смысла,*

¹ Там же. С. 124.

² Там же.

³ Там же. С. 129.

оно не обладает спецификой, способной быть выраженной посредством собственной терминологии. В сущности, в рассуждениях Кареева подспудно звучит признание недостаточной разработанности в теории исторической науки понятийного аппарата. Смысл исторического явления выражается словом, точнее, понятием, в котором и через которое он только и существует. Исторический процесс сам по себе смыслом не обладает. Смысл привносится в историю. История (как и жизнь) обретает смысл благодаря осмысленному разговору о ней. По большому счету история и есть только осмысленный разговор. При этом сам процесс, конечно же, отличается от изъясняющего его повествования, но только через это повествование он обнаруживается, фиксируется, обретает, так сказать, вразумительную полноту и завершенность (не в смысле эсхатологического конца истории, а в качестве смысловой определенности, имеющей узнаваемые и отличные от всего другого черты). Только в этом случае история становится собственно историей или, другими словами, прошлое становится историей.

Кареев убежден, что смысл вещи, явления принадлежит человеку, есть продукт его сознания, результат субъективного отвлечения одного из признаков вещи от самой вещи и признание в нем неизменной сущности вещи, закона явления. Из-за того, что «идеальное считалось реальным»¹, сама вещь смешивалась с тем, чем вещь должна быть, с ее идеей. То, что считалось идеальной основой (и в этом смысле первоначальным, производящим принципом, причиной) реальных процессов, на самом деле было их деонтологической целью, представлением о должном порядке и состоянии, идеале, к которому вещи или явлению следует стремиться, но который не предшествует вещи и полным образом в ней не присутствует. Знание сущности – знание номенологическое, т. е. постижение мыслимой основы явлений. К этому разряду принадлежит метафизика. Ей противостоит знание в строгом смысле научное или «позитивное», исходящее из критики метафизики и состоящее либо из описания явлений (феноменология), либо из исследования законов (номология).

¹ Там же. С. 105.

В отличие от явлений природы, в явлениях морального и социального мира сложно усмотреть законосообразность. В то же время в них содержится *принцип*, т. е., как писал Кареев, «субъективное понимание сущности вещи в смысле ее значения для нашего внутреннего мира»¹. Такова деонтология. «Из всего сказанного, – делал вывод Кареев, – можно установить четыре основные формы знания: знание номенологическое, ищущее сущности явлений, феноменологическое, имеющее дело с самими явлениями, номологическое, открывающее их законы, и деонтологическое, дающее принципы наших идеалов»².

Номенология относится к области веры и воображения, а не научного знания. Поэтому история как форма знания может опираться лишь на исследование явлений, законов и принципов. «Явления, законы и принципы, – утверждал русский историк, – вот три объекта нашего знания, и мы видим значение их, напр., в философии истории в основу идеальной цели истории мы кладем известные принципы, которые должны осуществляться явлениями личной и общественной жизни (деонтология); эти идеалы мы ставим целью, достижение которой может совершаться лишь в порядке, указываемом законами развития духа и общества, и получаем формулу прогресса (философская номология); суд над историческими явлениями, оценка их действительной последовательности, искание смысла во всей их совокупности с точки зрения этой формулы создает философию истории (философская феноменология)»³.

Принципиальная сторона явлений или деонтологический подход присутствует не только в разысканиях историка. Но только исследователь пытается усмотреть идеал или должное положение, с которым соотносятся явления. Эти представления присутствуют и в самой исторической действительности. Это то, что можно назвать «мировоззрением эпохи», «господствующими моральными идеями», «общепринятыми нормами», «духом времени», «бессознательной философией общества». Иными словами, то, что проявляется в религиозных верованиях, и в философии, и в науке, и в литературе, и в

¹ Там же. С. 107.

² Там же.

³ Там же. С. 108.

искусстве, и в политических учреждениях, и в праве, и в экономическом строе¹. Так вырисовывается идея интеллектуальной истории или, по словам Кареева «истории мысли», сводящейся к изображению смены принципов, составляющих мировоззрение общества в определенную эпоху. Как правило это латентные принципы, неотрефлексированные и часто не ясные для самих людей идеи, что, впрочем, не уменьшает их действительность. Интеллектуальная история или история мысли представляет собой, по большому счету, историю смысла. «Человек не только живет, он вкладывает в свою жизнь известный смысл: выяснение смысла жизни составляет одну из выдающихся сторон духовной истории человечества, составляя содержание религии, философии, науки, публицистики, поэзии и художеств»². Историк, изучающий историю мысли, неизбежно начинает философствовать. Он формулирует принципы эпохи, так сказать оглашает «дух времени», выявляет систему и общую основу этих принципов. Принципы находятся в согласии друг с другом, «между принципами отдельных элементов культуры существует известный consensus», – пояснял Кареев³. Конечно, такой подход представляет собой известное упрощение и схематизацию рассматриваемых явлений. Но только исходя из этого схематизма возможно дать целостный и полный образ истории, представить ее как законченное целое, имеющее свои неповторимые очертания. Смысл истории не просто вкладывается историком в прошлое, но воссоздается им в качестве целостного, завершенного явления. Смысл, по существу, и есть такая функция целостности. Сами принципы зависят от действия того или другого социологического закона, реализация которого, в свою очередь, требует конкретных условий. Историк, формулируя бессознательную философию общества, критически относится к выявляемым принципам, соотносит их со знаниями, полученными при изучении самой действительности и признает зависимость действительной истории от массы причин, не имеющих прямого отношения к этим принципам.

¹ Там же. С. 109.

² Там же. С. 118.

³ Там же. С. 111.

Обзор историософской или деонтологической концепции Кареева будет неполным, если не коснуться вопроса о роли личности в истории. Согласно ученому, сущность исторического процесса состоит во взаимодействии между индивидами, составляющими общество, и духовно-общественной средой. Именно критически мыслящая личность формулирует те идеалы, на основе которых происходит прогрессивное развитие в истории. К объяснению роли личности в истории Кареев подходил с принятой им эволюционной точки зрения. В этом вопросе ученый мог опереться на облюбованную прагматической историографией психологизацию исторического процесса, на попытку объяснять происходящие в истории события, исходя из психологии действующих в истории людей. «Все явления исторической жизни, – замечал Кареев, – которые мы разносим по категориям государства, права или народного хозяйства, религии, философии или науки, литературы, искусства или техники и т. д., возникают и осложняются не сразу, но вырабатываются, так сказать, из нескольких зародышей, которые коренятся в самой природе человека, в самих формах психического взаимодействия, происходящего в обществе, в самих целях человеческого общежития, и каждая отдельная категория этих явлений имеет свою эволюцию – эволюцию политическую, юридическую и экономическую, религиозную, философскую и научную, литературную, художественную и техническую...»¹ Примечательно в этой цитате метонимическое сведение «человеческой природы» к психическому взаимодействию.

Идея исторической эволюции вытекает из основополагающего для новой философии принципа развития. Вот как его пояснял Кареев: «Мир как целое, есть развитие, эволюция, творчество высших форм бытия... В недрах мира неорганического возникает органический, в нем мир явлений психических и, как последний их продукт, мир истории. Если эволюция есть общий смысл мира явлений, как целого, то не может быть иной смысл и у мира истории, как его части»². Кареев поднимал идею эволюции до смыслообразующего принципа

¹ Там же. С. 38.

² Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. I. С. 244.

миростроения. Сама идея эволюции непосредственно заимствуется им у О. Конта в виде концепции социальной динамики и социальной статики, а затем переносится на историю. Следуя же набросанной общей схеме мироустройства, эволюция подразделяется на неорганическую, органическую (физиологическую и психическую) и над-органическую (культурную и социальную). История принадлежит к последнему виду эволюции. Уточняющие координаты исторической эволюции слагаются из осей, растянутых между полюсами вырождения человеческой природы, прогресса и регресса социальных и культурных форм¹. Но главный отличительный признак исторической эволюции проявляется в усиливающейся роли личного начала.

Персоноцентризм принимается Кареевым как аксиома. «Дело в том, – утверждал он, – что вся история представляет из себя продукт совокупной сознательной или бессознательной деятельности личностей... каждый наш шаг, каждый поступок, поскольку он касается общества, есть социальный факт»². Бессознательная деятельность личности не удостаивалась у Кареева многословного анализа. И уже во втором томе «Основных вопросов философии истории» по чистым приватизационно-эгоистическим чертежам капитализма всецело уравнивалась с сознанием. «Личность, как таковая, – расшифровывал ученый, – есть самоопределяющееся, т. е. самобытное и самостоятельное я, противопоставляющее *свои* идеи тем, которые работой своего духа она не претворила в свои, противопоставляющее *свои* цели целям, которые для ее сознания не суть ее собственные цели»³.

Как всеобщий (а через всеобщность – философский) и неизменный эквивалент всякого исторического развития (национального, государственного, экономического, юридического, общественного, религиозного, философского, морального, литературного, художественного), принцип личности остается ценным всегда, во все эпохи. Более того, социальная анатомия либерализма только за личность признает право предельной и подлинной реальности. Нации, государства, экономика и

¹ Там же.

² Там же. С. 391.

³ Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. II. С. 361.

т. п. реально не существуют, а проявляются только в личностях и через личности; «человеческая личность – самое реальное существо, с которым имеет дело философия истории»¹. «Личность и общество однородны, – размышлял в математических терминах Кареев в “Историологии”, – и общество есть, прежде всего, лишь совокупность личностей, сумма, образуемая многими однородными слагаемыми. Различие между личностью и обществом не качественное, а количественное: здесь одна единица, там таких единиц множество»². Предельная реальность – она же исходная. Личность, так сказать, запускает, а затем регулярно и подталкивает исторический процесс. Колесо истории движется новационными изобретениями, источник которых – личность. Согласно обстоятельной формулировке Кареева, «история начинается лишь тогда, когда единица вносит нечто новое, необычное в систему поступков, содействуя изменению культуры, когда усложняется социальная организация вследствие возникновения новых отношений, когда является новая идея, которая, как цель, делается мотивом новых поступков. В этом начало истории и ее принцип. Личность может вносить в жизнь новое, либо вследствие своего особого положения в социальной организации, либо по своим идеям, т. е. так или иначе выдвигаясь и выделяясь из массы»³.

Личность, продолжая шествие по хронологическим законам истории, подчиняет событийные извивы истории спорной диалектике внешних и внутренних детерминаций. «Мы рассуждаем так: – формулировал Кареев свою позицию, – ход истории создает деятельность людей, причина деятельности – воля, воля действует по мотивам и известным образом обусловлена; первое условие лежит в организме волящего субъекта, во всей совокупности его природенных свойств, другие условия по отношению к организму – нечто внешнее; это внешнее есть среда, в которой человек действует. И среда эта есть либо результат процесса физического (природа), либо духовно-общественного, т. е. человеческого творчества (культ-

¹ Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. I. С. 395.

² Кареев Н.И. Историология. С. 98.

³ Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. II. С. 238.

тура и социальная организация)»¹. Личность, понимаемая в качестве разумно (=свободно) определяющей свои действия сущности, перекрывается своим позитивистским суррогатом, согласно которому поступки личности многообразно обусловлены расово-антропологическими, природно-климатическими и культурно-социальными обстоятельствами. Личность теряет устойчивую основу (субстанцию) субъективности и мигрирует в разряд переходной функции, социологической химеры, точки пересечения безличных сил.

Упрощая анализ, Кареев сужает условия до парных категорий: материального и духовного, неорганического и над-органического (культурно-социального)². Безразличие анонимных сил подталкивает личность к самоопределению. Так над-органическая среда может и подавлять, нивелировать, а может и развивать личность. «Но бессознательная эволюция над-органической среды, нецелесообразный процесс истории не имеет в виду ни блага, ни зла личности и осуществляет и то, и другое: личности самой нужно позаботиться о своем благе»³.

Личностью измеряется и исторический прогресс, формула которого, прикрываясь авторитетом сомнительного гегельянства, принимает вид диалектического витийства. «Тезис – самоопределение личности вне культурных и социальных форм, антитезис – подчинение ее идеям и учреждениям над-органической среды, синтез – подчинение над-органической среды личности с помощью культуры и социальной организации. Личная инициатива и преследование личных целей – первобытное состояние человечества; на второй ступени человек воспринимает идеи извне (из духовной культуры общества) и подчинен вне его лежащим целям общественной организации; на третьей – критика личной мысли добывает человеку его идеи из культурного материала и преобразует социальную организацию в систему средств свободного развития личности. Так мы применяем закон Гегеля к формуле прогресса»⁴. В конспективном изложении исторический процесс можно по-

¹ Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. I. С. 156.

² Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. II. С. 75.

³ Там же. С. 362.

⁴ Там же. С. 367.

нимать как примирение личности и над-органической среды, разумного со стихийным.

Исторический прогресс, разыгрываемый по либеральным канонам социального атомизма, способен утверждать целое только в качестве механической системы сцепленных друг с другом человеческих существ. В свою очередь, определенность атома задается системой связей, вскрывающей в личности как наследственные черты, так и те стороны, которые были выработаны под влиянием окружающего ее общества. Целое опосредованно дает о себе знать через соприкосновение с ближайшим окружением. Бытие целого, не реабилитируя, впрочем, его реальность, дается в крайней дозе рецептуры эмпиризма – через ощущение. Нашупывание целого, игра в жмурки с бытием оценивается в трансцендентальной табели о рангах как отвлечение, т. е. как процедура сумасбродного схематизма. «Вся над-органическая среда, – пояснял Кареев, – есть нечто для отдельной личности отвлеченное, от нее далекое, слишком огромное для того, чтобы личность имела возможность соприкоснуться со всеми пунктами среды, и то, что есть в последней для всех общего, делается достоянием личности лишь чрез ближайший ее антураж, чрез тех людей, с которыми она знакома, разговаривает, находится в каких-либо реальных отношениях»¹. Личность, согласно парадоксалистской логике Кареева, с одной стороны, держит оборону в соответствии со всеми правилами монадологической тактики, зачисляя все познанное (или сочиненное) в реестр своей частной собственности, располагая *миром как произведением*, также как и *произведением* в горизонте приватной субъективности. С другой стороны, расфокусированная в социальном субъективности таксономическими конвульсиями здравого смысла распределяет личности по социальным группам и классам как их ближайшей среде.

Активность личности на фоне «культурного трансформизма» может быть в большей или меньшей степени осознанной и успешной. Наиболее заметная (в утилитарном смысле) область приложения творческих потенций личности – наука и техника. Итак, личность испытывает воздействия над-

¹ Кареев Н.И. Историология. С. 102.

органической среды (культуры и общества), но и сама способна, желая перемен, преднамеренно влиять на нее. Такой вид действий относится, по словам Л. Уорда, цитируемым Кареевым, к «антропо-телеологической» стороне исторического процесса¹. Внутри самой личности надобно различать периоды активности и пассивности относительно окружающей среды. Схожее различие можно провести и среди людей, одни из которых принимают деятельное участие в окружающей действительности, другие же «плывут по течению». Можно поэтому говорить о существовании различных степеней пассивности и активности, составляющих, по выражению Кареева, «своего рода лестницу»².

В исторической литературе об исключительном значении личности писал Т. Карлейль. Противоположный «радикальный взгляд в коллективистском духе» был сформулирован Л.Н. Толстым в романе «Война и мир». Запоздалое теоретическое обоснование этого взгляда принадлежит немецкому историку Карлу Лампрехту, развязавшему в 1898 г. по выходе своей брошюры «Старое и новое направление в исторической науке» полемику по вопросу о роли личности в истории. Разбору мнения Л. Толстого Кареев посвятил большую статью «Историческая философия в “Войне и мире”» (1887), перепечатанную затем во втором томе трехтомного собрания сочинений Кареева. В этот том были включены статьи так или иначе затрагивающие проблему «личность и история». В «Предисловии» Кареев отмечал, что все статьи объединяет «вопрос о взаимных отношениях личного и коллективного начал в существовании человека и человечества, равно как его культурных и политических группировок»³.

С либеральным раздражением Кареев отмечал как Толстой выступает против абсолютизации роли личности в истории и приписывает оспариваемые им взгляды всем историкам вообще, при этом «совершенно унизив историческую лич-

¹ Там же. С. 108.

² Там же. С. 111.

³ Кареев Н.И. Собрание сочинений. Т. III. Философия истории в русской литературе. СПб., 1912. С. V.

ность и ее инициативу»¹. Стремление нивелировать значение личности в истории у Толстого приводит к отмеченному Кареевым противоречию: писатель то отдает предпочтение «роевой» силе, определяющей ход исторических событий, то пытается показать, как исторические деятели становятся слепыми исполнителями «велений истории». Для Кареева же личность вызывает исторические изменения, а ее отношения со средой определяют ход истории. «Таков весь механизм истории, – констатировал он, – который сводится к взаимодействию личности и над-организмической среды, к взаимодействию людей между собою под влиянием среды, к взаимодействию ее элементов под влиянием деятельности человека»². Личность противостоит «стихийному ходу истории» и своей инициативой, собственно, освобождает от господства рутины в обществе.

Гениальность исторических деятелей, по мысли Кареева, могла бы по крайней мере состоять в понимании событий, а прозорливость, в свою очередь, может служить основанием для их приказаний и руководства. Впрочем, спор о том, что является движущей силой в истории – великие люди или масса – Кареев считал «не имеющим научного значения», а, точнее, уже решенным. «Термин “великий человек”, – упорствовал он, – не имеет научного значения... Поэтому лучше было бы даже исключить это выражение, по крайней мере, из исторического лексикона»³. Ведь толпа – совокупность личностей, поэтому «главный фактор движения суть личности вообще»⁴. Ассимиляция точных методов в истории парадоксальным образом сочеталась у Кареева с отрицанием единицы измеряемости значения деятельности людей в истории. Это градация без расценки, шкала без мерки. «Среди выдающихся деятелей истории, – рассуждал он, – есть более крупные и менее крупные (целая градация даже), да и просто только выдающиеся бывают и более выдающиеся, и менее выдающиеся (опять целая градация), причем нет и быть не может никакого

¹ Кареев Н.И. Историческая философия в «Войне и мире» // Собр. соч. Н.И. Кареева. В 3 т. Т. II. СПб., 1912. С. 137.

² Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. II. С. 283.

³ Кареев Н.И. Историология. С. 119.

⁴ Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. II. С. 268.

точного мерил для их сравнительной расценки»¹. На одном полюсе такой градации герои и великие люди, на другой, – «последние сошки», обыватели, погрязшие в «бытовом прозябании» и «бытовой пассивности». Кареев обосновывал неравноценность действия людей в истории. Чрезмерная доза здравого смысла, как это часто бывает, переплавляла здесь очевидность в банальность. «Во-первых, – так начинается этот образчик кабинетной учености, – ненаучно выделять из народной массы великих людей, героев и ей противопоставлять, ибо масса состоит из людей, великих и малых, героических и обыденных, гениальных и очень простых, гигантов и пигмеев, т. е. и великие люди сами составляют часть массы. Во-вторых, сама масса не может считаться каким-то блоком, или конкретным целым без различения в нем отдельных личностей. В-третьих, наконец, слагаемые, из которых состоит общая сумма, далеко не равновелики: это не $n+n+n+n\dots$, а $n+2n+n/2+2n/3+3n$ и т. д., поскольку их неодинаковость можно выразить алгебраически. Самое главное здесь, это, что могущие иметь историческое значение действия людей далеко не равны между собою, а потому и роли отдельных личностей весьма различны»². Продолжая номенклатурный ассортимент различий, Кареев указывал на разницу внешних условий и внутренних мотивов, разнообразии причинно-следственного контекста и трудную доказуемость последствий. «Мы думаем, – писал он, – что основные причины неравенства действия личностей, в смысле влияния их поступков на исторический процесс, должны быть подведены под три категории. Во-первых, человеческие поступки могут и больше и меньше зависеть от причин, для действующего человека внешних, и больше или меньше определяться внутренними мотивами деятельности, т. е. человек бывает или только своего рода передаточным аппаратом, извне воспринимающим и далее передающим движение, или в своей психике по-своему перерабатывать внешние толчки и от себя, так сказать, начинать новое движение. Люди бывают или более шаблонными, или более самобытными. Во-вторых, во всяком факте, обязанном своим

¹ Кареев Н.И. *Историология*. С. 119.

² Там же. С. 116.

происхождением совокупному действию многих лиц, – а вся история именно такова, – отношение каждого поступка-причины к своим, скажем так, сопричинам может быть разным... В третьих, мы можем иметь в виду отношение поступка не к его сопричинам при образовании сложной причины чего-либо, а отношение к его следствиям. Поступок может для истории оказаться бесследным, да и его следы, раз он их оставляет, бывают даже количественно очень различны»¹.

Общество и культура, состоящие из личностей и вне личностей не существующие, личностями же и видоизменяются. Именно действия людей, преобразующие «данное общественное состояние» и следует признать историческими. Измеряемость их вклада, хотя и не сведена к единому эквиваленту, подразумевает чисто количественное определение исторической личности. Списывая с научных счетов ценности, историология оставляет чистое поле измеримых, а значит и исчисляемых феноменов. «Не дело науки, впрочем, оценивать, ее дело только измерять...» – безапелляционно констатировал Кареев². Заметьте: не мыслить, а измерять или мыслить измерениями. Но прежде чем перейти к детальным смысловым консеквенциям такой калькулирующей установки, стоит дать опись измеряемого исторического имущества. «Историческими деятелями мы называем тех, – начинал перечисление Кареев, – которые либо внесли совсем новые идеи, либо действовали с особым сознанием, либо выразили в себе назревшие потребности общества, вызванные естественным его ростом, либо сумели соединить силы общества для выполнения их планов. Мы их назовем истинно великими, если они содействовали прогрессу, хотя бы и не имели в свое время успеха. Во всяком случае, двигателем истории является личность: она перерабатывает культуру и общественные формы, которые ее более не удовлетворяют. Общество есть механизм, вечно сам себя починяющий, организм, вечно сам себя лечащий, производство искусства, вечно само себя творящее»³.

Вслед за Гизо, Лораном и Контом Кареев формулировал четыре принципа всякой человеческой деятельности. Первый

¹ Там же. С. 116–117.

² Там же. С. 119.

³ Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. II. С. 269.

из них постулирует причинную обусловленность действий и их мотивов. Второй констатирует их управляемость законами. Третий указывает, что действия законов варьируются в разных условиях. И четвертый говорит о случайном сочетании этих условий¹. После случайности, управляющей закономерностью, совсем невинным выглядит следующее тавтологическое определение: «Деятельность лица, ускоряющего прогрессивный процесс или замедляющего регрессивный, есть прогрессивная, и наоборот, деятельность лица, помогающая процессу регрессивному и задерживающая процесс прогрессивный, есть деятельность регрессивная: таковы Петр Великий, с одной стороны, и Наполеон I, с другой»². Авторитетно прикрываясь мнением французских позитивистов, Кареев на конкретных примерах восстанавливает историческую справедливость: выгораживает Петра I и очерняет Наполеона. Впрочем, на зыбких весах исторической справедливости Петр и Наполеон перерастают в символы двух разнонаправленных, а при сложении нивелирующих друг друга сил. «При том деятельность великих людей взаимно нейтрализуется, ибо рядом с людьми будущего, вроде нашего Петра, есть люди прошедшего, вроде Наполеона, как нейтрализуются и усилия обыкновенных смертных, так что получается отсюда равнодействующая более или менее совпадающая с той линией, по которой ведут общество законы эволюции и общие условия, в какие общество поставлено»³. Сложение прошлого и будущего дает вполне обезличенную современность, смысловая стерильность которой поддерживается законами эволюции и общими условиями существования.

Крайние подходы к вопросу о роли личности в истории, оцениваемые им как «ошибочные односторонности», Кареев иллюстрировал на примере Карлейля и Толстого, лишний раз подтверждая старую мудрость, что крайности сходятся; «в основе их ошибочности лежит одно и то же представление», — замечал историк⁴. «И Карлейль, и Толстой, — пояснял он да-

¹ Там же. С. 270.

² Там же. С. 272.

³ Там же. С. 273.

⁴ Кареев Н.И. *Историология*. С. 113.

лее, – выделяют героя из массы, чтобы его противопоставить массе, как нечто от нее отличное»¹.

Теория литературной эволюции

Побочным детищем, редко привлекающим внимание карееведов, исторических и теоретико-методологических изысканий ученого стала его книга «Литературная эволюция на Западе. Очерки и наброски из теории и истории литературы, с точки зрения неспециалиста» (1886). Для исторической работы она была слишком теоретична, с целью парирования возражений в этом направлении Кареев и вынес в подзаголовок «точку зрения неспециалиста», хотя подобная кокетливая «игра на снижение» должна была в результате по контрасту подчеркнуть фактологическую компетентность автора и его концептуальное превосходство. Подзаголовок кареевской книги, по-видимому, не случаен, намекая на известные «Записки профана» (1875–1877) Н.К. Михайловского, солидарность со взглядами которого Кареев неоднократно признавал. Для того же чтобы быть «чисто» теоретической работой книга Кареева слишком специализирована и ограничена фактически. Первоначально материал, из которого впоследствии была составлена книга, печатался в Воронеже в журнале «Филологические записки». Как и большинство кареевских произведений, «Литературная эволюция на Западе» состояла в ближайшем родстве с его преподавательской деятельностью. Три из четырех глав книги представляют собой вводные лекции в «общий курс», начатый Кареевым в Варшавском университете, но незаконченный из-за переезда в Санкт-Петербург. Первые две главы книги – «Литература и ее эволюция» и «Общая задача истории литературы» – посвящены теоретическим вопросам. Две последующие главы – «Средневековая литература» и «Литература на Западе в XIV–XVII веках» – служат их иллюстративным, фактографическим дополнением. Хронология рассматриваемого в книге материала, таким образом, достаточно обширна: с начала Средних веков, до начала XVIII в. Разбирая

¹ Там же.

«Литературную эволюцию на Западе», необходимо учитывать ее связь с разрабатываемой Кареевым философско-исторической концепцией, в наиболее полном виде к тому времени отразившейся в опубликованных тремя годами ранее и тогда же успешно защищенных в качестве докторской диссертации двухтомных «Основных вопросах философии истории». Как признавался сам Кареев: «я прошу рассматривать эту книгу, как один из подготовительных этюдов в предпринятой мною разработке общей теории исторической эволюции»¹. Уточняя дальше свою позицию, он писал: «Я подхожу к вопросу, как *общий историк*, и освещаю его с точки зрения *эволюционной теории*. Этим вопрос ставится в более тесные пределы, и мне можно быть сравнительно кратким»². Быть кратким Карееву, правда, не удалось, а вот пояснение оказалось весьма кстати. Точка зрения «неспециалиста» была артикулирована как позиция «общего историка», т. е. другого специалиста.

Еще один повод, отталкивающийся от той же причины, побудивший Кареева к изложению своих взглядов – это полемика с академиком А.Н. Веселовским. В следующем 1887 г. в тех же воронежских «Филологических записках» он напечатал заметку в жанре рецензии на статью А.Н. Веселовского «История или теория романа?», открывавшую его книгу «Из истории романа и повести». Идея, проводимая Кареевым в заметке, была прежней: необходимость создания «теории собственно самой истории литературы»³, т. е. теории литературной эволюции. Оспариванию мнения А.Н. Веселовского посвящено несколько страниц в «Литературной эволюции на Западе»⁴. Критика Кареева возымела действие. По наблюдению В.Н. Перетца, Кареев «внес существенные поправки в представление Веселовского о литературной эволюции, которую он, видно, понимал, как эволюцию идей, а не как эволюцию

¹ Кареев Н.И. Литературная эволюция на Западе. Очерки и наброски из теории и истории литературы, с точки зрения неспециалиста. Воронеж, 1886. С. III.

² Там же. С. 71.

³ Кареев Н.И. К теории литературной эволюции. Акад. А.Н. Веселовский. Из истории романа и повести. СПб., 1886. Выпуск I. Греко-византийский период. Воронеж, 1887. (отд. оттиск).

⁴ Кареев Н.И. Литературная эволюция на Западе. С. 59–65.

форм». Далее, имея в виду уже А.Н. Веселовского, В.Н. Перетц писал, что «с этого времени он уже не настаивает на избыточности форм и вносит новый принцип литературной эволюции – роль влияния на традицию личного почина, личного творчества поэта»¹.

Дополнительными источниками, проясняющими и уточняющими «неспециализированный» взгляд Кареева на литературный процесс или историю литературы, может служить статья «Что такое история литературы? (Несколько слов о литературе и задачах ее истории)», примыкающая к «Литературной эволюции на Западе» и опубликованная в воронежских «Филологических записках» в 1883 г., обширная статья о Л.Н. Толстом «Историческая философия в “Войне и мире”», помещенная в 1887 г. в «Вестнике Европы» и брошюра «Французская революция в историческом романе» – одна из последних прижизненных публикаций Кареева.

В целом стоит признать, что теория литературной эволюции располагалась на периферии научных интересов Кареева. Он обращался к ней лишь в качестве приложения или развития своей историологической концепции – так он именовал теорию исторического процесса. Историология, в свою очередь, была результатом трансплантации в философию истории позитивистских установок. Влияние позитивизма, признаваемое и сами Кареевым, слишком очевидно, чтобы в нем усомниться, но и слишком навязчиво, чтобы долго на нем останавливаться и им ограничиваться. В.П. Золотарев, автор первой монографии о Карееве, неоднократно подчеркивал, что теоретико-методологические разработки ученого «находились в плену позитивистских представлений»². Энциклопедическая ученость, поощряемая здоровым честолюбием, развила в Карееве дар плодотворного синтезатора многочисленных теорий, учений и концепций, удачно накладывающихся на упрощенный позитивистский схематизм. Получающаяся в результате эклектическая аппликация раскрашивалась многочисленными примерами, приземляющими ее до уровня естественной нау-

¹ *Перетц В.Н.* Из лекций по методологии истории русской литературы. История изучения. Методы. Источники. Киев, 1914. С. 203.

² *Золотарев В.П.* Историческая концепция Н.И. Кареева. С. 154, см. так же С. 49 и др.

ки. Подводя итог многогранной научной деятельности Кареева В.П. Золотарев представил ее в виде следующего образа: «Н.И. Кареев за свою долгую жизнь как неутомимый труженик соткал такое полотно, на котором немало оригинальных узоров, причудливо сочетающихся с узлами и узелками. Эти не без мастерства созданные узоры еще недостаточно изучены, а узлы и узелки не распутаны»¹. Развивая метафору, можно сказать, что с внешней стороны паукообразного творчества Кареева согласуется и многогранность его исследований и даже идея многофакторности исторического процесса, предпочитающая множество единству и старающаяся в режиме каталогизации аналитически исчислить все многообразие сплетающихся в жизнь моментов.

Не трата время на то, чтобы исчерпать весь философский горизонт теоретической плоскости позитивизма, остановлюсь лишь на наиболее существенных для Кареева темах. Прежде всего, философско-исторические амбиции Кареева стимулировались столь привлекательной у родоначальников позитивизма уверенностью в возможность и уже исторически назревшую необходимость создания положительной науки об обществе и истории. Это, пожалуй, самый сильный импульс позитивизма, приведший к возникновению социологии, поддерживался ценностным накачиванием современности, чувством исторического высокомерия и смыслового превосходства настоящего над прошлым, человека над природой, полезного над прекрасным, комфортного над благодатным... Идея развития, преломляясь в оптимистической оптике прогресса, принимала теоретическую форму эволюционизма. Катоки позитивистского мышления прошелся прежде всего по историко-философской традиции. Больше всего за надуманность и искусственность досталось метафизике. К вытаптыванию сущностей приложил «руку» и Кареев. Язвительными инвективами в адрес метафизики наполнены многие страницы его «Основных вопросов философии истории». Философствование теперь должно начаться заново. Правда, как оказалось, на отполированный позитивизмом ландшафт философии может быть нанесен лишь символический орнамент логического

¹ Там же. С. 155.

атомизма (другие типы философствования требуют укоренения в традиции). Впрочем, это уже следующий шаг, Кареев же был лишь в рядах тех, кто в популяризаторском азарте расчищал почву. Все теоретические утверждения должны быть сведены к чувствам, любое философское положение должно быть верифицируемо. Существует лишь то, что доступно чувственному наблюдению. Кураж феноменализма ввергал философию в стихию опыта, в котором умозрение, попадая под догматический нож принципа демаркации, окончательно отсекалось от познания. Отделение научных форм знания от вненаучных поощрялось универсальностью самой науки и кумулятивным наращиванием ее теоретико-практической мускулатуры. «Наука, – уверенно провозглашал Кареев, – должна быть одна для всех людей, в ней не может быть догматов, исповедуемых в одной стране и отвергаемых в другой»¹.

Еще один принцип положительной философии, обеспечивающий научный статус историографии, – принцип единства действительности, рационалистическая уверенность в гомогенности постигающего и постигаемого, познающих форм и познаваемого предмета. Отныне подсказанное толковым словарем методологическое различие истории как процесса и истории как знания или рассказа не является столь радикальным. Опыт, сводящий все многообразие сущего к данности, унифицирует все возможные предметности по мерке феноменальных околичностей сознания. Прошлое и настоящее как предметы опыта суть однотипные и равнозначные явления, временная модальность которых элиминирована бессмертной трансцендентальной субъективностью. «То прошлое, которое изучается исторической наукой, и то настоящее, о котором нам всем постоянно приходится составлять себе известного рода мнения, относятся ведь к одной и той же категории явлений, а потому человек, привыкший пользоваться приемами научного исторического мышления, и о фактах современной жизни будет судить правильнее, чем человек, не получивший необходимой дисциплины ума, сообщаемой историческим образованием», – развивал в 1893 г. свою мысль Кареев во вступительной лекции к общему курсу новой истории, посвя-

¹ Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. I. С. 354.

щенной XVIII в., для студентов младших семестров историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета¹. Настоящее, впрочем, обладает сравнительно с прошлым смысловым приоритетом, переходящим в интерпретации Кареева в практическую плоскость. В этом просматривается еще один несущий элемент многоэтажной постройки положительной философии – утилитарно-практическая подпорка когерентной концепции истины.

В отличие от третируемой позитивизмом метафизики, фактографическая родословная истории обеспечила ей вполне благополучные перспективы. Более того, в сравнении с другими гуманитарными дисциплинами, история обладает явным преимуществом, позволяющим воспринимать ее в качестве универсальной объясняющей основы. В дополнение к теоретическому отношению естественных наук к своему предмету, гуманитарные добавляют еще этическое измерение, реализуемое в субъективном методе. В реферате «Об отношении истории к другим наукам с точки зрения интересов общего образования», читанном в педагогической секции Исторического общества 13 апреля 1895 г., Кареев распространял исторический метод и на естественные науки. Но, конечно, объясняющая роль истории более органично воспринимается в гуманитарных науках. Ближе всего к истории стоят социология и экономика, теория государства и правоведение, этнография, политическая география, статистика и др. Применение в них исторического метода – заслуга уходящего Карееву века, что и дает ему повод назвать XIX в. «веком истории»: «Важность той роли, какую в настоящее время историческая точка зрения играет в отдельных науках, все более и более осознается представителями научной мысли в разных областях знания. История научного движения XIX века дает этому веку такое же право называться историческим, какое имеет XVIII век, чтобы называться философским. Лишь наше столетие поставило на историческую почву изучение языка, литературы, искусства, философии и религии, которые прежде рассматривались исключительно с тех или других отвлеченных точек зрения, –

¹ *Кареев Н.И.* Об общем значении исторического образования // Историческое обозрение. 1894. Т. VII. СПб., 1894. С. 51.

логических, эстетических, метафизических, этических...»¹ Внедрение принципов исторического изучения в другие науки сопровождалось и изменениями в самой истории. Накопление и увеличение фактического материала привело к расширению сфер исследования и появлению новых областей внутри самого исторического знания. Появилась история языка, литературы, права, искусства, народного хозяйства, и т. п., подселившиеся на правах дальних родственников в семью общей истории так, что теперь «в общей истории потому все перечисленные предметы, так сказать, находят свой собственный центр»². Все это привело к расширению понятия истории. Близкие кровные узы связывали историю прежде всего с юридическими науками: историей права, политических учений и учреждений, а также историей экономических отношений и теорий. Здесь Кареев намекал уже на собственную научную генеалогию – «юридическую» или «государственную» школу, прописавшуюся в Московском университете в годы его обучения. Ключевые положения этой школы и легли в основу его историко-эволюционной концепции, частными выводами которой стали теоретические опоры истории литературы. Разрабатываемая в нагрузку к новым колониальным приобретениям исторического знания, методологическая сторона также способствовала утверждению истории в качестве научной дисциплины. Участие Кареева в этом процессе было самым активным. Это и преподавательская работа, и книги, в основном отражающие его лекционные курсы, плодотворная редакторская деятельность, издание «Исторического обозрения» и «Научного исторического журнала», усилия по институционализации истории, прежде всего создание Исторического общества при Санкт-Петербургском университете.

Однако же и история, в свою очередь, испытала обратное влияние ассимилированных ею дисциплин. Кареев даже моделирует своеобразную шкалу, на которой по мере воздействия

¹ Кареев Н.И. Об отношении истории к другим наукам с точки зрения интересов общего образования // Историческое обозрение. Т. VIII. Отд. II. СПб., 1895. С. 6–7. Аналогичное рассуждение см.: Кареев Н.И. Об общем значении исторического образования. С. 47.

² Кареев Н.И. Об общем значении исторического образования. С. 43–44.

на выработку мирозерцания упорядочивается это влияние. На первое место он ставил историю философии и пояснял: «в частности историю теории познания и историю этики»¹, а далее приплюсовывал историю политических теорий и экономических учений. Именно эти отрасли знания прежде всего позволяют лучше уяснить идейное наполнение исторического процесса. История физических, химических, биологических теорий, а также лингвистических, эстетических, педагогических учений в этом отношении менее значимы. Так в эклектической многогранности «общей истории человеческого мирозерцания» воплощалась синтетическая матрица позитивистской эпистемы.

Вместе с этим, политика, юриспруденция, экономика не только поставляют материал для новых теоретических конструкций исторической науки и сами заимствуют способы научного насилия над прошлым, но и, пусть даже и изредка, предлагают собственное решение общих вопросов. Историк-теоретик или, по терминологии Кареева, «общий историк», должен синтезировать специальные взгляды политиков, юристов, экономистов, а также историков духовной культуры (религии, литературы, философии, искусства) и учитывать теоретические результаты, достигнутые в других отраслях знания². Кареев отмечал в этой связи работы Фюстель-де-Куланжа, Иеринга, Маркса, в которых на материале конкретных наук были сделаны важные теоретические обобщения.

Итогом скрещения истории с другими дисциплинами и научного самоопределения истории стала ее дальнейшая специализация, распыляющая общие принципы во множестве мелочных исследований, иронично нарекаемых Кареевым «буквоедством» и «гробокопательством». Крохоборство научной специализации привело к тому, что «стала писаться история, которая также суживала свою задачу до решения каких-нибудь головоломных ребусов в роде того, кто написал Слово о полку Игореве, или до изобретения мельчайших подробностей какого-либо мельчайшего факта»³. Идолом исторической

¹ Кареев Н.И. Об отношении истории к другим наукам. С. 14.

² Кареев Н.И. Теоретические вопросы исторической науки // Собрание сочинений Н.И. Кареева. В 3 т. Т. I. С. 19.

³ Кареев Н.И. Что такое история литературы? С. 12.

специализации становится *факт*, поклонение которому и порождает новых научных пигмеев. «Основу обособления специальной истории, – пояснял Кареев, – составляет то обстоятельство, что в исторической жизни есть факты, неинтересные или мало интересные для человека, следящего за общим развитием общества: в истории литературы – это одни факты, в истории права – другие. В этом *raison d'être* специальных историй»¹.

Сближение истории с другими дисциплинами происходит прежде всего на почве общего предмета – идей. По мысли Кареева, «существеннейшее содержание истории» сводится к идеям и учреждениям². Презентуя книгу «Литературная эволюция на Западе», он писал, делая акцент на теоретическом характере своего произведения: «Специального исследования или того, что могло бы заменить учебник, читатель не найдет в этом очерке: это – общее рассуждение, в котором главную роль играют не *факты*, а *идеи*»³. История, солидаризируясь с прочими гуманитарными науками, изучает «культурные и общественные идеи», господствующие в определенную эпоху. Пример подобного подхода Кареев, в частности, давал в своей «пушкинской речи». Провозглашая главный тезис своего выступления: «Пушкин был поэт европейский, не переставая быть национальным»⁴, – он, стремясь подчеркнуть единство литературного (как и вообще исторического) процесса, имел в виду не подражание, а творение «в духе» европейской литературы. В свою очередь «дух» литературы задается общим идейным фоном эпохи, который литература лишь отражает. Для пушкинского времени – это понимание личного разума в качестве высшего критерия истины, протест «против созданных историей уродливостей» и «пошлой прозы будничного прозябания», проповедь лучшего общественного строя. Литература является хорошим хранилищем идей, из запасников которого в случае надобности историки всегда могут черпать

¹ Кареев Н.И. Литературная эволюция на Западе. С. 76.

² Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. II. С. 82.

³ Кареев Н.И. Литературная эволюция на Западе. С. 1.

⁴ Кареев Н.И. Пушкин как поэт европейский. Речь проф. Н.И. Кареева, произнесенная на пушкинском празднике в Варшаве 4-го июня 1880 г. Воронеж, 1880. С. 2.

материал. «Что в эпоху борения новых и старых идей усилился интерес к общественным идеологиям, – пояснял Кареев, – это понятно, и этим объясняется то значение, какое общие историки стали приписывать изучению литературы, как лаборатории идей»¹. Свою мысль Кареев иллюстрировал примером Ф.Х. Шлоссера: «его история есть по преимуществу история прагматических фактов и история идей, соединение политической истории с историей литературы»². С другой стороны, идеи не в меньшей степени чем институты и учреждения являются преобразующей жизнь и историю силой. Более того, социальные институты создаются «духом», идеалами, разделяемыми большинством народа. Идеи и социальные институты – результат способности человека к абстрагированию и сути, таким образом, «постоянные системы отношений», не основанные на непосредственном психическом взаимодействии»³. Сравнение идей с реальностью порождает критическую мысль, которая, направляя личную инициативу, меняет историческую действительность. Смена идеалов составляет содержание критических эпох в истории (тема, продолженная затем П.Н. Милюковым в «Очерках по истории русской культуры»). Собственно говоря, явления, изучаемые в гуманитарных науках, в значительной степени зависят от того, что люди о них думают, какие идеи разделяют. Отсюда проистекает «двойственность предмета исторического изучения, двойственность самих явлений жизни и идей...»⁴.

Определенный фрагмент реальности задает предметную область и сферу значений определенной науки. Для науки эта реальность выступает как данность, т. е. существующая не сама по себе, а со стороны своей артикулированной наукой смысловой определенности. Общественные науки имеют дело с двумя явлениями подобного рода: духовными и социальными, первые из которых вызывают «на почве психического взаимодействия особей», вторые – «на почве социальной организации»⁵.

¹ Кареев Н.И. Историология. С. 167.

² Там же.

³ Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. II. С. 150.

⁴ Кареев Н.И. Об отношении истории к другим наукам. С. 11.

⁵ Кареев Н.И. Что такое история литературы? С. 2.

Различаются науки и со стороны методологической, пре-допределяющей в конце концов своими алхимическими прие-мами и их содержание. Так вырисовывается излюбленная тема положительной философии – классификация науки. Для Ка-реева в самом общем виде науки подразделяются на *номоло-гические* или теоретические и *феноменологические* или описа-тельные. «Феноменологическая наука, – разъяснял он, – есть воспроизведение, уяснение, оценка конкретных явлений при-роды и жизни в их индивидуальных или родовых признаках, воспроизведение описания и повествования. Такова исто-рия...»¹ К номологическим наукам относятся, в частности, социология и психология. Номологические науки ориентиро-ваны на поиск законов, и в результате стремятся сплести то-тальную объясняющую весь мир логическую сеть. По словам Кареева, «идеал номологии мира заключается в том, чтобы все законы свести в одну великую систему, в которой все одно из другого логически вытекало бы...»² История как феноменоло-гическая наука и весь ряд частных, специальных историй, на-чинающих ее, описывают различного рода явления, концен-трическими кругами поглощающие одно другим. Однако тео-рия истории должна опираться также и на философию, доис-кивающуюся законов сущего, и на психологию с социологией, раскрывающие законы духовной и общественной жизни.

На основе общего понимания истории следует подходить и к истории литературы. Но для этого сперва необходимо вы-яснить «смысл» самой литературы, точными формулировками заточить этот смысл в определение. Само слово «литература» и его русские эквиваленты: «словесность» или «письмен-ность» страдают «колеблющимся значением», пульсирующим в зависимости от сужения или расширения содержания самого термина. «Литература», таким образом, может употребляться как в тесном, так и в широком смысле. Тесный смысл понятия литературы обретается на «относительной почве», т. е. дости-гается через противопоставление литературы науке и филосо-фии. Для уяснения такого смысла как раз и необходима эво-люционная точка зрения. «Мы поставим этим вопрос о сущ-

¹ Там же. С. 26.

² Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. I. С. 134.

ности литературы в тесном смысле, – растолковывал Кареев, – прямо на эволюционную точку зрения, с которой научные понятия берут вещи не в тот или другой момент их бытия, а на протяжении длинного пути изменений, сопровождающих их развитие»¹. Сущность литературы выясняется через ее генезис. Логика литературы раскрывается в ее истории.

К сущности литературы можно отнести универсальность способа выражения мыслей и идей, т. е. общедоступность и общеинтересность. Именно общедоступность и общеинтересность положены Кареевым в основу определения литературы. Вот два их варианта: «Итак, литературой я буду называть совокупность произведений устного, письменного или печатного слова, выражающих в общеинтересных и общедоступных содержаниях и форме общественную мысль и общественное настроение, будут ли эти произведения продуктами художественного творчества или имеют более прозаический характер, лишь бы они не имели значения деловых обсуждений, учебников и руководств, философских и научных исследований и пособий»², «Литература, – писал Кареев в другом месте, – как круг явлений с текучим содержанием в изменяющихся формах, не может получить лучшего определения, как общедоступное словесное выражение общеинтересных общественных мыслей и настроений. Это – зеркало, в котором отражается духовная и социальная жизнь народа»³. По содержанию литература сближается с философией, а по форме – с живописью, скульптурой, архитектурой и музыкой.

В качестве отражения идей и мыслей литература представляет собой специфическую смысловую реальность, смысловую реальность, так сказать, в «чистом виде». Более того, в качестве смысловой реальности она не просто отражает, а проживает смысл, идею, мысль. Литература и есть процесс мысли по преимуществу, но не сам по себе, а в единстве со словом, с выражением. Смысл невозможно законсервировать, складировать в архиве, библиотеке... Хранение смысла есть его воспроизведение, осмысливание заново. Поэтому смысл и мысль вариативны, у них, строго говоря, нет автора. Литера-

¹ Кареев Н.И. Литературная эволюция на Западе. С. 8.

² Там же. С. 22–23.

³ Там же. С. 34.

тура налагает на смысл ограничение формы, привязывает его к акту речи. «Литературное произведение, – писал Кареев, – запечатлевает самый процесс мысли, самый акт речи, как известной деятельности: слово живет и продолжает действовать, а в слове сохраняет свою силу и значение дух»¹. «Индивидуальную человеческую роль, – продолжал он далее, – могут играть только действия, а не поделки: именно характер воскрешающего действия, – процесса мысли и актов речи, – а не сохранившейся поделки имеет всякое литературное произведение»².

Дальнейшее уточнение литературы и ее истории требует размежевания сначала с материальными памятниками вообще, а затем и с памятниками письменности. Письменные памятники могут иметь интерес сами по себе, «чистый», как выражается Кареев, интерес к процессу мысли, последовательности актов речи и интерес с точки зрения их отношения к другим фактам, на которые они указывают или идеям, в них излагаемым. На одном полюсе здесь будут литературные произведения (в том числе не только художественные, но и философские, богословские, научные), на другом – деловые бумаги. В первую голову за возводимую по позитивистскому проекту демаркационную изгородь изгоняются «хартии и документы». Оставшуюся письменность Кареев предлагает разделить на литературу специальную и общую, между крайними проявлениями которых существует множество смешанных форм, целая «лестница переходов» от общедоступной литературы к специальной. Но сложность такого разграничения делает невозможной и строгую классификацию. Действуя методом исключения, Кареев отсекает от истории литературы учебники, как вид специальной литературы, имеющей техническое значение, философские произведения, поскольку в них важен исключительно сам акт мысли, в то время как литературу занимает еще и акт речи, т. е. и содержание и форма произведения. Памятники письменности «важны лишь как источники», поставляющие сведения о различных сторонах жизни общества, тогда как история литературы «исследует духовную сторону

¹ Там же. С. 91.

² Там же. С. 92.

народной жизни». Поэтому «историк литературы останавливается только на тех памятниках словесности, которые служат источником для воспроизведения картины духовной жизни»¹.

Точка зрения «общего историка» вполне естественно предполагает уяснение отношения самой общей истории к истории литературы и, соответственно, установление дополнительной системы различий. С навязчивой пунктуальностью, способной стерилизовать любые выходы задиристого воображения, Кареев формулирует свою мысль: «Это две вещи разные: одно дело лишь пользоваться литературными произведениями для целей общей истории, другое – применять исторический метод к изучению литературных произведений. В развитии науки нужно различать здесь два процесса: 1) историки стали все более и более обращаться к литературе, 2) исследователи литературы – все более и более проникаться духом и методом исторического изучения»². Кареев на двух десятках страниц развивает тему отличий истории литературы от общей истории, указывая на различие предметов, упирающееся в итоге различие жизни и ее воспроизведения, на разное понимание источника, разное отношение к факту. Для историка литературы ценны сами литературные произведения (они для него и источник, и факт), а от них он уже приходит к «литературной физиономии писателя», эпохе, народу и т. д. Для общего же историка литературные произведения, напротив, важны не сами по себе, а лишь как свидетельство о личности писателя, эпохе, народе... По словам Кареева, «для общего историка литературные произведения скорее простые свидетельства о прагматических и культурных фактах социальной или духовной истории, для историка литературы они сами по себе цельные факты; общего историка в литературных произведениях интересует заключающийся в них идейный и фактический материал всякого рода, действительность, в них отражившаяся, историка литературы – и самый способ соединения данного материала, и самое отражение действительности; общему историку нужно восстановить факт, уяснить его и оценить, историк литературы имеет дело с самим готовым фак-

¹ Кареев Н.И. Что такое история литературы? С. 6.

² Кареев Н.И. Литературная эволюция на Западе. С. 105.

том, объясняет его в своем комментарии, оценивает его в своей эстетической критике»¹. В то же время, как замечает Кареев, «именно в истории литературы воспроизведение может быть наиболее адекватно воспроизводимому... для историка литературы источник, художественное произведение и есть тот факт, о котором он говорит...»²

Однако, несмотря на различия, история литературы есть одно из «частных направлений исторической науки» и должна опираться на «общий принцип исторической группировки». Вместе с историей права история литературы относится к социальной и культурной истории, противопоставляемой прагматической истории. Различие прагматической и культурной историй строится на противопоставлении идей и деяний, быта и событий. Идеиная сторона, как считает Кареев, занимает все большее место в истории литературы, «которая все более и более стремится из истории литературных произведений или родов, видов словесности сделаться историей мыслей и чувств, историей настроения общества»³. С другой стороны, историография, в свою очередь подпадая под реставрационное движение синкретизации знания, начинает подчиняться господствующим литературным вкусам⁴. Подразумеваемая явный методологический анахронизм, Кареев писал в начале 1920-х годов: «Сто лет тому назад теоретики исторического знания прямо причисляли историю к изобразительным искусствам, ставя ее в ближайшее родство с поэзией»⁵.

Теперь, вместе с Кареевым, завершив апофатическое обеззараживание истории литературы, можно подойти к очерчиванию ее собственного положительного содержания. Здесь прежде всего выделяются два аспекта: социальный и психологический. «Главный интерес истории литературы, – констатировал со знанием дела Кареев, – заключается в изучении различных, обусловленных разными состояниями общества воспроизведений личных характеров, отношений, чувств и т. п. в

¹ Там же. С. 86.

² Кареев Н.И. Что такое история литературы? С. 26.

³ Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. I. С. 399.

⁴ Кареев Н.И. Историческая философия в «Войне и мире». С. 118.

⁵ Кареев Н.И. Историки Французской революции. Л., 1924. Т. I. С. 15.

изучении разработки старых тем, взятых из мира личной жизни, и постановке новых, выдвигаемых жизнью, в изучении уяснения человеческого идеала и приговоров над явлениями, вечно присущим человеческому бытию, хотя и разнообразящимся до бесконечности в зависимости от исторического момента»¹. Идейная сторона жизни, на которой сосредоточивается история литературы, есть, по существу, результат психического взаимодействия, уяснение которого и порождает все головокружительные перевалы проблем индивидуального творчества. Воспроизведение жизни, как принцип литературы, всегда опосредуется психикой современников, а затем, принимая вид легенд, взвинчивается на новый рефлексивный уровень субъективным восприятием их потомками. Литература не может удержаться от соблазна пустить их в свой словоохотливый оборот и либо вдохновляется легендами, как романтики, либо доискивается сквозь них действительности, как реалисты. Еще раз: литература – психическое явление, результат психического взаимодействия индивидов, своей диспозицией моделирующее социальные отношения. «Литература, – утверждал Кареев, – есть только один из видов человеческой деятельности; как внешняя, самобытная реальность, она не существует: определять ее в конце концов следует не в связи с ее произведениями, а в связи с процессом их творчества. Литературные произведения, заключенные в книгах, суть результаты этого творчества, а не сама литература. Ее история не может заключаться в истории результатов, существующих как бы *an und für sich*: не сами по себе, не сами для себя, не сами в себе имеют они основу своего существования, ибо у них есть творцы и читатели, судьи и поклонники, ибо у них есть среда, в которой они возникли и играют роль. Пора всем наукам, имеющим дело с продуктами человеческой деятельности, стать на психологическую точку зрения...»² История ценна не столько своими результатами, сколько возобновляемой процессуальностью, движимой энергией психического взаимодействия. Психологизм в то же время имманентно присущ литературе, неизбежно возвращающейся к психическому ана-

¹ Кареев Н.И. Что такое история литературы? С. 20.

² Там же. С. 23.

лизу характеров героев, их душевных переживаний и т. п. Раздувание психологизма до методологического прообраза общественных наук обнаруживает в системе Кареева прочные теоретические корни. Само общество рассматривается им как результат психического взаимодействия составляющих его личностей; «основа общественности находится в психике»¹. Ближайшим образом объяснение общественных явлений сводится на коллективную психологию, по нисходящей модели атомизации ищущей опору в психике индивидуальной. «В истории человеческих обществ, – заключал Кареев в “Историологию”, – социальное и психическое развитие одно другим порождается, одно другим обуславливается. Раз, однако, у общества нет своего собственного чувствилища, вся социальная психика имеет характер коллективный, дискретный, и все проявления психической жизни в обществе заключаются в психическом взаимодействии его отдельных членов»². Для большей наукообразности Кареев именует процессы, происходящие внутри индивидуальной психики *интраментальными*, а психические взаимодействия между индивидами *интерментальными*. К интерментальным процессам и принадлежит «общественная психика».

Социальная сторона еще больше разворачивает историю литературы к жизни, сводя ее содержание к вопросу о положении «писательского класса» в обществе, либо к взаимодействию творчества и традиции. Как бы там ни было, решение этих вопросов прямо ставит исследователя на путь исторической эволюции. «Мы увидим, – предвосхищал Кареев, – что полная задача историка литературы – изобразить место и роль в обществе писательского класса, производительность и успешность его деятельности, взаимодействие творчества и традиции со всеми причинами и условиями влияющими на эволюцию самостоятельности первого и на эволюцию второй, но рассматривая литературную эволюцию в ее основе, мы имеем право взглянуть на все это, как на побочные обстоятельства»³.

На эволюционную точку зрения настраивает и психологическая концепция – прямой наследник прагматической ис-

¹ Кареев Н.И. Историология. С. 100.

² Там же. С. 101.

³ Кареев Н.И. Литературная эволюция на Западе. С. 46.

ториографии, – тщательно выхаживаемая Кареевым. «Все явления исторической жизни, – заботливо замечал он, – которые мы разносим по категориям государства, права или народного хозяйства, религии, философии или науки, литературы, искусства или техники и т. д., возникают и осложняются не сразу, но вырабатываются, так сказать, из нескольких зародышей, которые коренятся в самой природе человека, в самих формах психического взаимодействия, происходящего в обществе, в самих целях человеческого общежития, и каждая отдельная категория этих явлений имеет свою эволюцию – эволюцию политическую, юридическую и экономическую, религиозную, философскую и научную, литературную, художественную и техническую...»¹ Примечательно в этой цитате метонимическое сведение «человеческой природы» к психическому взаимодействию.

Обращение к эволюционной концепции необходимо Карееву для того, чтобы обосновать возможность истории литературы как науки, а уже на ее эпистемологических плечах сформировать и эволюционную теорию литературы, представляющую собой разновидность общей теории исторического процесса. Удерживая наши рассуждения в общедоступных пределах здравого смысла, вместе с Кареевым «ограничимся самым общим указанием на все более и более распространяющееся понимание истории, как *изображения эволюции*, развития в той или другой области жизни общества: теперь история не может уже быть *хронологическим каталогом фактов*, разделенным на рубрики резко отграниченных один от другого периодов, она должна быть *изображением постепенной эволюции*, возникновения нового из старого, усиления или ослабления тех или других явлений в жизни общества»². История в хронологическом и в эволюционном измерениях предстает в виде упорядоченного, последовательного ряда явлений. История не мыслима вне порядка, поскольку порядок – одна из дотопопных форм познания прошлого. Кареев пояснял свою мысль через противопоставление образа потока или течения образу калейдоскопа. «Это течение и это изменение, –

¹ Там же. С. 38.

² Кареев Н.И. Что такое история литературы? С. 1.

писал он, – в определенном и последовательном порядке есть эволюция, как бы ни нестроен, как бы ни неправилен казался нам этот порядок. Эволюция явлений – не диалектика понятий, и не причудливая смена фигур в калейдоскопе: в ней есть свои несвязанности и неправильности, но есть и своя логика: эта логика и этот порядок делают возможными и теорию литературной эволюции и историю литературы»¹. Литературный процесс – стихия совершающегося и становящегося. В своей изменчивости, текучести он неопределим. Определимо лишь ставшее, свершившееся. История, переведенная на язык традиции и последовательности, как раз и есть то, что дано, свершилось. Иными словами, только со стороны своей истории явление может быть определено. Определение литературы, то что есть литература, ее сущность – это ее история. Утверждение далеко не новое в философии истории. Кареев лишь придает ему значение общего историологического принципа, распространяющегося на все виды эволюции. Литературная эволюция не может быть адекватно понята без учета общей исторической эволюции; более того, она не может выйти за ее пределы, не может ей противоречить. «Выходит, что и эволюцию литературной деятельности невозможно изучать вне связи с общей историей общества: в ней лежат причины и условия количества, силы и направления этой деятельности», – пояснял Кареев, переходя на жаргон учителя классической механики².

Сама литературная эволюция, вторя аналитическим установкам познающего ума, дает пример последовательной дифференциации и атомизации. «Одна из сторон всякой эволюции в том и состоит, – вразумлял Кареев, – что предмет дифференцируется, целое распадается на части, а каждая часть усложняется в своем содержании и растет в объеме»³. Литература прежде всего обособляется от философии и науки, а уже затем, пользуясь плодами такого гуманитарного сепаратизма, расширяет свое содержание.

Специфическое содержание литературной эволюции сводится Кареевым к «двум основным вопросам эволюционизма

¹ Кареев Н.И. Литературная эволюция на Западе. С. 37.

² Там же. С. 42.

³ Там же. С. 11.

в литературе»: историческому отношению между литературой и жизнью и отношению между творческим и традиционными элементами в литературе. Представить эти вопросы в динамике их разрешения можно следующим образом: «Общий ход литературной эволюции заключается в ослаблении традиционности путем а) развития творчества и в) взаимодействия традиции...»¹ Последние меняются вследствие «международных влияний» и «накопления литературного материала». Рас толковывая далее свою мысль, Кареев писал, что «общий ход литературной эволюции заключается в переходе от творчества коллективного, наиболее благоприятствующего традиционности, к творчеству индивидуальному, т. е. личному в тесном смысле»².

Школьно-диссертационный инстинкт побуждает Кареева изложить свои эволюционные воззрения в двадцати двух пунктах «Общих положений о литературной эволюции»³. Количество пунктов могло бы быть и меньше, если, убрав повторы, оставшиеся положения суммировать до более концептуально концентрированного вида. В целом «положения» Кареева выглядят следующим образом:

1. в эволюции взаимодействуют творчество и традиция, что, в частности, отражается в прагматической и культурной историографии;

2. литературное творчество зависит прежде всего от самой литературы, созданных ею образов, тем, сюжетов и т. п. Это ее «ближайшая духовная среда»;

3. литературная среда сохраняется и воспроизводится благодаря подражанию литературным формам и содержанию;

4. литературная среда контекстуальна, т. е. связана с другими литературными традициями, а также имеет выход в область политики, религии, философии, лингвистики и др.;

5. литературные традиции возникают и прекращаются, т. е. имеют начало и конец своего существования. «Возникно-

¹ Там же. С. 332; «Итак, в основе литературной эволюции лежит взаимодействие творчества и традиции» (Там же. С. 333.).

² Там же. С. 333.

³ Там же. С. 65–70.

вание, сохранение и прекращение литературных традиций зависит от общих исторических условий»¹;

6. традиции не остаются неизменными;

7. традиции влияют друг на друга: пересекаются, вытесняют, поглощают одна другую и т. п.;

8. вытеснение одной литературной традиции другой или возникновение новой приводит к кризису литературной традиции;

9. раннее литературное творчество имеет коллективный характер и в значительной степени зависит от традиции;

10. на ранних этапах литературное творчество воспроизводит традиционные формы и содержание, а не явления жизни. «С развитием общества мы замечаем, что в литературе традиции постепенно вытесняются современностью, образцы живыми предметами»²;

11. в литературе происходит постепенная кристаллизация личностного начала. «История развивает личность и создает для ее творчества новый материал»³;

12. эволюция литературы характеризуется отказом от подражательности и развитием сознательных аспектов творчества;

13. в ходе литературной эволюции складывается тип творца-личности, больше ориентирующегося на оригинальное и сознательное воспроизведение жизни, чем на подражание традиционным формам и сюжетам;

14. результатом обращения к жизни становится появление новой литературной формы – публицистики;

15. рост сознательных элементов творчества вызывает к жизни литературную критику;

16. личные и сознательные элементы творчества, а также обращение к жизни приводят к «перерабатыванию литературных традиций»;

17. изменение традиции происходит на всех этапах литературной эволюции, развитие авторства и жизненности литературного творчества делают его более интенсивным, поэтому между традиционным и личностным творчеством, если их

¹ Там же. С. 66.

² Там же. С. 67.

³ Там же.

рассматривать в отношении изменяемости традиции, есть только «количественная» разница;

18. к переработке традиции подталкивает влияние жизни, по словам Кареева, «просачивание в литературу капель современности или вторжение в нее целых струй окружающей жизни»¹, проявление личной оригинальности и сознательности творчества;

19. прогресс литературы состоит в постепенном достижении идеала полного отражения действительности, осознании значения и целей литературного творчества. Отсюда вытекает необходимость публицистики и критики;

20. «При эволюции литературы в этом направлении возрастает ее общественное значение»²;

21. литературная критика или теория литературы должна быть руководительницей литературного творчества. Критика – самосознание литературы;

22. литература имеет социальный характер, является продуктом определенного класса, т. е. людей, для которых литературное творчество является родом профессиональной деятельности.

«Во всем этом отражается общая история общества, а литература находится в очень сложной и многообразной зависимости от жизненных условий общества», – заключал Кареев³.

Воспринимая историю литературной эволюции как частный случай историологии, спроецированной на литературный материал, Кареев видит один из главных его предметов в отношении творчества и традиции. Перечисляя основные вопросы, стоящие перед теорией литературной эволюции, а по сути формулируя целую исследовательскую программу, он писал: «Существует ли в обществе особый класс, занятый литературным творчеством, – социальный класс или сословие, наиболее заявляющее себя в этом творчестве, – идеи, интересы и традиции этого класса, – степень его творческой производительности, коллективность или индивидуальность, традиционность или оригинальность, сознательность и преднамеренность или бессознательность и непосредственность творчества, – каковы

¹ Там же. С. 68–69.

² Там же. С. 69.

³ Там же. С. 70.

традиционные элементы литературы, – происхождение этих традиций, – причины их утверждения, – как и почему они изменялись, – влияние на них других традиций, – что заставляло их падать и уступать место другим, – когда, в чем и почему они стесняли творчество, – освобождение творчества от традиций и какое оно было, – органичное или широкое, частное или полное, – что творчество вносило в традиции из жизни, – возникновение новых традиций и т. д. и т. п.»¹. Кареев не случайно подробно останавливался на отношениях творчества и традиции, усматривая в них системообразующее начало всякой исторической эволюции. Взаимоотношение творчества и традиции, по его словам, «присуще каждой эволюции, совершающейся в обществе, как основа механизма исторического процесса»².

Традиция – элемент консервативный, хотя и не статичный, но с трудом поддающийся изменениям. Писатель «находит уже готовой» традицию, «это ближайшая духовная среда, в которой происходит литературная деятельность»³. В то же время традиция – не застывшая данность, а сложный комплекс разнородных элементов. Более того, на литературное произведение может оказывать комбинированное воздействие сразу несколько традиций. Литературные традиции влияют, перекрещиваются, вытесняют, перерабатывают друг друга. В орнаменте геометрических скрещений «каждая литературная традиция ведет свою линию, но эти линии беспрестанно перекрещиваются, взаимно отклоняют одна другую от первоначального направления, сливаются между собою, одна другую вытесняют, подчиняет себе, ослабляет и пр. и пр.»⁴. В этой базарной толкотне традиций, в учающемся режиме пробуемых на прочность творческими импульсами, и происходит литературный процесс. Творчество вынужденно петляет между традициями. Творчество – наиболее динамичный элемент литературного процесса; только оно создает литературные произведения. «Личное творчество... есть главный фактор литературной эволюции», – объявлял Кареев⁵. Творчество та-

¹ Там же. С. 58.

² Там же. С. 330.

³ Там же. С. 47.

⁴ Там же. С. 55.

⁵ Там же. С. 333.

ким образом не произвол в хаосе традиций, а маневры компромиссов и конфронтаций, которые, будучи детерминированы субъективными и объективными обстоятельствами творческого акта, должны быть каузально объяснены. Историология литературы как раз и призвана проследить и схематично воспроизвести такую причинно-следственную связь.

В то же время способность к творчеству не является исключительным достоянием литературы. Творческий элемент присущ всякой смыслополагающей деятельности. Однако «поиск смысла» – это смыслонаправленность человеческой деятельности. Обнаружение смысловой данности не обязательно нуждается в творчестве. Смысл именно привносится, полагается, утверждается в мире благодаря человеку. Поэтому смыслополагание предусматривает привнесение чего-то нового, того что непосредственно отсутствует в наличном существовании. Таково прежде всего творчество идеалов, реализующихся в особой смысловой реальности, в явлениях, существующих только в смысловых отношениях признания, доверия, принятия, согласия – государство, право, экономика. Даже естествознание, подчиняя весь свой инквизиторский арсенал опытов, технологий и методик предмету, в пределах этого подчинения допускает «творческий процесс мысли»¹, реализующийся, в частности, в классификациях научных гипотез.

За эволюционной теорией литературы выстраивается в очередь за научным признанием целый ряд меньших братьев и сестер. Ближайшие из них эволюционная эстетика и эволюционная философия искусства. Кареев набрасывал лишь их общий концептуальный контур, обозначаемый антитезами содержания и формы, искусства и художества. Модификации формы в первую очередь сигнализируют о новом эволюционном витке. «Одна из важных сторон литературной эволюции, – подтверждал он, – заключается именно в эволюции формы в широком смысле этого слова, в выработке художественных, т. е. наглядных, осязательных и образных форм для выражения текущего содержания общественной мысли и настроения»². «Текущее содержание», вливаясь в формы и меняя

¹ Кареев Н.И. Задачи социологии и теории истории. С. 40.

² Кареев Н.И. Литературная эволюция на Западе. С. 33.

их жанрово-стилистические очертания, подстать своим нестойким настроениям, намекает на социально обусловленную природу творчества. От недостающего полшага до принципа партийности Кареева удерживает лишь эмпирико-позитивистская заикленность на опыте, вращающегося в спонтанных грезах феноменализма. «Лучшая форма та, – признавал он, – которая возникает под влиянием непосредственного чувства, а не есть результат одной выучки»¹.

Внося эстетические уточнения, Кареев предлагал различать *искусство* и *художество*. Первое из них раздваивается на искусство как умение что-либо делать и на искусственность как стремление заменить природу, приукрасить и подделаться под нее. Художество же предполагает талант, призванный творчески воспроизводить действительность и сознательно украшать естественное. Оценочную дифференциацию этих различий, учитывая эмпириопоклонство Кареева, не сложно предугадать. Художество, воспроизводя действительность, вносит в нее идеальный элемент и тем самым как бы вторит теоретико-методологическим навыкам познавательной обработки реальности. В художестве мы имеем дело с действительностью в ее новом – определенном, субъективно освоенном и символически присвоенном для последующего выгодного оборота – качестве. «Задача художества заключается в том, – писал историк, – чтобы основной характер действительных предметов сделать господствующим в их изображениях: здесь совершается выдвижение на первый план того, что принимается за существенное, концентрируются характерные признаки, типические черты предмета, обобщаются намеки и оттеняется то, что в действительности не всегда и не для всякого уловимо, в образе обнаруживается идея, будет ли это образ только условным, но привычным и понятным символом идеи или претворенным в духе художника отпечатком действительных предметов»². Нехудожественные произведения, например, деловые бумаги или философские и научные сочинения, то же могут заинтересовать историка литературы, но лишь со стороны их формы, хотя он все равно будет отводить

¹ Там же. С. 31

² Там же. С. 28.

им «второстепенное место»: «для историка литературы тут важна техника языка, важны отражающиеся в произведениях этого рода литературные вкусы и общие идеи эпохи»¹.

Между искусством и искусством нет непроходимой границы. В лучших своих образцах искусство переходит в искусство. Отличие искусства от идеального и типологически воспринимающего реальность искусства состоит в том, что оно на ощупь продвигается сквозь эмпирический лес, доверчиво подчиняя эстетический интерес многообразному мариету чувств. «Значение искусства, – отмечал Кареев, – везде одно и то же: осязательное, наглядное, образное выражение того, что интересует человека, и чем осязательнее, нагляднее и образнее это выражение, тем оно художественнее»². Искусственность уничтожительно рисуется Кареевым в таких выражениях, как «подражательные и высиженные украшения речи», «искусственная подмалевка», «шаблонность». Вот, что он об этом писал: «Искусственность состоит, как и везде, в стремлении заменить искусством то, что могло быть только естественным выражением мысли и чувства, в подражательной подделке под формы, в которых сначала не было ничего надуманного, в манерном украшении речи, не способной иметь внутреннюю, ей самой принадлежащую красоту»³. Философский близнец таковой, «как и везде», встречающейся искусственности – метафизика, на очернение которой позитивизм не жалел своего сектантского красноречия.

Положительная роль отводимая положительной же философией искусству оправдывается его подражательно-отражательными (природы, общественной жизни и т. п.) способностями. В перспективе признания социальных заслуг искусства спенсеровские вариации кареевской историологии снисходительно готовы примириться даже со своим германским антиподом. Лакейское амплуа искусства, разыгрываемое в акте жертвоприношения прекрасного полезному и общественно значимому, объясняется пока еще не в общеобязательных категориях познания, а в хронологически отслеженном постоянстве однотипных исторических превращений, «ибо искусство

¹ Там же. С. 31.

² Там же. С. 29.

³ Там же. С. 31.

всегда служило той выдающейся идее, которая господствовала в сознании общества и всегда зависело от господствовавшего тона эпохи. Наиболее места отводило искусству в философии истории немецкое направление, которое всегда слишком исключительно видело в истории развитие прекрасной индивидуальности, слишком идеалистически представляло саму жизнь и слишком высоко ставило само искусство»¹.

Незатейливая диалектика формы и содержания, отражая зеркальную потусторонность литературы, сводится к символическому дублированию посюсторонних нужд. Новое содержание требует и новые формы выражения. «Каждая эпоха, – повествовал Кареев, – имеет свою литературу: жизнь вносит в нее новые образы и идеи, темы и сюжеты»². Эпоха опознается через единство, соразмерность, определенное пропорциональное соотношение формы и содержания. Эпоха фиксирует систему соответствий формы и содержания, надстраиваний и отражений реальности и искусства.

Кареев не тратил лишних интеллектуальных усилий на разработку теории отражения, а лишь ограничивался общими соображениями о роли литературы в образном воспроизведении жизни. «Идейное содержание жизни, – проводил он свою мысль, – во всей своей полноте и неотрванности от реальной почвы составляет главную суть литературы в том смысле, в каком она делается предметом исторического изучения»³. Литература, как и вообще искусство, отражает жизнь не буквально, а уже ее идеально представленный и осмысленный образ. Дублируется не сама действительность, но ее смысл. Более того, всякое познание, как будет настаивать эмпириокритицизм, является символическим. Литературные произведения «воспроизводят жизнь, как она представляется в народном сознании, не самые факты действительности, а их переработку в горниле мышления и художественного творчества»⁴. Иногда Кареев в пылу позитивистского усердия рождает настоящие философские оксюмороны, ратуя, например, за сущность без отвлечения. Буквально он пишет следующее: «искусство

¹ Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. II. С. 85.

² Кареев Н.И. Литературная эволюция на Западе. С. 35.

³ Кареев Н.И. Что такое история литературы? С. 20–21.

⁴ Кареев Н.И. Литературная эволюция на Западе. С. 34–35.

стремиться воспроизвести действительность, по мере возможности сохраняя сущность воспроизводимого, т. е. избегая абстракций, стараясь выразить все конкретно, в живых картинах, индивидуальных образах, представить идею не в отвлеченных понятиях, а в живом, индивидуальном факте»¹. Впрочем, отражающие способности литературы могут варьироваться в пределах от протокольной фиксации происходящего до чистого вымысла, что позволяет Карееву фиксировать для литературы разные «степени близости и отдаленности от жизни»². Вместе с отражением жизни литература воспроизводит и историю, в том смысле, в каком история и есть ничто иное, как осознанная жизнь. По словам Кареева, «все движение народной жизни, которому мы даем имя истории, отражается на литературе, внося в нее новые образы и идеи, новые темы и сюжеты; общественная мысль и настроение каждой эпохи зависят от исторического момента»³. Продолжая тему, историк распространял принцип отражения и на другие повествовательные дисциплины. На удочку реализма, заманивающей конъюнктурной наживкой злободневности, попадаетея и история. «И другие роды литературы способны к тому же отражению жизни, – признавался Кареев, – например, история, которая может подыматься до искусства и служить орудием для воплощения общественных идей... историческое искусство, историческая философия, нередко ложащаяся в основу публицистики, тесно соприкасается с областью историка литературы»⁴. Символические ряды истории и литературы сопрягаются в смысловом скрещении их общих путей к реальности. Литература и история не обладают имманентным смыслом, но лишь посредством верификации своих высказываний подтверждают статус смысловой копии реальности. Впрочем, копия, узурпируя инициативу, порой может влиять и на жизнь; в этом, в частности, проявляется «социальная роль» литературы. Компромиссный вывод Кареева достаточно банален: «общее отношение жизни и литературы есть взаимодей-

¹ Кареев Н.И. Что такое история литературы? С. 14–15.

² Кареев Н.И. Литературная эволюция на Западе. С. 30.

³ Там же. С. 34.

⁴ Кареев Н.И. Что такое история литературы? С. 19.

стве»¹. Кареев, конечно, признает неравноценность таких взаимовлияний; по отношению к жизни литература занимает второстепенное положение. Согласно наблюдению ученого, «в общем литература гораздо ближе зависит от жизни, чем наоборот – отсюда общая зависимость литературной эволюции в тесном смысле... от культуно-социальной эволюции общества, взятой в ее целом. А также и отражение неровного хода жизни на перипетиях истории литературы»².

Если же попытаться уточнить, что же все таки отражает литература, то ответ Кареева будет – бессознательную философию. «В основе всех идей и отношений в обществе, – разъясняет он, – лежит, так сказать, известная бессознательная философия, в которой и заключается характер народа и дух эпохи: эта общественная философия, – мысль и настроение, – проявляется решительно во всех сторонах жизни, хотя не везде одинаково непосредственно и одинаково полно...»³ «Бессознательная философия» только на первый взгляд прикрывается маской индивидуализирующего принципа культуры. За парадоксальностью насильственно сведенных в единое выражение взаимоотталкивающихся понятий (сродни «бессознательной философии») могут быть только «беспамятная история» или «бесмысленная мысль») скрывается затертое повседневным употреблением «мировоззрение». «Бессознательная философия» еще один позитивистский эвфемизм для «мировоззрения». Стыдясь метафизического прошлого мысли и испытывая явный историко-философский комплекс, позитивизм стремится низвести философию до мировоззрения, т. е., по сути, опустить ее на дотеоретический и дорефлексивный уровень. «Понятно, – писал Кареев на следующей странице, – что такая философия состоит из теоретических и практических мировоззрений, всем дорогих и всем понятных: в них – нравственные устои жизни, деятельности и мысли, не отвлеченные философемы школы, не отвлеченные доктрины социальной науки»⁴. Своеобразный демократизм расхожей и узнаваемой «бессознательной философии» всеобщностью своего объема

¹ Кареев Н.И. Литературная эволюция на Западе. С. 320.

² Там же. С. 324–325.

³ Там же. С. 18.

⁴ Там же. С. 19.

хорошо подстраивается под главные критерии литературы – общедоступность и общепонятность. Теперь, после сверки совпадающих объемов, механизм отражения может действовать автоматически. «Бессознательная философия» или, если воспользоваться другими вариантами, «философия всей современной жизни», «общая философия века», которая, по выражению Кареева, полезнее, «чем сотни схоластических философствований»¹, может примерять на себя разные формы. Но точно одно: менее всего для нее подойдет разумная (т. е. собственно философская) форма. Зато вполне пригодной в этом отношении может быть, например, поэзия. В своей «пушкинской речи» Кареев, в космополитическом воодушевлении направляя свое рассуждение в нужное русло европеизма, следующим образом аттестовал «бессознательную философию»: «У каждого времени, у каждой эпохи есть такая дума, более или менее объединяющая всех современников, такое преобладающее чувство, которое является следствием переживания известного исторического момента. Эта дума охватывает душу поэта сильнее, чем иных смертных, и никто не умеет поведать ее миру с таким могуществом как поэт. Отсюда его сила, отсюда его влияние на современников... Такой поэт прежде всего поэт национальный, и в то же время он может стоять и выше все-таки тесных рамок национальности, когда его народ живет общеземной жизнью с другими народами и вместе с ними испытывает одинаковую смену исторических течений»².

Поэзия, особенно в ее первобытном состоянии, представляет собой «зародыш», «прототип» или «эмбрион и основу нашей литературы». В ранней поэзии или в «народной поэзии», как в исходном целом пребывают в синкретизме и наука, и философия, и религия, и знания, и мировоззрение. Народная поэзия дает пример традиционного типа творчества, лишённого личностного начала. «Здесь поэт не имеет еще своей определенной физиономии: он воспроизводит чужие песни, слегка их изменяя, он не придумывает своей темы, не создает своего сюжета, не творит нового образа, не вносит новой идеи; все изменения производятся бессознательно и непосред-

¹ Кареев Н.И. Что такое история литературы? С. 18.

² Кареев Н.И. Пушкин как поэт европейский. С. 2–3.

ственно; припоминание слышанного играет большую роль, чем деятельность воображения; само воображение ограничено традиционной сферой»¹. Мировоззренческая всеядность поэзии, кажется, лучше всего подготавливает ее для художественного оформления «бессознательной философии»; в ней звучат преобладающие в данную эпоху мысли и чувства: «Особенно прямо и полно выражается идейное содержание жизни в поэзии народа»². Вместе с этим поэзия отражает и личную жизнь, «изображает движения человеческого сердца»³. Последующий процесс литературной эволюции состоит в постепенном выделении или, по словам Кареева «дифференцировании», первоначально сросшихся в народной поэзии элементов: теологии, философии, науки, морали, политики и права, истории. Одновременно кумулятивно нарастает и личный аспект творчества, значение традиций слабеет. В рамках историко-литературного процесса дифференциация приводит к обособлению от художественного творчества литературной критики и публицистики. Публицистика имеет дело с сиюминутным, рассматривает и оценивает явления общественной, а не личной жизни. Критика же «служит органом специально-литературных идей... они тоже своего рода философия, философия литературного творчества»⁴, она дает понимание задач, целей, приемов и способов художественного творчества. «Во всяком, однако, случае, – заключал Кареев, – центральное место в истории литературы должна занимать поэзия, а критика и публицистика уже представляют из себя переход к философии и науке...»⁵

Эволюционная перспектива, просматривающаяся сквозь бездорожье литературных эпох, начинающаяся с тематической неразборчивости народной поэзии и заканчивающаяся художественной стерильностью критики и публицистики, меняет и сам тип творчества. Традиционные и коллективные формы уступают место авторству, отпустившему на волю воображение и черпающему содержание своих произведений уже

¹ Кареев Н.И. Литературная эволюция на Западе. С. 52.

² Кареев Н.И. Литературная эволюция на Западе. С. 19.

³ Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. II. С. 83.

⁴ Кареев Н.И. Что такое история литературы? С. 21.

⁵ Там же. С. 13.

не только и не столько в традиции, а и в окружающей жизни. «В этом и состоит одна сторона литературной эволюции, в развитии личной оригинальности, в усилении личной инициативы, в увеличении свободы личного творчества»¹. Добавим, сторона, о которой говорит Кареев, – главенствующая. Личность, контрабандой принимая на себя телеологическую функцию, стягивает и упорядочивает всю литературную эволюцию. Ритмика тянущихся к личности литературных форм заглушает антиномический скрежет самого процесса, грозящего в несварении принципов воображения и отражения, купно возрастающих по ходу эволюции, перевести в жанр парадокса и всю кареевскую теорию. Рост оригинальности также на деле карикатурно достигает своего пика в оригинальничании и эпатаже последних плодов эволюционного дифференцирования – критике и публицистике.

Кареев неоднократно, особенно в полемике с А.Н. Веселовским, упирал на принцип личности, превращая его в свой главный теоретический козырь (в виде тезиса «о постоянном и постепенном развитии личного начала в поэтическом творчестве»²), побивающий все основные аргументы противника. Для большего эффекта Кареев переводил свой тезис в средство массового убеждения и применения, т. е. «тезиса, которому я придаю более широкое и общее значение, так как распространяю его и на другие виды человеческой деятельности, взятой в ее исторической эволюции»³. Частным образом, как отмечал Кареев, о необходимости стать на историческую, а не только эстетическую точку зрения в изучении романа, указывал его университетский учитель Ф.И. Буслаев в статье «Значение романа в наше время». Кареев же раздувал значение принципа личности до универсальных параметров всеобъясняющего принципа, пригодного для всех дисциплин, допускающих историческое измерение. Переходя затем в наступление на чужой территории, он громит А.Н. Веселовского его же оружием: привлекает цитаты и факты из статьи А.Н. Веселовского, подтверждающие положение о постепенном освобождении личного творчества из пут коллективно-традиционного.

¹ Кареев Н.И. Литературная эволюция на Западе. С. 51.

² Кареев Н.И. К теории литературной эволюции. С. 2–3.

³ Там же. С. 3.

Свой тезис Кареев считал полученным «скорее путем дедукции», хотя точнее надо бы сказать, аналогии. Подобный ход мысли в исторической науке уже был применен в либерально сориентированных конструкциях «государственной» школы. Неотрефлектированная, по крайней мере явно, Кареевым аналогия была скорее всего вызвана рано пробудившемся мемуарным инстинктом: в данном случае университетскими воспоминаниями.

Статьи, вошедшие во второй том сочинений с характерным названием «Философия истории в русской литературе», представляют собой по большей части обширные рефераты. Статья о Толстом на их фоне выделяется большей определенностью авторской позиции, артикулированной, надо думать, именно благодаря вписанности рассматриваемого предмета в круг исследовательских интересов Кареева. Основные идеи, высказываемые здесь Кареевым, полностью соответствуют его представлениям об историческом процессе, изложенным в специальных сочинениях. Новым является повод для рассуждений: не группировка фактов и не историографические обзоры, а своеобразная художественная историография, т. е. определенным образом уже осмысленный материал. Более того, осмысленный образно, художественно. Кареев критически наслаивает на взгляды Толстого свое «узко специальное» понимание. Спотыкаясь на ступеньках рефлексивной пирамиды, невольно достраиваемой даже при, казалось бы, предельно отстраненном изложении, приходится признать, что Кареев подходил к художественному произведению как историк-теоретик, т. е., с одной стороны, рассматривал его с точки зрения содержания, соответствия его действительности, с другой, меряет его на аршин своей историологической концепции.

Через тридцать лет Кареев повторил свой опыт художественной историографии в брошюре «Французская революция в историческом романе», написанной в силу «случайного обстоятельства», роль которого сыграло чтение книг о Французской революции в «одном поместье», где Кареев проводил лето 1917 г. Вернувшись в Петроград, он «дополнил это чтение» другими произведениями. Параллельно Кареев работал над книгой о Французской революции. «Войне и мире» Толстого, правда, здесь уделено лишь несколько строк в примеча-

нии: «Этот знаменитый великий роман Толстого и является исторической поэмой на философскую тему о двойственности человеческой жизни, – поэмой, в которой переплетаются между собою фактическая семейная хроника с реальной национальной эпопеей»¹.

Сравнение художественного произведения, в частности, исторического романа с научной историей показательны по крайней мере в том отношении, что оно позволяет провести границу между искусством и наукой, как между вымыслом и отражением реальности. «Художественное творчество и научное исследование, – писал Кареев, – имеет каждое свои задачи, свои права и свои законы, и для существования исторического романа есть свои основания, хотя бы он и не мог быть полным и совершенным отражением действительности, к которому стремиться историческая наука»². Различие между историческим романом и историографией постепенно выявляется в игре модальностей: серии калейдоскопических переходов от действительного к должному и возможному. Крайности демаркационного рассечения, обозначенные онтологией истории и деонтологией поэзии, неосознанно сводятся Кареевым, когда рассудочные фильтры дают сбой и на поверхность выступает изнанка силлогизма – оговорки. Тогда оказывается, что постановочный сценарий представления предписывает истории познание того, что есть в той же степени, в какой составляет за поэзией сферу должного и возможного. Многословное разъяснение Кареева выглядит следующим образом: «Между историей и историческим романом существует тесное родство. Еще сто лет тому назад было в обычае рассматривать историю не в ряду других наук, а в ряду других искусств, именно искусств изобразительных, воспроизводящих действительность в образах, т. е. ставить историю недалеко от живописи и скульптуры и совсем близко к поэзии. Разница между историей и поэзией полагалась в том, что последняя изображает действительность, как она могла бы или должна бы быть, а первая – так, как она была на самом деле. Другими словами, в истории подчеркивалась возможность художественного вос-

¹ Кареев Н.И. Французская революция в историческом романе. Пг., 1923. С. 149. прим.

² Там же. С. 153.

произведения прошлого и отодвигалась на задний план научное его объяснение и философское понимание. В настоящее время история мыслится шире, чем сто лет тому назад, не в смысле творчества образов, а в смысле созидания адекватных, т. е. вполне соответствующих прошлой действительности понятий, формул и схем. Это не упраздняет, конечно, художественной истории и не вырывает пропасти между историческим романом и ею. Оба вида литературы занимаются воспроизведением прошлого, но если история должна передавать лишь реальную правду, то, что было, как оно было, то самая сущность исторического романа заключается в сочинительстве, в выдумке того, чего не было, но что могло бы быть по условиям времени и места. Нужно только, чтобы вымышленные образы, положения, происшествия были правдоподобны...»¹ Среди исторических романов можно провести градацию по степени их всамделешности или приближения к научно-историческим сочинениям: роман приключений, нравоописательный или историко-бытовой роман, социальный роман. «На почве социальной истории только и развивается история нравов. Центр тяжести исторического романа – в романе социально-историческом», – заключал Кареев². Всякое историческое повествование, как научное так и художественное, неизбежно предполагает прагматическую сторону, т. е. выстраивание фактов в причинно-следственную последовательность. Тем не менее, не смотря на такое каузальное единообразие для художественного воспроизведения остается недоступна культурная сторона истории, т. е. эволюция общественных форм (экономических, юридических, политических...). Несоответствие обнаруживается и в масштабе воспроизводимого. Роман повествует о судьбе отдельного лица, семьи, кружка и т. п., в то время как история рисует судьбу нации.

Противоречивость сведения в единое произведение истории и вымысла в полной мере проявилась в романе Толстого. Кареев рассматривал его «как синтез поэзии, истории и философии, этих трех главных органов человеческого самопознания»³ и сравнивал с «Божественной комедией» Данте. Каждая

¹ Там же. С. 7–8.

² Там же. С. 10.

³ Кареев Н.И. Историческая философия в «Войне и мире». С. 109.

из трех частей произведения – роман, история, философский трактат – самостоятельны и связаны между собой «переходными моментами». Кареев критиковал трактатную часть «Войны и мира» за надуманность, искусственность, неорганичность с композиционной и художественной стороны. «Мало того: так как центр тяжести всего произведения лежит в романе, и так как философский трактат примыкает непосредственно только к исторической части, которая сама занимает в целом все-таки второстепенное место, то трактат этот, кроме того, и по отвлеченности своей столь мало подходящий к художественной образности двух других частей, и кажется каким-то совершенно лишним придатком, нарушающим гармонию целого»¹. Отсюда задача кареевского разбора: «Вскрыть это механическое целое, чтобы обнаружить в его основе единство другого рода, единство внутреннее, его самую общую концепцию»². Иными словами, найти «цельную идею романа», показать циклическую закругленность всех его частей: роман – история – философский трактат – роман.

Основная мысль, выраженная в «Войне и мире» – мысль о двойственности человеческой жизни – как бы надстраивается над композиционным делением произведения на художественную часть (роман) и историческую часть, придающих стереоскопическую объемность содержанию. «Другими словами, – уточнял Кареев, – роман и история – две формы, под каждую из которых скрывается одно и то же, хотя и двойственное содержание, т. е. изображение человеческой личности и исторического движения в их взаимных отношениях»³. Двойное воздействие оказывает история на человека: на его внутренний мир и на формы общественной жизни. Так обнаруживаются психологическая и социологическая стороны самой истории, засвидетельствованные Кареевым в его многостраничной борьбе с исторической закономерностью. Понимая, что история как наука, строяемая по образцу естествознания, не может пройти мимо идеи исторической закономерности, Кареев, признавая однократность и неповторимость исторических событий, выводит историческую закономерность за

¹ Там же.

² Там же. С. 110.

³ Там же. С. 111.

пределы исторического процесса, в ведение других наук – психологии и социологии. Кареев указывал на замечательное описание Толстым психологической стороны воздействия истории на человека и в то же время отмечал, что с социологической стороны он «допускает огромный пробел в своей исторической философии», отрицая влияние форм общественной жизни на «настоящую жизнь людей со своими существенными интересами»¹.

Бережное отношение к факту, сохраняющему первоначальную прозрачность своей подлинности, с одной стороны, и неприязнительное дистанцирование от мутных разводов воображения, с другой, в понимании Кареева, интонируются явными нотками одобрения. «У Толстого, – писал он, – исторический факт представляется без искажающих прекарас, а вымысел не возводится на степень исторического факта, решившего судьбу события»². Отфильтрованная в демаркационной реторте диспозиция реальности и вымысла, удовлетворяющая самым строгим таксонометрическим привычкам сознания, осложняется, пожалуй, главной чертой творческого облика Толстого – реализмом. «Реалистическую тенденцию» Кареев усматривал и в романе, и в истории, и в философском трактате, т. е. «трех главных элементах» произведения Толстого. Кареев слишком много вкладывает в понятие «реализм» и слишком многому его противопоставляет, чтобы ограничиться его обыденным пониманием. Ближайшим образом реализм, конечно, вызревает в творческой лаборатории писателя: «Толстой переносит реалистическую тенденцию своей поэзии в область истории и исторической философии, устраняя из них идеализацию и идеологию»³.

В широком смысле реализм противопоставляется идеализму. Однако лукавая природа идеализма позволяет говорить по крайней мере о трех его значениях. Во-первых, это творчество идеалов, в которых воплощается представление о должном, во-вторых, воспроизведение того, что есть на самом деле и в третьих, идеализация, т. е. приукрашивание действительности.

¹ Там же. С. 113.

² Там же. С. 115.

³ Там же. С. 149–150.

В качестве антипода идеализма реализм рассмывается Кареевым на шесть подвидов. Три вида реализма: феноменология, эмпиризм и реализм в тесном смысле уже оправдали свое научное бытование обезвреживая худшие последствия выедающего реальность идеализма. Однако и реализм способен принимать уродливые формы. Таковы, *крайний объективизм*, заикленность на *эмпирически-конкретном* и ограничение *одним анализом реального*. Тем не менее, не следует понимать реализм как вещепоклонство и онтофилию. Реальность самого «научного реализма» удостоверяется опытом и наблюдением, редуцируемым, согласно Карееву, к психике. Психические подпоры несут на себе все здание общественной науки. «Прежде всего, – писал Кареев, – мы видим, что в основе общественной жизни лежит всегда психологическая связь между отдельными особями. Эта психическая связь есть вполне реальное явление, доступное нашему опыту (в данном случае внутреннему) и наблюдению (даже чисто внешнему). Но сама эта связь есть не что иное, как одно из проявлений психической или духовной жизни вообще, состоящее опять-таки из совокупности реальных явлений особого характера. Отсюда требование действительно-реалистической социологии – принимать в расчет психический элемент всякого общественного бытия»¹.

Идеализация имеет место и в литературе, особенно в мифологии, классицизме и романтизме. Здесь ей также противостоит реализм. «Итак, – подытоживал Кареев, – реализм противоположен не чему иному, как именно идеализации, которая одинаково может встречаться как в области поэзии, так и в области историографии»². Взыскующий объективности взгляд историка констатирует, что «одна из особенностей русской литературы вообще и произведений Толстого в частности заключается в таком сочетании реализма с идеализмом, при котором существующее на самом деле не смешивается с должнствующим существовать, и в воспроизводимой жизни усматривается не одна голая “натура”, но и стремление к идеалу, – чем наш реализм выгодно и отличается от французского

¹ Кареев Н.И. Задачи социологии и теории истории. С. 48.

² Кареев Н.И. Историческая философия в «Войне и мире». С. 118.

натурализма»¹. Идеализация в литературе может принимать вид субъективизма (национального, партийного, профессионального) или «оптимистического признания разумной закономерности» истории. Ничего этого нет у Толстого. «Таким образом, – делал вывод Кареев, – Толстой чужд идеализации и идеологии, т. е. выдачи своего идеала за реальный факт и отвлеченной идеи за реальную вещь... В этом и стоит его исторический и философский реализм»². «Реалистическая тенденция», красной нитью пронизывающая и поэзию, и философию, и историю в «Войне и мире», так увлекает Кареева, что он не может удержаться от прогностического искушения и предрекает русской философии реалистическое будущее. Грандиозная фигура Толстого, отбрасывая благословляющим жестом реалистическую тень на русскую мысль, вырастает до парадигмы всей русской философии. Не могу, в свою очередь, удержаться, чтобы не процитировать этот несколько формализованный условным силлогизмом деонтологический гештальт Кареева: «Если от способа проявления русского ума в романе позволительно сделать заключение о том, каково будущее русской самостоятельной философии, то нужно признать, что ей предстоит быть также реалистической – без изгнания идеализма и из этой сферы, с отнесением идеализма к творчеству идеалов»³.

Впрочем, не эти герменевтические грезы побуждают Кареева обратиться к роману Толстого. Задетым оказывается либеральный инстинкт историка; проблема личности и ее существования в истории не оставляют Кареева в покое. Главная задача Толстого, в интерпретации Кареева, – показать как человек действует в истории и как история действует на него; «общая философская мысль» Толстого в романе состоит в том, чтобы раскрыть, с одной стороны, участие и значение всех людей, а не одних только великих личностей, в исторических событиях и, с другой, проследить влияние этих событий «на личную жизнь и личную судьбу самих этих людей», а не только на государства, нации, политические системы. Историю, полагает Толстой, делает народ, но показать действие

¹ Там же. С. 117.

² Там же. С. 124–125.

³ Там же. С. 118.

всего народа невозможно, поэтому писатель выводит «типических представителей», созданных его воображением, это «лица суммирующие в нескольких образах массы индивидуумов, однородных по характеру или общественному положению, однородных на протяжении всей своей жизни или в отдельные моменты»¹. Подмеченная Кареевым типологизация симптоматична не только для реалистической литературы, но и для историко-методологических поисков эпохи.

Вся позитивистски-прогрессистская концепция Кареева зациклена на принципе личности. К ней сводятся основные вопросы историологии, от нее перебрасываются мосты к другим проблемам. «Историю совершает деятельность личностей, – писал Кареев с оглядкой на Г. Спенсера, – это должно быть основным принципом историософии; каждая из личностей, создающих историю, в своей деятельности так или иначе обусловлена – это принцип философии. Но поведение людей вообще подчинено известным законам, исследовать которые могут биология, психология, социология, и в нем, поведении этом вообще, мы можем различать разные степени развития»².

Нелесное мнение Толстого о современных историках и состоянии исторической науки также задевает профессиональное самолюбие Кареева. Толстой, как не без основания полагает Кареев, не был знаком с соответствующей специальной литературой и его возражения являются или запоздалыми или некомпетентными. «Словом, – заключал ученый, – для Толстого все представители исторической науки только “мнимо-философы-историки”. Вместо тех идей, которые, по мнению Толстого, руководят всеми историками, он ставит свои, исходя из того, что история должна иметь свою теорию, которую он называет философией истории. Такая теория давным-давно вырабатывается, но Толстой как-то это игнорирует»³.

Игнорирует Толстой и историологическое понимание законов истории, само состоящее в игнорировании таких законов. Толстой упорно продолжает твердить о законах истории

¹ Там же. С. 115.

² Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. I. С. 139–140.

³ Кареев Н.И. Историческая философия в «Войне и мире». С. 129–130.

совершенно не замечая тех контрастных оттенков, какие в понятиях «закон» и «причина» способен различить такой тонкий терминологический дегустатор, как Кареев. «Толстой, говоря о законе в истории, имеет в виду... силу вещей, которой он хочет без остатка подчинить человеческие поступки»¹. Историческая закономерность принимает у Толстого формы фатализма и провиденциализма, что, кстати, сближает его взгляды с суждениями П.Я. Чаадаева и С.С. Уварова. «Формула фатализма такова: имеющее случиться – случиться», – резюмировал Кареев². Необходимость в истории осмыслиется Толстым как непреодолимость и непредотвратимость, а не как причинность. Использование же Толстым выражения «законы истории» Кареев и вовсе считал «недоразумением». На этом фоне Кареев обрушивал на многогрешную голову Толстого поток новых обвинений. Даже с внешней, текстовой стороны историко-философские измышления Толстого выглядят неполными, отрывочными и необработанными. «Толстой, – с прокурорским усердием настаивал Кареев, – набрасывал свои мысли на бумагу в период их брожения... его историческая философия, какую мы находим в “Войне и мире”, напоминает написанные начерно отрывки из большого сочинения, еще не получившего своего плана»³. Сюда же относится «неопределенность понятий, употребляемых Толстым, недостаточная выработка его философского языка – в значительной степени затрудняют правильное, т. е. согласное с намерениями автора, понимание его идей»⁴. В итоге Кареев уличает Толстого в обесмысливании исторического процесса, вкладывая в представление о смысле истории весь содержательный скарб своей либерально-позитивистской учености: *идеалы*, на основе которых преобразуется действительность, *личности*, творящие эти идеалы и их реализующие, *прогресс* как постепенное движение к этим идеалам под действием их телеологического притяжения.

Но, пожалуй, главный недостаток, отмечаемый Кареевым у Толстого, – «непонимание самостоятельного содержания

¹ Там же. С. 135, 144.

² Там же. С. 143.

³ Там же. С. 130.

⁴ Там же. С. 133.

истории, ее социологической стороны»¹, «индифферентизм к общественным вопросам»². Писатель полностью игнорирует социальную сторону исторического процесса; «теория Толстого находится в теснейшей связи с его отрицательным отношением к общественной деятельности, которая и есть один из факторов истории, и предпочтением, оказываемым им деятельности бессознательной перед сознательной деятельностью»³. Толстой признает только коллективное воздействие личностей на события и влияние событий только на внутренний мир личности, совершенно упуская формы общественной жизни. «Смысл видит Толстой в одном личном быту, и здесь он является пророком *нравственного обновления*, но смысл жизни исторической для него закрыт», – заключал Кареев⁴.

Недостатки философско-исторических представлений Толстого, изничтожая реалистические достоинства произведения, прямо переходят в нелицеприятные выводы Кареева. Общая его оценка такова: философия Толстого не может быть философией общественной и исторической. Социальный индифферентизм, фатализм, а, главное, пренебрежение к основополагающему принципу всей кареевской историологии – принципу личности – не позволяют ученому признать в Толстом исторического мыслителя. На многих страницах пространной статьи Кареева его профессиональное возмущение выливается в критические сентенции. «В самом деле, – обобщал он, – вся историческая философия “Войны и мира” сводится к отрицанию роли личности и личной инициативы в истории: история для Толстого есть массовое движение, совершающееся роевым образом, причем великие люди являются только “ярлыками событий”, т. е. не имеют никакого самостоятельного значения, или слепыми орудиями рока, т. е. рассматриваются, как лишенные собственной воли, хотя бы и имеющей достаточные основания в личных отношениях»⁵. И далее, «историческая философия “Войны и мира” фаталистична, и, что особенно интересно, Толстой видит, как мы упоми-

¹ Там же. С. 150.

² Там же. С. 141.

³ Там же. С. 138.

⁴ Там же. С. 151.

⁵ Там же. С. 137.

нали, главные орудия в тех лицах, которые по его же словам, наименее участвуют в событиях: призраки – в роли исполнителей вселенской судьбы! Может ли быть большее противоречие?»¹ Рассудочная одномерность позитивистской научности, конечно, не может смириться с противоречивостью, а тем более с терминологическими вольностями художественного мышления. На профессиональный взгляд Кареева толстовская «историческая философия представляет собою смесь удивительно верных и поразительно неверных идей с массой внутренних противоречий, которые объясняются и малой выработанностью изложения и недостаточной продуманностью мысли, и полным пренебрежением к большей определенности понятий»². Итог пристрастного научного надзирания выглядит следующим образом: «Процесс без внутреннего содержания, без цели, достижения которой мы могли бы от него добиваться, сами участвуя в этом процессе, чисто фатальный ход непреодолимой силы вещей, устранивающий всякую возможность суда над ним с нашей стороны, вне чисто моральной оценки поведения действующих в событиях лиц, действие какого-то “закона”, превращающего живых людей в часть громадного механизма, – вот что есть история, по представлению Толстого»³.

Если теперь оценочный прицел направить в сторону самого Кареева, то придется констатировать, что работы ученого по теории литературной эволюции не занимали доминирующее положение в его научных поисках, хотя и были связаны с его концептуальными разработками философско-исторических проблем. Тем не менее, оглядываясь на свои философско-исторические представления, Кареев сумел предложить проект самоценной литературоведческой доктрины. Как отмечает современная исследовательница, имея в виду «Литературную эволюцию на Западе»: «Кареев же в своей книге принял не столько обоснование частного метода эволюционизма, сколько разработку целой структуры литературоведения».

¹ Там же. С. 142–143.

² Там же. С. 150.

³ Там же. С. 151.

ния»¹. Ценность кареевского подхода состояла в перенесении на историю литературы опробованных в историографии приемов, в частности, психологизации (как в прагматической историографии) или вычленение принципа личности (как в либеральной историографии). Взгляд на историю литературы и литературное творчество как на частное проявление исторического процесса не исчерпывает всех хитросплетений проблемы «история и литература» в последней четверти XIX и начале XX в. Исторический эволюционизм позитивистского толка оспаривался целым рядом альтернативных учений от символизма и софиологии до неокантианства, космизма и марксизма. «Эстетизация истории в русской философии, – пишет К.Г. Исупов, – была формой противостояния позитивистской историографии»². На их фоне многотомные глыбы кареевских сочинений выступают главной опорой академического философствования эпохи. И все же их реанимация представляет уже чисто раритетную ценность, а позитивистская ветхость выводов может вызвать только антикварный интерес, что, однако не умаляет масштабность фигуры Кареева в русской историографии и значительность созданного им как в области всеобщей истории, так и в философии истории и социологии.

В заключении рассмотрения философско-исторического учения Кареева стоит еще раз подчеркнуть многочисленность его работ по социологии и философии истории, полный обзор которых приведет к неизбежным повторам. Постоянство его философско-исторических представлений объясняется верностью основным постулатам позитивной философии. Взгляды Кареева, конечно, изменялись, хотя и незначительно, но в целом его философско-историческая концепция представляет вариации на одни и те же темы. Вариативность была вызвана восприятием других философских учений, прежде всего неокантианства, «субъективной школы» и пр., что придавало работам Кареева эклектический оттенок, порой переходящий в контрасты противоречий. Категорически против признания

¹ *Ефименко В.П.* Н.И. Кареев и академическое литературоведение // Николай Иванович Кареев: человек, ученый, общественный деятель. Сыктывкар, 2002. С. 72.

² *Исупов К.Г.* Русская эстетика истории. СПб., 1992. С. 12.

неокантианского следа в творчестве Кареева выступал томские историки Б.Г. Могильницкий¹ и Л.Н. Хмылев². Теоретические вопросы истории подразделялись Кареевым на учение об историческом процессе, учение об историческом знании и на проблемы преподавания истории (историческая методика). Доминирующими в творчестве исследователя были проблемы исторического процесса. В учении об историческом познании и в исторической методике в основном повторялись те базовые положения, которые были обоснованы в теории исторического процесса.

Философию истории Кареев понимал как абстрактно-феноменологическую дисциплину. Это означало, что философия истории опирается на историографию, т. е. науку описательную, или в терминологии Кареева, «феноменологическую» (описывающую явления). При этом, как настаивал ученый, описание явлений не возможно без обобщающей (абстрагирующей точки зрения) на историю, что и приводит к философии истории. Из всех разделов в историографии ближе всего к философии истории стоит самая масштабная из исторических дисциплин – всеобщая история. Вместе с тем, Кареев сохранял деление народов на исторические и неисторические.

Согласно Карееву, философия истории рубрицируется на историологию (теорию исторического процесса), историку (теорию исторического знания) и историософию. Историология занимается историей как реальным процессом и одновременно допытывается законов общественного развития, что сближает ее с социологией. В своих историологических работах ученый пытался применить к истории эволюционную точку зрения. Он полагал, что специфических законов истории не существует и в исторической реальности действуют законы социологии и психологии. Ход исторического процесса определяется совокупным переплетением нескольких факторов: природно-климатического или внешней среды, влияния других народов, расово-антропологических особенностей населе-

¹ *Могильницкий Б.Г.* Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики. С. 174–175.

² *Хмылев Л.Н.* Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX – начала XX вв. Томск, 1978. С. 14.

ния, над-органической среды или культуры и условий исторического воспитания, действия человеческих личностей.

Проблемное поле историософии определяется возможностью субъективной точки зрения на историю и в истории. В ней рассматриваются вопросы о цели и смысле истории, о роли личности в истории, о прогрессе. Учение о прогрессе Кареев относил к области номологии истории, т. е. связывал с теми проблемами, которые изучает социология. В целом в историософии реализуется деонтологический взгляд на историю. Общественно-исторические события, согласно Карееву, относятся к области моральных явлений. В то же время, он постулировал единство естественных и моральных наук, поскольку едины законы мироустройства. Однако между моральными и естественными науками есть и различие – это различие между существованием и долженствованием. Прогресс в истории состоит прежде всего в развитии человеческой личности и обнаруживается в нескольких областях: умственной, нравственной, политической, юридической и экономической. Реальный ход исторического процесса определяется взаимодействием личности со средой, как внешней, так и над-органической.

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ П. Г. ВИНОГРАДОВА

Научная биография Павла Гавриловича Виноградова (1854–1925) распадается на два периода: московский и оксфордский. Виноградов как бы предвосхищает судьбу многих русских ученых и мыслителей, вынужденно оказавшихся в XX в. в эмиграции. В зависимости от периодов различается и сфера научных интересов Виноградова: в Московском университете он работал кафедре всеобщей истории (1877–1901), в Оксфорде занимал кафедру сравнительного правоведения (1903–1925). Хотя преемственность в его исследованиях в московский и оксфордский период, несомненно, была. «Как и многие другие, и я начал с изучения политического строя, но затем незаметно был приведен к исследованиям по правовой и социальной истории», – признавался он английским слушателям 1 марта 1904 г. во вступительной лекции в Оксфордском университете¹. Характеристики, даваемые Виноградовым своему предшественнику по кафедре сравнительного правоведения Г. Мэну, могут быть отнесены и к нему самому. «Предметом его исторических исследований, – писал ученый, – было не столько решение детальных вопросов, сколько проложение дороги для общего обзора правовой эволюции»². Специальные исследования Виноградова по средневековой истории, прежде всего его фундаментальные работы по генезису феодализма, строились не только на изучении фактического материала, но и предполагали восстановление более широкого контекста правовых, экономических и социальных отношений, в которые были включены исторические факты, а также непосредственно ставили ученого перед вопросом об общих закономерностях и развитии этих отношений. Так исследования Виноградова неизбежно выводили его на новый теоретический

¹ Виноградов П.Г. Учение сэра Генри Мэна // Научное слово. 1904. Кн. VIII. С. 59.

² Там же. С. 69.

уровень, побуждая осмыслять проблемы происхождения общества, его эволюции и смерти, норм и правил общественного устройства, взаимосвязей общества с личностью и внешней средой. С другой стороны, логика научных исследований и философские предпочтения эпохи заставляли смотреть на историю как на область строго научной деятельности и стимулировали разработку методологической стороны историографии. Интерес к теории и методологии исторического исследования обозначился у Виноградова еще в студенческие годы. «Наши разговоры, – вспоминал Н.И. Кареев о встречах и беседах в доме Виноградова, – чаще всего касались общих теоретических вопросов исторической науки, которыми я тогда особенно интересовался и по которым у него были свои определенные взгляды»¹. Вопросам методологии исторического исследования был, в частности, посвящен специальный семинар Виноградова, пользовавшийся огромным успехом и в Москве и в Оксфорде.

Философия истории как социология

И методологическая сторона исторических разысканий Виноградова, и сосредоточенность на проблемах социальной истории постепенно выработали у ученого обобщенный взгляд на исторический процесс и эволюцию общества, что, в частности, сказалось в разработке им теории прогресса. Именно касаясь вопроса о прогрессе и социальной эволюции, исследования Виноградова приобретали социологическую окраску. Хотя, надо сказать, отношение Виноградова к социологии не было однозначно положительным. Сам историк с недоверием относился к умозрительным построениям новой на то время науки. «К теоретической социологии он, – аттестовал Виноградов свое отношение к позитивной науке об обществе, – относился скептически ввиду малой обоснованности и схоластической отвлеченности ее положений. В историческом процессе его главным образом интересовала социально-

¹ Кареев Н.И. Из воспоминаний о П.Г. Виноградове // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1995. № 1. С. 79.

экономическая и правовая сторона. Задачей истории он считал объективную реконструкцию исторических фактов в их органической причинной связи»¹. Критического порицания со стороны ученого удостоивались и «терминологические экзерцисы» Де Роберти, и «парадоксальные фантазии» Л. Уорда. Виноградов, вероятно, неоднократно прямо выражал свое отношение к еще не утвердившейся в своем научном статусе социологии. Некоторые исследователи, отталкиваясь от этих высказываний историка, противопоставляли подход Виноградова социологическим поискам эпохи. В шестом томе Венгеровского словаря Н.И. Кареев в статье о Виноградове писал по этому поводу: «Вообще, по-видимому, он рано начал относиться с некоторым недоверием и даже известного рода предубеждением к общим теориям историко-философского и социологического характера»². И далее, касаясь общеисторических взглядов ученого, Н.И. Кареев отмечал, что «вполне ясно и определенно он нигде не изложил своих историологических воззрений»³. Впрочем, такая оценка не помешала Н.И. Карееву в «Основах русской социологии» причислить Виноградова вместе с В.О. Ключевским к «историкам-социологам»⁴. В курсе по русской историографии направление Виноградова Н.Л. Рубинштейн классифицировал, как «школу социальных исследований»⁵. К сторонникам органической теории в социологии относил Виноградова А.Л. Шапиро, непосредственно сближавший его в этом отношении с Г. Спенсером⁶. Аналогичную оценку Виноградова, как последователя социального биологизма в духе Г. Спенсера, давал и Б.Г. Могильницкий⁷.

¹ Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Т. III. Ч. 2. М-Я. Пг., 1917. С. 293.

² Венгеров С.А. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых (историко-литературный сборник). Т. VI. СПб., 1897–1904. С. 75.

³ Там же. С. 76.

⁴ Кареев Н.И. Основы русской социологии. СПб., 1996. С. 164.

⁵ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С. 497, 578.

⁶ Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. СПб., 1993. С. 495.

⁷ Могильницкий Б.Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. – начала 900-х годов. Томск, 1969. С. 179.

Однако, по мнению А.Л. Шапиро, органическая точка зрения в полной мере не была применена Виноградовым в конкретных исторических исследованиях. «Перенесенная на социальную жизнь биологическая эволюционная точка зрения совмещалась у Виноградова с идеей всемирно-исторического развития и совершенствования культуры, и перенесенная из биологии мысль о рождении, росте и умирании обществ – с идеей бессмертия культуры, умственного и нравственного прогресса», – подводил итог социологическому подходу Виноградова историограф¹.

Гораздо более определенно о социологической составляющей исследований Виноградова высказывался Д.М. Петрушевский. Он усматривал социологизм исторических изысканий Виноградова как в самой постановке проблем, так и в способах их разрешения. Объяснение исторических явлений на основе целой совокупности отношений, прежде всего, социальных, экономических и правовых, согласовывающееся в целом с позитивистской идеей многофакторности исторического процесса, вписывало конкретные факты в единую и универсальную систему социальной эволюции. Включение фактов в эволюционный поток трансформации социальных форм по существу выступало их объяснением, если можно так выразиться, смысловым образом их оправдывало. «Такая постановка исторического изучения, – писал Д.М. Петрушевский, – направляющая его на исследование соотношений между явлениями, составляющими содержание исторического процесса, есть уже постановка социологическая в самом подлинном значении этого слова, и она, несомненно, присуща всем историческим работам Виноградова. Но не только в этом проявляются социологические тенденции исследовательской работы Виноградова. И самые темы его работ по существу социологические»². Далее Д.М. Петрушевский уже больше навязывал Виноградову собственное понимание задач и методов исторической социологии. Виноградов, согласно его трактовке, «оставался социологом, ставившем себе целью выяснение типического и в этой более узкой сфере индивидуального

¹ Там же. С. 497.

² *Петрушевский Д.М.* П.Г. Виноградов как социальный историк. Л., 1930. С. 23.

и конкретного»¹. «Но Виноградов, – развивал Д.М. Петрушевский свои неокантианские соображения, – не столько социологически мыслил и ставил себе по существу социологические задачи, устремляя свое внимание на типическое и давая идеально-типические построения с помощью чрезвычайно строгих приемов исследования огромного и разнообразного материала, непосредственно к индивидуальным явлениям относящегося, и таким образом являлся блестящим представителем эмпирической социологии (термин введен Максом Вебером). Ему далеко не чужды были и чаяния теоретической социологии, мечтающей о законах общественного развития...»²

То, что Виноградов не был чужд теоретической социологии иллюстрируют его рассуждения о социологической эволюции и прогрессе, хотя сам ученый больше склонялся к социально-историческим исследованиям. Признавая необходимость создания новой науки об обществе – социологии, – он непосредственно соотносил ее с нуждами истории. Социология давала возможность обобщения, т. е. осмысления исторических фактов, обосновывая тем самым научный статус историографии. «С каждым годом, можно сказать – с каждым днем, – отмечал Виноградов в своей первой лекции “О прогрессе” 4 февраля 1898 г., – среди мыслящих людей нашего общества все настоятельнее и настоятельнее становится запрос на осмысленное изложение исторических фактов, на построение науки об обществе, социологии, которая достойно завершила бы ряд наук математических, естественных и философских, на определение законов и обобщений, которые внесли бы ясность и правильность в хаотическое многообразие исторического материала»³.

Проект социальной истории, который Виноградов пытался реализовать в своих частных исторических изысканиях, прямо вытекал из идеи «внутренней истории». Образцом подобного рода исследований для русского ученого служили работы Фюстель де Куланжа. В том же ключе были подготовлены магистерская и докторская диссертации ученого. Цель

¹ Там же.

² Там же. С. 24.

³ *Виноградов П.Г. О прогрессе // Вопросы философии и психологии. 1898. Кн. II (42). С. 254.*

«Исследований по социальной истории Англии в средние века», отмечал Виноградов в нумерованном предисловии, состояла в том, чтобы «разъяснить именно социальный процесс, который важен не только сам по себе, но и объясняет многое в том, что происходило над ним в истории государства и духовной культуры»¹. Акцент на преимущественном анализе социальных отношений не являлся исключительным признаком виноградовских исследований. Социальную сторону исторического процесса сделали предметом своих научных разработок и другие современники ученого. «Известные нам лекционные курсы Кареева, Виноградова, Петрушевского, посвященные различным разделам всеобщей истории, – замечал Б.Г. Могильницкий, – при всем разнообразии рассматриваемых там вопросов, различии в оценке отдельных явлений и процессов объединяет одна общая черта. Все они имеют своим предметом социальные отношения соответствующей эпохи, в эволюции которых усматривается ее основное содержание»².

Главный исследовательский интерес Виноградова был сконцентрирован на выявлении экономических и правовых аспектов, способствовавших становлению феодальных отношений. Уточняя позднее свою исходную позицию, он писал: «Вместе с тем центр тяжести исследования все более переходит в разработку экономических отношений, земельного и сословного права»³. А в курсе по истории средних веков признавался, что преимущественно «выделял для изложения на лекциях социальную и политическую историю»⁴. Даже историю культуры подробно, впрочем, им не рассматриваемую, Виноградов вводил в контекст своих социально-исторических экскурсов. «История духовной культуры, – пояснял он, –

¹ Виноградов П.Г. Исследования по социальной истории Англии в средние века. СПб., 1887.

² Могильницкий Б.Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. – начала 900-х годов. С. 199.

³ Венгеров С.А. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых. С. 71.

⁴ Виноградов П.Г. История средних веков. Курс 1901–1902 гг. М., 1901 (литография). С. 14.

представляет несомненно процесс также первостепенной важности, и притом процесс, который так переплетается с историей культуры социальной, что отделение без остатка одной от другой в сущности говоря не мыслимо»¹.

Так, постепенно, на основе анализа прежде всего хозяйственных и юридических явлений, определялся проект социальной истории. Сам Виноградов рассматривал подобные исследовательские приоритеты как соответствующие современному уровню развития историографии. «Развитие исторической литературы, – писал он, – выдвинуло изучение социальной истории позднее всех остальных частей науки. Если вообще научная разработка истории является делом нашего столетия, то история общественная принадлежит преимущественно его второй половине»². «Замечено, – продолжал он ту же тему в английском издании своей диссертации, – что большая важность социальной стороны истории была признана позднее, чем другие аспекты этого исследования»³. Он пояснял в предисловии, «что можно назвать социальной историей – экономическое развитие наций, их классовое деление и формы кооперации»⁴. Социальная история теснее всего связана с политической экономией и юриспруденцией. Они многое проясняют в исторических явлениях и дают возможность сравнивать, но в то же время «их объект наблюдения менее сложен, чем явления человеческого сознания, морали или даже политической организации»⁵.

Социальную направленность исторических работ Виноградова отмечали еще современники. Академики И. Янжул, А. Лаппо-Данилевский и М. Дьяконов, дававшие заключение о научных трудах Виноградова во время его выборов в сверхштатные академики в 1913 г., указывали, что хотя Виноградов и избирается как историк-медиевист, его исследования написаны «под влиянием общего интереса к “социальной науке”»,

¹ Там же. С. 15.

² *Виноградов П.Г.* Исследования по социальной истории Англии в средние века. С. 1.

³ *Vinogradoff P.* Villainage in England. Essays in English Mediaeval History. Oxford, 1892. P. 4.

⁴ *Ibid.* P. V.

⁵ *Ibid.* P. VII.

главным образом в ее приложении к изучению сельской и “аграрной” истории Англии, а также под некоторым впечатлением социально-экономических отношений нашего недавнего прошлого»¹. Коллеги Виноградова и первые историографы его наследия В. Бузескул и Д.М. Петрушевский также отмечали социально-исторический уклон его трудов: «П.Г. Виноградов исследовал, как мы видели, преимущественно явления социально-экономической жизни и правовые. Он отдавал предпочтение исследованию истории социального строя»², «Виноградов является прежде всего и главным образом социальным историком с юридическим, правда, подходом к социальному процессу»³. «Виноградова интересуют не юридические нормы и институты сами по себе в их правовом существе и в их эволюции, – разъяснял тут же Д.М. Петрушевский, – общественные группы в их генезисе и сложном, многообразно обусловленном процессе их развития и взаимодействия, и изучение юридических идей и институтов является для него лишь одним из средств для исследования и упразднения этого социального процесса»⁴.

В качестве примера можно привести исследование Виноградовым средневекового английского поместья. «Я попытался дать в ней, – аннотировал историк задачу своей книги “Средневековое поместье в Англии”, – общий очерк развития манора, как социального института, проходящего через все стадии английской истории»⁵. В каждую историческую эпоху, утверждал он, можно выделить свое «социальное ядро». Для античности это город-государство, «civitas», «Πόλις», для средневековья – поместье, различающееся в зависимости от «исторической обстановки»: французское «Seigneurie», немецкое «Grundherrschaft». «В маноре, подобно классическому

¹ Приложение к протоколу заседания Историко-филологического отделения Императорской академии наук 23 октября 1913 г. (к § 433).

² Бузескул В. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Часть первая. Л., 1929. С. 181.

³ Петрушевский Д.М. П.Г. Виноградов как социальный историк. С. 21.

⁴ Там же. С. 22.

⁵ Виноградов П.Г. Средневековое поместье в Англии. СПб., 1910. С. 5.

“городу-государству”, сосредоточиваются экономические, социальные и политические идеи и учреждения», – пояснял Виноградов в начале книги¹. Тщательно проанализировав социальные, хозяйственные и правовые функции средневекового английского поместья, историк пришел к следующему выводу: «Манор есть, во-первых, поместье, окруженное держаниями; во-вторых, он является комбинацией управляющих классов и подчиненных классов, военных и рабочих; и, наконец, в-третьих, он служит единицей местного управления»².

Разбору античных социальных концепций был посвящен обязательный семинарий Виноградова на четвертом курсе историко-филологического факультета по «Афинской политике» Аристотеля, незадолго до того открытой. «Можно сказать, что “Политика” Аристотеля, – передавал мысль Виноградова литографированный курс его лекций, – как сочинение философско-историческое и социологическое еще не превзойдено; в наше время подобного сочинения нет; у нас нет такой работы, которая на основании современного материала излагала бы общие условия и законы развития государства»³. Разбору частных аспектов правового характера концепции Аристотеля Виноградов посвятил статью, опубликованную в 1909 г. в двух номерах журнала «Гермес»⁴.

Общей теоретической основой социально-исторических построений Виноградова стала идея эволюции. «Итак, – растолковывал он свой подход в лекциях “О прогрессе”, – остановимся на некоторых общих положениях, вытекающих из самого понятия жизненной эволюции, и посмотрим, не приложимы ли они в одинаковой степени к организмам природы и организмам истории»⁵. Эволюционный подход исходит из органических и биологических представлений. Идея эволюции, признавался Виноградов, – «идея, в сущности биологиче-

¹ Там же.

² Там же. С. 293.

³ Виноградов П.Г. История Греции. Лекции 1898–99 ак. г. (литография) С. 5.

⁴ Виноградов П.Г. Аристотель о восстановлении нарушенного права // Гермес. Научно-популярный журнал античного мира. 15 марта. № 6 (30). 1909. С. 252–256; 1 апреля № 7 (33). 1909. С. 282–290.

⁵ Виноградов П.Г. О прогрессе. С. 294.

ская, извлеченная, с одной стороны, из учения о развитии функций и органов живых организмов, с другой, – из истории развития самих органических видов от простейших до самых сложных»¹. Сам по себе органический взгляд на исторический процесс не был новинкой в историографии. Еще в XVIII в. просветительская историография часто злоупотребляла биологическими метафорами, рассматривая, например, исторические периоды по аналогии с возрастом живых организмов. Эвристическая ценность такого подхода не иссякла, казалось, и в XIX в. Свои профессиональные знания о живом успешно трансплантировали в философско-исторические концепции старшие современники Виноградова Н.Я. Данилевский и К.Н. Леонтьев. Органическое рассмотрение социологических проблем предлагали П.Ф. Лилиенфельд и А.Н. Стронин. Виноградов в этом отношении не был новатором. Биология, как активно развивающаяся наука о живом казалась ему лучшей опорой набирающей научный вес социологии. Согласно учебному, «развитие общества в основе своей является органическим или, пожалуй, подобным органическому»². Некоторая неуверенность, звучащая в этом утверждении, сменяется надеждой на то, что данные биологии могут быть отнесены к общественным наукам с большим успехом, чем достижения других дисциплин, например, психологии. Конечно, сближение с психологией вполне возможно для выработки социологии или научной истории. Но обобщения, полученные на основе данных психологии пока не могут быть «приложены с успехом к материалу общественных наук»³. Иное дело биология. «В конце концов история анализирует жизнь обществ, и потому самому она не может остаться чужда влиянию учений биологии – науки о жизни», – формулировал Виноградов свою позицию в самом общем виде⁴.

¹ Там же. С. 291.

² Там же. С. 294. «Общественная жизнь, – повторял Виноградов ту же мысль много позже, – как всякая форма жизни, зависит не от механических отношений, а от законов органического развития» (Виноградов П.Г. За и против республики // Исторический архив. 1997. № 2. С. 54.).

³ Там же. С. 292.

⁴ Там же.

В исследованиях по историческому правоведению Виноградов специально касался вопроса о возможности построения науки об обществе на основе психологии. Возможность эта состоит в том, что индивидуальная психология, на первый взгляд, является источником социальной жизни. Однако метод психологической интроспекции не охватывает всей полноты личности и упускает ее сущность. «Корректное определение сущности человеческой личности, – уточнял Виноградов, – состоит в том, что человек является общественным существом»¹. Ближе к рассмотрению социальной сущности человека продвигается народная или социальная психология, которую ученый анализировал на примере учения Г. Тарда. Виноградов признавал, что хотя тардовская концепция подражания и не решает все разрабатываемые социальной наукой проблемы, но «несомненно играет значительную роль в формировании социальных типов»². Организация общества сложнее индивидуального организма, или, по крайней мере, не во всем ему подобна. Во всяком случае это верно в отношении ментальных и психологических аналогий между индивидом и обществом. «Общества всех видов состоят из индивидов, – рассуждал исследователь, – но они не существуют и не обладают сознанием в том же смысле, в каком существуют индивидуальные личности, известные благодаря тому, что они обладают сознательным существованием»³. У общества нет того единства сознания и психики, которым обладает индивид. Общество вбирает в себя и объединяет многообразие проявлений индивидуальных сознаний, но не унифицирует их. «Общество конституируется посредством комплекса отношений, – пояснял Виноградов, – а не физического единства. Его сознание есть коллективный результат социального взаимодействия и суммирования бесчисленных индивидуальных верований, желаний и эмоций»⁴. Психология общества и законы социальной психологии коррелируют с индивидуальной психикой, но вполне независимы от нее и самостоятельны в своих проявлениях.

¹ *Vinogradoff. P. Outlines of Historical Jurisprudence. Vol. I. Oxford, 1920. P. 61.*

² *Ibid. P. 63.*

³ *Ibid.*

⁴ *Ibid.*

Особенности коллективной психологии не выводимы из специфики индивидуальной психики. «Тем же путем социальное общение, хотя и возникает между индивидами, развивается по собственным направлениям, а не следует буквально за побуждениями индивидуальной психики», – завершил Виноградов свои рассуждения¹.

Пример приложения биологии к истории Виноградов, в частности, делал в курсе истории средних веков. Определенные формы политической жизни и государственного устройства историк воспринимал в качестве признаков соответствующего возраста общественного организма. «Представительство и конституционализм, – намекал Виноградов на свои политические предпочтения по ходу средневековских штудий, – тем и любопытны, тем и важны, тем и могущественны, что они не являются средствами, придуманными умными людьми для известных определенных отношений, которые можно, пожалуй, переправить, поставить иначе, но являются результатом роста, признаком известной формы развития, которая наступает в известный момент с большой силой»². До конституционализма надо в буквальном смысле дорасти.

Согласно эволюционной точке зрения история не противопоставляется природе и не выводится из природы как ее в определенной степени новое состояние. История представляет с природой единый процесс и подчиняется, хотя и с некоторыми ограничениями, тем же закономерностям, которые действуют в природе. Эволюционное движение истории вторит эволюционной поступи природы. В истории, рассуждал Виноградов, мы видим обособленные живые организмы, которые могут образовывать «федерации» или «сцепления органических форм». В свою очередь, эти федерации также могут восприниматься как целое, как самостоятельная особь. Аналогичный процесс можно наблюдать и в обществе: «Семья, род, племя, государство, церковь могут быть рассматриваемы как обособленные организмы, преследующие свои цели и поддерживающие свое существование во взаимодействии с окружающей средой»³. Неявно повторяя ход мысли П.Ф. Лилиен-

¹ Ibid. P. 66.

² Виноградов П.Г. История средних веков. Курс 1901–1902 гг. С. 6.

³ Виноградов П.Г. О прогрессе. С. 295.

фельда, Виноградов полагал, что каждый человек подобно клеточке в целом организме принимает участие в различных сторонах социальной жизни: в семье, государстве, церковной организации, производстве, научном, художественном, литературном процессах. «В каждом человеке, – уточнял историк, – перекрещиваются и так или иначе комбинируются очень много отдельных эволюций. Жизнь общества – синтез всех этих эволюций, с преобладающим влиянием той или другой, но с известным влиянием каждой»¹.

Прямым источником эволюционных воззрений Виноградова была, на что он сам указывал, социологическая система Г. Спенсера. Позитивизм служил Виноградову общей основой всех его теоретических заключений и обобщений. Требования, предъявляемые им к научной истории, соответствуют главным постулатам позитивизма: изучение явлений, а не сущностей вещей, использование идей и методов добытых естествознанием, отказ от любых метафизических предпосылок в исследованиях. Однако русский ученый достаточно трезво оценивал концепцию Г. Спенсера, видел ее недостатки и ограниченность. «Спенсер, – писал он, – старался придать ей механическое обоснование, чтобы без остатка свести ее на законы единства существа и сохранения энергии, но при этом философском синтезе утрачивается целый ряд конкретных и существенных определений эволюции и получается возможность спешно, без критики набивать в нее, как в какой-то мешок, самые разнородные явления всех возможных порядков»². Более строгое следование методам биологии и ее выводам кажется Виноградову более последовательным способом поддержать научность исторических поисков. Он пишет, что «для исследования исторических явлений лучше иметь в виду не общую механическую теорию сосредоточения материи и рассеяния движения (как у Г. Спенсера. – *А. М.*), а постановку эволюционного принципа в применении к биологии. Дело в том, что человек, чем бы он ни был помимо своей животной природы, во всяком случае, есть, между прочим, и животное. Биологические законы к нему поэтому несомненно приложи-

¹ Там же. С. 296.

² Там же. С. 291.

мы, если бы даже они и не были достаточны, чтоб объяснить всю его деятельность»¹. И все же Виноградов полностью принимает главную идею спенсеровской социологии – идею дифференциации частей при интеграции целого. В формулировке Виноградова она звучит следующим образом: «Внешнему взаимодействию и росту соответствует эволюция внутренней организации»².

Наиболее адекватно понятия эволюции или развития, которые фактически употребляются Виноградовым как синонимы, применимы для объяснения таких общественных форм как государство, народ, племя и т. п. Для объяснения других сфер жизни, например, литературы, науки, нравственности, хозяйства, оно применимо несколько в ином смысле. Понятие общественной эволюции, уточняет историк, приложимо к ним не буквально, а по аналогии³. Эволюционистский подход Виноградова ограничивался сферой общественно-политических, правовых и экономических явлений. Зато его объясняющая сила здесь поистине казалась ученому безграничной. В очерченных пределах эволюционизм готов найти оправдание любым явлениям. Даже мировая война и спровоцированные ею в России события, приведшие к революции, уже не кажутся Виноградову сбоем в уверенной поступи эволюционизма. Это особенно примечательно, поскольку эволюционная точка зрения всегда служила русскому ученому теоретической опорой того прогрессистского оптимизма, которым был проникнут весь XIX в. и который Виноградов в полной мере разделял. Мировая война, конечно, заставила историка задуматься над происходящими событиями, их смыслом и возможными последствиями. Свои размышления Виноградов представил в нескольких популярных очерках, адресованных прежде всего английским читателям. В 1915 г. в Лондоне он опубликовал брошюру «Русская проблема», в которую вошли лекция «Россия после вонь», прочитанная в Шеффилде и Ноттингеме, и письмо в газету «Таймс» «Россия. Психология нации» (14 сентября 1914 г.). Здесь Виноградов в основном дает очерк социально-политической истории России в XIX в., которым иллю-

¹ Там же. С. 294.

² Там же. С. 300.

³ Там же. С. 298.

стрирует свои рассуждения о государственном состоянии России, ее перспективах и шансе на мирное и прогрессивное развитие. Виноградов видит, что английскому общественному мнению трудно понять происходящее в России, а ее современная политическая ситуация просто шокирует людей на Западе. Заметна растерянность и самого Виноградова: разразившаяся война была для него неожиданностью. Но все же, «то что произошло», успокаивает он себя, «есть только проявление скрытых сил, скопившихся до столкновения»¹. «Но вдумчивый наблюдатель, – признается ученый, – понимает, что происходящее не вызвано тем или другим действием правительства, а есть проявление общей эволюции нации»².

Эволюционная точка зрения не обязательно означает веру в безусловное прогрессивное развитие человечества. Историческое развитие не всегда идет по прямой. Н.И. Кареев, например, выражал это в идее «колеблющейся эволюции», хотя, при этом, и сохранял убеждение в поступательном в конечном счете движении истории. Виноградов также в качестве одной из заслуг эволюционизма считал конец «оптимистическим заблуждениям», согласно которым «мир вертится вокруг судьбы людей и служит их стремлениям к счастью»³. Однако главную заслугу эволюционизма он видел все же в перенесении в общественные науки органической точки зрения. «Затем, – пояснял историк, – эволюционный метод делает возможным совершенно новую обработку общественных наук на основе сближения их с биологией»⁴. Главным результатом применения эволюционного подхода в истории можно считать сближение ее с антропологией и социологией. «Никто не будет отрицать, – писал Виноградов в "Villainage in England", – что историческое исследование все более и более расширяется в сторону того, что сейчас называют антропологией и социальной наукой»⁵. Это дает возможность исторической науке проникнуть в те сферы прошлого, которые раньше были для нее недоступны. Такова, в частности, генетическая социология

¹ *Vinogradoff P. The Russian Problem. London, 1915. P. V.*

² *Ibid. P. VI–VII.*

³ *Виноградов П.Г. О прогрессе. С. 291–292.*

⁴ Там же. С. 292.

⁵ *Vinogradoff P. Villainage in England. P. VI.*

или, по словам Виноградова, «туманная область ранней этнографии и начальной истории»¹.

В широком смысле социальная наука включает в себя целый ряд взаимодополняющих друг друга дисциплин. «С нашей точки зрения, – писал Виноградов в одной из поздних работ, – разделы социальных исследований могут быть классифицированы на пять основных групп: (1) антропология, (2) исследование культурных взаимодействий, (3) экономика, (4) политика и (5) юриспруденция»². Первую группу составляют география в ее антропологическом аспекте, этнография, «как обзор расовых и племенных делений»³, физическая и социальная антропология и праисторическая археология (*prehistoric archeology*). Последняя занимает принципиальное место в группе, поскольку теснее всего соприкасается с естественными науками, прежде всего, со сравнительной анатомией и геологией.

В одном из лекционных курсов он прямо говорил о том несомненном интересе, какой для историка представляют начальные этапы общественной жизни. Причинно-следственная зависимость, окутывающая все происходящие события и уводящая исследователя все дальше и дальше в темные закоулки прошлого неизбежно ставит вопрос о своеобразной исторической первопричине, т. е. том элементарном в социальном и историческом отношениях состоянии, с которого началось последующее историческое движение. Если современная Виноградову политическая и социальная конфигурация Европы, по его мнению, восходит к средневековью, то насколько фундаментальны должны быть события «праистории», если воспользоваться термином, встречающимся у П.Н. Милюкова. И все же наши знания этого периода очень приблизительны. Историческое их изучение если когда-нибудь и выйдет из сферы пожеланий, не сможет опереться на достаточное количество фактов. Изучение «праистории» – задача не только, а может быть и не столько, истории, сколько социологии, которая

¹ Виноградов П.Г. Очерки западно-европейской историографии // Журнал министерства народного просвещения. 1883. Август. Ч. ССXXVIII. С. 390.

² *Vinogradoff. P. Outlines of Historical Jurisprudence. Vol. I. P. 75.*

³ *Ibid.*

должна, с одной стороны, набросать общую схему социальной эволюции, а с другой, концептуально-догматически проинтерпретировать ее этапы. «Начало всякой истории, есть, собственно говоря, – рассуждал Виноградов, – величина совершенно неопределенная и произвольная, потому что всякая историческая группа, прежде чем стать исторической индивидуальностью, имела свой доисторический период, весьма длинный и имевший большое влияние на весь последующий ход событий. Хотя в этот период проникнуть весьма важно и любопытно, но это не всегда удается»¹.

Недостаточность сведений о ранних периодах человеческой истории теперь может компенсироваться данными антропологии и социологии, т. е. представлениями об идентичности социальной организации примитивных обществ и универсальности этапов общественной эволюции. «Но для истории доисторического периода, если можно так выразиться, – пояснял Виноградов в “Очерках западно-европейской историографии”, – свидетельства источников имеют наименьшее значение, да и изучения материальных остатков культуры недостаточно: приходится опираться не антропологию и сравнительное языкознание»². Проблемой происхождения общества на основе изучения первобытных народов занимался, в частности, английский историк Г. Мэн, о котором много писал Виноградов и продолжателем дела которого он себя ощущал. Основная заслуга Г. Мэна – разработка сравнительно-исторического метода.

Другим методологическим подспорьем генетической социологии является метод пережитков, или, по выражению Виноградова, «переживаний и аномалий», «засевших» в современности. Пережитки могут быть поняты только в соотношении с ушедшими историческими эпохами; они «получают смысл только в связи с прошедшим»³. Не разрабатывая подробно данный методологический прием, Виноградов касался

¹ Виноградов П.Г. История Греции. С. 19.

² Виноградов П.Г. Очерки западно-европейской историографии // Журнал министерства народного просвещения. 1883. Август. Ч. ССХХVIII. С. 391.

³ Виноградов П.Г. Фюстель де Куланж. Итоги и приемы его ученой работы // Русская мысль. 1890. Кн. I. С. 93.

его лишь в самых общих чертах. Например, в курсе по истории Греции он утверждал, что «первоначальная история всегда замешана в позднейшей. События сменяются, чередуются, но каждое последующее носит следы предыдущего. Мы окружены пережитками того, что уже отжило и продолжает существовать, как материал, напоминающий нам о том строе, когда он действовал, как живой. Если мы обратимся к современному быту, то увидим, что в повериях, обрядах, обычаях, даже законах есть множество фактов и условий, которые нам совершенно чужды, которые остались от прежнего времени и прежде имели смысл. Главным критерием при определении этих остатков является их коренное противоречие с окружающим бытом»¹. И тут же Виноградов замечал: «Особенно сильно переживание в истории права»². Л.С. Моисеенкова, объединяя виноградовский метод «переживаний» с ретроспективным методом, давала следующее пояснение: «Суть метода заключалась в постепенном движении исследователя от фактов, хорошо представленных в источниках поздней эпохи, к восставлению свидетельств о более ранних, древнейших периодах истории»³. Эволюционной точкой зрения отчасти объясняется и такая, «случайная» на первый взгляд, тема исторических экскурсов Виноградова, как славянофильство.

Органическая точка зрения на общество не только дает плодотворные аналогии, позволяющие лучше понять социальные процессы, исходя из принятого параллелизма между индивидом и обществом, но и способствует укреплению научного статуса исследований общественных явлений. Образцом здесь служит не только биология, но и такие подтвердившие свою научную значимость дисциплины, как физика и химия. «Крайне необходимо установить, – требовал Виноградов, – понятие социальной “науки” подобно естественным наукам, как физика, химия, биология, что в недавнем прошлом было предпринято, главным образом, Контом и Спенсером: целое, можно было бы сказать, субстанционально, оно имеет право

¹ Виноградов П.Г. История Греции. С. 20.

² Там же. С. 21.

³ Моисеенкова Л.С. Об исследовательских принципах русского медиевиста П.Г. Виноградова // История и историки. Историографический ежегодник. 1981. М., 1985. С. 214.

на независимое существование»¹. В то же время естественные дисциплины не способны полностью заменить методологическую сторону социальных исследований. «Социальные образования, – признавал ученый, – устанавливают свои собственные стандарты и для своего научного изучения требуют специфических методов, удерживающих их собственный предмет»². На фоне специальных дисциплин, изучающих общество (политическая экономия, сравнительное религиоведение и фольклористика, сравнительная политика и сравнительное правоведение), социология выступает как «общая (general) наука об обществе»³. Ее обобщающий характер вызван многообразием самой социальной жизни, постигаемой в исследовании посредством «комбинирования различных объяснений». Аналитическое изучение общества также вполне допустимо, однако многоаспектность общественных явлений все же заставляет признать неустранимую синтетичность предмета социологии. Недостаточную точность абстрактным положениям социологии способно придать использование статистического метода, который может применяться как в описательных, так и в аналитических целях. Иными словами, он, с одной стороны, способен охарактеризовать ситуацию или направление развития, а с другой, способен выявить доступные наблюдению пусть порой и изменчивые факторы, влияющие на эту ситуацию и развитие.

Социология, по словам Виноградова, «внутренне связана» с историей, хотя методы и цели истории и социологии вполне независимы друг от друга. Связь обнаруживается в том, что «фундаментальная черта исторического мышления»⁴ – синтетичность. С этой точки зрения история занимается социальными реальностями, трактуемые ею как сложные состояния и сложные процессы, элементами которых выступают личности, нации, события. Здесь историк действует посредством оценки и размышления над тем, что ему известно, над тем, что является для него в определенном смысле очевидным. Итоговая же реконструкция зависит не только от «рефлексивного сравне-

¹ *Vinogradoff. P. Outlines of Historical Jurisprudence. Vol. I. P. 66–67.*

² *Ibid. P. 65.*

³ *Ibid. P. 67.*

⁴ *Ibid. P. 73.*

ния и дедукции, но и от художественной интуиции»¹. Так же как и общая социология, история стремится проследить связи между различными сторонами социальной жизни; история на множестве примеров иллюстрирует взаимозависимость факторов общественной жизни. Не менее важной оказывается и аналитическая сторона исторического знания. И, наконец, история «в качестве метода присутствует в развитии всех ветвей социальной науки в ее аналитической работе»².

Социальная анатомия истории и прогресс

Виноградов не ограничивался общими рассуждениями об эволюционной точке зрения в общественных науках. Он формулировал базовые понятия, позволяющие уяснить специфику исторической эволюции. Эти понятия отражают структуру «общественных форм». К самой общей из них относятся *общественные союзы*, ставящие общие цели, концентрирующие коллективную волю, провозглашающие примат целого над частями. «Говоря об общественных формах, – пояснял Виноградов, – мы прежде всего имеем в виду общественные *союзы*, сознательно преследующие свои цели и снабженные определенной властью, в которой выражается воля союза; воля эта господствует над волей отдельных лиц, входящих в состав союза, и в известном случае может осуществляться в виде принуждения»³. В юридических исследованиях Виноградов уточнял принципы, на которых строятся общественные союзы или ассоциации. «Имеются, таким образом, – писал он, – некоторые элементарные требования, предъявляемые к участникам ассоциации: они не должны причинять друг другу вреда, не должны добиваться несправедливого преимущества друг над другом, не должны поступать так, как если бы их личная воля и удовольствие были все, а воля и интересы других ничто»⁴. К общественным союзам относятся государство, церковь, семья.

¹ Ibid. P. 74.

² Ibid.

³ Виноградов П.Г. О прогрессе. С. 296.

⁴ Виноградов П.Г. Очерки по теории права. М., 1915. С. 10.

Конкретнее и ярче всего принцип власти реализуется в государстве, как типе политических отношений. Власть всегда, явно или неявно, строится на принуждении; политические отношения (в том числе и государство) – еще и на взаимных обязательствах. «Когда приходится организовать власть и защиту, – замечал Виноградов в курсе по истории средних веков, – организовать средства принуждения, является запрос на форму власти с определенными правами и с определенными средствами для их проведения, тогда то и возникают политические отношения»¹.

Следующий уровень составляют *общественные группы*. Согласно Виноградову, «общественные группы, которые так или иначе обособились от окружающей среды, выработали исторические черты, специально их характеризующие, обладают даже сознанием своего обособления и средствами более тесного сближения между составляющими его членами, но не обладают юридически определенной волею и властью»². Примером общественной группы является народ. Народ обладает единством сознания, но единство воли обретает лишь перейдя в государственную форму.

Двигаясь далее по классификационной лестнице «общественных форм», мы приходим к *племен* или *расе*. Здесь принцип единства выражен еще более слабо. По существу он сведен к антропологическому сходству или антропологическому типу, сформированному общим происхождением или общими естественными условиями, но лишенному единства сознания и воли. Так, обозначаются три признака, на основе которых Виноградов проводит свое различие «общественных форм» – власть, сознание, типическое отличие.

Помимо таких более специальных и конкретных терминов, как общественные союзы, общественные группы и племя, можно пользоваться понятием «*общества как совокупности всех кругов жизни, всех групп...*»³, т. е. понятием общества в широком смысле. Виноградов также говорит о синтетичности и условности такого понимания общества. Вот что он пишет: «Необходимо лишь иметь в виду, что понятие “общества”

¹ Виноградов П.Г. История средних веков. Курс 1901–1902 гг. С. 19.

² Виноградов П.Г. О прогрессе. С. 296.

³ Там же. С. 298.

синтетическое и условное. Оно не подчиняется определенному отграничению и может быть обращено в ту или другую сторону, смотря по тому, на какой признак мы обратим преимущественное внимание. Во всяком случае, эта высшая синтетическая комбинация, подобно первому составному элементу – отдельному человеку, – характеризуется прежде всего многообразием своих проявлений и перекрестными связями между всеми этими проявлениями»¹.

Разъяснением точки зрения Виноградова могут служить его замечания в курсе истории средних веков. Здесь он также говорил о понятии общества в широком и узком смыслах. Согласно историку, «понятие социальной области можно брать и очень широко и очень узко: с одной стороны, можно понимать социальное развитие в смысле развития общества в его целом, т. е. общества как суммы всех материальных и духовных взаимодействий между людьми... в смысле развития общности»². Сюда же, в дополнение к формам кооперации и хозяйственных отношений, Виноградов включает обмен мыслями, духовное общение. Понимая важность духовных процессов в обществе, он, тем не менее, практически не выделял их из социальной истории. Общество в узком смысле более определено, согласно Виноградову, связано с экономическими процессами. «В этом случае, – пояснял он, – термин берется прежде всего с точки зрения материального состава и материальных отношений между его членами... Это – взаимодействие прежде всего материальное, взаимодействие людей, которые, входя друг с другом в разнообразные отношения, располагаются по отношению к труду, капиталу, производству и потреблению в известных определенных группах»³. Ограничение социальной сферы материальными отношениями дает основание для противопоставления общества государству. В обществе концентрируется экономическая деятельность, в государстве – политическая. В совокупности они определяют социальный строй. «Социальный строй во всяком месте, – пояснял Виноградов, – во всякий данный исторический момент является комбинацией, главным образом, двоякого рода усло-

¹ Там же. С. 300.

² Виноградов П.Г. История средних веков. Курс 1901–1902 гг. С. 17.

³ Там же. С. 18.

вий: он создается, во-первых, под влиянием экономических и во-вторых, под влиянием политических условий»¹.

Объединение индивидов в общество – неизбежный, естественный процесс. «Человек, по преимуществу, – перефразировал Виноградов известное определение Аристотеля, – общественное существо. Социальное общение предписывается ему природой... если социальное общение требуется человеческой природой, то какой-либо *порядок* есть необходимое условие социального общения»². Простейшая форма такого объединения – кооперация. Исходным элементом общества Виноградов признает личность. Изначальная, почти инстинктивная потребность в социальном общении дополняется осознанием приносимой совместной деятельностью пользы. Человек не только тяготеет к совместной жизни, но и нуждается в поддержке со стороны других людей. Правда, первоначальные общественные союзы могут оказывать чрезмерное давление на личность. Подавление личности – характерная черта всех ранних человеческих союзов. Однако мы видим в истории постепенное освобождение личностного начала. И это уже признак исторического прогресса. Рассматривая английское средневековое общество, Виноградов делал следующее общее заключение о древнейших формах кооперации: «Ни при каком общественном строе личность не может жить в одиночку в полной независимости от других. Во многих отношениях ей приходится рассчитывать на помощь и поддержку своих сотоварищей; и хотя в древности формы кооперации не были столь разнообразны и не приводили к таким результатам, как в настоящее время, – существовавшие социальные группы проявляли бóльшую силу, чем в нашу эпоху. Отдельная личность была слабее – с одной стороны, вследствие недостаточности знаний и технической выучки, с другой – вследствие незначительного развития государственности. Было бы неправильно утверждать, что факторы, порождавшие общинные и кооперативные отношения, совершенно поработили индивидуальное начало: последнее несомненно имело много случаев высказаться, но естественные социальные группы, возникавшие и

¹ Виноградов П.Г. Лекции по истории средних веков. Курс 1899–1900 г. Литография. С. 258.

² Виноградов П.Г. Очерки по теории права. С. 9.

развивавшиеся сами собой, независимо от прямого соглашения и договора, оказывали весьма могущественное влияние на жизнь народа»¹.

Даже великие люди, крупные исторические деятели не свободны полностью от влияния своей социальной среды и эпохи. Виноградов специально не занимался вопросом о великих людях в истории. Его размышления по этому поводу фрагментарны и случайны. Так, разбирая историческую концепцию Л. фон Ранке, он, в частности, писал: «Великий человек есть живое сосредоточие общих течений своего времени: рассмотрев общие течения, необходимо принять во внимание и жизненную искру, которая сводит их в индивидуальность»². Эволюционная точка зрения, по-видимому, заставляла Виноградова несколько принижать значение великих людей в истории, которые либо аккумулируют в своей деятельности общую тенденцию социальной эволюции, и в этом смысле зависимы от нее, либо пытаются нарушить ее органический ход, и в этом смысле вредны. Но даже при таком социальном устройстве, где, казалось бы, господствует группа, индивид стремится проявить свою личную инициативу. Самодеятельность личности потому неустранима из истории, что она соответствует человеческой природе. История показывает, что лишь тот социальный институт укреплялся и добивался успеха, который оставлял или предоставлял возможность личности проявить себя. В начале средних веков это смогла сделать Церковь. «Такой общественной силой, – писал Виноградов о поддержке Церкви в раннем Средневековье, – было стремление индивидуума выйти, так сказать, вперед, стремление, которое существует всегда, потому что всякая индивидуальная личность, как бы тесно она не была связана со своим родом, имеет свои стремления, имеет нечто законченное, нечто свое»³.

Еще один неизбежный этап социальной трансформации, сопровождающий освобождение личности – отделение гражданского общества от государства. В разнообразных, возни-

¹ Виноградов П.Г. Средневековое поместье в Англии. С. 134–135.

² Виноградов П.Г. Ранке и его школа // Русская мысль. 1888. Кн. IV. С. 221.

³ Виноградов П.Г. Лекции по истории средних веков. Курс 1899–1900 г. С. 227.

кающих путем кооперации, общественных союзах возникает «весьма естественное стремление пришедшего к самосознанию общества – приобрести самостоятельность, выйти из-под опеки государственной власти и повлиять на нее в свою очередь»¹. Историк напоминает, что государство не исчерпывает всего многообразия социальных отношений и не может подменить собой общество. «Государство и общество совпадают, если смотреть сверху, причем государство как бы прикрывает общество. Но на деле это не совсем так, – раскрывал Виноградов оптический обман такого совмещения, – разве одна десятая всех граждан принадлежит непосредственно к управляющему классу... Полная историческая характеристика должна иметь в виду как государство, которое управляет, так и общество, которое управляется»².

Аналогия между организмом и обществом, определяющая ход мысли Виноградова, побуждает его признать целями исторического процесса те же цели, которыми руководствуется индивид – поддержание существования и удовлетворение потребностей. В то же время либеральная ориентация историка указывает на необходимость согласования интересов общества и личности. «Каждый организм общественный, – рассуждал ученый, – также является целым, которое преследует подобные цели (поддержание существования и удовлетворение потребностей. – *А. М.*), но преследует их не безусловно и самопроизвольно, а в зависимости от того, что он служит так или иначе интересам и потребностям отдельных личностей, его составляющих. Между той и другой целью всегда существует известный антагонизм, потому что общественный союз должен до известной степени жить на счет составных элементов, ограничивать их и эксплуатировать их»³. Эгоизм целого над частями допустим лишь в известных пределах. При невыносимости ига целого, например, государства над социальными группами или индивидами, возможен их переход в другой об-

¹ Виноградов П.Г. Очерки западно-европейской историографии // Журнал министерства народного просвещения. 1884. Ноябрь. Ч. ССXXXVI. С. 187.

² Виноградов П.Г. История средних веков. Лекции ординарного... 1897/8 уч. году. (литография). С. 12.

³ Виноградов П.Г. О прогрессе. С. 300.

щественный организм или, по словам историка, «отлив интересов и нравственных сил из одного союза в другой»¹. В качестве иллюстрации Виноградов приводит отношения между Римской империей и христианской церковью в первые века нашей эры. Между интересами внешнего развития общества и стремлением его членов к личной свободе и благосостоянию необходим компромисс. Этот компромисс лучше всего достигим, если само общество в качестве целей будет ставить улучшение жизни своих граждан; но и гражданин должен преследовать цели более общие, нежели только достижение личного благополучия. Личный эгоизм ничуть не лучше эгоизма общественного. Симфония общественных и личных целей может регулироваться стремлением к истине, разумности и справедливости. «Таким образом, – подытоживал ученый, – поскольку целью общества для его собственного преуспевания должно быть удовлетворение лучших потребностей и стремлений его граждан, жизнь всей совокупности, общества, вместо того, чтобы остаться коллективным эгоизмом, становится идейным и нравственным процессом. Таким образом, обществу не чуждо, а напротив врожденно все лучшее, к чему может стремиться отдельный человек, и если последний может и должен ставить себе целью жизни достижение истины, разумность, справедливость, свободу, а не только удовлетворение своих непосредственных нужд и желаний, то в этой идейной работе призвано принять участие общество со всеми многообразными силами своей кооперации и сознательного устроения»².

Индивидуальное поведение и относительно других индивидов, и относительно общества регулируется прежде всего началами разума и нравственности, причем нравственность в трактовке Виноградова полностью поглощается разумностью. «Сознательное мышление нормального человека, – постулировал он, – характеризуется далее тем, что оно разумно, т. е., что оно подчиняется мерилам логики и нравственности»³. Цитируя И. Канта, противопоставлявшего должное и сущее, историк указывал на то, что «противоречие между тем, что слу-

¹ Там же.

² Там же. С. 301.

³ *Виноградов П.Г.* Очерки по теории права. С. 11.

чается, и тем, что должно было случиться, лежит в основе всей человеческой морали»¹. Нравственный долг довлеет в научных изысканиях. Здесь он служит гарантом объективности исследования. Точнее говоря, стремление к объективности воспринимается Виноградовым как долг ученого. Примером такого морально выдержанного и, как следствие, объективного (т. е. максимально истинного) исследования для него служили работы А. де Токвиля².

Принцип долженствования, пусть и не в такой безусловной форме, заложен и в юридических отношениях. «Целью права, – писал Виноградов в “Очерках по теории права”, – является установление правил поведения, правил о том, что следует делать и чего следует воздерживаться»³. Однако помимо предписаний морали и требований права существуют и другие правила поведения, регулирующие реальную жизнь общества: правила приличия, обычаи, условные нормы, например, профессиональные или сословные. Правовые или моральные нормы – лишь одни из таких правил поведения, отличающиеся от прочих большей строгостью, требовательностью и обязательностью, но не всегда большей распространенностью. «Только что характеризованные правила, – Виноградов имеет в виду перечисленные правила поведения, – образуют род лестницы, в которой каждая ступень предполагает более строгие обязательства, чем предшествующая ей. Обычай более принудителен, чем мода; условный кодекс более повелителен, нежели обычаи; и правила морали более абсолютны, чем правила, вытекающие из общественных условностей. Наконец, юридические обязанности могут быть названы более обязательными, чем моральные предписания»⁴. Поясняя далее, мыслитель пишет, что в основе градации правил поведения и соответст-

¹ Там же. С. 11 – 12.

² Виноградов писал: «...в общем Токвиль сумел выдержать ответственную роль ученого, т. е. судьи. Он был слишком крупный человек, чтобы гоняться за мелкими партийными прибылями, и слишком идеалист, чтобы на минуту усомниться в силе и пользе истины» (*Виноградов П.Г.* Предисловие к русскому переводу // Токвиль. Старый порядок и революция. М., 1896. С. 5.).

³ *Виноградов П.Г.* Очерки по теории права. С. 12.

⁴ Там же. С. 13.

вующих им форм лежат «различные комбинации побуждений личной совести, инстинктивного повиновения и внешнего давления»¹. Мода как форма поведения, например, больше руководствуется личным вкусом, чем общественным давлением. Цель моды не важна; она строится на подражании и поэтому распространяется «как бы стадным образом»². Обычаи опираются, как правило, на личные отношения, воспроизводят атмосферу межличностных отношений. Обычаи «направлены к тому, чтобы облегчить бег колес социального строя, смягчить отношения между знакомыми, друзьями, начальниками и подчиненными посредством благожелательности и взаимной оценки; их приходится приобретать воспитанием и привычкой, но в конце концов они становятся почти инстинктивными»³. Задача условных норм – ограничение и спецификация обязанностей. Нравственные же требования, хотя они более безусловны и даже абсолютны, нежели другие правила, могут быть приняты исходя из представления о личной пользе и выгоде. В качестве основы моральных норм может быть допущен разумный эгоизм, вполне логично выводимый из необходимости согласования личных и общественных интересов. Согласно Виноградову, «как бы ни была груба нравственная природа человека, он, обыкновенно, признает моральные правила, поскольку они могут гарантировать его собственные интересы»⁴.

Как и всякий организм, общество вынуждено регулировать свои взаимоотношения со средой. Это приводит к дифференциации функций и органов общества на внешние и внутренние, на занятые поглощением и ассимиляцией. По словам Виноградова, происходит «внутренний процесс дифференциации и интеграции функций и органов»⁵. Такова эволюция исторических и общественных организмов. Однако вполне возможен и обратный процесс, т. е. остановка в развитии, коснение, отказ от изменений. «Закон взаимодействия с окружающей средой, – продолжал свою мысль исследователь, – нахо-

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 14.

⁵ Виноградов П.Г. О прогрессе. С. 302.

дит себе блестящее подтверждение в истории обществ. Мало того, что каждая общественная форма принуждена приспособляться к окружающим условиям, как естественным, так и историческим, все ее существование связано с вопросом, сумеет ли она привлечь к себе достаточное количество людей, материальных средств, духовных сил и переработать этот материал для своих целей»¹.

Проблема взаимоотношений общества со средой, а также биологические аналогии в духе спенсеровского эволюционизма наводят социологические размышления Виноградова на вопрос о смерти общества или, по его словам, «вопрос об остановке развития и гибели общественных организмов»². Поднятая Виноградовым тема не была новой в отечественной социологической литературе, да и жанр популярных лекций, по-видимому, не предполагал чрезмерную оригинальность в подходе и трактовке проблем. Из старших современников Виноградова о причинах гибели общественных организмов рассуждали П.Ф. Лилиенфельд и А.И. Стронин. Схожий взгляд развивал коллега Виноградова по историческим занятиям Н.И. Кареев. Причиной смерти организмов, и индивидуальных и общественных, полагал Виноградов, служит «несоответствие между давлением среды и внутренней энергией, или устаревшими и окостеневшими приспособлениями»³. В этом – подобие, но есть и различие. Смерть общества не означает полную аннигиляцию, разложение всех частей общественного организма, но скорее перегруппировку и новую комбинацию составляющих его союзов и объединений. Разлагающая тенденция не охватывает все общество целиком; параллельно ей даже могут набирать жизненную силу другие части общества. «Вследствие того, что в одном и том же обществе развиваются одновременно несколько общественных союзов, – разъяснял свою точку зрения Виноградов, – не может быть случая полного и окончательного уничтожения известного общества или распада его на первоначальные элементы – на отдельных людей. В непрерывной истории общества может совпадать появление признаков прогрессирующего развития в одном

¹ Там же. С. 303.

² Там же. С. 305.

³ Там же.

отношении с появлением признаков разложения в другом»¹. Примером прогрессирующего союза в первые века нашей эры, приводит Виноградов историческую иллюстрацию, может служить христианская церковь, а примером разлагающегося союза – Римское государство. Римское государство было побеждено германскими племенами, но германское язычество было побеждено римской церковью. Падение Римской империи, таким образом, не новый этап развития германских племен, а трансформация римских общественных форм. «Факт всемирно-исторической передачи и перекрестных влияний, – заключал ученый, – является в этом случае настолько капитальными, что научная история принуждена отодвинуть совершенно на второй план этнографические признаки и сосредоточить внимание на истории единого преобразующегося общества»².

Более того, некоторые части распадающегося общественного союза могут войти в состав вновь образующегося. Таково, например, в конце античной эпохи римское право. Восприятие римского права в Средние века – излюбленная тема Виноградова. Ей он, в частности, посвятил один из своих семинаров в Московском университете, опубликовав по его результатам небольшое исследование «Римское право в средневековой Европе» (М., 1910). «Так называемая рецепция римского права, – возвращался ученый к привлекавшему его сюжету для иллюстрации возможности и плодотворности культурных заимствований в истории, – составляет одну из загадок всемирной истории. Каким образом могло случиться, что сложные гражданские отношения императорского Рима были применены к быту политически раздробленной и чуждой по духу среды? Не было ли само понятие “современного римского права” – нелепым парадоксом?»³ Обобщая свои исторические познания, Виноградов указывал на преемственность социальных форм, на заимствование общественных союзов и их элементов как всемирно-исторический процесс. Ученый видел единство социально-исторического развития, итогом которого

¹ Там же. С. 306.

² Там же. С. 307.

³ Виноградов П.Г. Россия и Европа // Исторический архив. 1997. № 1. С. 205–206.

становится пополняющаяся от эпохи к эпохе общечеловеческая культура. «Вследствие таких сцеплений и переходов между сменяющимися общественными союзами, – развивал Виноградов свою мысль в духе универсалистского оптимизма, – оказывается, несмотря на эволюционный характер отдельных процессов, что завязывается в истории непрерывная культурная цепь, звенья которой выковываются отдельными эпохами и отдельными общественными организмами, но которая сама по себе составляет известное целое и простирается над всеми этими эпохами и организмами. В этом смысле можно говорить о всемирноисторической культуре и утверждать, что она бессмертна, поскольку, вообще, бессмертно человечество»¹.

Однако не следует понимать прогрессивное развитие как неотвратимый процесс. Прогресс – одна из возможных конфигураций исторического процесса. «И приходится сказать, – признавался Виноградов, – что наличный исторический материал не оправдывает слишком всеобъемлющих, слишком самоуверенных указаний на ход исторического прогресса»². Поэтому, продолжал он, «...метод исследования: необходимо сначала рассмотреть в чем состоят сущность и особенности исторического процесса, а затем уже ставить вопрос, куда ведет этот процесс, насколько он обещает прогресс, круговорот или какую бы то ни было другую форму движения»³.

Виноградовские рассуждения об историческом прогрессе, опирающиеся на эволюционную точку зрения и благожелательно встреченные слушателями, не были новостью в российской науке. Идею исторической эволюции сделал центральным моментом своей эклектической концепции Н.И. Кареев, уделив ей значительную часть в двухтомных «Основных вопросах философии истории» (1883). Ученик Виноградова П.Н. Милюков в 1896 г. выпустил отдельным изданием первый том своих знаменитых «Очерков по истории русской культуры», где в теоретическом введении специально сосредоточился на проблеме социологической эволюции. Уже после виноградовских лекций, зимой 1898–1899 гг., в Москве к чтению публичных лекций об истории идеи прогресса при-

¹ Виноградов П.Г. О прогрессе. С. 307.

² Там же. С. 293.

³ Там же.

ступил другой ученик Виноградова, к тому времени уже коллега по кафедре всеобщей истории Московского университета, Р.Ю. Виппер. Лекции Р.Ю. Виппера составили книгу «Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. в связи с общественным движением на Западе», выпущенную в 1900 г., а затем несколько раз переиздававшуюся. Сам Виноградов помимо Г. Спенсера указывал на Т.Н. Грановского, как на мыслителя, определившего его научный подход. «Идея прогресса, – сочувственно излагал он взгляды Т.Н. Грановского, – является первою основой исторического мирозерцания. Под ее влиянием история распадается на всемирную и на всеобщую. Всемирная — обнимает все народы, захватывает весь этнографический материал. Всеобщая — выделяет то, что вошло вкладом в человеческую культуру, описывает и объясняет прогрессивное движение человечества... Поступательное шествие обуславливается тем, что идет вперед не единый народ, а сменяющие друг друга путники»¹. Статья о Т.Н. Грановском была опубликована в «Русской мысли» в 1892 г., т. е. вскоре после работы о московском славянофильстве. Любопытно, что в статье о лидере западников, чьи публичные лекции 1843–1844 гг. стали одним из главных поводов к размежеванию двух партий, Виноградов излагает позицию Т.Н. Грановского в терминах славянофильской концепции. В интерпретации Виноградова заметна явная, в том числе и терминологическая, переключка с теорией Н.Я. Данилевского.

Впрочем, Виноградов не развивал идею многонаправленности исторического процесса и, приступая к лекциям о прогрессе, уже всецело подчинял свою мысль представлению о единственности социально-исторического развития. Ход его рассуждений иницируется следующим образом: «Для образованных людей обязательно так или иначе выяснить свое положение относительно этого капитального вопроса: идет ли человечество вперед, и что значит для него идти вперед? Если оно идет вперед, то каким путем и под влиянием каких сил»². В брошюре «Накануне нового столетия» он развивал свой взгляд на прогресс на основе конкретного исторического ма-

¹ Виноградов П.Г. Т.Н. Грановский // Русская мысль. 1893. Кн. IV. С. 56.

² Виноградов П.Г. О прогрессе. С. 255.

териала XIX в. Здесь особенно отчетливо проявлялся европоцентризм подхода Виноградова, сочетающий просветительский оптимизм, во многом еще питающийся естественно-правовым схематизмом, с представлением об исторических и неисторических народах. Прогресс видится ему как непрерывный процесс совершенствования человечества и улучшения жизни. «Мы справляемся с теперешними задачами, потому что во многих отношениях стали сильнее наших предков. Общество наше лучше общества XVIII века», – уверенно констатировал Виноградов¹. Прогресс затрагивает не только материальную, но и нравственно-интеллектуальную сторону человеческой жизни. И здесь Виноградов видел кумулятивное наращивание знаний, сознания и совести. «Выросло наше *знание*, – пояснял он, – и мы стараемся широко распространить и применить его... Выросло *сознание*: мы яснее видим, где стоим, что нам нужно и что вредно, к чему надо стремиться и чего избегать. Возросла и *совесть*: мы замечаем и осуждаем многое, на что наши предки глядели притупившимся взором»². Указывал историк и на два главных пути социального прогресса: «коллективное сознание нужд и коллективное сознание права»³. «Дорога к всемирно-историческому призванию остается по прежнему одна – от мрака к свету!», – патетически завершал свою лекцию о московском славянофильстве Виноградов⁴.

Многогранность прогресса требует и синтетического подхода. Только обозревая исторический процесс с различных сторон можно уяснить направленность прогресса. Однако смысл прогресса, если допустить такое выражение, не ограничивается обзором прошлых судеб человечества. Прогресс, черпая материал из прошлого и как бы метаисторическим способом выстраивая его в объясняющую последовательность, обращен в будущее. Внося логичность в историю, прогресс, тем не менее, говорит не о прошлом, а о будущем. Для историка идея прогресса важна тем, что вносит смысл в исследуе-

¹ Виноградов П.Г. Накануне нового столетия. М., 1902. С. 27.

² Там же.

³ Виноградов П.Г. О прогрессе. С. 312.

⁴ Виноградов П.Г. И.В. Киреевский и начало московского славянофильства // Вопросы философии и психологии. 1892. Кн. 11. С. 126.

мые им факты. Собственно говоря, для той философской традиции, к которой в целом принадлежал Виноградов, т. е. позитивизма, идея прогресса и составляет смысл истории. Более того, идея прогресса непосредственно перекликается с концепцией многофакторности исторического развития. Идея многофакторности, оппонируя монистическому взгляду на историю, объясняет социально-исторический процесс исходя не из однолинейной причинно-следственной цепи, а из представления о закономерности как пучке необходимых зависимостей географического или природно-климатического, расово-антропологического, индивидуально-субъективного и ситуативно-исторического планов. Вторя идее многофакторности и как бы продолжая ее логику, прогресс и тенденции исторического движения рассматриваются как развитие в одном направлении нескольких базовых социально-исторических характеристик. К таковым относятся прежде всего познание, сферы политики и морали. Общий прогресс можно таким образом понимать как прогресс в области знания, политики и моральных отношений. Различные мыслители делали акцент на какой-то одной из этих характеристик. Интегрирующая позитивистская установка предлагает их рассматривать в совокупности. Сумма достижений в морали, политике и науке дает общее представление о прогрессе и еще раз подчеркивает его интеллектуальный, по-преимуществу, характер.

Историография идеи прогресса наглядно демонстрирует, как постепенно складывалось синтетическое видение прогресса. Идея прогресса зародилась в XVIII в. Виноградов рассматривает четырех мыслителей просветительской эпохи: Кондорсе, Руссо, Гердера и Канта. Каждый из них ограничивал прогресс лишь одной сферой деятельности и на ней сосредоточивает свои рассуждения. Не повторяя подробно ход мысли Виноградова, приведу лишь его обстоятельный итог: «Обозревая в общем работу главных трех течений мысли XVIII-го века, просветительного, чувствительного и критического, по вопросу об историческом прогрессе, мы приходим к заключению, что при резком противоречии друг с другом они дополняют друг друга в том отношении, что каждое избрало для своих наблюдений и выводов лишь одну сторону дела и провело эти наблюдения с резкой односторонностью, так что тот, кто сле-

дит за их политикой, как бы обходит предмет кругом, осматривая то одну, то другую сторону его. Ради ясности схемы можно было бы, пожалуй, сказать, что Кондорсе, Гердер и Кант рассматривают исторический процесс с точки зрения ума, сердца и воли, выдвигая и выбирая наиболее подходящие, разрубая и игнорируя факты, мало удобные и посторонние их основным идеям. Еще точнее будет сказать, что один сосредоточил свое внимание на роли познавательной способности людей, другой – на значении нравственного начала человечности в отношениях между людьми, третий – на вероятном ходе политического совершенствования. Но затем все трое стоят на почве XVIII-го века, все трое чувствуют необходимость растолковать историю, еще не зная ее, все трое смотрят в будущее, даже когда утверждают, что наблюдают прошедшее, все трое чувствуют приближение великого переворота и веруют в его благодатное влияние»¹.

Историографические перипетии идеи прогресса в XIX в. не столь разнообразны. Виноградов видит здесь два варианта, два истолкования прогресса: идеалистический и позитивистский. Наиболее яркие представители этих двух подходов – Гегель и Спенсер. Учение Гегеля, на котором сказалось противоречие между философией и исторической жизнью, Виноградов определяет как идеалистическое, синтетическое и диалектическое. Излагая гегелевский подход, исследователь дает и его критику. Главное возражение Виноградова сводится к следующему: «Он (Гегель. – *А. М.*) принял свое положение, положение своего времени и народа за высшее и окончательное определение, тогда как по его же толкованию оно должно было быть только скоропреходящим моментом развития; не трудно раскрыть софистику, которая заключается в игре словами: свобода, необходимость, дух, материя, в применении таких общих категорий к весьма мелким явлениям исторической жизни»². Ко второму подходу – спенсеровскому – Виноградов относился менее критично. Напротив, он присоединялся к основным его положениям, рассматривая исторический процесс с органической точки зрения.

¹ Виноградов П.Г. О прогрессе. С. 272–273.

² Там же. С. 279.

Гегель и Спенсер с разных сторон освещают две господствующие научные идеи XIX в. – закономерности и развития, – распространение которых сопровождало победное шествие прогресса. Для обозрения плодов прогресса Виноградов находит подходящий повод – наступление нового века и, соответственно, подведение итогов века девятнадцатого. «Попробуем же собрать несколько впечатлений от работы уходящего века», – так формулировал он свою задачу в докладе «Накануне нового столетия»¹. Сравнивая мир в 1800 и 1900 г., ученый видел прежде всего «глубокие перемены в распространении культуры»². Правда, нарастание культурности ривисовалось Виноградову в несколько пренебрежительных и поевропейски снобистских тонах. «...не отмечено, – констатировал он, – попятного движения образованности перед варварством»; он фиксировал «приобретения и рост образованных народов насчет диких, менее образованных»³. Просветительский универсализм, воспроизводящий нехитрую схематику естественного права, сочетается у Виноградова с допросветительским делением народов на исторические и неисторические. Варварские племена стоят вне истории; европейцы же, исполняя свою прогрессивную миссию, облагодетельствуют их путем ассимиляции или истребления. На землях, пишет Виноградов о территории Австралии и Новой Зеландии, населенных ранее дикими народами, появились «могущественные отпрыски европейской культуры»⁴. Еще большее восхищение вызывают у него цивилизационные успехи США: «...вся же середина и запад теперешнего Союза, области, в которых теперь кишит жизнь, в которых действуют такие города, как Чикаго, представляли пустыни, по которым бродили, охотясь за зверьями и ловя рыбу, различные сиуксы, апахи, алгайонквинны»⁵. «Таким образом, во всех частях света, – подводил Виноградов предварительный итог, – XIX век свидетельствует о

¹ Виноградов П.Г. Накануне нового столетия. С. 5.

² Там же. С. 6.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 7.

распространении европейского влияния и европейской культуры»¹.

Кумулятивное нарастание культурно-просветительской цивилизационно-технической мускулатуры – не единственный итог XIX столетия. Развитие средств сообщения и обмена, интенсификация культурных взаимодействий позволяют говорить о глобализации процессов. «Необычайно возрос не только обмен товаров, но и *обмен мыслей*», – замечает Виноградов². Начало XIX в. ему рисуется как «захолустный склад жизни в самых важных центрах, полное невежество относительно всего окружающего, бедность и однообразие мыслей, предубеждение против всего чужого»³. Успехи прогресса Виноградов в основном прослеживал на примере самой «передовой страны» – Англии. Происходящие изменения вовлекают в цивилизационный процесс все новые и новые народы и сферы жизни. «В наше время, – задавал Виноградов масштаб прогрессивных изменений, – дела и люди все более и более выходят из узкой обстановки различных закоулков, приходится считаться с мировыми рынками, присматриваться к условиям отдаленных стран, учиться понимать людей чужих государств и народов: сцена раздвинулась, запас идей возрос, а главное – возросла быстрота их обращения между людьми. В этом смысле можно сравнить роль открытий XIX века разве только с изобретением книгопечатания»⁴.

Прогресс затрагивает все сферы человеческой жизни и деятельности, но прежде всего сказывается в сфере экономики и «сознательности». Виноградов описательно подходит к решению своей задачи: показать прогрессивные изменения. Он указывает те тенденции, которые, на его взгляд, могут иметь продолжение в XX в. В экономике это рост промышленности на основе машинного производства и расширение кредитной системы. В политической области наблюдается укрепление гражданского общества, или, по его словам, «самодетельности общества», «общественного самоуправления»⁵. Получит

¹ Там же. С. 8.

² Там же. С. 11.

³ Там же. С. 10.

⁴ Там же. С. 11–12.

⁵ Там же. С. 18.

продолжение государственное регулирование отношений в производстве. «Вмешательство государства во имя нравственного начала», – как обозначает его Виноградов¹. Появилось социальное страхование и пенсионная система. В сфере просвещения продолжается развитие начального, женского и университетского образования. Прогрессивные настроения проникли и в неподатливую область международных отношений. Гуманистические ценности стали обязательным компонентом дипломатической риторики. «И важно не только то, что уже осуществилось или осуществится: драгоценно зарождение в жестокой борьбе политических интересов и на пустынной почве дипломатических канцелярий идей широкой гуманности, «утопий» – как говорят приверженцы грубой действительности – например идей ограничения вооружений, постоянного международного посредничества во избежание войны»².

Еще одна примечательная тенденция, обозначенная Виноградовым, – возможное возрастание роли азиатских народов. Историк отмечает «факт мировой важности – быстрые шаги европейского влияния и европейской культуры среди колоссальных масс монгольских государств Азии, которые так долго и так упорно отгораживались от всего чужого»³. Впрочем, Виноградов достаточно скептически смотрел на будущее азиатских народов; не они являются носителями прогресса, не им отведены главные роли на исторической сцене. В этой связи недооценивал он и «желтую» фобию В.С. Соловьева. Как писал Виноградов, «является страх перед “Желтой Грозой”, – страх, при зрелом обсуждении, едва ли основательный, случится, надо думать, одно из двух: или желтые действительно воспримут европейскую культуру, и в таком случае можно будет примириться с некоторыми неизбежными уступками этим новым членам семьи цивилизованных народов, или, – что гораздо более вероятно, – они не совладают в большей своей части с наплывом новых идей и порядков, и в таком случае никакие частные заимствования не дадут им перевеса над европейцами»⁴. Судить о справедливости предположений Ви-

¹ Там же. С. 19.

² Там же. С. 20–21.

³ Там же. С. 8.

⁴ Там же.

ноградова даже спустя столетие сложно. Синтез азиатских культурных традиций с европейскими в полной мере еще не завершен.

В заключении отмечу еще раз, что философско-исторические взгляды Виноградова не нашли отражения в отдельном исследовании. Философско-исторические вопросы у него непосредственно переплетались с социологическими проблемами. Так, в своих специальных исторических работах он старался реализовать проект «внутренней» или социальной истории. Для Виноградова это означало преимущественное внимание к экономическим и правовым отношениям. В качестве одной из тенденций современного научного процесса Виноградов отмечал сближение истории с социологией и антропологией, которые позволяли получить знание о начале исторической жизни и происхождении общества. Методологической базой здесь служили метод пережитков и сравнительно-исторический метод. Социология также позволяла уяснить, что представляет собой прогресс в истории, развертывающийся в материальной, нравственной и интеллектуальной сферах. В вопросе о прогрессе Виноградов обращался к эволюционной концепции, в свою очередь опирающуюся на биологию (что позволяло рассматривать общество по аналогии с организмом) и на коллективную психологию. Стронником органической точки зрения Виноградов проявил себя и в вопросе о взаимоотношениях общества со средой, которое рассматривалось им в согласии со схемой зарождения, развития и смерти общества. В структуре общественно-исторических форм ученый выделял: общественные союзы (государство, церковь, семья), в которых реализуется принцип власти; общественные группы (например, народ), которые определяются общностью сознания; и племя или расу, в которых единство задается общностью типа. Исходным элементом как общества, так и исторического процесса, полагал Виноградов, является личность. Она же представляет собой и цель исторического развития. В исторической действительности мы видим попытки согласования личных интересов с общественными, исходящие из начал разума и нравственности.

ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ П. Н. МИЛЮКОВА

Философско-исторические и социологические взгляды Павла Николаевича Милюкова (1859–1943) достаточно хорошо изучены. В этом отношении ему повезло в истории русской мысли. Правда, интерес к Милюкову-ученому всегда стимулировался и перекрывался интересом к Милюкову-политику. В силу жизненных обстоятельств, вынудивших Милюкова отказаться от университетской карьеры и обратиться к политике, он не подготовил, хотя явно к этому тяготел, специального труда по философии или социологии истории. Тем не менее, даже в тех, в общем-то немногочисленных научных работах, которые успел написать Милюков, он вполне определенно и ясно выразил свои философские и социологические воззрения на историю.

Нет необходимости останавливаться на интеллектуальной биографии Милюкова; она достаточно подробно рассмотрена в исследовательской литературе¹. Хорошим подспорьем здесь служат мемуары самого историка, охватывающие, правда, лишь доэмигрантский период. Однако все свои основные теоретические положения Милюков высказал еще в пору научных занятий, т. е. до 1905 г. Столь же хорошо знаком и образ Милюкова. Однако наибольшую известность приобрела сатирическая иконография Милюкова, спровоцированная его политической активностью. Многочисленные карикатуры запечатлели кошачеобразные черты Милюкова, узнаваемые даже в облике одного из главных героев авантюрного романа И. Ильфа и Е. Петрова.

¹ *Riha T.* A Russian European: Paul Miliukov in Russian Politics. Notre Dame–London, 1969; *Вандалковская М.Г.* П.Н. Милюков и А.А. Кизеветтер: История и политика. М., 1992; *Думова Н.Г.* Либерал в России: трагедия несовместимости. Исторический портрет П.Н. Милюкова. М., 1993; *Макушин А.В., Трибунский П.А.* Павел Николаевич Милюков: труды и дни (1859–1904). Рязань, 2001.

Милюков довольно рано проявил свою научную самостоятельность. По крайней мере, обучаясь в Московском университете, он уже в значительной степени определил для себя направление и подходы своих последующих исследований. В «Воспоминаниях» и статьях мемуарного характера он оставил многочисленные свидетельства формирования своего научного мировоззрения. Насколько эти свидетельства были адекватны тому времени, к которому относились и не были ли они вполне понятной проекцией на прошлое более поздних представлений, сказать трудно. Тем не менее, принято доверять этой ретроспективной рефлексии ученого. Характеризуя настроения и запросы своей студенческой поры относительно истории как науки, Милюков писал: «Для нас, тогдашних (1879 г. – *А. М.*) студентов-филологов Московского университета, было аксиомой, что изучение истории не может и не должно ставить себе прикладных целей... Мы не хотели строить русской истории ни на идее заимствования, ни на идее самобытности: вообще ни на каких других идеях общего характера, налагаемых извне. Мы соглашались изучать русскую историю как изучали всякую, с точки зрения общей научной проблемы – внутренней органической эволюции человеческого общежития. Мы еще не называли тогда этой проблемы социологической проблемой. Но мы уже решительно чуждались всяких философско-исторических построений, всяких произвольных нанизываний фактов сообразно требованиям целесообразности, навстречу тому или другому философскому или общественному идеалу. Мы хотели только констатирования явлений “закономерности”. Мы искали “законов” в истории»¹. Противопоставление философии истории социологии, отмеченное Милюковым, проходит по линии разделения целесообразности и закономерности. Вопрос о законах в истории выводится за пределы компетенции философии истории. Современники неоднократно указывали на социологическую ориентацию исследований Милюкова. «П.Н. Милюков – виднейший представитель социологического направления русской исто-

¹ Милюков П.Н. В.О. Ключевский // Милюков П.Н. Очерки истории исторической науки. М., 2002. С. 451.

риографии», – отмечал Д.М. Одинец¹. По словам П. Бицилли, для Милюкова «история есть, так сказать, конкретная социология»².

Игнорирование философско-исторических построений – навязывание поздних предпочтений более ранней действительности. Милюков всегда тяготел к теоретизированию, а часто даже к чрезмерной философизации или даже идеологизации своих исторических конструкций. Теоретические излишества не всегда органично сочетались с используемым фактическим материалом, внося в работы историка дополнительную противоречивость. Философские увлечения Милюкова студенческих годов рифмуются именами О. Конта и И. Канта. «Критическая философия сделалась одной из границ моей мысли против потусторонних вторжений “сверхопытного” познания», – объяснял он свои кантианские симпатии³. Коперниканский переворот И. Канта трансформировался в восприятии Милюкова в широкую историко-философскую аналогию, указывающую на «параллелизм между ролью Сократа на повороте от метафизики к критическому методу “самопознания” – и эволюцией новой философии»⁴. Плодом подобного философского гурманства стал первый опыт «собственной конструкции исторического процесса», предпринятый летом 1879 г. «Во всяком случае, – признавался Милюков, – это был важный шаг в развитии моего собственного взгляда на историю человеческой культуры»⁵.

Среди университетских учителей, определивших научную и философскую физиономию Милюкова следует назвать В.И. Герье, В.О. Ключевского и П.Г. Виноградова. Достаточно скромное влияние В.И. Герье ограничилось семинарскими занятиями, «которые научили объективизму в трактовке исто-

¹ *Одинец Д.М.* П.Н. Милюков в русской исторической науке // П.Н. Милюков. Сборник материалов по чествованию его семидесятилетия. 1859–1929. Париж, 1930. С. 68.

² *Бицилли П.* Философия русской истории в трудах П.Н. Милюкова // П.Н. Милюков. Сборник материалов по чествованию его семидесятилетия. С. 88.

³ *Милюков П.Н.* Воспоминания (1859–1917). Т. 1. М., 1990. С. 104.

⁴ Там же. С. 105.

⁵ Там же. С. 109–110.

рии и застраховали от радикального догматизма»¹. Впрочем, догматизма Милюков, несмотря на все старания В.И. Герье, не избежал.

Догматизм и излишняя предвзятость к предмету, скорее всего, особенно раздражали в Милюкове В.О. Ключевского. Курс Милюкова был первым слушавшим лекции В.О. Ключевского по русской истории в Московском университете. Поэтому Милюков с полным основанием называл себя «первым (хронологически) учеником Ключевского»². Именно с этой стороны его воспринимали и петербургские историки во время приездов Милюкова в столицу. Милюков отмечал обаяние художественной стороны лекций В.О. Ключевского и пронизательность его анализа русской истории. В то же время он указывал на отсутствие у В.О. Ключевского цельного философского или общественного мировоззрения при «величайшем мастерстве схематизации»³. «Он нас подавлял своим талантом и научной пронизательностью», – делился Милюков студенческими впечатлениями от лекций историка⁴. Влияние В.О. Ключевского очень заметно в работах Милюкова; да и сама идея «исторической социологии», реализуемая Милюковым, была предложена именно В.О. Ключевским, хотя Милюков и не пользовался таким выражением. Исследователи творчества Милюкова в более частном порядке отмечают целую серию таких влияний и заимствований. «Понимание значения “экономической эволюции” как фактора общественного развития пришло к Милюкову от Ключевского и его университетских лекций», – пишет по этому поводу М.Г. Вандалковская⁵. Воздействие В.О. Ключевского заметно в том числе: в согласовании самобытности русской истории с общностью европейского исторического процесса и закономерностей истории; в признании колонизации «основным фактом русской истории»; в соотношении социальных, политических и эконо-

¹ Там же. С. 105.

² Там же. С. 147.

³ Милюков П.Н. Источники русской истории и историографии // Милюков П.Н. Очерки истории исторической науки. С. 359.

⁴ Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). Т. 1. С. 115.

⁵ Вандалковская М.Г. П.Н. Милюков и А.А. Кизеветтер: История и политика. М., 1992. С. 133.

мических форм общественного развития, методологической последовательности их изучения; в признании значения экономических, социальных, географических и этнографических условий для политической и социальной истории. Личные и научные отношения Милюкова и В.О. Ключевского были сложными. В.О. Ключевский не поддержал диссертацию Милюкова и был против его преподавательской деятельности в Московском университете. Университетская карьера Милюкова во многом не состоялась именно из-за сопротивления В.О. Ключевского. Реагируя на публичное выступление Милюкова с критикой славянофильского учения, В.О. Ключевский сделал запись: «Разложение славянофильства – пахнет от разлагателя»¹. Неприязненно В.О. Ключевский откликнулся и на публикацию «Очерков по истории русской культуры». Вслед за упоминанием книги Милюкова историк отметил: «Он был бы умен, если бы не силился быть им»². Историю отношений с В.О. Ключевским Милюков подробно описывал в своих «Воспоминаниях», рассмотрена она и в исследовательской литературе. Подлинное научное становление Милюкова проходило в «семинарии» П.Г. Виноградова. «Так он ставил нас сразу на собственные ноги в избранной нами области», – вспоминал Милюков³.

Помимо университетских учителей в своих работах Милюков охотно указывал и на другие интеллектуальные влияния, воспринятые и усвоенные им. Так, в предисловии к эмигрантскому изданию «Очерков по истории русской культуры» он, открещиваясь от мировоззрения народников и марксистов, признавал, что наибольшее воздействие на него еще со студенческих годов оказывали основатели современной социологии О. Конт и Г. Спенсер. «Я следил затем и за дальнейшим развитием социологии – преимущественно в англосаксонских и романских странах», – добавлял ученый⁴.

Правда, полагал Милюков, основоположники социологии не создали саму науку об обществе, они, так сказать, выразили

¹ Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. Т. IX. М., 1990. С. 398.

² Там же. С. 415.

³ Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). Т. 1. С. 115.

⁴ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Том I. М., 1993. С. 40.

потребность в этой науке и сформулировали ожидания от нее. «Место Спенсера, – указывал Милуков, – рядом с Контом... Как известно, сам Спенсер усиленно подчеркивал разницу между своим учением и контовским; но уже самая цель спенсеровских подчеркиваний – стремление доказать свой приоритет и свою независимость от Конта – лучше всего показывает, что в существе дела между их теориями очень большое духовное сходство»¹. Социологический проект еще далек от завершения. «Нельзя, однако же, сказать, – писал Милуков в рецензии на книгу П. Барта “Философия истории, как социология”, – чтобы новая наука переходила в двадцатый век в готовой, законченной форме... Развитие социологии и постепенное превращение ее в науку может служить любопытным примером того, как, за отсутствием гениального ума, его заменяют и делают его дело менее одаренные натуры, в целом ряде мелких попыток, постепенно исправляющих друг друга и мало-помалу выходящих, наконец, на широкий и верный путь. Социология не имела ни своего Коперника, ни Дарвина, ни даже своего Адама Смита. Конт и Спенсер не могут считаться ее основателями в этом смысле, так как, вместо всеобъемлющей руководящей идеи или широкого синтеза, им приходилось еще только давать имя новой науке, определять ее место, ее содержание и материал, ее приемы. То общее и руководящее, что дали социологии оба эти, глубокие мыслителя, было лишь частным приложением к ней их общих доктрин, построенных из материала других наук, которыми тот и другой занимались специально. Напротив, руководящие принципы, долженствовавшие вытекать из специального изучения вновь открытой области науки, предстояло еще найти продолжателям... Но мало-помалу взаимная критика сблизила мыслителей, работавших в одиночку; были найдены точки соприкосновения между их теориями; открылась, вместе с тем, возможность совместной работы. Этот новый фазис, в который вошло изучение социологии, был отмечен и внешним образом. Новая наука получила в свое распоряжение несколько специальных органов, ее работники несколько раз собирались на

¹ Милуков П.Н. Новая книга по социологии // Мир Божий. (отдельный оттиск). С. 205.

периодические конгрессы; наконец, что особенно важно, социология сделалась предметом университетского преподавания и вместе с тем привлекла с себе лиц, имеющих возможность разрабатывать ее специально»¹. В продолжение и развитие социологического проекта Милюков предлагает и разрабатываемую им теорию социологической эволюции. Она больше берет от Г. Спенсера, чем от О. Конта. Сам принцип эволюции был перенесен на изучение общества из биологии именно Г. Спенсером, хотя до конца и не согласован со спецификой социальных явлений. «Спенсеру не удалось, – замечал Милюков, – уловить специфических форм закономерности, действующей в социальной области. В качестве факторов социального процесса у него действуют все те же слепые, стихийные силы природы, тот же “жесткий” закон борьбы за существование и выживания наиболее приспособленных к борьбе»². Однако сам Милюков, несмотря на несколько критическое отношение к результатам спенсеровской социологии, охотно трансплантировал спенсеровские формулировки в собственную доктрину. С позиций спенсеровского органицизма Милюков, например, объяснял социальную роль интеллигенции. «С расширением круга влияния, – писал он, – будет ослабляться сектантский характер идеологии, дифференцироваться ее содержание, специализироваться – ее цели, увеличиваться – конкретность и определенность задач, выигрывать – деловитость работы, обеспечиваться – непрерывность, организованность и систематичность ее выполнения. Вместе с этим ростом солидарности будет уменьшаться вера в панацеи, в спасающие доктрины, в немедленный и крупный результат личной жертвы, личного подвига. С появлением и расширением подходящей сферы применения – будет прогрессировать применимость интеллигентской идеологии. По мере развития функции обыкновенно совершенствуется и специализируется соответствующий орган»³.

Влияние немецкой философии или, по словам Милюкова, «германских авторитетов» ограничивалось И. Кантом и нео-

¹ Там же. С. 197.

² Там же. С. 206.

³ Милюков П.Н. Интеллигенция и историческая традиция // Вопросы философии. 1991. № 1. С. 107.

кантианством. Таковы философские ориентиры, намеченные самим Милюковым. К ним примешиваются и национальные черты интеллектуального облика ученого, деликатно им умалчиваемые. Усвоение позитивистских идей происходило у Милюкова с непосредственной подачи его учителей, первенствующее место среди которых, безусловно, занимает В.О. Ключевский. Через голову В.О. Ключевского на Милюкова повлияла и предшествующая историографическая традиция. В его умозаключениях можно найти отголоски исторических концепций С.М. Соловьева и даже М.Т. Каченовского. Впрочем, в этом нет ничего удивительного; странным было бы как раз отсутствие этих влияний.

Наиболее заметно, конечно, влияние государственной школы, которой Милюков посвятил одну из «пробных» лекций в Московском университете. Обращение к наследию государственной школы дало Милюкову повод для историографического самоопределения. По его словам, «юридическая школа легла между нами и своими противниками, навсегда избавив нас и от науки Погодина, и от философии славянофильства»¹. Государственная школа давала философское истолкование русской истории, подводя под схему русского исторического процесса теоретическое обоснование. Так, в частности, отмечал Милюков, Б.Н. Чичерин связал концепцию юридической школы с немецкой философией; «сообщить отысканной формуле русского исторического процесса философское выражение суждено было г. Чичерину»². Философский взгляд на историю вполне допускаемый, несмотря на декоративные возражения, Милюковым впервые в полной мере был применен именно представителями государственной школы. «Между тем, – отмечал ученый, – несмотря на это преобладание схемы над содержанием, юридическая формула являлась в науке с претензией быть высшим синтезом, полною философией истории»³. А.М. Медушевский усматривает в «Очерках по истории русской культуры» модификацию концепции го-

¹ Милюков П.Н. Юридическая школа в русской историографии (Соловьев, Кавелин, Чичерин, Сергиевич) // Русская мысль. 1886. Кн. VI. С. 92.

² Там же. С. 85.

³ Там же. С. 92.

сударственной школы, ее верификацию на новом, экономическом и этнографическом, материале¹. С полным правом Милюков зачислял себя в наследники государственной школы. «Мы же вместе со старой московской исторической школой», – вписывал он свой историко-культурный подход в историографическую традицию².

Следование намеченному государственной школой направлению вполне логично привело Милюкова в лагерь либеральной историографии. Политическая деятельность Милюкова лишь подтверждает его изначальное либеральное умонаклонение западнического толка. В проведении и отстаивании либеральных принципов Милюков часто доходил до крайних позиций. В этом смысле В.К. Кантор вполне удачно назвал направление русского историка «радикальным либерализмом»³. Более того, Милюков в науке, также как и в политике, по наблюдению П. Бицилли, осознавал себя оппозиционером. Это, в частности, подталкивало его искать новые темы исследований, по новому ставить известные проблемы⁴. Либерализм исторических и философских взглядов Милюкова, как правило, сводился к оглядке на ту или иную западноевропейскую теорию. «Он проявлял особый интерес к западноевропейским концепциям исторического процесса, – писала о научной ориентации Милюкова М.Г. Вандалковская, – где в той или иной мере находил основы для обоснования своей точки зрения»⁵. А.Н. Медушевский идет еще дальше, утверждая, что Милюков вместе с П.Г. Виноградовым «становится лидером западнического крыла русской профессуры, выступающего против официальной идеализации древнерусских порядков»⁶. Верность сделанного утверждения несколько снижается при-

¹ Медушевский А.Н. История русской социологии. М., 1993. С. 248.

² Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Часть III. М., 1993. С. 30.

³ Кантор В.К. Феномен русского европейца. М., 1999. С. 238.

⁴ Бицилли П. Философия русской истории в трудах П.Н. Милюкова // П.Н. Милюков. Сборник материалов по чествованию его семидесятилетия. С. 81–83.

⁵ Вандалковская М.Г. П.Н. Милюков и А.А. Кизеветтер: История и политика. С. 140.

⁶ Медушевский А.Н. История русской социологии. С. 243.

писыванием милюковских взглядов П.Г. Виноградову, который, как известно, никогда не занимался древнерусской историей. Западничество Милюкова А.Н. Медушевский как раз противопоставляет славянофильству. Более того, исследователь усматривает эволюцию взглядов Милюкова от славянофильства к западничеству¹. Основанием для славянофильской атрибуции Милюкова и последующей эволюции его взглядов А.Н. Медушевскому служит критическое отношение историка к реформам Петра I в диссертации и «программная», по его характеристике, статья «Разложение славянофильства». Критика преобразовательной деятельности Петра I, действительно, прозвучала у Милюкова достаточно резко; она была вызвана неприятием тех полицейских методов и самодержавных целей, которые присутствовали в реформах и носила, следовательно, не славянофильский, а либеральный характер, или была славянофильской лишь постольку, поскольку сами славянофилы не были чужды либеральных настроений. Впрочем, Милюков сам ограничивал либеральный замах своих философско-исторических построений. «К тому же и моя философская схема исторического процесса (*corsi e ricorsi*) не уместилась в рамки чистой либеральной догмы», – писал он о своем первом философско-историческом опыте². А.Н. Медушевский указывает еще на два философских предпочтения Милюкова: его склонность к неокантианству и эмпириокритицизму. К ним можно добавить более конкретное увлечение исследованиями медиевиста К. Лампрехта «История немецкого хозяйства в средние века» (1885–1886) и «История Германии» (1891–1894), усвоение которых непосредственно сказалось на формировании того подхода к изучению исторических явлений, который был реализован в «Очерках по истории русской культуры». «Милюкову были родственны идеи Лампрехта общетеоретического и методического характера, – уточняет М.Г. Вандалковская, – создание труда типа “культурно-исторического синтеза”, включавшего рассмотрение разнообразных эволюций – от экономической, социальной до духовной»³. Другие влияния легко реконструируются на основе

¹ Там же.

² *Милюков П.Н.* Воспоминания (1859–1917). Т. 1. С. 145.

³ *Вандалковская М.Г.* П.Н. Милюков и А.А. Кизеветтер. С. 140–141.

собственных ссылок Милюкова. Помимо О. Конта и Г. Спенсера, в его работах заметно частичное влияние идей Н.Я. Данилевского и полное – Д. Вико. Сюда же следует добавить и немецкую историческую школу (К.Ф. Савиньи и К.Ф. Эйхгорн).

Спорным остается вопрос об отношении Милюкова к неокантианству, несмотря на то, казалось бы собственное признание историком воздействия на него неокантианских идей. А.В. Макушин и П.А. Трибунский отмечают неприятие Милюковым неокантианства¹. Омские историки С.П. Бычков и В.П. Корзун, усматривая в творчестве Милюкова «столкновение» трех методологических установок: позитивистской, неокантианской и марксистской, полагают, что в его работах влиянию неокантианства сказывается в меньшей степени: «Философские штудии П.Н. Милюкова относятся к периоду, когда в отечественной историографии только начинает складываться исследовательская программа неокантианства. В творчестве П.Н. Милюкова мы не находим ни постановки проблемы о специфической логике исторического исследования, ни способов ее разрешения, что характеризовало русских неокантианцев»². Надо признать, что из философии И. Канта Милюков усвоил в основном лишь демаркационные претензии критицизма, т. е. необходимость отделения опытного (апостериорного) знания от внеопытного (априорного), при явном предпочтении русским историком знания апостериорного. Косвенным подтверждением отторжения Милюковым неокантианской методологии служит его борьба с субъективной школой в русской социологии. Воинственное настроение Милюкова подогревал народнический состав представителей субъективной школы, хотя ее философские истоки эклектически смешивались с кантианством. Критика субъективной школы оборачивалась у Милюкова критикой «целесообразности» в истории, под которой он понимал как «план» самой истории, так и цели, предпочтения, идеалы, ценности, которыми руководствуются действующие в истории люди. «Его

¹ Макушин А.В., Трибунский П.А. Павел Николаевич Милюков: труды и дни (1859–1904). Рязань, 2001. С. 340, 348.

² Бычков С.П., Корзун В.П. Введение в историографию отечественной истории XX века. Омск, 2001. С. 107.

стремление устранить из исторической науки “точку зрения целесообразности”, – дают свою оценку А.В. Макушин и П.А. Трибунский, – следует расценить как лишнее доказательство игнорирования им специфики общественных явлений»¹.

В отличие от неокантианства позитивизм Милюкова признается всеми исследователями. Те же А.В. Макушин и П.А. Трибунский говорят о «воинствующем» позитивизме русского историка². Позитивистский импульс, пробудивший в студенческие годы научное сознание Милюкова, предопределил направление всех последующих исследований ученого. «Тогда ведь бредили точными науками, предпочитая естественные науки гуманитарным», – характеризовал Милюков умонастроение своей молодости³. Его знакомство с идеями положительной философии началось летом 1878 г., когда он прочитал предоставленный ему М.М. Ковалевским третий том «Курса положительной философии» О. Конта. Милюков вспоминал: «...в Конта я вцепился и не только прочел весь толстый том, но и подробно сконспектировал интересовавшую меня часть»⁴. Заинтересовавшая его часть – учение о трех стадиях в истории человечества. Сразу же Милюков постарался переосмыслить контовскую схему в духе приемлемого позитивизмом органицизма.

Из положений позитивистской доктрины Милюков усвоил несколько моментов, которым затем старательно следовал в своих исследованиях. Прежде всего, это замена философии мировоззрением, т. е. тем философским инвалидом, который оставался после вычитания из философии метафизики и историко-философской традиции. Метафизический геноцид, учиненный позитивизмом, на деле приводит к низведению философии на дотеоретический уровень и индуктивному выведению всех умозаключений из опытных данных и наблюдений. Реализация данного проекта в области историографии сталкивается с существенным затруднением, поскольку история не имеет дела с непосредственными наблюдениями и опытом. До-

¹ Макушин А.В., Трибунский П.А. Павел Николаевич Милюков. С. 358.

² Там же. С. 339.

³ Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). Т. 1. С. 111.

⁴ Там же. С. 110.

вести позитивистскую затею, а вместе с ней и всякий предмет возможного опыта до ума призвана методология истории. Смена методологических установок обозначает движение исторической мысли. В историографическом курсе «Главные течения русской исторической мысли» Милюков настаивал на связи историографии с более широким контекстом (политическим, философским...). Отсюда его метод – «сведение того или другого частного взгляда или специального вывода к тому или другому цельному мировоззрению. Именно такого рода сведение и должно составлять, с нашей точки зрения, главнейшую задачу истории науки»¹. Историк здесь развивает позитивистский подход, согласно которому состояние исторической науки определяется характером господствующего мировоззрения: при религиозном мировоззрении будет развиваться одна историография, при метафизическом – другая, при научном – третья. В зависимости от мировоззрения изменяются и проблемы, интересующие историка. Мировоззрение закрывает одни темы и высвечивает другие. Причем мировоззрение не отбирает факты и проблемы, а как бы устанавливает границы научного взгляда, в пределы которого попадают лишь определенные данные.

Другое позитивистское требование, применяемое Милюковым, – это проверка взглядов действительностью. Любые идеи, мысли теоретические конструкты должны быть сведены к определенной комбинации жизненных обстоятельств. Именно исходя из этого положения Милюков, в частности, интерпретировал взгляды В.Г. Белинского: они менялись не в силу теоретических влияний немецкой философии, а зависели от совокупности конкретных условий, в которых им приходилось реализовываться, они были «просто *чертой из биографии* Белинского, объяснимой особенностями его *личной истории*»². В.Г. Белинский, как и А.И. Герцен, были интересны Милюкову своим переходом от идеализма к реализму.

¹ Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. СПб., 1897. С. 3.

² Милюков П.Н. Любовь у «идеалистов тридцатых годов» // Милюков П.Н. Из истории русской интеллигенции. Сборник статей и этюдов. СПб., 1902. С. 105.

Проверка взглядов действительностью стала дополнительным (на этот раз теоретическим) толчком к переходу самого Милюкова к активной политической деятельности. Надо признать, что даже в чисто теоретических и исторических построениях Милюков никогда не стремился к политической беспристрастности, а, напротив, вполне сознательно подчинял свои философско-исторические схемы либерально-западническим идеалам. Следующий шаг, который предстояло сделать – это сделать шаг от историка к историческому деятелю, к творцу истории, приложить умозрительно выведенное понимание исторической личности к собственной политической карьере. «Следует подчеркнуть, – пишет М.Г. Вандалковская, – что собственная политическая деятельность Милюкова подтверждала связь истории и политики, их взаимную обусловленность, а также выявляла в его теории роль волевого, субъективного фактора»¹. Политика стала еще одной ипостасью Милюкова. «Ученый, политик и писатель», – так аттестовал Милюкова в посвященной ему брошюре Г.В. Вернадский². Другой товарищ по партии, историк А.А. Кизеветтер, полностью сосредоточился на политической стороне облика Милюкова, представив его как «истинного парламентария чисто европейской складки»³. Пиком политической активности Милюкова стал 1917 г.

Не давая еще окончательной оценки творчества Милюкова, сошлюсь на А.В. Макушина и П.А. Трибунского, отмечавших противоречивость концепции русской истории и культуры Милюкова и его теоретико-методологических взглядов, которые к тому же «лишены целостности»⁴.

Историческая социология

Все главные произведения Милюкова были связаны с его преподавательской деятельностью и в той или иной степени

¹ Вандалковская М.Г. П.Н. Милюков и А.А. Кизеветтер. С. 121.

² Вернадский Г.В. Павел Николаевич Милюков. Пг., 1917. С. 3.

³ Кизеветтер А.А. П.Н. Милюков. М., 1917. С. 26.

⁴ Макушин А.В., Трибунский П.А. Павел Николаевич Милюков. С. 365.

отражали лекционные курсы. Исключение составляет только его диссертация. После того, как Милюкову был закрыт доступ в российские университеты, он получил приглашение занять кафедру в Софийском Высшем училище вместо скончавшегося М.П. Драгоманова. С марта 1897 г. по июнь 1898 г. он читал лекции и в Софийском университете. Один из его курсов был посвящен «виноградовской» теме: переходу от падения Римской империи к средним векам. Другой курс касался славянских древностей и археологии. В Софии Милюкову довелось читать курс под названием «Обзор философско-исторических систем». Это единственная работа ученого непосредственно посвященная философско-исторической проблематике. Однако материалы, связанные с этим курсом, не опубликованы и хранятся в архиве.

Обозначая научную атмосферу своей эпохи, Милюков писал: «Наше поколение отбрасывала а limine представление об истории, как повествовании о фактах... мы ждали от истории чего-то другого, что приближало бы ее к экспериментальной науке»¹. Следует уточнить что Милюков говорит об отказе от повествовательности, а не от фактов. На языке историографической практики это означало переход от событийной истории к истории быта, а в истории быта к тому, что «наиболее доступно наблюдению и учету», т. е. к экономике и истории учреждений.

Так возникла идея написания работы в жанре «культурной истории», которая бы, в свою очередь, исходила из философской предпосылки о значении в истории идей. Первой такой работой стала диссертация Милюкова «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого», опубликованная и защищенная в 1892 г. Тема диссертационного исследования была выбрана под влиянием виноградовского понимания исторического исследования и «касалась истории учреждений и финансов в связи с государственной экономикой Петра Великого»². «Моя задача была – объяснить значение Петровской реформы... – рефлексировал Милюков по поводу диссертации. – Мой тезис был, что евро-

¹ Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). Т. 1. С. 113.

² Там же. 158.

пеизация России не есть продукт заимствования, а неизбежный результат внутренней эволюции, одинаковый в принципе у России с Европой, но лишь задержанный условиями среды»¹. Своим объемным трудом историк претендовал на докторскую степень, но из-за настойчивости В.О. Ключевского, не скрывавшего своего недовольства, получил лишь степень магистра. После этого Милюков дал слово, как он кокетливо признавался в «Воспоминаниях», не писать и не защищать диссертации на доктора, хотя при этом и вел переговоры с С.Ф. Платоновым о перспективе переезда в Санкт-Петербург и защите в столице диссертации. Опыт написания «культурной истории» применительно к теме диссертации означал такой оценивающий взгляд на реформы Петра I, который уделял бы преимущественное внимание их культурной стороне. Здесь же Милюков обозначал и своих предшественников в деле подготовки «культурной истории» – славянофилов, при этом умалчивая о живом продолжателе их идей К.Н. Бестужева-Рюмине, так же стремившемся в своих работах по русской истории к написанию «культурной истории». «В прошлом веке такая точка зрения, – раскрывал он генеалогию своего подхода, – вызвана была практическим отношением к идеям реформы, в нынешнем – она была подновлена теми представлениями о значении идей в истории, которые с легкой руки немецкой идеалистической философии усвоены были нашей славянофильской школой и в ее формулировке пережили не только идеалистическую философию, но и самое славянофильство»². Опробовав историко-культурный подход на материале петровских реформ, Милюков приступил к подготовке более масштабного труда, который первоначально также принял лекционное выражение.

Концентрация исследовательских усилий на петровской эпохе была вызвана рядом частных обстоятельств, прежде всего архивного характера. Разбирая по поручению Академии наук магистерскую диссертацию А.С. Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований», он следующим

¹ Там же.

² Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия... С. XIII.

образом растолковывал этот первоначальный методологический принцип: «Выбор всякой специальной темы есть до некоторой степени случайность, и всякое выделение темы из непрерывного контекста исторического процесса будет в некоторой степени искусственным»¹. По мнению Милюкова, «главное, что подлежит историческому изучению – разнообразие, сложность и подвижность исторического процесса»².

В отличие от диссертации, тема главного, по крайней мере наиболее известного и популярного произведения Милюкова, «Очерков по истории русской культуры» возникла на основе уже вполне сформировавшейся исторической, а в еще большей степени политической концепции автора. В обширных предисловиях к каждому из трех томов Милюков излагал свои философско-исторические взгляды, отождествляемые им с обобщающей наукой о социальных явлениях – социологией. В этом, несомненно, сказалось влияние В.О. Ключевского, именовавшего свои концептуализации «исторической социологией». «Очерки по истории русской культуры» неоднократно переиздавались. В их основе лежали лекции, читавшиеся в 1892–1893 и 1894–1895 гг. в Москве на педагогических женских курсах. Первоначально они были изданы литографским способом, затем печатались в марксистском журнале «Мир божий», а с 1896 по 1909 г. несколько раз выходили отдельным изданием. В курсе по истории русской культуры Милюков видел возможность иного подхода к общему курсу русской истории. На «Очерки по истории русской культуры» критически откликнулись В.А. Мякотин, Н. Русанов, П.Б. Струве и М.И. Туган-Барановский. Милюков болезненно реагировал на критику и резко отвечал своим оппонентам. «Нетерпимость к критике, – пишет Н.Г. Думова об этой стороне личности Милюкова, – неизменная уверенность в собственной правоте составляла одну из неприятных черт его характера»³. Ответы критикам историк помещал в предисловиях к новым изданиям

¹ Милюков П.Н. Спорные вопросы финансовой истории московского государства. Рецензия на сочинение А.С. Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в московском государстве». СПб., 1893. С. 2.

² Там же. С. 4.

³ Думова Н.Г. Либерал в России... С. 168

своих «Очерков по истории русской культуры». Более того, каждый раз, готовя очередное переиздание, Милюков дополнял и дорабатывал текст, касалось это и теоретической части. Наиболее существенные изменения были внесены в последнее, юбилейное издание, вышедшее в Париже на деньги болгарского правительства в 1930–1937 гг. Дополнением к третьему тому должны были служить статьи Милюкова, собранные в отдельную книгу под названием «Из истории русской интеллигенции. Сборник статей и этюдов», вышедший в Санкт-Петербурге в 1902 г.

Изначально «Очерки по истории русской культуры» писались с целью «научной популяризации», но в юбилейном издании Милюков, значительно переработав и дополнив прежний текст, по собственному замечанию «далеко отошел от первоначального назначения»¹. Недостаточная академичность исследования – оборотная сторона его популярности – часто ставилась в вину Милюкову. Так, один из первых критиков сочинения Милюкова Б.Б. Глинский в обширной рецензии-реферате на «Очерки по истории русской культуры» и «Главные течения русской исторической мысли» упрекал историка в журнализме. «Журнализм занятий – писал он, – побуждает его быть сжатым, популярным, если угодно, элементарным, оставляет в его работах пробелы, которые приходится восполнять общими заключениями, несколько торопливыми выводами и умозаключениями, основанными на чужих, часто не совершенных работах»².

Методологическим подспорьем в процессе написания «Очерков по истории русской культуры» служили работы П.Г. Виноградова, Фюстель де Куланжа и Ф. Гизо, рассматривавших в своих сочинениях историю учреждений в связи с историей идей. Сам Милюков в качестве образцов указывал на книги Маккензи Уоллеса «Russia», Анатоля Леру-Болье «L'Empire des Tsars» и четырех томную «Histoire de la civilisation en France» Ф. Гизо³. Опираясь, в частности, на ис-

¹ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. М., 1993. С. 31.

² Глинский Б.Б. Культурная история России // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1897. Т. LXVIII. С. 902.

³ Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). Т. 1. С. 178.

следования Фюстель де Куланжа Милюков предпочел не хронологическое описание событий, а изложение отдельных процессов, вскрывающее внутреннюю закономерность исторического развития. В первом издании «Очерков по истории русской культуры» он следующим образом обозначил этот методологический принцип: «...характеризовать разные стороны исторического процесса в систематическом порядке»¹. Отсюда, по его признанию, возникало «некоторое впечатление искусственной изолированности отдельных исторических эволюций»².

Открыто заявляемая Милюковым цель написания «Очерков по истории русской культуры» носила вполне благопристойный просветительский характер. «Цель очерков, – писал он, – заключается в сообщении читателям тех *основных* процессов и явлений, которые характеризуют русскую общественную эволюцию»³. Однако «Очерки по истории русской культуры» преследовали и другую цель – политическую. Точнее, речь шла о том, чтобы связать историю с современностью и через оценку прошлого с опорой на либерально-западнические ценности бросить критическую тень на текущее настоящее. По сколь верному, столь и остроумному наблюдению А.В. Макушина и П.А. Трибунского, разоблачающей цели была подчинена и структура «Очерков по истории русской культуры», симметрично копирующая самый известный плод административного идеетворчества в России – формулу «официальной народности». «Попутно заметим, – пишут авторы монографии о Милюкове, – что структура “Очерков” находилась в прямой зависимости от структуры уваровской триады (“Население, экономический, государственный и сословный строй”) – критика “самодержавия”, социально-политического устройства России; вторая (“Церковь и школа: вера, творчество, образование”) – критика “православия”; третья – критика “народности”»⁴.

¹ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. СПб., 1896. С. 18.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Макушин А.В., Трибунский П.А. Павел Николаевич Милюков. С. 357.

Уже в самом начале своего труда Милюков противопоставил истории «событий» или внешней (политической, прагматической) истории историю «быта» или внутреннюю (культурную) историю. Объясняя термин «культурная история», он писал, что будет пользоваться им в том, более широком, смысле, в котором он обнимает все стороны внутренней политики: и экономическую, и социальную, и государственную, и умственную, и нравственную, и религиозную, и этическую¹. В лекциях «Введение в курс русской истории», читавшихся в Московском университете в 1894–1895 гг. Милюков также делал акцент на культурной стороне исторического процесса. Поясняя свой подход, он отмечал: «...я исхожу из того представления, что история не есть только пестрый сборник “дней прошедших анекдотов”, а изучение внутренних основных процессов народного развития во всей их полноте и жизненности»². Занятие культурной историей может получить оправдание с двух сторон: со стороны чисто научного интереса и со стороны практической пользы. В зависимости от этого определяется и содержание самого исследования. В одном случае, это будет поиск причин и выявление фактов, в другом – доискивание цели, смысла и творческое вмешательство в события.

Поясняя первоначальное каталогообразное определение культурной истории, Милюков признавал, что культурная традиция возникает как результат целесообразной деятельности личностей преемственно транслирующих из поколения в поколение ценности, смыслы, идеи. Вполне в духе своих оппонентов из «субъективной школы», Милюков писал: «Поми-мо естественного хода общественной эволюции, – или, точнее говоря, как один из результатов этой самой эволюции, – во всяком развитом обществе существует сознательная человеческая деятельность, стремящаяся целесообразно воспользоваться естественной эволюцией и согласовать ее с известными человеческими идеалами. Для достижения этих целей надо пре-

¹ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. СПб., 1896. С. 3.

² Милюков П.Н. Лекции по «Введению в курс Русской истории», читанные на Историко-филологическом факультете Московского университета в 1894–1895 acad. году прив. доцентом П.Н. Милюковым. Москва, 1894–1895. С. 3.

жде всего выработать и распространить эти идеалы и затем воспитать волю. Если подобная работа совершается в одном и том же направлении в течение целого ряда поколений, в таком случае в результате получится действительная *культурная традиция* – единство общественного воспитания в известном определенном направлении»¹. Поскольку всякая культурная традиция упирается в современность, для которой она, собственно, и является традицией, постольку здесь уже возникает чисто практическая (или политическая) задача: продолжение традиции посредством формирования ее идеологической основы. Современность – своеобразный смысловой перевал культурной традиции, в зависимости от которого традиция может изменить свое направление. И здесь уже исследовательская задача соприкасается с задачей идеологической, политической. «Понятное дело, – рассуждал Миллюков, – что и наша собственная познавательная деятельность должна быть направлена не на поддержание этого археологического остатка отдаленной старины, а на создание новой русской культурной традиции, соответствующей современным общественным идеалам»². Репертуар ценностей, предлагаемый Миллюковым для «новой русской культурной традиции» и «соответствующий современным общественным идеалам», понятно, – либеральный.

Еще одно крупное произведение Миллюкова, в котором он высказал свои философско-исторические и социологические взгляды, – «Главные течения русской исторической мысли». Книга сложилась на основе историографического курса, впервые прочитанного в Московском университете в 1886–1887 гг. Ей предшествовало литографированное издание лекций, затем частями будущая книга печаталась в журнале «Русская мысль». Поводом к написанию книги стало издание сочинения М.О. Кояловича «История русского самосознания». «Стремление Миллюкова показать несостоятельность славянофильской схемы Кояловича, — оценивал подход ученого А.Н. Цамутали, – вылилось в другую крайность. В его курсе, как и в

¹ Миллюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. СПб., 1896. С. 222; Миллюков П.Н. Лекции по «Введению в курс Русской истории». С. 211.

² Там же. С. 223.

последующих работах, заметна явная тенденция к преувеличению влияния, которое было оказано на русскую историческую мысль западноевропейскими философами и историками¹. Вышедшие в 1897 г. «Главные течения русской исторической мысли» Милюков обозначил как первый том, рассчитывая на продолжение исследования. По собственному признанию из нумерованного авторского предисловия, он остановился «как раз на том моменте русской историографии, от которого ведут начало теперь существующие и борющиеся между собою направления нашей науки»². Однако продолжения не последовало. Взгляд Милюкова на развитие русской историографии находил много общего со сменой философских ориентиров. В его интерпретации течения русской исторической мысли следовали общему направлению мысли философской, которая, в свою очередь, охотно впитывала изменения политической обстановки. По формулировке Милюкова, русская историческая мысль трансформировалась в соответствии «с развитием общего мировоззрения»³.

В согласии с основной задачей академической философии истории – утверждение истории в качестве науки – и Милюков воспринимал историографию как форму знания и способ познания мира, но не самопознания человека. Взгляд на историю как науку самопознания, который Милюков приписывал М.П. Погодину, М.О. Кояловичу, почему то не упоминая С.М. Соловьева, он считал устаревшим. При таком подходе историография неизбежно входит в соприкосновение с философией. Иными словами, обоснованием научности истории должна заниматься философия истории. Путь к этому Милюков видел в разработке теоретических и методологических сторон исторического исследования и пытался приблизиться к нему посредством серии терминологических различий и отраслевых демаркаций. Первое такое различие он проводил между «наукой» и «ученостью» или между специальным историческим исследованием и разработкой общей теории. По

¹ Цамутали А.Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма: Историографические очерки. Л., 1985. С. 175.

² Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. СПб., 1897.

³ Там же. С. 1.

словам ученого, «очень многие видные представители русской исторической науки были специальными учеными»¹. Однако избежать опоры на какую-либо теорию невозможно. «Сознательно или бессознательно, – замечал Милюков, – специальная работа всегда направляется какой-нибудь теорией»². Примером может служить исследовательская практика самого Милюкова. Приведу его собственное признание из речи перед магистерским диспутом в Московском университете 17 мая 1892 г. «Мой взгляд на реформу, – писал историк о петровских преобразованиях, – может быть объяснен как приложение общей философско-исторической теории... Насколько я могу контролировать себя, мое объяснение реформы явилось не как следствие того или другого теоретического взгляда, а как результат фактического изучения... Однако ж, я не могу и не хочу отрицать, что мои общие исторические взгляды могли и должны были оказать влияние на выбор темы, подбор материала, может быть, на некоторые увлечения в передаче выводов, надеюсь, чисто словесные»³.

Неслучайно, поэтому, основное внимание в своем историографическом курсе Милюков уделял именно «теоретическим побуждениям» историков. Потребность в теоретическом обосновании исторической науки со временем лишь усилилась. Милюков фиксирует интенсивность исследований в области теоретико-методологических вопросов историографии. «Теоретические воззрения на задачи исторического изучения, – писал он, – так быстро развились во второй половине нашего века, что даже в более обильных исторических литературах, чем наша, теория далеко обогнала специальную разработку историографического материала»⁴.

Прилагая свой подход к русской историографии, Милюков выявлял два периода в его развитии: этический и научный. Второй из них соответствует современному этапу эволюции

¹ Там же.

² Там же.

³ Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII века и реформа Петра Великого // Русская мысль. 1892. Книга VII. С. 65.

⁴ Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. С. 2.

исторической мысли. «На пространстве двух последних веков, – бросал Милюков широкий ретроспективный взгляд, – развитие русской исторической науки распадается на два периода, резко различные по своим основным принципам. Первый период мы можем назвать периодом *практического* или *этического* понимания задач историка. Характеристическою чертой второго служит развитие представления об истории как *науке*»¹. Мы видим утилитарный взгляд, с одной стороны, и стремление «выразить его в терминах науки», с другой. Переход, полагает Милюков, был вызван успехами исторической науки на Западе. Рубеж между этими двумя пониманиями истории русский ученый определял 1826–1827 гг., когда в «Вестнике Европы» появилась статья И. Среднего-Камашева. Но Милюков указывал и другую границу. «Употребляя более привычные термины, – пишет он, – мы можем вести первый период русской исторической науки до Карамзина включительно, второй период – с Карамзина до нашего времени»². В диссертации Милюков пояснял «современное», с его точки зрения, понимание истории как науки, сводя его к многостороннему, можно сказать системному, рассмотрению прошлого при явном доминировании материальной, т. е. наблюдаемой, фиксируемой стороны истории. «Эта наука, – писал он об истории, – как мы понимаем ее современные задачи, ставит на очередь изучение материальной стороны исторического процесса, изучение истории экономической и финансовой, истории социальной, истории учреждений»³. При этом ученый окунается в омут эпистемологического манихейства, ставящего его перед необходимостью, с одной стороны, культивировать научность, т. е. обобщенность или, в терминологии Милюкова, «социологичность» истории, а с другой, удерживать ее идиографичность. Для расположенного к схематизму Милюкова этот дуализм был особенно болезненным. «Я вообще был склонен к схематизму и стройности построений», – признавался он на старости лет в «Воспоминаниях»⁴. «При изо-

¹ Там же. С. 4.

² Там же.

³ Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия... С. XIII.

⁴ Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). Т. 1. С. 150.

бражении схемы, – сетовал историк, – непригодны индивидуальные факты и случайные черты. При изображении жизни все это нужно, но по жизни нельзя судить о схеме»¹.

Итак, моральная установка – вчерашний день историографии. И Милюков, вооружившись обновленным методологическим инвентарем истории как науки, с усердием прозели-та взялся искоренять рецидивы этической точки зрения на историю. Прежде всего, по правилам классификационной бухгалтерии позитивизма было необходимо разогнать по разным таксономическим нормам науку и этику. «Следовало бы, мне кажется, – советовал он, – точнее разграничить обе области знания и творчества: помнить, что “древо знания не есть древо жизни”, и предоставить представителям науки искать научного объяснения исторической деятельности “героев”, а людям жизни – применять этическую точку зрения не для мало полезной реабилитации прошедшего, а для подготовки лучшего будущего»². Неведением новых перспектив научного постижения прошлого грешат представители «субъективной школы», которые с упорством традиционалистов продолжают прилагать этическую точку зрения к истории. Милюков не жалеет риторических проклятий и научных опровержений для дискредитации «субъективной школы». По его словам, «за этическими и социологическими аргументами “субъективной” школы в социологии срывается старая метафизика, и что, таким образом, все это направление носит на себе несомненную печать философского дуализма»³. Больше всего от Милюкова достается Н.И. Карееву. Выступая как последовательный позитивист, Милюков старался элиминировать из истории и науки об обществе любые следы метафизики, не желая оставлять за ней даже этического значения. В рецензии на второе издание двухтомника Н.И. Кареева «Основные вопросы философии истории» он набрасывался на деонтологический подход своего старшего коллеги. «г. Кареев не хочет, – писал кри-

¹ Милюков П.Н. Спорные вопросы финансовой истории московского государства. С. 7.

² Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII века и реформа Петра Великого // Русская мысль. С. 66.

³ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 2. СПб., 1897. С. 2–3.

тик, – чтобы его считали за метафизика, и протестует, когда его “философию” называют скрытою метафизикой; его “философское” знание уместается рядом с научным в рамках одной и той же действительности; перестав быть знанием метафизическим, которое могло еще иметь некоторый условный смысл, оно претендует на роль какого-то знания этического, за которым уже никакого смысла признать невозможно»¹. «И опять же, – не отступал Милюков, – необходимость этой точки зрения идеала в человеческой деятельности мы не можем отрицать, но не понимаем надобности прилагать ее к истории. Идею прогресса, с деонтологической точки зрения легче раскрыть, чем доказать самую приложимость в данном случае деонтологической точки зрения»².

Значительное пространство в своих теоретических введениях Милюков отводил ответам на критику, высказанную по поводу предшествовавших изданий его «Очерков по истории русской культуры». Полемика с «субъективной школой» как раз может служить примером его научной задиристости. Однако, рассуждая об исторических силах, Милюков, подстраховываясь теорией многофакторности исторического процесса, выделяет в них и субъективную сторону или общественную психику и объективную сторону – общественные силы в широком смысле. Не отрицает он и определенной телеологичности, т. е. целесообразности исторического процесса. «Целесообразность в данном случае предполагает сознательность», – уточнял историк³. Телеологизм, как правило, соответствует органическому пониманию государства и истории. Однако помимо органической точки зрения возможны также механическая и психологическая. Каждая из них задает свой взгляд на исторический процесс, налагает свои интерпретационные ограничения и навязывает свою схему исторического объяснения. Но как вообще возможно историческое объяснение? Чтобы ответить на этот вопрос следует предварительно ре-

¹ Милюков П.Н. *Историософия г. Кареева («Основные вопросы философии истории»*. Ч. I и II, второе переработанное издание. СПб., 1887) // *Русская мысль*. 1887. Книга XI. С. 95.

² Там же. С. 97.

³ Милюков П.Н. *Очерки по истории русской культуры*. Т. 3. М., 1995. С. 25.

шить, опирается ли историческое объяснение на необходимость исторического процесса или исходит из признания случайности сложившихся исторических обстоятельств? Сторонясь крайностей в истолковании исторического процесса, Миллюков предпочитал видеть в истории сочетание, переплетение необходимости и случайности. Случайность в истории характеризует сложившуюся ситуацию, соответствует конкретной конфигурации исторического момента и в этом смысле может быть понята как временной срез менее случайной или более необходимой исторической тенденции. Сочетание необходимости и случайности в истории, в конце концов, приводит к принципиальной неотличимости их друг от друга. Различие в степени оборачивается различием на доминирующие, господствующие, более постоянные условия исторических событий и вписывающиеся в них частные проявления этих событий.

Случайность подчиняется, как бы встраивается в необходимость исторического процесса. Случайности нельзя приписать абсолютный, объективный характер. Миллюков считает ее «проявлением внутренней тенденции, необходимо присущей процессу политической эволюции (речь идет об образовании государства. – *А. М.*) везде, где этот процесс имеет возможность совершиться»¹. Социологический подход отдает предпочтение необходимости, ищет и выявляет ее в общественных процессах. Умаление исторической случайности – результат методологической установки, сознательного подбора фактов и их истолкование. «Но так как мы ищем в данном случае социологической истины, – оговаривает свою позицию ученый, – а не нравственного назидания, то совершенно естественно, что мы обратили все свое внимание не на элементы “трагизма”, несомненно существовавшие, а на элементы “строгой общественной необходимости”»².

К необходимым сторонам исторического процесса принадлежит и развитие общественного самосознания. «Постепенное развитие сознательности по мере развития процесса также входит в число необходимых элементов социального развития», – пишет исследователь³. История показывает, как

¹ Там же. С. 28.

² Там же. С. 29.

³ Там же.

из первоначально стихийных элементов постепенно формируются и обособляются элементы сознательные, со временем начинающие играть все большую роль в истории. Нарастание и расширение сознательности и, конечно же, увеличение числа ее носителей, т. е. личностей – таков результат истории.

Однако Милуков, рассматривая общественно-исторический процесс на основе либеральных установок, т. е. как развитие сознательности, не склонен придавать ей решающее значение. «Но “значительность” роли современных деятелей мы объясняем... той *целесообразностью* их действий, то есть ответствием их условиям данной эпохи, которое только и могло обеспечить этим действиям “сравнительный простор”», – пояснял он¹. Роль личностей или «исторических деятелей», понимаемых в качестве субъективного фактора исторического процесса, анализируется Милуковым на примере эпохи образования Московского государства. Поступки исторических деятелей не самодостаточны, они всегда согласуются, соотносятся с необходимыми условиями и факторами исторического процесса, т. е. либо соответствуют, либо противоречат «внутренней тенденции» исторической эпохи.

Вслед за отделением от науки этики необходимо развести науку и творчество или искусство. Здесь Милуков менее категоричен; он готов допустить искусство в сферу науки при условии полного переподчинения искусства царящему в науке духу каузальной необходимости. «Для меня несомненно, – заявлял он, – что задачи науки и искусства различны, так как одна имеет дело с миром причинности, а другая – с миром целесообразности. Так как все, что случается, подлежит закону причинности (Разумеется, – делает Милуков сноску, – здесь идет речь о “существовании” и “причинности” феноменологической), то подлежат этому закону и явления целесообразности. Отрицать существование последних можно было бы только на основании обратного умозаключения: если явления целесообразности не подлежат или признаются не подлежа-

¹ Там же. Закавыченность отдельных слов и выражений в текстах Милукова объясняется полемическим контекстом его рассуждений и связана с ответами на критику со стороны своих оппонентов (прежде всего, В.А. Мякотина), чьи выражения Милуков и включает в свой текст.

щими закону причинности, то они в этом смысле и не существуют»¹. Еще более примиряющую позицию в отношении творчества Милюков занял в опубликованной четырьмя годами позже первой части «Очерков по истории русской культуры». Милюков готов не только допустить параллельное и независимое сосуществование науки и искусства по принципу взаимного невмешательства, но и осложнить их отношения принципом дополнительности. Понимая творчество в широком смысле как сферу практической деятельности человека, он и науку приобщает к практике. Тогда получается, что история как наука и политика как искусство имеют общую область применения, одну, если можно так выразиться, область значений. «Наука и искусство, – разъяснял Милюков свою позицию, – везде и всегда существовали рядом, не мешая друг другу и не врываясь в законную сферу взаимной деятельности. Искусство нуждается в науке: в данном случае, политическое искусство нуждается в законах исторической науки, без знания которых не могут быть установлены его правила. Вот и все нормальные отношения их друг к другу. В теории так легко провести эту демаркационную линию. И однако же, оказывается почти невозможным выдержать на практике... Как член данного общества, социолог необходимо чувствует потребность или обязанность прилагать свое знание к оценке окружающей его общественной деятельности. В большей или меньшей степени, следовательно, — своей деятельности, или даже просто своими мнениями – он поневоле призван играть роль общественного деятеля»². В приведенном фрагменте прочитывается не только уже осознанно принимаемая Милюковым участь политического деятеля, но и пафос гражданственности, впоследствии выродившийся в идеологическую рутину принципа партийности.

Сознавая для поддержания научности необходимость обобщающего взгляда на историю, Милюков не желает оставлять право такого общения за философией истории. «Слова “философия”, – признавался он, – я сам никогда не прилагал к

¹ Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII века и реформа Петра Великого // Русская мысль. С. 65.

² Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. СПб., 1896. С. 5.

истории, опасаясь что под этим словом кроются пережитки “метафизической” эпохи. В этом смысле понятие истории скорее противопоставлялось понятию философии¹. Лучшая замена философии виделась Милюкову в новой в ту пору еще науке об обществе – социологии. Философия истории отнесена Милюковым строго по канонам позитивизма к пережиткам метафизического мировоззрения, которым нет места в современном сциентизированном общественном знании. Еще раз: «...“философия истории”, в смысле телеологического объяснения истории, есть только один из немногих уцелевших обломков давно разрушенного мировоззрения»². Пренебрежительный тон и высокомерное отношение звучит во многих милюковских характеристиках философии. Философы, на его взгляд, фокусники и обманщики, дурачащие людей ничего незначущими, но многозначными на вид умозаключениями. «Философия, – упражнял Милюков свое красноречие, – это тот паровой котел, в котором всевозможные иррациональные обрезки человеческого духа претворяются в однородную и бесцветную массу высшего синтеза, готовую принять в умелых руках какую угодно форму.

Поиски за “смыслом” истории, истолкование исторического процесса с точки зрения целесообразности, действительно, только и могут быть отнесены к области “философии истории”. Ни историческая наука, ни политическое искусство не имеют с этой промежуточной областью ничего общего»³. В России в первой трети XIX в. сложилась целая традиция написания «философических историй». К такому способу осмысления прошлого тяготели «идеалисты тридцатых годов» и полемически связанные с ними славянофилы. Согласно историографическому наблюдению Милюкова, «влияние философской идеи в нашей историографии оказалось гораздо глубже и могущественнее, чем влияние идеи исторической критики»⁴. Прогрессивную роль борца с духом философичности и взял на

¹ Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). Т. 1. С. 113.

² Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. СПб., 1896. С. 6.

³ Там же.

⁴ Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. С. 226.

себя Милюков. Только кардинальное изменение господствующего в философии «духа» может примирить научно мыслящего историка с существованием «философии истории». По словам Милюкова, «философия истории» нашего времени все более и более проникается общим духом научности. Это означает, что философия истории «жертвует» телеологией и «философской идеей общего плана, осуществляющегося во всемирной истории»¹. Точнее она переносит целесообразность в область человеческих поступков и толкует человеческую волю как причину деятельности людей. Соглашаясь с антитеологическими тенденциями современной ему философии истории, Милюков одобрительно замечает: «...если бы все “философы истории” держались *такой* аргументации, философия истории прекратила бы свое существование и заменилась бы научной теорией развития воли в социальном процессе, или, что то же, научной теорией “прогресса”»². Однако отказ от целесообразности в философии истории проведен не до конца. Этико-субъективная школа, позитивистские воззрения которой на философию истории раздражали Милюкова не менее взглядов славянофилов, ничем не ограничивала проявления воли, а, значит, подспудно подрывала возможность закономерного объяснения истории. Целесообразность в истории грозит перерасти в субъективный произвол. Допустить этого научно ориентированный темперамент Милюкова не мог. И русский историк предлагал несколько ограничений, гарантирующих законопослушное развертывание воли. «Только там, – наставлял он, – где в ряде поколений существует одинаковое понимание цели, передаваемой из поколения в поколение традицией и воспитанием; только там, где существует общественная организация, приспособленная к вполне сознательным и целесообразным общественным поступкам массы, – только в таких случаях можно говорить о целесообразном ходе исторического процесса. Выяснением всех этих условий исторической целесообразности занимается научная теория прогресса, стоящая на границе науки и искусства; а “философия истории” спешит отделить свое дело от дела нау-

¹ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. СПб., 1896. С. 6.

² Там же. С. 7.

ки и требует для себя, во имя идеала, априорного права прикидывать к истории идеальную мерку и судить исторические явления нравственным судом»¹. Примечательно, что Милюков даже само выражение *философия истории* помещал в кавычки, желая выдержать научную беспристрастность.

Как же видится Милюкову научный (=социологический) подход к истории? Приведу его собственную формулировку: «Нам остается теперь изложить наш взгляд на научное объяснение истории. В основе такого объяснения должна лежать, как мы говорили, идея закономерности исторического процесса. Целесообразная деятельность личности, с точки зрения науки, есть только одно из видоизменений причинной связи явлений: это тот же закономерный процесс, перенесенный из области внешнего мира в область психической жизни. Целесообразный же ход истории несколько не вытекает сам по себе из целесообразной деятельности личности, хотя и может сделаться целью ее сознательных стремлений. Каких бы сложных и высоких форм ни достигало развитие сознательной деятельности личности, эта деятельность несколько не мешает научному представлению о закономерном ходе истории, а является только лишним фактором, подлежащим научному изучению и объяснению с точки зрения закономерности. Таким образом, свободное творчество личности никоим образом нельзя противопоставлять законам исторического процесса, так как и самое это творчество входит в рамки тех же самых законов»².

Выявление законов – главная задача истории как науки. Установление фактов и последовательное соединение их в единый и связанный по смыслу рассказ можно рассматривать лишь как подготовительный этап. Научная историография опирается на историческое повествование, но им не ограничивается. «Как наука, история, подобно другим наукам, – писал по этому поводу Милюков, – старается найти законы явлений, подлежащих ее изучению и отыскать в этих явлениях известную правильность. Как рассказ о прошлом, история не задается никакой дальнейшей целью, кроме возможно верного вос-

¹ Там же.

² Там же. С. 7–8.

произведения того, что было. Такая история может дать материал, над которым предстоит работать научной истории»¹. Однако историческая закономерность не принадлежит самой истории. Закономерность исторического процесса определяется не самими историческими событиями, а условиями, благодаря которым эти события происходят. Такие условия принадлежат явлениям внешнего мира, закономерность которых раскрывают соответствующие естественные науки. «Таким образом, – уточнял Милюков, – действие обстановки, как я выразился, случайное только по отношению к внутренним законам общественного развития, но в общем итоге исторической жизни оно есть необходимое и открыть его законы составляет прямую задачу научной истории»².

Научное изучение общественно-политических (а в ретроспективе и однородных с ним исторических) явлений, настаивал Милюков, связано с социологической точкой зрения, «снимающей противоречия и ограниченности» государственно-правового и индивидуалистически-психологического подходов³. Социология обязана своим появлением общему научному духу, господствовавшему в XIX в. Благодаря успехам естествознания, возникло убеждение в универсальности естественно-научной методологии. Символом сциентизации общественных наук стал поиск закономерностей в социальных явлениях. Эту задачу и взяла на себя новая наука – социология. «Он, – писал Милюков о “научном духе” XIX в., – завещает двадцатому столетию новую науку, – результат применения общего принципа закономерности к изучению общественных явлений, – социологию»⁴. Наибольших успехов, полагает Милюков, социология добилась во Франции и США. Однако еще рано говорить об окончательном утверждении новой науки об обществе. В социологию все еще приходят люди со стороны, специализирующиеся в других дисциплинах, «тормозя и парализуя развитие новой области знаний»⁵. Состояние

¹ Милюков П.Н. Лекции по «Введению в курс русской истории». С. 4–5.

² Там же. С. 11.

³ Милюков П.Н. Интеллигенция и историческая традиция. С. 155.

⁴ Милюков П.Н. Новая книга по социологии. С. 196.

⁵ Там же. С. 198.

социологии как позитивной науки об обществе виделось Миллюкову в начале XX в. следующим образом: «Период открытого недоброжелательства к неожиданно возникшей науке, кажется уже начинает проходить; но за ним следует период неполного приспособления к ее требованиям и задачам со стороны лиц, привносящих в изучение социологии свои задние мысли»¹. Социология, полагает Миллюков, еще не обрела свою научную специфичность. Она понимается русским историком как синтез достижений различных социальных дисциплин. Из обобщения данных других наук должна сложиться социологическая теория. «Каждая социальная область знаний, относящихся к обществоведению, – пояснял Миллюков, – должна была дать свой вклад в общую социологическую теорию, как только доходила до сколько-нибудь важных обобщений. Эти обобщения, прежде чем слиться в общий синтез, несомненно, должны были носить следы своего происхождения»².

Как же виделся ученому предмет и метод социологического изучения? «И для современной социологии, – писал по этому поводу Миллюков, – *отдельное* общество составляет исходную точку научного наблюдения, а выводы социологические получаются посредством сравнения сходного в нескольких общественных эволюциях, помимо всяких группировок их по географической или хронологической смежности»³. Сравнительный метод в купе макросоциологическим подходом и составляют в исторической науке основу социологического объяснения. Сравнительный метод Миллюков также иногда называл индуктивным, имея в виду выявление общих черт посредством перебора частных случаев. Главное в сравнительном методе – установление общих, универсальных признаков. «Чтобы точнее определить причины этой правильности, – пояснял Миллюков особенности индуктивного обобщения, – чтобы свести ее к закону, оставалось сделать то, что всегда приходится делать, когда мы не можем взять, так ска-

¹ Там же.

² Там же. С. 209.

³ Миллюков П.Н. Разложение славянофильства (Данилевский, Леонтьев, Вл. Соловьев) // Миллюков П.Н. Из истории русской интеллигенции. С. 273.

зять, в руки исследуемое явление, не можем произвести над ним нарочного, искусственно обставленного опыта. Оставалось сопоставить несколько исторических процессов, наблюдать и сравнивать их, отмечать между ними сходство и различие. Сходство, наблюдаемое таким образом, должно было объясняться общими причинами, одинаково действующими во всех человеческих обществах; различие же должно было обуславливаться разницей во внешних условиях, в обстановке исторической жизни различных народностей»¹. Затем исследователь должен попытаться свести различия к «определенной причине» и, мысленно устранив ее, «составить себе понятие об основном направлении общественного развития в его чистом виде»². У истоков сравнительного метода, полагал Милюков, стояли славянофилы³. Проследивание эволюционных изменений в отдельных областях общественной жизни составляет ближайшую задачу историка-социолога. Поясняя свою исследовательскую установку в «Очерках по истории русской культуры», Милюков писал в «Воспоминаниях»: «Не события, – отнюдь не события! И не хронологический пересказ всего, что случилось в данном отрезке времени – с тем, чтобы опять возвращаться ко всему в следующем отрезке. А процессы в каждой отдельной области жизни, в их последовательном развитии, сохраняющем и объясняющем их внутреннюю связь, – их внутреннюю тенденцию. Только такая история могла претендовать на приближение к социологическому объяснению»⁴.

¹ Милюков П.Н. Лекции по «Введению в курс русской истории». С. 5–6.

² Там же. С. 6.

³ «Применение “сравнительно-юридического метода”, – позднее связанного с именем М.М. Ковалевского – помогло еще славянофилам открыть, путем сравнительного изучения древнейшей истории славянских народов, одинаковость первоначальных процессов в области эволюции племенного быта (см. статью Петра Киреевского в “Москвитянине” 40-х годов). Но они еще пытались объяснить эту однородность – единством славянского национального духа» (Милюков П.Н. Национальный вопрос (Происхождение национальности и национальные вопросы в России). Прага, 1925. С. 147.).

⁴ Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). Т. 1. С. 178.

Итак, осознавая необходимость опоры для всякого исторического построения, в том числе и для истории культуры на общие теоретические положения и признавая в качестве такой теоретической базы для истории социологию, Милюков, тем не менее, по собственному признанию, не пишет «здесь социологического трактата», а ограничивается лишь изложением своих историко-социологических убеждений «в виде кратких тезисов»¹. Первый из них гласит: «*Понятия закономерности и эволюции должны быть распространены из области естественных наук в область наук гуманитарных*»². Идея закономерности исторического процесса, усматриваемая объясняющим этот процесс умом, принадлежит, по словам историка, к «неистребимой потребности человеческого духа», а все современные попытки воскресить эту идею всего на всего приводят ее в «научную систему»³. Идея закономерности, попозитивистски трансплантированная из естественных дисциплин, доказавших свой научный статус и оправдавших свою практическую ценность, сама приводится в «научную систему» высшей из наук – социологией. Однако даже в исторических фактах историческая закономерность не столь очевидна. Еще в первом издании «Очерков» Милюков признавался: «Мы принимаем закономерность исторических явлений совершенно независимо от того, может ли история открыть нам эти искомые законы. Если бы даже нам никогда не суждено было открыть ни одного исторического закона, мы, по необходимости, должны были бы все таки предполагать их существование... признать историческую закономерность несравненно легче, чем открыть законы истории»⁴. Историческая закономерность не данность, а идея, которой руководствуется ученый, ставший на социологическую точку зрения в исторической науке. В переходе на нее Милюков видит дальнейшее движение русской историографии, ее новый этап. «Новый период в развитии русской исторической мысли, – отмечает он в

¹ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. М., 1993. С. 40.

² Там же.

³ Там же. С. 42.

⁴ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. СПб., 1896. С. 8.

историографическом курсе, – начинается тогда, когда исходною точкою всех исторических рассуждений становится идея исторической закономерности»¹. Давая развернутое пояснение своей историографической концепции, Милюков писал: «Рассматривая определения истории, оставленными новейшими историками, легко можно видеть, что все они обращаются около одной мысли, что назначение истории найти общие законы, по которым развивалось человечество. Сказать, что в таком-то году такой-то полководец взял такой-то город, что в таком-то году пало такое-то государство, – не значит писать историю. В таком случае история не была бы стройною наукой: она представляла бы в себе хаос событий, знание коих ни к чему бы нас не довело. Показать истинное значение каждого события, показать причины, его произведшие, и следствия, им произведенные, наконец показать влияние, которое оно имело на образование всеобщей жизни человечества, – вот дело истории, возведенной в степень науки. Принимаемая в этом истинном ее значении, она должна быть “представлением жизни всего человечества в ее действительности” (слова Аста)»².

Сложность установления исторической закономерности обусловлена, во-первых, комплексным и процессуальным характером самих исторических событий. Историческое событие не доступно в полном объеме наблюдению даже современнику. Полиметричность (и в пространстве, и во времени, и в составляющих его частях) исторического события не позволяет говорить о нем, как о данности. Историк еще больше «удален» от исследуемого события и практически никак с ним не соприкасается. Однако научно исследовать можно лишь «данность», лишь то, что принадлежит «реальности», то что «есть на самом деле». Выход мог бы быть найден в признании за историческим событием не предметной, а смысловой данности. Но это требует философского взгляда на историю и, на самом деле, оставляет еще больше вопросов. Позитивистская же тональность исследований Милюкова не позволяет заменить подручную и удобную «реальность» сомнительным «смыслом» или, что то же, объяснять одно неизвестное дру-

¹ Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. С. 201.

² Там же. С. 225.

гим неизвестным. Он лишь признает историческое событие «бесконечным количеством процессов, объединяемых в одно целое исключительно в нашем сознании»¹. Он видит в историческом событии «совокупность многих процессов, причины которых и являются истинными причинами того общего результата, который бросается в глаза наблюдателю»². Из сказанного Милюковым видно, что вторая трудность в определении исторической закономерности состоит в невозможности однозначно указать на причину исторического события. Многосоставность исторического события влечет и его причинную плюралистичность. В то же время, бесконечное дробление исторического события на составляющие его процессы не позволяет в строгом смысле зафиксировать и историческую причинность, не дает возможности остановиться в выборе этой причинности. Получается, что историческая причинности нет места в самой истории. Причины исторических событий не принадлежат истории. «Мы остановимся в этом анализе только тогда, – рассуждал Милюков, – когда дойдем до элементов, известных нам из ближайшей области знания, т. е. когда увидим, что силы, действующие в истории, находят себе объяснение в психологии и вместе с последней опираются на все здание закономерности более простых явлений мира, – физических, химических или физиологических»³. Милюкова не смущает возведенное им здание научного объяснения истории, хотя вслед за детерриторизацией исторической причинности закономерно было бы усомниться в существовании самой исторической закономерности, которая также могла бы лишиться прописки в области исторического. Впрочем, на этом рассуждение Милюкова останавливается и в дальнейшем он лишь повторяет провозглашенные истины. Так, в частности, он писал: «Признавши необходимость разлагать исторические явления на простые элементы, мы этим самым признали, что сами по себе эти явления сложны. Необходимо признать и то, что сочетания элементов при бесконечной сложности явлений будут бесконечно разнообразны и что закономерность надо

¹ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. СПб., 1896. С. 8.

² Там же. С. 9.

³ Там же.

искать прежде всего в действии отдельных элементов, а потом уже в их сочетаниях. Таким образом, задача анализа сводится к тому, чтобы выделить из сложного социологического итога действия отдельных элементов и определить сферу их влияния»¹.

Тем не менее, лишь посредством вычленения элементарных общественных явлений Милюков видел путь к нащупыванию исторической закономерности. По его словам, «легче всего было бы подойти к открытию исторической закономерности: в сфере наиболее элементарных социальных явлений, которыми определяется основной ход исторического процесса»². Слова эти взяты из статьи о В.О. Ключевском. Априорное признание Милюковым идеи исторической закономерности неискоренимой потребностью человеческого разума требовало более конкретной, приближенной к реалиям исторической науки разработки.

Пропаганда идеи внутренней закономерности исторических процессов, позволяющей следовать «“генеральным линиям” исторических законов»³ стало излюбленной темой исторической социологии Милюкова. Сошлюсь на А.В. Макушина и П.А. Трибунского, отмечавших, что «утверждение о наличии закономерности в истории – краеугольный камень милюковской теории исторического процесса»⁴. При этом исследователи уличают Милюкова в редукционизме, т. е. в сведении исторических законов к психологическим⁵.

Однако идея исторической закономерности служила не только научным, но и политическим целям концепции Милюкова. Поиск закономерности в истории ученый противопоставлял подходу «субъективной школы», видевшей в истории проявление целесообразной деятельности человека, а, значит, допускающей случайность. Критикуя, в частности, резкое противопоставление Н.И. Кареевым наук номологических и

¹ Там же.

² Милюков П.Н. В.О. Ключевский. С. 453.

³ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. М., 1993. С. 32.

⁴ Макушин А.В., Трибунский П.А. Павел Николаевич Милюков. С. 339.

⁵ Там же. С. 345.

феноменологических, согласно которому номологический, т. е. устанавливающий законы наукой, является социология, в то время как истории суждено быть лишь наукой описывающей, феноменологической, Милюков следующим образом формулировал свою позицию: «Конечно, всякое описание явления, как бы оно конкретно ни было, будет всегда общим описанием, будет всегда, следовательно, в некоторой степени абстрактно: наши представления есть уже плод некоторой абстракции. В этом смысле совершенно конкретного описания и, след., конкретной науки не существует и не может существовать. И с другой стороны, всякий закон, как бы абстрактен он ни был, всегда есть закон некоторого конкретного явления, в нем только существующий и наблюдаемый. Одним словом, нет явлений без законов и нет законов без явлений»¹.

Представление о закономерности исторического процесса с точки зрения Милюкова более всего согласуется с монистическим взглядом на историю. На языке историографии XIX в. под монистическим пониманием истории подразумевалось материалистическое, т. е. экономический материализм. Сознательная опасность подобного истолкования, Милюков старался по возможности завуалировать слишком явную синонимию монизма и материализма. «Монизм, – писал он, – требует строгого проведения идеи закономерности в социологии, но он несколько не требует, чтобы закономерное объяснение социологических явлений сводилось к одному “экономическому фактору”»². И далее историк пояснял, что «философский материализм есть один из самых плохих видов монизма; между тем, экономический материализм вполне совместим с иными монистическими мировоззрениями»³. Впервые в русской философствующей историографии монистический подход к историческим явлениям был опробован в исторических и историко-философских работах, написанных во второй половине 1820-х – 1830-е гг. под влиянием философии Шеллинга. В «Главных течениях русской исторической мысли» Милюков довольно много места уделял шеллингианству в русской историогра-

¹ Милюков П.Н. Историософия г. Кареева... С. 92.

² Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 2. СПб., 1897. С. 3.

³ Там же.

фии. «Не надо забывать, – писал он об усвоении русскими мыслителями и историками философии Шеллинга, – какое важное значение имели все эти искусственные аналогии для поколения двадцатых годов. Ценою их приобретался единственно возможный тогда монистический взгляд на мир»¹. Материалистический или экономический монизм историк допускал лишь в качестве временного средства для достижения «подлинного» монизма. На позитивистский взгляд Милюкова материализм выступал своеобразной профилактикой против рецидивов идеализма и метафизики в историографии. «В этом смысле, – рассуждал он, – и экономическому материализму суждено сыграть важную, но временную роль. Его роль важна как средство устранить из социологии последние следы метафизических объяснений; но она временна, как и все попытки подобного рода»².

Претензию марксизма на научность, несмотря на последовательное проведение принципа закономерности, Милюков считал необоснованной. «В этом представлении, – писал он, – несомненно, была ценна идея закономерности исторического процесса, а также и то, что эту закономерность марксизм вскрывал в области материальных процессов, где применение строгих научных методов более легко, где возможно даже количественное измерение процессов (статистическим методом) и установление единообразий. Идея эволюции, которую мы отметили уже у Гегеля, именно через гегельянство перешла в марксизм. Но все же, “научной” и эту систему назвать нельзя»³. К недостаткам марксистского учения историк относил догматизм, ограниченность и искусственность применения диалектического метода, исследование только одного социального слоя – пролетариата, игнорирование местной и национальной специфики, невнимание к другим сторонам исторического процесса, кроме материальной. Популярность же марксизма в России в конце XIX в. Милюков объяснял стечением внешних обстоятельств, подтверждавших положения

¹ Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. СПб., 1897. С. 246.

² Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 2. СПб., 1897. С. 4.

³ Милюков П.Н. Национальный вопрос С. 142.

марксистской доктрины. «Причиной его успеха, – писал Милюков о марксизме, – нужно считать его претензию на научное обоснование любимой идеологии и на его совпадение с действительными фактами превращения России из чисто-аграрного в индустриально-капиталистическое государство – как раз в два последних десятилетия XIX века»¹. Одним из основных оппонентов Милюкова в это время выступил П.Б. Струве, полемика с которым возобновилась уже в эмиграции. Теперь объектом нападения со стороны Милюкова стала уже не марксистская, а националистическая программа, отстаиваемая П.Б. Струве.

Высшая форма монизма, наиболее соответствующая идеи исторической закономерности, продолжая изначальный редукционизм, каким-то образом сочетает материалистическое и психологическое истолкование истории. Каким? Непонятно. Милюков выражал это в туманной, хотя и в многообещающей формуле. «Как бы мы не объясняли явления социальной среды, – писал он, – мы не можем, оставаясь в рамках социологического объяснения, выйти за ее пределы. А между тем, только за этими пределами открывается возможность свести “материальное” и “психическое” к высшему единству, т. е. дать то или другое философское объяснение»². Специфика отношения Милюкова к материалистическому истолкованию истории была подмечена современниками. Так, Б.Б. Глинский указывал, что «он не выводит этих явлений духовной жизни из условий материального быта, как равно вместе с тем и не противопоставляет *духовного материальному*»³.

Относя себя к «сторонникам закономерного объяснения истории», Милюков противопоставляет законосообразность исторического процесса, наблюдаемую с социологической точки зрения, истории повествовательной или событийной. Последний вид истории делает акцент на описании деяний и судьбы «вождей», исторических личностей, на внешней и внутренней политике народов, возглавляемых этими «вождями», т. е. на том, что индивидуализирует историю. При этом индивидуальность исторического сопоставляется не столько с

¹ Там же. С. 143.

² Там же. С. 3.

³ Глинский Б.Б. Культурная история России. С. 919.

«неповторимостью» и «уникальностью», сколько со «случайностью». Повествовательная история относится, если следовать классификационной системе О. Конта, к наукам подготовительным (она лишь подбирает факты) и конкретным, в то время как социология по отношению к ней выполняет роль науки абстрактной. Учитывая иерархичность контовской системы классификации наук, можно получить представление и о научной ценности в глазах Милюкова событийной истории. Однако совершенно избежать индивидуальности исторического, не утратив саму историю, не возможно. И Милюков примирительно заявляет: «Но социолог не исключает возможности закономерного объяснения даже и того, что придает рассказу его *индивидуальный* характер»¹. Перенесение «понятия закономерности и эволюции» из наук естественных на историю не просто формирует еще один вид исторического исследования, а исключает и отрицает историю, понимаемую как наука об индивидуальном. История в той мере, в какой она стремится стать наукой не может полагаться на индивидуальность. Взгляд на историю как на науку об индивидуальном для самого Милюкова индивидуализировался в облике его критика П.Б. Струве, который в полемическом контексте рассуждений русского историка олицетворял неокантианство. П.Б. Струве, несмотря на свои марксистские в ту пору убеждения, несет ответственность за все неокантианство, разводящее по разные стороны исторического объяснения «закон» и «индивидуальность». Ветхое мировоззрение своих оппонентов Милюков с оглядкой на позитивистскую догму объявляет метафизическим «или даже теологическим». Наибольшие возражения вызывает у него распространение представления об индивидуальности и личности на целые народы.

Однако даже в исторических фактах историческая закономерность не столь очевидна, как это желал исследователь. И Милюков признавался: «*Научный синтез в социологии снимает противоположение духовного и материального начала*»². Монистический взгляд на социально-исторический процесс, с деликатными оговорками допускаемый Милюковым, страдает

¹ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. М., 1993. С. 41.

² Там же. С. 42.

как и всякий монизм односторонностью, отдавая с трудом скрываемое предпочтение духовным явлениям. «Все явления человеческой цивилизации, – писал он, – протекают в духовной среде... Учреждения, экономика, быт, суть такие же духовные продукты социальной среды, как религия и искусство»¹. В основе единства материального и духовного лежит все тот же принцип закономерности. «Все подчинено законам: в области процессов духа господствует такой же детерминизм, как и в области процессов материальных», – рассуждал историк². Однако «господствующий детерминизм» не следует понимать в качестве причинно-следственного отношения между сферой материального и духовного. Это соображение как раз побуждает Милюкова сделать «оговорку», согласно которой «между двумя упомянутыми сторонами явлений не следует пытаться устанавливать непосредственной причинной зависимости или сводить одно начало к другому»³. Ссылаясь на научный авторитет Ф. Гиддингса, Милюков предлагал заменить «противоположение» материального и духовного их «параллелизмом».

Как всякий позитивистствующий ученый, т. е. ученый пытающийся представить свою дисциплину в качестве науки, Милюков понимает, что история должна опираться на факты. Раскритиковав идиографическую неокантианскую историографию и ее индивидуализирующий метод, компрометирующий историческую науку допускаемой им «случайностью», русский ученый предлагает укладывать факты «в некоторую “естественную систему” или классификацию», материал для которой должно поставлять «сравнение истории отдельных человеческих обществ»⁴. Выражение «естественная система», относящаяся к истории, заимствуется Милюковым у Н.Я. Данилевского.

Теперь, обеспечив себе фактографический тыл и присягнув на верность запечатленной в фактах реальности, Милюков формулирует свой очередной тезис: *«Научная социология отодвигает на второй план точку зрения всемирной истории.*

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 43.

Она признает естественной единицей научного наблюдения отдельный социальный (-национальный) организм»¹. Идея всемирной истории и ее просветительно-позитивистская модификация – идея прогресса – не вписались в философско-историческую схему, сложившуюся у Милюкова еще в студенческие годы, да так и не нашли себе места в его концепции и позднее. Позаимствовав идею органического, т. е. циклического развития народов в истории (ближайшими источниками здесь послужили культурно-типологическая теория Н.Я. Данилевского и учение Д. Вико), Милюков напрочь отказал в научной прописке идее всемирной истории. При этом элиминация всемирной истории и критика прогресса парадоксальным образом сочетались у Милюкова с представлением о единой и универсальной социологической эволюции. «Самая идея прогресса в моей концепции, – пояснял историк, – как-то ступшевывалась уступая место социологическому закону; с другой стороны, она оставляла совершенно в стороне объяснение филиации народных организмов во всемирно-историческом процессе. Самое понятие “всемирно-исторического” некуда было поместить, раз для каждого отдельного национального организма наступал конец, и другому организму надо было начинать весь процесс сначала»². Идее всемирной истории больше всего достается от Милюкова как проявлению религиозного и метафизического мировоззрения, что по логике позитивизма автоматически девальвирует ее научную ценность. Связь с отжившими мировоззренческими системами, естественно, указывает на почтенный возраст данной идеи. Прежде всего «в своем происхождении она тесно связана с религиозной идеей божественного промысла, управляющего судьбами человечества»³. Милюков широкими историографическими мазками намечает следующие вехи развития религиозной модификации идеи всемирной истории: вначале Даниилово пророчество о четырех монархиях, затем христианская (католическая) философия всемирной истории, зародившаяся у Аврелия Августина (*De civitate Dei*) и выродившаяся у Боссюэта

¹ Там же.

² Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). Т. 1. С. 112.

³ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. М., 1993. С. 43.

(Discours sur l'histoire universelle). Историческое потуги православного мира породили лишь «слабое отражение» этой всемирно-исторической схемы – концепцию «Москвы – третьего Рима».

Однако с переходом от теологической к метафизической эпохе идея всемирной истории не умерла, а, сбросив церковные одеяния, облачилась в строгий рационалистический наряд. По сути, концепция всемирной истории переродилась в идею прогресса. Успешную и безболезненную метаморфозу ей обеспечили Реформация и Просвещение. Несмотря на универсальность, эта идея получила несколько национальных интерпретаций. В английской философской традиции от Бэкона до Бокля прогрессивное движение истории воспринималось как накопление опытного знания. Французский вариант сформировался в борьбе за секуляризацию разума. У разных концов этого растянувшегося на столетие процесса стояли Вольтер и Кант. Стремясь быть большим позитивистом, чем римский папа католиком, Миллюков и самого О. Конта зачислял в представители метафизического мировоззрения. Немецкие мыслители от Гердера до Гегеля начертали картину всемирно-исторического развития в форме «учения о постепенной гуманизации человечества и о воспитании его к свободе»¹. «При всех различиях в этих вариантах переходной эпохи, – подытоживал Миллюков, – всем им была обща мысль о доминирующей роли личности, постепенно освобождающейся в процессе, и о прогрессе человеческого знания и разума, как движущей пружине самого процесса»². Определенные коррективы в идею всемирной истории внесли романтики, усмотревшие источник всемирно-исторического движения в «народном духе». Именно романтический «народный дух», породненный Миллюковым с гегелевским «абсолютным духом», больше всего вызывает у русского ученого критическое настроение. Другой источник недовольства «метафизической» разновидностью всемирно-исторической точки зрения – ограничение «цепи прогресса» определенной группой народов (прежде всего, западноевропейских). В неприятии метафизической и ра-

¹ Там же. С. 44.

² Там же.

ционалистической идеи прогресса Милюковым движет не требование историософской справедливости, а радение о научной беспристрастности историка, для которого все народы равны, исторически равноценны. Строго научная всемирная история унифицирует и усредняет народы, эпохи, стороны света. Для нее везде действуют одни и те же правила, везде проявляются одни и те же закономерности. Метафизико-рационалистическая и просвещенчески-романтическая идея всемирной истории оказалась чужда философско-историческому эгалитаризму научного подхода. Свое научное бесплодие и философскую исчерпанность она продемонстрировала, по мнению Милюкова, уже во всемирно-исторических построениях Л. фон Ранке.

Похоронив, таким образом, окончательно идею всемирной истории, Милюков, по собственному выражению, перешел «ко второй половине моего третьего тезиса – о национальном *организме*, как о естественной единице научного изучения»¹. Его не смущает, что между представлением о «национальном организме» и третируемой им идеей исторической индивидуальности сходств больше, чем даже между «противоположением» и «параллелизмом» материального и духовного начал. Представление о социальном или национальном организме, вытесняющее из социологии всемирно-историческую точку зрения, само имеет историческое происхождение и связано с «идеей национальной истории», зародившейся в античности, а затем возрожденной «в итальянских республиках ренессанса». Из разработчиков этой идеи Милюков останавливается лишь на Д. Вико, непосредственно присоединяя его к «итальянским гуманистам в эпоху возрождения классицизма». «Ему вполне ясно было научное значение параллельного изучения национальных историй для извлечения из них сходных черт, доступных объяснению общими правилами», – пояснял историк «социологический тезис» Д. Вико². Идея национальной истории вызывает особую симпатию у Милюкова, поскольку, несмотря на свой почтенный возраст (даже более древний, чем у идеи всемирной истории), она

¹ Там же. С. 45.

² Там же. С. 46.

«счастливо обошлась без теологии и метафизики»¹. Органический подход, вызревший в ходе разработки национальной истории, фиксирует повторяющиеся, однородные этапы развития в жизни разных народов. У Д. Вико это век богов, век героев и век людей, воспринимаемые Милюковым в качестве прообраза позитивистской градации истории на теологическую, метафизическую и позитивные стадии. Предложивший ее О. Конт, по мнению русского историка, совершил ошибку, построив свое учение «по всемирно-историческому принципу». Теологическую, метафизическую и позитивную стадии проходит в своем циклическом развитии каждый национальный организм. Увлечшись этой идеей, Милюков даже записывается в союзники к Н.Я. Данилевскому, критиковавшему деление истории на древнюю, среднюю и новую в качестве универсальной схемы исторического движения.

Позитивистский настрой подталкивал Милюкова к еще большей, чем у Н.Я. Данилевского, сциентизации органицизма, т. е. буквального перенесения положений физиологии и психологии на исторический процесс. «Ходячая терминология говорила же о детстве, зрелости и старости народов. Я хотел обосновать эти стадии картиной физиологической и психологической смены человеческого организма», – писал Милюков о своем студенческом опыте философско-исторического построения². Радикализм молодости побуждал Милюкова непосредственно обратиться к учению Рибо о трехчастном делении психики на волю, чувство и мысль. Даже мало-мальски сведущий в истории философии человек, не питающий такого болезненного неприятия к метафизике, увидит здесь восходящее к Платону представление о трехчастном делении души, обосновывающее и социальную утопию древнегреческого философа. Вот как сам Милюков позднее излагал свое психолого-физиологическое истолкование исторического процесса. «И я решил, что психология дикаря должна отличаться стадией преобладания воли, вследствие немедленной передачи ощущений вазо-чувственного нерва в вазо-моторный. Рефлекс должен был быть немедленный: отсюда отсутствие влияния

¹ Там же.

² *Милюков П.Н.* Воспоминания (1859–1917). Т. 1. С. 111.

задерживающего центра в психологии дикаря. Затем, по моей схеме, наступил период, когда реакция воли задерживалась окраской чувства: этого рода психологию я находил соответствующей среднему веку, – преобладания чувства, через который проходил каждый народ. Наконец, максимум влияния задерживающего центра, при ослаблении элемента воли и чувства, должен был выражаться в действии мысли, “убивающей действие”, по Гамлету. Это – период старости нации»¹. Далее шло подтверждение концепции примерами из эволюции культуры, литературы, искусства у разных народов. Однако здесь, в этом фактическом наполнении, Милюков «находил себя недостаточно подготовленным»² и работа остановилась.

Как бы там ни было, Милюков ревностно отстаивал научную новизну и перспективность натуралистического взгляда на историю и общество. «Новая социология скрепила это представление об однообразном ходе национальных историй, проведя аналогию между животным и социальным *организмом*»³. Больше всего, как утверждает Милюков, проникновению в «новую социологию» этой почтенной идеи споспешествовал Г. Спенсер, чье начинание было подхвачено и дополнено «мелкими» чертами Лиленфельдом, Шеффле, Вормсом и Фуллье. Историографическая скромность удерживает Милюкова от упоминания других последователей этого направления, к числу которых (помимо Н.Я. Данилевского и П.Ф. Лиленфельда) принадлежал, например, такой его соотечественники, как А.И. Стронин. Следует также заметить, что органический взгляд на исторический процесс в XVIII в. не замыкался на одного Д. Вико. К нему активно обращалась и русская историография. Следы органического взгляда на историю без особого труда можно извлечь из исторических работ В.Н. Татищева, И.Н. Болтина, и других авторов. Их замалчивание выглядит тем более странно, что практически одновременно с подготовкой первого издания «Очерков» Милюков перелагал на бумагу свой курс по русской историографии

¹ Там же. С.111–112.

² Там же. С. 112.

³ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. М., 1993. С. 47.

вскоре вышедший отдельной книгой под названием «Главные течения русской исторической мысли».

Теперь, когда история, обозреваемая с позитивных вершин «новой социологии», поделена на национальные организмы, необходимо рассмотреть их подробнее, что и предлагал Милюков в очередном тезисе: *«Научная социология не признает отдельные национальные организмы неподвижными, неизменными “типами”. Она изучает эволюцию каждого отдельного организма и находит в нем черты, сходные с эволюцией других организмов»*¹. Ближайшим образом эволюция национального организма может поясняться метафорой возраста, согласно которой в своей истории народ проходит периоды молодости, зрелости и старости. Рассуждая подобным образом, Милюков вновь ссылаясь на Н.Я. Данилевского, хотя и обвинял его в «платонизме», т. е. в «пережитках теологической и метафизической идеологии». «Научная социология» призвана изгнать платонизм посредством перенесения естественнонаучного понимания эволюции на историю. *«Цель научной социологии – открыть общие законы исторической эволюции. Наиболее общее направление этой эволюции есть то, которое обще ей с эволюцией физиологической»*, – разъяснял Милюков².

Милюков видел два возможных пути, по которым может двигаться «анализ сложного социологического процесса». Первый из них – индуктивный поиск причин; второй – дедуктивный. Первым методом, в частности, пользуется статистика. Применение статистического метода ученый специально оговаривал в своей диссертации. «Когда я приступал к предварительным работам для моего исследования, – признавался он, – я не знал еще, как я поставлю свою тему: я знал только, что буду работать в области материальной истории России, до сих пор еще так мало разработанной, и что постараюсь употребить в дело архивный материал, столь обильный именно у нас в Москве и до сих пор едва початый исследователями. Мне хотелось, затем, попробовать, в какой степени этот материал допускает применение статистического метода; с этой целью я

¹ Там же.

² Там же. С. 48.

выбрал для исследования два явления, требующие историко-статистической обработки: одно из области народного, другое из области государственного хозяйства: движение населения и историю бюджета»¹.

«Если признать, – пояснял Милюков второй метод, – что историческая закономерность должна быть сведена к закономерности явлений соседних областей, – и прежде всего к закономерности психологической, – то сама собой является мысль приложить известные науке законы этих явлений к объяснению исторического процесса»². Второй метод или «социологическая дедукция» исходит из признания «простых и элементарных» факторов, которые не являются в строгом смысле историческими (например, размножение населения и потребность в питании) и из них выводит возможные последствия развития общества. Так, увеличение количества населения вызывает изменения в формах трудовой деятельности, посредством которой люди добывают пропитание. Историк фиксирует переход от охоты к кочевому скотоводству, а от него к земледелию, в котором постепенно развиваются все более интенсивные формы обработки земли. «В результате этих дедукций, – заключал Милюков, – необходимо получается представление, в настоящее время уже достаточно распространенное, – что существует ряд основных закономерных эволюций разных сторон социальной жизни, что ход этих эволюций необходимо вытекает из коренных, элементарных свойств эволюционных факторов и что, следовательно, в любом человеческом обществе ход этот будет, по необходимости, одинаковый»³.

Социологическая эволюция, описываемая Милюковым, обозначает «основные, всюду одинаковые тенденции исторического развития»⁴. Социологическая эволюция задает лишь общую рамку исторических событий и магистральных направлений исторического развития, но ничего не говорит о

¹ Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII века и реформа Петра Великого // Русская мысль. С. 57.

² Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. СПб., 1896. С. 10.

³ Там же. С. 11.

⁴ Там же.

деталей этого процесса. Общий ход истории, объясняемый социологической эволюцией, одинаков, в то время как реальный ход исторических событий варьируется в пределах этой эволюции. «Не надо забывать, – напоминает ученый, – что построить дедуктивным путем известную закономерную последовательность социального развития еще не значит объяснить вполне историческую реальность. Основная закономерная тенденция есть только один из факторов исторического процесса; нигде и никогда эта тенденция не осуществляется в своем чистом, безупречном виде»¹. Историческая закономерность, распадающаяся на совокупность внешних причин, лишь в самых общих (иногда даже незаметных) чертах определяет движение истории. По сути, идея исторической закономерности заменяется у Милюкова теорией многофакторности исторического процесса. В то же время исследователь понимал, что расплывать историческую закономерность во внеисторической реальности означает отрицать историчность самой этой закономерности. Историческая закономерность каким-то образом должна вырастать из самого исторического бытия. Вот эту искомую имманентность он и видел в социологической эволюции. Рассуждения русского историка выглядят следующим образом: «В чистом своем виде внутренняя тенденция социального процесса есть только отвлеченная возможность. Чтобы перейти из возможности в действительность, эта тенденция должна преломиться в призме реальных условий исторической жизни. Под влиянием данных географических, климатических, почвенных и друг. условий, основное направление исторической жизни может разнообразиться до бесконечности, до полной невозможности распознать среди возможных вариаций одну и ту же подкладку. Прямая обязанность историка не только обнаружить присутствие этой подкладки, но и объяснить причины ее появления именно в данной конкретной форме, в каждой отдельной вариации»².

К чему ведет социологическая эволюция, куда направлен ее общий ход? Милюков подробно на этом не останавливается, а лишь повторяет «общее место» современной ему русской

¹ Там же. С. 11–12.

² Там же. С. 12.

философствующей историографии. «Заметим также, – писал он, – что зависимость внутреннего процесса от среды уменьшается по мере овладения человеком силами природы, то есть по мере приближения от прошлого к настоящему»¹. Овладение силами природы, в свою очередь, становится возможным благодаря совершенствованию технических средств, а в конце концов, благодаря расширению сферы применения рационального мышления. Рост и расширение сознательности – вот содержание социологической эволюции. Милюков также недоговаривал еще один аспект этого процесса: экспансия сознания, приводящая к покорению природы, не просто освобождает человека от внешней зависимости, а устраняет источник самобытности, т. е. упраздняет культуру и историю. Экспликация подобного понимания социологической эволюции приводит к смерти культуры и концу истории. Шпенглеро-гегельянские настроения – не единственное следствие милюковской социологической концепции. Очень сомнительной победой выглядит и уменьшение зависимости от внешней среды, достигаемой посредством развития техники, а значит все большей зависимости от этой техники. Рабство от природы заменяется рабством от машины – тема не менее популярная во времена Милюкова, но также им игнорируемая.

Посредством социологической эволюции Милюков обосновывал единство исторического процесса, по крайней мере, универсальность отдельных его элементов. В частности, «направление интеллигентской эволюции» в России может быть проверено «опытом Запада»². Историк говорит здесь о «ряде любопытных аналогий» и «параллельных явлениях». Появление интеллигенции – закономерное следствие определенной ступени социологической эволюции. «Ведь и в других странах, – разъяснял Милюков, – интеллигенция как отдельная общественная группа возникла, как только рост культуры или усложнение общественных задач, вместе с усовершенствованием государственно-общественного механизма и демократизацией управления, создавали потребность в специализации и

¹ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. М., 1993. С. 53.

² Милюков П.Н. Интеллигенция и историческая традиция. С. 107.

профессиональной группировке интеллигентского труда»¹. Внутренние процессы, происходящие в среде русской интеллигенции, также соответствуют общеевропейской тенденции; «...эволюция (в контексте рассуждений Милюкова речь идет о религиозной эволюции. – А. М.) совершается по тем же законам в русской интеллигенции, как и во всякой другой»².

Количество возрастов, периодов или фазисов жизни социального организма может быть различным. Более важным Милюкову представлялось установление нескольких параллельных рядов явлений, соответствующих различным сторонам исторического процесса, в которых можно проследить эту периодизацию. Об этом гласил его очередной тезис: «*Научная социология выделяет общие черты эволюции национальных организмов в закономерные социологические ряды и старается определить взаимную зависимость между этими рядами*»³. Милюков очень осторожно и по исторически деликатно пытался пояснить это положение, признавая, что здесь он вступает «в более спорную область». Опасаясь спугнуть робкую «истину социологической эволюции», он кратко и фрагментарно излагал «определения» Платона, Д. Вико, а также «грандиозные построения» О. Конта и Г. Спенсера и упоминал Ф. Гиддингса и Л. Уорда, оказавших на него «идейное влияние». Из всех ссылок и эквивалентов, из которых складывается его пояснение, вырисовывается лишь слабый призрак социологической терминологии. Социологические ряды, составляющие общий пучок социологической эволюции, могут находиться в отношении солидарности, параллелизма или зависимости. Между некоторыми из них можно также установить причинную связь и отношение иерархии (последнее, по видимому, может быть отождествлено с отношением зависимости).

В первом издании «Очерков по истории русской культуры» Милюков фактически обосновывал выявление социологических рядов в качестве краеугольного методологического принципа своего исследования. Из него выводилась и идея

¹ Там же. С. 107–108.

² Там же. С. 121.

³ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. М., 1993. С. 49.

многофакторности исторического процесса – послушное отражение многогранности культурных и общественных отношений. Историк выделяет из исторического процесса отдельные стороны, рассматривает их эволюции, а затем устанавливает общие тенденции этих эволюций. «Ему (историку. – А. М.) остается лишь следить за параллельным развитием и дальнейшим дифференцированием – многообразных сторон человеческой природы в доступном его наблюдениям периоде социального процесса. Составляя все вместе одно неразрывное целое, все эти стороны развиваются, конечно, в теснейшей связи и взаимодействии (хотя, чем дальше идет процесс эволюции, чем он становится сложнее, – тем связь эта становится менее тесной и параллелизм развития – менее правильным). Но, во всяком случае, прежде чем изучать *взаимодействие* разных сторон человеческой культуры, надо познакомиться с их *внутренней* эволюцией»¹.

Еще более определенно идея многофакторности исторического развития прочитывается в следующей цитате: «Как бы далеко мы не пошли в анализе элементов социальной жизни, во всяком случае, основа исторического процесса не может быть проще и однороднее, чем основа человеческой природы, развивающейся в этом процессе. И если где-нибудь можно различать простое и сложное, то это не в разных сторонах человеческой природы, а в различных степенях ее развития. В этом последнем смысле развитие каждой стороны исторической жизни начинается с простого и кончается сложным. Чем ближе к началу процесса, тем элементарнее проявления различных сторон жизни, – материальной и духовной, – и тем теснее эти стороны связаны друг с другом. Чем далее развивается процесс, тем более различные стороны процесса выделяются друг от друга и тем сложнее становятся продукты их взаимодействия»². Обозначенные Милюковым методологические приемы – от движения от простого к сложному, до плюрализма факторов-рядов, складывающихся в сумму социологической эволюции, – направлены на то, чтобы рассматривать

¹ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 2. СПб., 1897. С. 5.

² Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. СПб., 1896. С. 4.

развитие общества как совокупность эволюционных сторон, образующих исторический многогранник.

Материал для формулирования исторической закономерности добывается путем сравнения социологических эволюций различных национальных организмов. Понятно, что сравнение выявляет как схожие, так и различающиеся черты. Этапы и стадии эволюции, как правило, обнаруживают больше общих черт, в то время как различие обычно проистекает от внешних (природно-климатических) условий. Это положение Милюков в юбилейном издании «Очерков по истории русской культуры» формулировал в шестом тезисе: *«Если сопоставление ряда национальных процессов вскрывает сходные черты, закономерно повторяющиеся в их эволюции, то изучение условий окружающей среды, в которой неизбежно протекает каждый данный процесс, объясняет, так же закономерно, его своеобразие»*¹.

Главное внимание в этом тезисе обращено на различия. Милюков понимал, что в истории невозможно бесконечно жертвовать своеобразием, уникальностью и неповторимостью изучаемых событий в угоду стерилизующей социологической закономерности. Отказаться от единства и универсальности социологической эволюции Милюков также не мог, не изменив своей позитивистской вере. Оставалось согласовать своеобразие с универсальностью. Легче всего это сделать, если найти основу самобытности истории и культуры в самой истории. Такой основой в концепции Милюкова выступает прежде всего окружающая среда; она «заставляет отодвинуть идею всемирно-исторического процесса в пользу изучения процессов национальных»². Впрочем, среда лишь вносит различия в единообразный по своей направленности ход социологической эволюции, но не обязательно гарантирует своеобразие исторического развития конкретного национального организма. Без учета среды невозможно осмыслить «реальное явление», но само по себе различие лишь первый шаг к своеобразию. Для Милюкова своеобразие есть порождение сочетания социологической эволюции и среды, результат реализа-

¹ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. М., 1993. С. 52.

² Там же.

ции социологической закономерности в конкретных условиях. «Закономерность социологического ряда сама по себе, – рассуждал русский историк, – указывает лишь на основную тенденцию, которая неизбежно осуществиться, когда для ее осуществления дана будет подходящая среда. И всегда результат взаимодействия этих двух начал будет реален и своеобразен. Под влиянием данных географических, климатических, почвенных, биогеографических условий, а также и переданных по наследству особенностей данного человеческого общества, действительный ход исторического процесса может разнообразиться до бесконечности, вплоть до полного парализования сходной внутренней тенденции»¹.

В первом издании «Очерков по истории русской культуры» Милюков говорил не только о природно-климатической среде, но о внешней обстановке в широком смысле. Историческое объяснение, опирающееся на тотальное действие исторической закономерности и поддерживающее здание исторической науки, не ограничивается только выявлением «социологической тенденции». Социологический процесс предполагает «обстановку», «осуществляется в какой-нибудь среде». В каком отношении находятся социологическая тенденция и среда? «Законы действия обстановки на общественную жизнь, – писал Милюков, – останутся, конечно, повсюду одни и те же; но связь *данной* обстановки с *данной* общественной группой будет, конечно, явлением случайным, в том смысле, что эта связь вовсе не вытекает из внутренних законов общественной эволюции... Занимаемся ли мы общим изучением социологических законов, или прилагаем эти законы к объяснению данного частного случая, во всяком случае, законы социального действия обстановки точно также должны быть приняты во внимание, как и законы общественной эволюции»².

Обособляющее влияние среды в юбилейном издании дополняется понятием «месторазвития», заимствуемым Милюковым у евразийцев. Из новых, добавленных в издании 1930-х гг. разделов, наиболее существенный посвящен «преистории» или доисторической эволюции. Милюков указывал и на своих

¹ Там же. С. 53.

² Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. СПб., 1896. С. 13.

предшественников, с социологическими доктринами которых он в пылу научной полемики готов поспорить: Льюиса, Моргана, Маркса и Энгельса. Исследовательская позиция Милюкова в вопросе о преистории базируется на параллелизме сходства и своеобразия. Вот, как он сам манифестирует свою позицию: «я остаюсь здесь, как и в других случаях, в пределах социологического изучения своеобразий, параллельно со сходствами»¹. Параллелизм предстает у Милюкова как один из видов единства сходств и своеобразий в рамках общего исторического процесса. А это единство раскрывается «как единство географической среды и археологического быта». Общность исторического процесса, приводящая к идее единства, обосновывается понятием «месторазвитие». «Идеей, объединяющей черты своеобразия и сходства процесса – и дающей возможность разумного синтеза тех и других, является понятие “месторазвитие”», – пишет ученый². Влияние физических условий, своеобразных внешних границ общественно-исторического процесса, к которым принадлежит «месторазвитие», наиболее полно проявляется в начале истории. Последующий же ее ход как раз демонстрирует подчинение и овладение силами природы. В результате этих дополнений, как отмечает современная исследовательница: «Обширная евразийская литература провозгласила Милюкова своим основателем»³. Географический детерминизм в исполнении Милюкова, постулирующий «Зависимость каждой национальной культуры от той среды – того географического *места*, в котором совершается ее *развитие*»⁴, «дает впервые возможность научно обосновать причинную связь между природой данного месторазвития и поселившимся в нем человеческим обществом»⁵. Остается только догадываться, в чем состояла ненаучность причинных связей, устанавливаемых многочисленными предшествовавшими приверженцами того же подхода и как

¹ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. М., 1993. С. 33.

² Там же.

³ Вандалковская М.Г. П.Н. Милюков и А.А. Кизеветтер. С. 152.

⁴ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. М., 1993. С. 66–67.

⁵ Там же. С. 67.

следует понимать «природу месторазвития», если это выражение не является тавтологией?

Следующее за месторазвитием условие – отголосок стихийных сил природы – демографические процессы, связанные с труднорегулируемым и сознательно неуправляемым процессом размножения, приводящим к количественному росту человеческого рода, что непосредственно сказывается и на самом обществе, и на его истории. Экономические условия или «хозяйственная сторона» исторического процесса, хотя и зависят от природы, но постепенно обнаруживают свое стремление к преодолению этой зависимости. История, рассматриваемая со стороны этих условий, изображается как «смена различных стадий экономического развития в порядке возрастающей напряженности, организованности и сознательности труда»¹. Прибрав к рукам природу, т. е. подчинив ее стихийные силы, история становится более сознательной и, надо думать, предсказуемой. По крайней мере, сознательностью отличается «духовная сторона культуры». Однако исторический процесс как «переход от стихии к сознательности» не устраняет и не игнорирует полностью природу; ее влияние просто становится менее заметно. Но даже внутри самих сознательных процессов можно обнаружить свои полюса стихийности и сознательности, и соответствующие ступени перехода от одного к другому. Так среди духовных процессов наибольшей стихийностью отличаются религиозные движения, развитие которых представлено Милуковым как «эволюция сознательного отношения к предметам веры»². Внутри сознательного культурного развития «религиозная эволюция» выполняет роль своеобразного «подсознательного процесса». Большая степень сознательности обнаруживается в школе или процессах образования и воспитания, а максимум сознательности историк усматривает в «области чистого творчества», к которому относятся литература и искусства. Рост сознательности затрагивает не только духовные процессы, но и распространяется на «общественно-волевою сторону культурного процесса», под которым понимается взаимодействие государства и

¹ Там же. С. 59.

² Там же. С. 60.

общества. По сравнению с экономической стороной исторической жизни, как пишет Милюков, «более высоким выразителем сознательности общественного строительства является, несомненно, государство»¹. Внутри самой эволюции государства можно обнаружить как элементы стихийного развития (таковы, например, учреждения), так и элементы сознательно-волевые, которыми для Милюкова выступают «развитие понятия права» и политическая деятельность. «Политическая эволюция государственно формы, – утверждал он, – является венцом сознательности социального и государственного строительства»².

Внешняя среда – это не только природно-климатические условия, в которых поэтапно реализуется обезличивающая социологическая эволюция; к внешней среде примыкает и влияние на национальный организм других народов. Жизнь народа постепенно оказывается обусловлена множеством факторов, независимых непосредственно от его месторазвития. Национальный организм начинает срастаться с другими народами, сначала соседними, а затем и отдаленными. «Взаимозависимость не только частей материка, – писал Милюков, – но и целых материков друг от друга растет вместе с ростом географических открытий и явлений интернационального общения. Напомню о передвижениях путей мировой торговли по мере открытия вселенной для международных сношений, – с внутренних рек на средиземные моря и с морей на океаны»³. Приведенный Милюковым пример очень показателен; он отсылает к распространенной в его время концепции глобализации исторического процесса (пропагандируемой, например, Л.И. Мечниковым и Н.И. Кареевым), согласно которой в истории человечества происходит смена цивилизаций: сначала речные, затем морские и в «настоящее» время океанические цивилизации. Правда, Милюков, явно подразумевая эту концепцию, скромно ограничивается лишь ссылкой на изменения в мировой торговле. Определение национального организма, исходя из внешних воздействий (среда, другие народы) приводит русского историка к масштабным историческим начер-

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же. С. 54.

таниям в духе глобализма, что, по его собственному признанию, возвращает к всемирно-исторической точке зрения. «Собственно, в этой же области явлений, – писал Милюков о “внешних факторах”, – следует искать и причинной связи между сменой национальных историй в хронологическом порядке. Мы увидим, например, в ближайших главах, как смена различных культур обусловилась степенью доступности для человека различных месторазвитий. Это, пожалуй, единственный подход к идее всемирной истории, остающийся в наше время *научным*»¹.

Увлечение Милюкова преисторией восходит еще к студенческим годам, когда интерес к ранней исторической или даже доисторической эпохе зародился у него под влиянием университетских преподавателей: Ф.Ф. Фортунатова, который вел занятия по сравнительному языкознанию, и В.Ф. Миллера, читавшего лекции о «примитивном человечестве»². Милюков умалчивает о влиянии П.Г. Виноградова, неоднократно затрагивавшего вопросы ранней истории человечества и М.М. Ковалевского, разрабатывавшего концепцию «генетической социологии». Свои экскурсы в преисторию П.Г. Виноградов и М.М. Ковалевский опирали на сравнительно-исторический метод, помогавший выработать представление о единой социальной эволюции человечества.

Остается, по признанию ученого в первом издании «Очерков по истории русской культуры», еще один «класс явлений, вносящих наибольшую случайность в историю, наименее поддающихся закономерному объяснению»³. Милюков имеет в виду «индивидуальные особенности действующих лиц», т. е. проблему личности в истории, великих людей или исторических деятелей. Взаимодействие социологической эволюции со средой и внешней обстановкой ничего не говорит об исторических личностях и их влиянии на историческое развитие. Впрочем, интерес историков к историческим деятелям

¹ Там же. С. 54.

² «нас вводил в тайны примитивного человека молодой и живой преподаватель Всеволод Миллер» (*Милюков П.Н.* Воспоминания (1859–1917). Т. 1. С. 103.)

³ *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Т. 1. СПб., 1896. С. 14.

лям кажется Милюкову несколько устаревшим: «Соединенное действие основных социологических тенденций и среды объясняет, в существенных чертах, эволюцию социального порядка, учреждений и нравов. Но этих факторов недостаточно для объяснения исторических “событий” и “деяний”, привлекавших главное внимание старых историков»¹. Для Милюкова объяснение исторических событий, исходя только из поступков исторических лиц, является упрощением «сложных социальных явлений» и сведение исторической причинности к психологии исторических деятелей. «Другими словами, – пояснял он, – мы признали бы причину, но ограничили бы круг ее действия»². Даже если действия исторической личности меняют не «общий смысл» исторического события, а только его «индивидуальную физиономию», то все равно не следует отказываться от попытки дать ей причинное истолкование. «Индивидуальная физиономия факта точно также подлежит закономерному объяснению, как и его общий характер. Собственно говоря, трудно было бы даже провести определенную границу между общей и частной стороной исторического явления, так как в нем мы имеем только результат совместного действия общих и частных факторов», — полагал Милюков³. Вписывая в общую историческую закономерность и действия личности, Милюков имел в виду, что мотивация и поведение личности изучается отдельной наукой – психологией. Личность лишь на первый взгляд привносит элемент случайности в исторический процесс, но поступки личности также объяснимы, хотя законы психологии и нельзя буквально считать законами истории. «Область истории, – пояснял ученый, – есть область человеческих поступков, поступки же есть действие бесконечно сложного механизма человеческой воли, человеческой личности, подверженной всем случайностям личного существования. Конечно, действия этого механизма не беспричинны: но причины, управляющие деятельностью воли и существованием личности, далеко не совпадают с причинами,

¹ Там же.

² Там же. С. 15.

³ Там же.

управляющими общим ходом исторического процесса»¹. В истории, таким образом, нет ничего случайного, а случайности, составляющие при первом приближении «пеструю ткань исторических событий», на самом деле имеют «лишь относительное значение»².

Все явления в мире, все предметы и события неповторимы, уникальны и в этом смысле индивидуальны, но эта индивидуальность не исключает законосообразности. Индивидуальное проявляется в законосообразном; индивидуальное разнообразит, варьирует закономерное. «В общественной жизни как и в личной (как и в мировой, следовало бы прибавить), – обобщал Милюков свои наблюдения, – ни одно явление не повторяется; конкретные формы явлений бесконечно разнообразны, несмотря на единообразие законов, с помощью которых мы объясняем явления. В этом смысле каждый факт, как бы велик или мал он ни был, допускает закономерное объяснение и может повести к открытию постоянной причинной связи явлений»³. Индивидуальное, если следовать логике Милюкова, допускает свое закономерное объяснение.

Более очевидно проявление исторической закономерности в целесообразных действиях исторических личностей. Диссертация Милюкова давала не мало материала для анализа деятельности такой крупной личности в русской истории, какой был Петр I. «Вопрос о роли личности Петра, — осторожно заключал русский ученый, — один из очень деликатных вопросов нашей истории. Идея Петра еще живет и мы еще боремся за или против нея»⁴. Однако сам Милюков не стал сосредоточиваться на личности Петра еще и затем, чтобы не колебать сомнением закономерность проходившего в России в XVIII в. исторического процесса. Он ограничился лишь формулированием «методологической обязанности», согласно которой нельзя оценивать сознательное творчество историче-

¹ Милюков П.Н. Лекции по «Введению в курс Русской истории». С. 12.

² Там же. С. 14.

³ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. СПб., 1896. С. 16.

⁴ Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII века и реформа Петра Великого // Русская мысль. С. 64–65.

ской личности с точки зрения идеала или искусства. Действия исторической личности могут идти как «наперекор эволюционной тенденции социального процесса», так и «в одном направлении с развитием исторического процесса». «Личность, как выразитель или исполнитель потребности времени, становится всемогущей. Отсюда и вытекает тот обман зрения, который принимает исторический процесс за создание личных усилий героев», – разоблачал Милюков прагматическую историографию¹. Кроме того, история рисует нам постепенный рост целесообразного поведения как следствие «развития сознательного социального поведения массы». Поэтому ход истории становится все более целесообразным, а, следовательно, все легче поддающимся закономерному объяснению. Милюков набрасывал следующую перспективу исторического развития: «Стремление поддерживать собственное существование и продлить существование рода, потребность упражнять органы и выполнять функции человеческого организма, физического и психического, – всегда будут направлять деятельность человеческой воли. Но формы, которые могут принимать эти стремления и потребности, будут бесконечно развиваться в направлении большей сложности и целесообразности. Как далеко пойдет человечество по этому пути, мы не знаем; но путь, которым можно прийти к замене стихийного исторического процесса сознательным, может быть только один: постепенная замена общественно-целесообразных поступков отдельных личностей – общественно-целесообразным поведением массы»².

В юбилейном издании «Очерков по истории русской культуры» вопрос о роли личности в истории формулировался Милюковым в седьмом тезисе: *«Социология не может отрицать возможности научного (т. е. закономерного) объяснения исторической роли личности, хотя бы практически осуществление этой возможности и представлялось чрезвычайной трудным»*³. Социология, конечно, предпочитает анализи-

¹ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. СПб., 1896. С. 17.

² Там же. С. 18.

³ Милюков П.Н. Очерки по история русской культуры. Т. 1. М., 1993. С. 55.

ровать крупные, массовые явления. Надежным подспорьем в этом начинании, «испытанным средством научного объяснения» является статистика. Однако крупнокалиберное статистическое сито не способно удержать индивида, личность, действующую в истории. «Остается, за этим исключением, – размышлял Милюков, – все же подлежащая научному объяснению область явлений, где личность участвует именно *как личность*, и притом не пассивно, самим фактом своего существования, а активно, путем внесения своей доли в историческое событие, или даже в создание социального *порядка*»¹. Излагая противоборствующие точки зрения, Милюков попеременно ссылался то на Бурдо и Тэна, то на Карлейля и Паскаля. Его собственная позиция сводилась к осторожному пояснению, «что в области влияния личности на ход истории необходимо различать личный каприз от сознательно-целесообразного поступка, совпадающего в своем значении с общей тенденцией процесса»². Определяющим для исторического значения личности является ее согласованность с направлением преобладающей социологической эволюции. По сути, личность не может успешно противостоять этой объективной тенденции, не может изменить или даже существенно скорректировать ход истории. Не личность формирует направление исторического развития (хотя – и в этом один из парадоксов милюковской концепции – на начальных этапах истории роль личности более заметна), а порядок исторических вещей задает историческое измерение личности. Личность, плывущая против течения исторической жизни, в конце концов растворяется в ее общем потоке. Вот как это излагал сам Милюков: «Есть исторические периоды, когда личность, в роли признанного вождя или наследственного властителя, призвана выражать очередную тенденцию времени... При стихийном характере, с которым начиналась всегда и везде эволюция общности, действительно, только личности – официальные или моральные руководители масс – служили инициаторами и исполнителями общественно-целесообразных поступков. При дальнейшем ходе истории эта роль переходит

¹ Там же. С. 55–56.

² Там же. С. 56.

к все более расширяющемуся кругу сограждан. Но роль личности, как выразителя общественной воли, и в этом случае не теряет значения. И поскольку личность входит фактором в совершающийся и помимо нее социологический процесс, постольку, обыкновенно, и роль ее становится все более значительной. Поскольку она идет вразрез этому процессу, постольку рано или поздно ее действие изолируется и затеривается в общем итоге»¹.

Личность, как вынужден признать Миллюков, вносит в исторический процесс элемент случайности. Поступки исторической личности, несмотря на требование закономерного объяснения, мало предсказуемы. Последовательное проведение социологической точки зрения на историю должно минимизировать роль случайности, т. е., говоря более конкретно, сосредоточиться на исследовании таких процессов, на которые влияние личности будет не существенным. Таким историческим исследованием как раз и будет «культурная история» или «история культуры». По словам Миллюкова «“история культуры” вправе сделать то, чего не может сделать повествовательная история: оставить в стороне случайный, а отчасти и индивидуальный характер исторических “событий”»². Выражение «история культуры» используется русским ученым в самом широком смысле, позволяющем применить к историческому процессу обозначенные им «социологические взгляды», что, конечно же, во многом расходится с «популярным характером», закрепившемся за этим выражением. Столь же «не вполне выясненным» является термин «культура», часто противопоставляемый «цивилизации». Миллюков пояснял, что употребляет оба термина «в самом общем значении», не учитывая исторически образовавшихся на нем смысловых наслоений и лишь оговаривал, что «в России под “культурной” историей разумелась история духовной стороны процесса в противоположность “материальной” истории»³. Впрочем, сам Миллюков, судя по результату, не склонен следовать этой традиции.

¹ Там же. С. 56–57.

² Там же. С. 57.

³ Там же. С. 58.

Социология нации и русский исторический процесс

Милюков указывал на три фактора, из которых складывается социологическая эволюция конкретного национально-исторического организма: внутренняя тенденция развития, соответствующая определенной стадии универсальной эволюции общества; влияние внешней обстановки; и целесообразная деятельность личности. «Ни одно национальное развитие не похоже на другое, – уточнял Милюков, – в каждом есть доля своеобразного, индивидуального, свойственного только одному данному случаю... Да, действительно, сочетание исторических условий, создающих национальную жизнь, не может быть бесконечно разнообразно в каждом данном случае, а следовательно и результат этого сочетания – национальное развитие – будет бесконечно разнообразен. Но при всем разнообразии результатов исторической жизни – точно ли они так несоизмеримы друг с другом? Если сравнить между собою одни только готовые результаты и забыть о тех условиях, которые их создали, конечно, сравнение окажется затруднительным. Но задача историка именно и заключается в анализе исторического явления, в сведении его к создавшим его причинам»¹. Милюков пытался примирить взгляды «националистов» и «западников». «Современный историк, – писал он, – тоже не может обойтись в наше время без своего рода сравнительной анатомии: и ему приходится расчленять историческое явление и устанавливать сравнение не между готовыми результатами, а между условиями их происхождения... Мы различали в историческом результате три главных группы производящих его условий. *Первое* условие заключается во внутренней тенденции, внутреннем законе развития, присущем всякому обществу и для всякого общества одинаковом. *Второе* условие заключается в особенностях той материальной среды, обстановки, среди которой данному обществу суждено развиваться. Наконец, *третье* условие состоит во влиянии отдельной человеческой личности на ход исторического процесса. Первое условие сообщает различным историческим

¹ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. СПб., 1896. С. 217.

процессам характер сходства в основном ходе развития; второе условие придает им характер разнообразия; третье, наиболее ограниченное в своем действии, вносит в исторические явления характер случайности»¹. Социологическая эволюция содержит в себе, таким образом, и момент универсальности и момент своеобразия. Предпочтение Милюкова явно на стороне универсальности, поскольку только в ней находит опору закономерность истории. В то же время, в одной из эмигрантских статей историк отмечал: «Я всегда признавал неправильным доводить “своеобразие” до “исключительности”, а сходство до “тождества”»².

Одной из центральных проблем своих исследований Милюков считал «проблему положения России среди народов»³, решение которой возможно лишь на основе синтетической точки зрения, увязывающей черты сходств и различий. В русской историографической традиции закрепилось противопоставление двух взглядов на русский исторический процесс. Согласно одному, русская история обнаруживает сходство и единообразие с европейской историей. Согласно другому, русская история своеобразна и не может быть понята, исходя из представлений, сложившихся в результате западноевропейского исторического развития. Таковы позиции западников и славянофилов. Примиряющая этот давний спор историческая «конструкция» была предложена учителем Милюкова В.О. Ключевским. Однако спор не утих; его возобновили марксисты, выступившие против народнической концепции русской истории. У сторонников единообразия исторического процесса нашлись и другие последователи, в частности, Н. Павлов-Сильванский⁴. А идея своеобразия русской истории была под-

¹ Там же. С. 218.

² Милюков П.Н. Величие и падение М.Н. Покровского (эпизод из истории науки в СССР) // Милюков П.Н. Очерки истории исторической науки. С. 513.

³ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. М., 1993. С. 63.

⁴ Н. Павлов-Сильванский, со своей стороны, не оставил без критической реакции историческую концепцию Милюкова. Наиболее сомнительной ему показалась идея единообразия исторической эволюции, нивелирующей различия условий исторического развития:

хвачена евразийцами, разрабатывавшими учение о влиянии географической среды. Синтетический подход, проводимый Милюковым и в первых и в юбилейном изданиях «Очерков», обильно черпает материал и обобщения из обеих традиций, умело пристраивая их для аргументативных нужд своей концепции. В результате синтез легко переходит в эклектизм, оправдываемый высокой целью научного построения – «дать читателю научно обоснованное представление о связи настоящего с прошлым»¹.

Синтетическая точка зрения, сочетающая своеобразие с единообразием, приводила Милюкова к оправданию европеизма как необходимого пути русской истории. По словам ученого, «наряду с элементами своеобразия, автор выделяет элемент общности России с более счастливыми в культурном отношении странами. Европеизм, с этой точки зрения, не есть начало, чуждое русской жизни, начало, которое можно только заимствовать извне, но собственная стихия, одно из основных начал, на которых эта жизнь развивается, насколько в ее “месторазвитии” даны общие Европе элементы развития. К этому представлению ведет и сам термин “Евразия”, если употреблять его научно, а не тенденциозно. Евр-Азия не есть Азия; а есть Европа, осложненная Азией»².

В первом издании «Очерков по истории русской культуры» общность русского и европейского исторических процессов имела не географическое, а принципиальное обоснование, в смысле единства социальной эволюции, не оставляющей шансов для исторического самобытничества. Заимствования

«Милюков нигде не выясняет, в чем именно заключается гипотетический “внутренний закон развития”, во всяком обществе одинаковый, и в чем именно проявился он в русском историческом развитии, которое составляло и в целом и в частности *контраст* развитию западному. Этот “внутренний закон”, по теории Милюкова, нечто совершенно не зависящее от материальной среды и других исторических условий, и проявляется он наперекор всем этим условиям, так сказать, наперекор стихиям» (*Павлов-Сильванский Н.П.* Феодализм в России. М., 1988. С. 25).

¹ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. М., 1993. С. 63.

² Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 3. М., 1995. С. 4.

европейской культуры при таком подходе были вызваны самим ходом социального развития русского общества. Россия, идя по историческому следу Европы, неизбежно повторяет, дублирует, а чаще просто воспринимает и усваивает выработанные на Западе идеи и формы жизни. При этом все русское, уверен Милюков, только тормозит цивилизационную поступь России. Приведу это красноречивое рассуждение историка: «Россия выросла из известных форм и переросла известные традиции. Отрицать это – значит закрывать глаза на действительность и отрицать законы исторического роста. Признав эти законы, мы, вместе с тем, приобретаем возможность взглянуть иначе на необходимость заимствований с Запада, чем смотрели на это наши самобытники. Если бы русский исторический процесс был действительно совершенно своеобразным и несравнимым с другими, тогда, конечно, всякое заимствование пришлось бы считать искажением национального процесса, – хотя тогда трудно было бы даже понять, каким образом такое искажение было бы возможно: ясное дело, что заимствование не имело бы тогда никакой возможности привиться. Но если основной ход исторического развития – общий у различных исторических процессов, тогда необходимо признать и некоторую общность в формах этого развития, и вопрос должен идти уже не о том, какие формы могут быть признаны подходящими для того, чтобы облечь в них наличное содержание данного момента народной жизни. Сходство с Европой не будет при этом неременной целью при введении известной новой формы, а только естественным последствием сходства самих потребностей, вызывающих к жизни и там и здесь эти новые формы. Само собою разумеется, что сходство никогда не дойдет при этом до полного тождества. Итак, мы не должны обманывать самих себя и других страхом перед мнимой изменой нашей национальной традиции. Если наше прошлое и связано с настоящим, то только как балласт, тянущий нас книзу, хотя с каждым днем все слабее и слабее»¹.

Однако в историческом пути России и Западной Европы обнаруживается и различие. Точнее, направление историче-

¹ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. СПб., 1896. С. 221.

ского развития России и Европы является одинаковым, но Россия отстает на этом пути от Европы. Отставание, или в терминологии Милюкова «запаздывание», объясняется объективными обстоятельствами – природными условиями. Желая усилить эту обнаруженную объективность, Милюков формулирует «эмпирический закон» или «закон запаздывания исторического развития при переходе от запада Европы к ее центру, от центра в европейскую Россию, отсюда в западную Сибирь, резко отделенную от восточной и, наконец, от западной Сибири на дальний восток ее»¹. Эмпиричность установленного закона проявляется в пространственном движении более развитых и совершенных форм социальной и культурной жизни, подтверждающих свою зависимость от географического фактора. «Эмпирический закон» дополняется еще двумя законами: «запоздания процесса: с юга на север – так же как ранее – с запада на восток»² и законом «так называемых сопутствующих изменений»³. Объективность первого закона также базируется на природном факторе: различие в историческом развитии севера и юга, а также направление и хронология этого исторического движения определяются отступлением ледника. Второй закон подразумевает образование смешанных антропологических типов в процессе исторического распространения культуры. По сути, все три закона на природно-климатический лад переформулируют европоцентристскую точку зрения в истории, задавая вполне определенные географические координаты не только для центра, но и для исторической периферии.

Русская история, таким образом, согласно Милюкову, следует по пути, пройденному западноевропейскими народами, но отличается скоростью, темпом своего исторического пути. К этому сводится ее своеобразие. «В нашей исторической жизни, – делился своими историческими индукциями Милюков, – бросается в глаза: во-первых, ее крайняя элемен-

¹ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. М., 1993. С. 318.

² Там же. С. 318–319.

³ Там же. С. 324.

тарность, во-вторых, ее совершенное своеобразие»¹. В русской исторической науке «националисты» упирали на «своеобразие», а их противники – на «элементарность». Каким образом, не обостряя противоречие, возможно сочетать столь казалось бы различные характеристики? «Да, действительно, сочетание исторических условий, создающих национальную жизнь, не может не быть бесконечно разнообразно в каждом данном случае, а следовательно и результат этого сочетания – национальное развитие – будет бесконечно разнообразным. Но при всем разнообразии результатов исторической жизни – точно ли они так несоизмеримы друг с другом?» – вопрошал Милюков². Ход исторического развития России и Европы один и тот же, различие зависит от внешних факторов, обуславливающих своеобразие. Свообразие не отрицает, не разрушает общую, универсальную модель исторического процесса, репрезентируемую европейской историей, а встраивается в эту модель, так сказать, варьирует ее. Подводя итог своим воззрениям, Милюков писал, что «историческое развитие совершается у нас в том же направлении, как совершалось и везде в Европе, – это не значит, что оно приведет в частности к совершенно тождественным результатам»³. Как же русский историк должен оценивать своеобразие? Для Милюкова ответ на этот вопрос ясен: отрицательно.

Все подобные эмпирические констатации и их законосообразные формулировки непосредственно переносятся на русскую историю. Ее запаздывание «объясняется особенностями русского месторазвития – точнее, русских месторазвитий, на которые делится огромная территория восточно-европейской равнины»⁴. Имеются в виду степи, леса и великие реки северной тайги. Отсюда и основные факты, составляющие содержание русской истории: колонизация и «борьба леса со степью». В своих выводах Милюков, как видно, сильно зависит от С.М. Соловьёва и В.О. Ключевского. Влияние С.М. Со-

¹ Милюков П.Н. Лекции по «Введению в курс Русской истории». С. 200.

² Там же. С. 203–204.

³ Там же. С. 207.

⁴ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. М., 1993. С. 333.

ловьёва сказывается не только в тезисе об отставании русского исторического процесса от европейского, но и в признании «общения» с другими народами одной из основных побудительных причин исторического развития, и в выделении в истории двух периодов: периода преобладания чувства и периода сознательного развития.

Родство исторических и теоретических построений Миллюкова с государственно-юридической школой заметно как в лекционных курсах, так и в популярных переложениях его взглядов. Историк указывал на римское право как на опору западно-европейского понимания государства. На Руси, напротив, преобладало религиозное, а не юридическое оправдание власти. Юридические формулировки стали появляться в результате взаимоотношений с государствами Европы. «Московские государи, – писал историк, – ни о какой законной основе для своей власти не думали, пока им не пришлось столкнуться с западными государями»¹. В петровскую эпоху в России получает распространение естественно-правовое объяснение происхождения и сущности государства. Во времена Екатерины II в Россию проникает идея народного представительства, а в правление Александра I предпринимаются попытки конституционного преобразования государства (проекты реформ М.М. Сперанского). Однако, несмотря на некоторые расхождения, государственная история России в своих генеральных чертах повторяет историческое развитие Европы. Изначально, «у нас феодальный быт был слабее»², что привело к чрезмерному усилению государства: «военно-национальное государство, основанное в России московскими великими князьями, оказалось сильнее, чем оно было в других местах. Оно выросло и укрепилось на более продолжительное время. Но это не значит, конечно, чтобы военно-национальное государство всегда существовало на Руси и что оно должно было сохраниться на вечные времена. Напротив, русская форма в себе самой носила зародыш слабости. В сущности, она была сильна, главным образом, слабостью своих противников»³.

¹ Миллюков П.Н. «Исконные начала» и «требования жизни» в русском государственном строе. Ростов-на-Дону, (1905). С. 6.

² Там же. С. 4.

³ Там же. С. 5.

Сильное государство, согласно Милюкову, тормозило прогрессивное развитие России. Если следовать логике его рассуждений, то надо признать что слабость государства, напротив, способствует историческому прогрессу. Некоторая парадоксальность подобного умозаключения дополняется убеждением Милюкова в том, что у европейских государств было много врагов, борьба с которыми служила постоянным стимулом к развитию. Московские же государи, одолев соперников, успокоились, перестали заботиться о безопасности и тем самым снизили темп исторического развития России. Правда, приговор этот не окончательный. Историческое запаздывание преодолевается догоняющей модернизацией. К фактам последнего рода Милюков относил, в частности, преобразования, вызванные революцией 1905 г. «Конечно, – признавал он, – и Россия переживала те же ступени политического роста, как и все другие цивилизованные государства... Как и повсюду, наше военно-национальное государство постепенно превратилось и даже на наших глазах в промышленно-правовое»¹.

Уже в правление Александра I намечился отход от прогрессивно-реформистской линии развития России; зародилась новая теория – учение об «исконных началах», выразителями которой стали славянофилы. Государство, со времен Петра I проводившее политику европеизации, с недоверием отнеслось к славянофилам. Ретроградные настроения не были чужды и представителям власти, но и они по своему содержанию не совпадали со взглядами славянофилов. «Славянофилы ценили в старине дух, а не форму, – пояснял Милюков существовавшее расхождение, – а власти именно хотели сохранить форму. Славянофилы заботились особенно о *народе* – как хранителе духа, а власти особенно оберегали *государство*, в котором славянофилы уже ровно ничего духовного не видели»². Правда, «исконные начала», которые славянофилы усматривали в самобытной жизни народа, были непонятны, полагал Милюков, самому народу. Предлагаемые славянофилами «исконные начала» представляли собой чисто умозрительные отвлечения, далекие от реальной жизни. В этом отношении славянофилы

¹ Там же. С. 4.

² Там же. С. 16.

оставались метафизиками и идеалистами. «“Исконными началами”, – развивал свою мысль Милюков, – они были только в воображении небольшой кучки писателей, которые мечтали сберечь старый “дух” русского народа, – а также в словах и в бумажных выражениях другой небольшой кучки – чиновников, которая надеялась сберечь старые формы русского государства. Народ сам не думал о себе ни о своем “духе”, ни о формах, – потому что он только теперь начинает думать о себе и о том, что его окружает»¹.

«Исконным началам» Милюков противопоставлял «требования жизни». Между «исконными началами» и «требованиями жизни» постоянно возрастали противоречия, приводившие к политическим конфликтам. Если под «исконными началами» исследователь понимал исторические индукции славянофилов и консервативные замашки государственников, то «требования жизни» соответствуют реальным запросам текущего исторического момента. Однако в формулировке Милюкова «требования жизни», скорее, походят на политические идеалы, которые не были чужды и таким идеалистам, как славянофилы. По его словам, «во всякой стране, где есть народные представители, непременно должна быть и свобода собираться, и свобода писать и говорить, и свобода составлять союзы. Все это есть “требования жизни” – и нет таких “исконных начал”, которые могли бы помешать всему этому осуществиться на деле»².

Неприятие славянофильства как идеологического течения и исторической силы встречается у Милюкова неоднократно. Этим вызвано, в частности, высокомерно снисходительное отношение к «русскому направлению» С.Т. Аксакова, «скромная роль» которого достойна внимания лишь для того, чтобы не «потерять несколько звеньев из сложного процесса нашего общественного развития»³. Специально критике славянофильства была посвящена публичная лекция Милюкова в Историческом музее в Москве «Разложение славянофильства», прочитанная 22 января 1893 г. Милюков останавливается на трех

¹ Там же. С. 22.

² Там же. С. 23.

³ Милюков П.Н. Сергей Тимофеевич Аксаков // Милюков П.Н. Из истории русской интеллигенции. С. 72.

последователях славянофильского учения: Н.Я. Данилевском, К.Н. Леонтьеве и В.С. Соловьёве.

Н.Я. Данилевским, полагает Милюков, «была сделана попытка подвести под воздушный замок славянофильства более или менее солидный фундамент».¹ Однако попытка оказалась неудачной, поскольку теория культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского во многих аспектах не совпадает с современным научным объяснением общества, т. е. с социологией. «Научная социология, – пояснял их концептуальное различие Милюков, – стремится к открытию новых законов эволюции человеческого общества, а для Данилевского интересно только обнаружение в обществе искони заложенной в него, неподвижной идеи. Прикладная социология измеряет прогресс степенью сознательности, с какою организуется в обществе движение общего блага; а Данилевский, наблюдая внутри отдельного общества только стихийный процесс органической эволюции, ищет прогресс лишь в смене исторических наций и идеалов»². Органическое понимание общества не было чуждо и самому Милюкову, однако общее неприятие славянофильской доктрины побуждало его выступить с критикой концепции Н.Я. Данилевского. Так, он, в частности, усматривал противоречие в предложенном Н.Я. Данилевским делении наук на теоретические (физика, химия, психология) и сравнительные (все остальные науки). Несогласие историка в данном случае вызвано несовпадением классификации Н.Я. Данилевского с классификацией О. Конта, «вошедшей в современное научное сознание». Н.Я. Данилевский отказывается и от эволюционной теории, что также не встречает одобрения со стороны Милюкова. Учение Н.Я. Данилевского не соответствует как современным требованиям научного исследования, так и вообще далеко отходит от реальности самой исторической и социальной жизни. Милюков обвиняет Н.Я. Данилевского в метафизичности и идеализме, что по меркам позитивистского катехизиса равнозначно отлучению от науки вообще. «Этим путем, – писал он, – совершенно реальное понятие народности превратилось в лаборатории Данилевского в метафизическое

¹ Милюков П.Н. Разложение славянофильства // Милюков П.Н. Из истории русской интеллигенции. С. 273.

² Там же. С. 274.

понятие “культурно-исторического типа”. “Культурно-исторический тип” был, стало быть, чем-то *средним между реальным и гегелевским понятием народности* и получился посредством смещения обоих¹. Милюков призывает не придавать слишком большого значения понятию «культурно-исторический тип», заимствованного Н.Я. Данилевским у Рюккерта, поскольку он вкладывает в него особый смысл. «Национальный эгоизм и исключительность – таков последний практический вывод из философии истории Данилевского», – давал окончательную оценку Милюков².

Надо признать, что Милюков не всегда точно излагал взгляды Н.Я. Данилевского. То же можно сказать и о его интерпретации учения К.Н. Леонтьева. Историк отмечал культурную неопределенность взглядов К.Н. Леонтьева на Россию, его пессимизм, осложненный аморализмом. «К этому, к охране загадочного пустого места от всякого чужого захвата, и сводится *весь смысл* политики Леонтьева, вся его государственная мудрость», – подытоживал Милюков свой анализ³. Общее обвинение, которое Милюков предъявлял и Н.Я. Данилевскому и К.Н. Леонтьеву состояло в том, что они опирали политику и философию истории на принципы национального эгоизма, реакционные последствия реального воплощения которого не на шутку пугали Милюкова «Итак, – заключал он, – национальная идея старого славянофильства, лишенная своей гуманитарной подкладки, естественно превратилась в систему *национального эгоизма*, а из последней столь же естественно была выведена теория *реакционного обскурантизма*»⁴. В отличие от критикуемых им славянофилов, Милюков проповедовал единство социальной эволюции человеческих обществ и единство их социальных идеалов, а не культурно-историческую исключительность народов.

Отнесение В.С. Соловьёва к последователям славянофильского учения требует оговорки. Лишь в некоторых ранних произведениях В.С. Соловьёв поддерживал славянофильские идеи. Милюков по существу отстраняется от анализа

¹ Там же. С. 277.

² Там же. С. 279.

³ Там же. С. 285.

⁴ Там же. С. 290.

взглядов В.С. Соловьёва и не решается ему возражать из-за полной несовместимости его метода с «общепринятыми приемами научного мышления». Историк дает несколько парадоксальную характеристику творчества В.С. Соловьёва. «Мы имеем дело, – пишет он, – с догматическим построением, развиваемым из нескольких богословско-метафизических аксиом с помощью диалектического метода и не допускающих, следовательно, никакой другой формы проверки, кроме формально-логической»¹. Парадоксальность милюковского умозаключения очевидна. Он говорит о догматизме, достигаемого диалектикой и о диалектике, проверяемой формальной логикой. Вполне справедливо Милюков отсылает для понимания В.С. Соловьёва к Оригену. Согласно его интерпретации, В.С. Соловьёв предстает не философом, а «богословом», «схоластиком» и даже «талмудистом». «Одним словом, – обобщал он свое понимание В.С. Соловьёва, – созерцательность средневекового мистика соединяется в учении Соловьев с схоластической казуистикой опытного талмудиста. Диалектическое развитие основных мыслей осложняется у него богословскими приемами аналогического истолкования священных текстов»². В то же время, если славянофильство Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева приводит их к политическому аморализму, то В.С. Соловьёв защищает традиционные этические принципы.

Аморализм, национальный эгоизм, отстаиваемые славянофилами, являются, согласно Милюкову, лишь фрагментами идеологической доктрины национализма. Славянофилы были в России самыми активными пропагандистами «национальной идеи», а «левое» (по классификации Милюкова) славянофильство выдвинуло принцип всемирно-исторического предназначения национальности. «В учении о национальности, – признавал он, – нельзя не считать в высшей степени ценной ту идею глубокого своеобразия, оригинальности всякой национальной жизни, на которой стояло славянофильство. Несомненно, что эта идея о вполне индивидуальном характере каждой общественной группы находит свое полное оправдание в

¹ Там же. С. 298.

² Там же. С. 299.

современной общественной науке»¹. Критике националистической идеологии Милюков много места уделил и в «Очерках по истории русской культуры». Однако устарела не сама национальная идея, а ее славянофильское истолкование. Понятие национальности требует современной научной разработки. «Национальность для нее, – писал историк о современной общественной науке, – *не есть причина* всех явлений национальной истории, а скорее *результат* истории, равнодействующая, составившаяся из бесконечно сложной суммы отдельных исторических влияний, доступная всяким *новым* влияниям»². Исследование национальности должно идти в направлении изучения универсальных форм социальной жизни, общих всем народам: «Всякий народ живет для себя и своею жизнью; это признала реальная наука нашего времени, но это не мешает ей признать также, что в основе всех этих отдельных жизней лежат общие социологические законы и что по этой внутренней причине в бесконечном разнообразии национальных существований должны отыскаться и сходные, общие всем им элементы социального развития»³. Уже в эмиграции Милюков попытался осуществить поставленную тридцатью годами ранее задачу – создать социологическое учение о национальности.

Славянофильство 1830-х – 1850-х гг. дало пример, по выражению Милюкова, «блестящего реванша» национализма. Сторонники славянофильского учения «углубили» понимание таких «национальных символов», как принцип «соборности», разработке которого особое внимание уделял А.С. Хомяков, идеализированную интерпретацию единения Земства и Государства отстаивал К.С. Аксаков. Славянофильство имело и свою религиозно-философскую основу. Ориентируясь на немецкую философию, славянофилы, полагал Милюков, отдавали предпочтение Шеллингу перед Гегелем. «Славянофилы ознакомившись с обоими типами мысли, – уточнял историк, – противоположили их друг другу, как образчики 2-х типов человечества: типа восточного и типа западного. Западу при этом досталось все, что они не одобряли: односторонняя рас-

¹ Там же. С. 304.

² Там же.

³ Там же.

судочность, логика, наука, протестантизм в религии, конституция в политике: словом, начало “раздвоения”. Востоку же они оставили все, чему сочувствовали: глубину и красочность чувства, нетронутую анализом религию и политику, крепкий семейный и общественный быт, восточную мистику, – словом, начало “целостности”. Разумеется восток выходил выше запада»¹. Общая философская традиция – немецкий идеализм – объединяла славянофилов с их противниками – западниками, создавала общую почву для философских дискуссий. Одно из главных расхождений обнаружилось во взглядах на русскую историю – отношение к Петру I и его реформе. «По их пониманию, – писал Милюков о славянофилах, – вся история – и в частности, вся русская история – последних веков свернула на неверный путь – измены старой вере и быту – и должна быть возвращена вспять к средневековым идеалам. Таким образом, толкование Петровской реформы сделалось центральным пунктом борьбы»². Мнение славянофилов о Петре I представляло для Милюкова и профессиональный интерес в виду его магистерского исследования петровских преобразований.

Н.Я. Данилевский и К.Н. Леонтьев предприняли попытку научной реанимации славянофильской доктрины. Однако попытка не удалась. Причина неудачи, считает Милюков, заключается в том, что Н.Я. Данилевский не принял эволюционного учения Ч. Дарвина. Для концепции социологической эволюции Милюкова, близкой идеям социального органицизма Г. Спенсера, Ч. Дарвин оставался непререкаемым научным авторитетом. «Прежде всего националисты, – отмечал он, – эпигоны религиозно-философского периода, пытались заменить совершенно обветшавшую метафизическую основу своей славянофильской доктрины новой научной основой. Надо сказать, что в промежутке, по мере того, как выветривались “всемирно-исторические” элементы старого славянофильского учения, оно превратилось в чисто-реакционное, лишенное всяких гуманитарных элементов. В этом виде его и пытались обосновать Н. Данилевский, исходя из данных естественных наук, и Конт. Леонтьев, исходя из научной теории историче-

¹ Милюков П.Н. Национальный вопрос. С. 136.

² Там же. С. 145.

ского процесса. Данилевский, однако, для своей цели принужден был пойти в разрез с общим течением современной науки. Он был противником эволюционной теории и ярким антидарвинистом. К идее неподвижности национальных типов и невозможности никакого заимствования и подражания он пришел от теории неизменяемости видов... Данилевский далеко не дошел в тонкости научной аргументации до европейских защитников близких ему теорий. Его “Россия и Европа”, долго считавшаяся у нас “евангелием” русского новейшего национализма, безнадежно устарела уже ко второму и третьему изданию¹. Органицизм К.Н. Леонтьева, казалось, должен был быть ближе Милюкову, но его выводы историк принять не мог. Свое отношение к взглядам К.Н. Леонтьева Милюков выразил в несколько глумливом изложении. «Конст. Леонтьев, – писал он, – попытался дать русскому национализму другое научное обоснование. Он исходил из мысли, что русский исторический процесс вовсе не неподвижен, а эволюционен. Мало того, Леонтьев допустил, что ступени исторического процесса одинаковы у разных народов. Этих допущений было достаточно, чтобы разрушить в корне всю теорию Данилевского. Что же поставил Леонтьев на его место? Он сам пришел в ужас от своего исторического фатализма – и ушел в монахи от идеи мирового пожара, в котором должна была роковым образом сгореть и Европа и Россия... Леонтьев полагает, что именно византийский тип русской национальной традиции сможет предупредить действие “либерально-эгалитарного прогресса” простым и решительным средством: остановив процесс насильственным способом, сверху, или, как выражается Леонтьев, “подморозив Россию, чтобы она не жила”. Это – последнее слово националистически-реакционной идеологии»².

Уточняя свое понимание национального вопроса, Милюков полагал, что географический детерминизм может помочь прояснить происхождение национальностей. Антропологические особенности и «психофизиологические различия народов» зависят не от расовой принадлежности, а от климатиче-

¹ Там же. С. 140.

² Там же. С. 141.

ских и географических влияний. «Гораздо больше, чем “кровь”, – писал Миллюков, – в создании современных национальностей должна была участвовать “природа” окружающая обстановка, то есть главным образом климат, затем почва и другие географические условия. Этим условиям среды приписывалась главная роль в процессе физического преобразования типа...»¹ Влияние среды, природно-климатических не условий является для Миллюкова основой социологического истолкования явлений. «Даже самый ход мировой истории и культуры, – писал он, – определяется в значительной степени распределением на земле естественных географических зон. Климат, ветры, количество дождевых осадков прежде всего влияют на растительный покров, но через него и на человека»². Так, национальные типы и их историческая смена зависят, по выражению Миллюкова, от «естественных кадров». По признанию самого историка, его подход строится преимущественно на принципах неоламаркизма. Воздействие климата, природы, окружающей среды имеет и свои пределы, оно ограничивается способностью человека приспособливаться к условиям внешней обстановки. «Конечно, – рассуждал исследователь, – высший из видов, человек владеет могучими средствами искусственно парализовать прямое влияние среды... в одной и той же среде он сохраняет раз установившееся равновесие с окружающей обстановкой»³. «Человек есть “животное всеядное” и обладает наибольшей способностью к акклиматизации. Не говоря уже о народах Европы»⁴. На высших ступнях антропо- и социогенеза изначальная всеядность, очевидно (если следовать логике Миллюкова), мутирует в культурный универсализм.

Неслучаен поэтому его вывод: «“национальность” есть понятие не естественно-историческое и не антропогеографическое, а чисто социологическое»⁵. Ответ на вопрос о том,

¹ Миллюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 3. М., 1995. С. 8.

² Миллюков П.Н. Национальный вопрос. С. 68.

³ Там же. С. 47.

⁴ Там же. С. 62.

⁵ Миллюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 3. М., 1995. С. 9.

насколько та же географические и климатические условия влияют на формирование антропологических, расовых особенностей, не менее очевиден. И если признать такое влияние, то переход от антропологии к социологическим явлениям таким, например, как национальности вполне возможен. Либо же, соглашаясь с этим влиянием, можно и расовые различия включить в круг подлежащих социологическому объяснению позитивностей. Собственно говоря, основным критерием достойного научного описания предмета для положительной философии, в том числе и для выросшей на позитивистской почве социологии, служит его естественность. Прежде чем различать научное от ненаучного, нужно отделить естественное от неестественного. Все демаркационные таможни руководствуются этим принципом естественного отбора. Поэтому для того, чтобы социологизировать расы и антропологические типы необходимо представить их в качестве результата природной эволюции. Приспособляемость человека ограничивает влияние среды, но и сама среда имеет пределы. Резкие природно-климатические отличия приводят и к появлению физических различий между людьми, т. е. к формированию рас. «Но, как сказано, – повторял Милюков, – приспособляемость человека – или сила его сопротивления влияниям среды гораздо значительнее приспособляемости низших существ. Человек *мог*, поэтому, несомненно, распространиться по *всей* земле из *одного* центра. Тем не менее, есть предел способности акклиматизироваться и у человека. Прежде чем получить возможность жить и размножаться в климате резко различном от привычного, он должен сперва физиологически приспособить к новым условиям свой организм. Но такое приспособление и дает начало происхождению рас»¹. Природа создает расы на протяжении десятков и даже сотен тысяч лет. Нации же возникли, полагал Милюков, в течение последних десятилетий, в крайних случаях, столетий, и воздействие природы на процесс их формирования было минимальным. Поэтому, заключал историк, «для объяснения *национальных* отличий в тесном смысле недостаточно установить влияние природы на человека»².

¹ Милюков П.Н. Национальный вопрос. С. 48–49.

² Там же. С. 70.

Расы, вызревающие в природно-климатической обстановке, разнятся между собою точно также как и сама эта обстановка. Дополнительной подпоркой для позитивистского анализа служит возможность иного, точнее, чисто естественнонаучного описания этого явления. Остается произвести соответствующие измерения, выявить параметры и зафиксировать закономерности – и вот вам расово-антропологическая теория. Удерживает Милюкова от этих импликаций лишь сугубо эмпирические трудности. Дело в том, что «чистых» рас практически не осталось. В современных нациях смешаны или, по крайней мере, перемешаны различные расы («короткоголовые» и «длинноголовые», как их предпочитает классифицировать Милюков). В этом смысле единственным началом, скрепляющим все это вавилонское многообразие в одну нацию остается культура, понимаемая как историческая общность. Ее то Милюков и прочит в социологическое наследство, т. е. делает главным предметом исторической социологии.

Понятие «раса» и «национальность» не тождественны. Чистых рас, неоднократно подчеркивал Милюков, не существует; все современные народы образовались путем смешения. «Негровидно-черной» и «монголоидно-желтой» расам, по его наблюдениям, соответствуют длинноголовые и короткоголовые типы. Из них в Европе сформировались «южная» или «средиземноморская», «северная» или «скандинавская» и «средняя» или «альпийская» расы. К последней расе принадлежат и славяне, но и здесь заметно смешение. «Современные славянские народы, – писал об этом историк, – приближаются к альпийскому типу. В России древняя длинноголовая раса замещена короткоголовой»¹. В Европе смешение народов не привело к изменению расовой основы. «Национальности менялись, сливались, вытесняли одна другую. А древний расовый состав населения Европы почти не потерпел изменений с доисторических времен. Отваливалась и сменялась только новая штукатурка: основная гранитная кладка европейского этнического здания оставалась в общих чертах одной и той же», – констатировал Милюков². Этнические смешения при-

¹ Там же. С. 34.

² Там же. С. 34–35.

вели к тому, что теперь родословную народов нельзя проследить даже на основе общности языков. Национальная самобытность не может быть выведена из расовых отличий. «Как бы то ни было, – заключал исследователь, – мы теперь знаем, что нельзя говорить ни о единстве происхождения народов, говорящих на арийских языках, ни о расовом единстве каждого из них, – ни о германской “крови”, ни о британской “расе”, ни о славянской “душе”»¹. Аналогия же между обществом и организмом позволяет Милюкову, опираясь на современные антропологические теории, вывести «понятие о *пластичности* организма»², как физического, так и социального. Природные расы, видоизменяясь, дают начало различным национальностям, хотя национальности напрямую и не зависят от расы. Если раса образуется вследствие природных условий существования людей, то нация – продукт социо-культурной жизни. Можно говорить о культурных и социальных различиях между народами, но не о расовых, в смысле физиологических, особенностей. В этом отношении, например, славяне, как народ смешанный, антропологически не отличаются от других соседних народов. «Мы уже знаем, – утверждал Милюков, – что “душа” национальности – есть функция подвижного социального процесса. Таинства образования этой “души” надо искать в земной обстановке. А в земной обстановке “славянский” тип с самого начала является физически смешанным»³. Не случайно поэтому, согласно Милюкову, изучать происхождение национальностей должна не антропология, а социология. «А современная социология, – писал он, – помогает окончательно установить факт, что “национальность” есть явление вторичное, сравнительно с расой и что она является продуктом, главным образом, *социального процесса*, что объясняет и ее глубокую изменчивость и ее сравнительно позднее происхождение»⁴.

Социологическая концепция нации тем более необходима, что современная социология, по мнению Милюкова, игнорирует национальный вопрос. «Факт – тот, – констатировал

¹ Там же. С. 37.

² Там же. С. 46.

³ Там же. С. 111.

⁴ Там же. С. 147.

он, – что современная социология, – область науки которой ближе всего касается учение о национальности, не занимается специально ее изучением»¹. «Занимаясь вообще процессом создания и развития общественных групп, – полемизировал он с П.А. Сорокиным, – социология не выделяет среди них того специфического соединения, которое мы называем национальностью»². Научный пересмотр проблемы национальности Милюков связывал с «эволюционно-социологической» точкой зрения. Генезис национальности непосредственно обоснован с процессами, происходящими в обществе. Отмеченное историками совпадение истоков формирования общества и национальностей лишь укрепляет уверенность Милюкова в перспективности социологического исследования национальностей. «Происхождение национальности таким образом, – заключал он, – совпадает с процессом происхождения человеческого общества, и к нему могут быть отнесены все наблюдения над последним процессом. Современная социология не занимается специально вопросом происхождения национальности, но весь ее социологический анализ имеет ближайшее отношение к нашему вопросу»³.

Вместе с этим, идея научного социологического изучения проблемы национальности переплеталась с политическими идеалами Милюкова. Он прямо отождествлял научный подход с либеральным и демократическим. Совпадение с демократическим мировоззрением здесь не случайно, «ибо, – как полагал Милюков, – национальность по существу демократична: она есть процесс, совершающийся в массах. Понятая, как начало живое, а не мертвое, национальность есть также начало творческое. Она не только хранит старые ценности, а и непрерывно создает новые. Как все живое, национальность подчиняется закону эволюции и совершенствования»⁴. Для подтверждения своих взглядов Милюков ссылался на А.Д. Гра-

¹ Там же. С. 9.

² Там же. С. 65.

³ Там же. С. 72.

⁴ Там же. С. 24.

довского¹. Либерально настроенные ученые, более своих ретроградных оппонентов восприимчивы к современным научным достижениям, способны добиться и более значительных научных результатов. «Течение либеральное, – утверждал историк, – раньше других прибегает к научным методам познания и лучше других им удовлетворяет»². В России еще в XVIII в. научный подход к изучению национальности, отмечал Милюков, пытался реализовать И.Н. Болтин. Однако его исследования остались одиноким опытом в русской науке своего времени. Правда, И.Н. Болтина с большой натяжкой можно отнести к либеральному лагерю. Торжество научной точки зрения совпадает с распространением и массовым признанием либеральных ценностей. Это время, согласно Милюкову, приходится на конец XIX в. «Тут можно лишь отметить момент, – писал он, – когда монопольное “мировоззрение” перестало гипнотизировать умы, а научность стала общеобязательным требованием для *всех* “мировоззрений”. Это примерно 80–90-е годы XIX века»³.

Пытаясь объяснить с социологической точки зрения происхождение наций, Милюков полагал, что нация возникает не в результате антропологического развития, влияния географических условий, религиозной или языковой среды, а в следствие социального общения, формирующего путем подражания национальную традицию. Нация – явление коллективно-психологическое. «Каждый признак – язык, территория, религия и т. п. – необходим тогда и постольку, когда он становится *средством общения* между людьми или *результатом* их длительного *взаимодействия*, – коллективным продуктом их постоянного общения. Но общение и взаимодействие суть явления *социально-психологические*. Понятие “взаимодействия” есть основное понятие, лежащее в основе *социологии*. Отсюда наш ближайший вывод: *национальность есть явление социальное*. Будучи продуктом живого общения и совместной деятельности данной группы людей, она существует *лишь, пока*

¹ «Градовский прав: национальность, как живое, творческое, демократическое начало есть, по преимуществу, явление нашего времени» (Там же. С. 26).

² Там же. С. 139.

³ Там же.

продолжается общение. Она выявляется, когда общение достигает известной длительности и напряженности. Национальность, следовательно, существует только в процессе. Она не вечна и не неподвижна. Она, напротив, постоянно изменяется: складывается, разворачивается, может и разложиться. Изучать все эти явления национальности можно только, изучая *социальный процесс*¹.

Основной чертой или, по словам Милюкова, «коренным признаком» социальных явлений, отличающих их от явлений несоциальных, служит «психическое взаимодействие». «Социальная группировка создает средства психического взаимодействия», – уточнял он². Подход, сопоставляющий социальные и психические явления, надо признать, был очень популярен в складывающейся в ту эпоху российской социологии. Психология служила основой объяснения социальных явлений или даже воспринималась в качестве их источника. У Милюкова же, как видно, дело обстоит прямо противоположным образом: социальная общность порождает психические взаимодействия. Источником такого взгляда на природу социальных явлений может служить биосоциальная гипотеза Е.В. Де Роберти. Вопрос о первородстве здесь вовсе не праздный. Понятно, что социальные явления всегда сопровождаются явлениями психическими, но генезис одного из другого требует дополнительного пояснения и обоснования. Психические процессы, помимо социальных корней имеют и физиологические; они укоренены в природе человека не меньше, чем в обществе. Неслучайно, сам Милюков признавал «параллелизм психического и физиологического начал, объединяемых социологией в общем синтезе»³.

Обращение к понятию психического взаимодействия позволяет вписать в круг социальных явлений религию, язык, право, государство, «общественное самосознание» и т. д. Психологическая точка зрения их всех в известном смысле уравнивает, приводит их, если допустимо так выразиться, к общему знаменателю, делает их однородными в социологическом

¹ Там же. С. 63–64.

² Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 3. М., 1995. С. 10.

³ Там же. С. 11.

смысле явлениями, т. е. доступными для сравнения, сопоставления и т. п. научнообразных процедур. Ключевую роль из них Милюков отводил языку. Прежде всего это верно для национальности как социологического, следовательно, психического, понятия. «Национальность есть социальная группа, – рассуждал ученый, – располагающая таким единым и необходимым средством для непрерывного психического взаимодействия, как язык, и выработавшая себе постоянный запас однообразных психических навыков, регулирующих правильность и повторяемость явлений этого взаимодействия»¹. Более того, продолжал он, «язык и национальность – это понятия если не тождественные, то вполне покрывающие одно другое»². В то же время, как признавался Милюков, ссылаясь на многочисленные наблюдения, язык «оказывается явлением в высшей степени хрупким и преходящим»³, так что никакие антропологические или расовые гарантии не способны его сохранить, если изменяется социальная среда его обитания.

Не менее значима и роль религии, которая «является частью столь же существенной и представляется столь же коренной и исконной чертой национальности, как и язык»⁴. Милюков специально оговаривает «социальную роль религии», в соответствии с которой она выступает «как символ социальной обособленности исповедующего ее населения»⁵ и предлагает отличать от нее вероисповедное значение религии. Однако в книге «Национальный вопрос» Милюков более сдержанно оценивал роль религии в творении национальности. Религия не может служить признаком нации. Изменения в религии отражают, а не провоцируют изменения в национальной жизни. «Не национальность определяется религией, – уточнял Милюков, – а, напротив, религия формируется по национальности... Но такая религия не делает *вечной* народную душу. Она только делает *временной* себя»⁶. Тем более не подходят на роль основы национальности мировые религии, не обособ-

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же. С. 12.

⁴ Там же.

⁵ Там же С. 19.

⁶ Милюков П.Н. Национальный вопрос. С. 61.

ляющие нации, а объединяющие их. Рассматривая мировые монотеистические религии, Милюков делал очередной критический выпад в сторону славянофилов. «Монотеистическая религия, – писал он, – в противоположность древним религиям города, есть начало сверхнациональное, мировое, космополитическое, а не начало местное, замкнутое пространством и временем. Таковы определенные претензии католичества и ислама. Наши славянофилы, правда, утверждали, что католичество есть специфическая *национальная* черта *всего* Запада, в противоположность национальной же черте, православию – Востока и славянства. Но, очевидно, сами католические народы, французы, итальянцы, испанцы, португальцы, немцы – никак не согласятся признать себя *одной* национальностью. В частности и сами славянофилы никак не могли сладить с тем фактом, что славянская “душа” только отчасти православная, а отчасти она – католическая (поляки, чехи, хорваты). С другой стороны, ведь православны и не-славяне: румыны, греки; принимают православие и японцы. Очевидно, о “православной” национальности также невозможно говорить, как о “мусульманской” (где есть и арабы, и персы, и турки) или о “протестантской”»¹.

Однако вскоре Милюков уже вновь готов признать религию объединяющей людей в единую нацию силой. Религия создает единство сознания. Сильная власть, военные вожди племен способны мобилизовать народ и объединить его на основе общей цели, но они не могут привить народу осознание себя как национальной общности. «В конце концов, – писал Милюков, – ни вожди, ни военное дворянство не могут создать национальности. Они лишь впервые осмысливают единство национального типа, ставят нации общую цель, подготавливают создание орудий общения. Но действительно национальным движение становится лишь тогда, когда весь этот процесс охватывает массы. А это бывает тогда, когда в умах и в сердце каждого члена нации зажигается общая идея. Такой идеей в истории народов является, прежде всего, идея религиозная... Национальным центром является идея религии новой, исходящей из требования внутренней свободы веры для каж-

¹ Там же. С. 60–61.

дого, делающей веру живым фактом внутренней жизни каждого и тем низводящей религию с алтаря и жертвенника в сердце и умы народных масс»¹. За риторически высокопарной стилистикой Милюкова кроется его оценка индивидуалистически ориентированного протестантизма, благодаря которому «национальная идея становится демократической»².

Чтобы подчеркнуть психическую природу нации Милюков специально перечислял возможные признаки нации. Ни антропологические особенности, ни природные условия не создают нацию. «Специфические же признаки национальности, как сейчас увидим, – предвосхищал он, – создаются не влиянием среды на человека, а влиянием людей друг на друга. И эти признаки по наследству не передаются. Это составляет их существенное отличие от расовых и вообще физических признаков. Именно поэтому признаки национальности в особенности изменяемы в отдельности друг от друга. В этом смысле можно сказать, что признаки национальности все условны, и ни один из них, взятый отдельно, не необходим, чтобы охарактеризовать определенную национальность»³. «Климат, пища, даже географический пейзаж, – перечислял Милюков далее, – несомненно, влияют на физику и психику человека... Однако же, после того, как влияние территории сказалось и национальность уже сложилась под ее влиянием, она, несомненно, может не изменяясь, освободиться от связи с первоначальным местом жительства»⁴. Устойчивость национальных особенностей в интерпретации Милюкова сочетается с пластичностью и изменчивостью национальностей. В определенном смысле Милюков готов рассматривать нацию с точки зрения теории многофакторности, колеблясь в том, какому фактору отдать предпочтение. По его словам, «все признаки национальности чрезвычайно хрупки и ни один из них не восходит слишком далеко в историческое прошлое, не говоря уже о “доисторическом” периоде. Все, чем привыкли определять национальность, язык религия, территория, нравы, обычаи, все это сравнительно недавнего происхождения, все это подвижно

¹ Там же. С. 82.

² Там же.

³ Там же. С. 56.

⁴ Там же. С. 62.

и может отделяться друг от друга»¹. Современные нации возникли в недавнем историческом прошлом, при этом процесс этнического смешения идет постоянно, поэтому отождествлять современные этносы с известными из исторических источников народами, нет оснований. Примером подобных неоправданных сопоставлений могут служить воззрения русских националистов. «Так, наши русский националисты, – писал Милюков, – непременно хотели видеть русских в сарматах и скифах, населявших в древности юг России, и искали русских (или славянских) географических названий чуть не по всему свету»².

Признаками национальности не являются ни нравы, ни обычаи, ни привычки. Милюков готов признать, что лишь совокупность различных признаков создает необходимое национальное своеобразие. Несколько избыточная научная осторожность Милюкова граничит с заумью. Перебирая отличительные черты национальности, он приходил к выводу, что «национальность *не есть только сумма* признаков, ее составляющих, а известный *интегрированный результат их взаимодействия*, нечто специфическое в ряде форм социального объединения»³. Тем не менее, все признаки обладают одним общим свойством: они стимулируют социальное общение. Именно общение и формирует нацию. К такому выводу приходит Милюков. В свою очередь изучать социальное общение призвана социология. «Каждый признак – язык, территория, религия и т. п. – необходим тогда и постольку, когда он становится *средством общения* между людьми или *результатом* их длительного *взаимодействия*, – коллективным продуктом их постоянного общения. Но общение и взаимодействие суть явления *социально-психические*. Понятие “взаимодействия” есть основное понятие, лежащее в основе *социологии*. Отсюда наш ближайший вывод: *национальность есть явление социальное*. Будучи продуктом живого общения и совместной деятельности данной группы людей, она существует *лишь, пока продолжается общение*. Она выявляется, когда общение достигает известной длительности и напряженности. Национальность,

¹ Там же. С. 57.

² Там же.

³ Там же. С. 66.

следовательно, существует только в процессе. Она не вечна и не неподвижна. Она, напротив, постоянно изменяется: складывается, разворачивается, может и разложиться. Изучать все эти явления национальности можно только, изучая *социальный процесс*»¹. «Но, несомненно, – пояснял далее свою точку зрения Миллюков, – что в каждом индивидууме социальное общение и взаимодействие (которые, собственно, и сделали его человеком), создают известные *коллективные* продукты, отлагающиеся в его психике. Национальность относится к числу весьма важных коллективно-психологических продуктов»². Итак, истоки национальности лежат в области социального общения и коллективной психологии. «Только *социальное общение*, – уточнял историк, – может выработать те коллективно-психологические продукты, которые мы называем явлениями национального порядка»³. Механизм формирования нации в процессе социального общения сводится к подражанию.

Современная Миллюкову социология уже обращалась к механизму подражания и «социального заражения» для объяснения социальных процессов, особенно массовых социальных явлений. В работах Г. Тарда, Г. Лебона, Н.К. Михайловского специфика социального подражания была подробно описана и проанализирована. Следуя по проложенному ими пути, и Миллюков рассматривал национальность как результат социального подражания. По его мнению, «подражание есть основной и извечный закон образования самобытного, что все специфически-национальное есть тоже переработанный продукт былых подражаний и что периоды наибольшего подражания наиболее оплодотворяют самостоятельное национальное творчество»⁴. Примерами социального подражания являются воспитание или, по выражению Миллюкова, «систематизированное социальное подражание», а также «заимствование изобретений». Не остается постоянным и предмет подражаний. «Дело в том, – поднимал Миллюков традиционную русскую проблему “отцов и детей”, – что меняется, в зависимости

¹ Там же. С. 63–64.

² Там же. С. 66–67.

³ Там же. С. 70.

⁴ Там же. С. 127.

от времени и среды самый предмет подражания. Он меняется, собственно, уже с появлением каждого нового поколения. Каждое поколение переживает свой собственный личный опыт, который никогда не является полным повторением опыта предыдущего поколения. На этом плодотворном наблюдении основана целая социологическая теория смены поколений»¹.

Основной формой общения между людьми, несмотря на изменчивость предмета подражаний, остается язык. Милюков неоднократно констатировал «связь развития языков с развитием человеческого общения»². Процесс формирования нации сопровождается развитием языка. Консолидация нации, объединительные процессы в государстве приводят и к унификации языковых форм общения. «Язык раздроблен, – писал Милюков, – пока национальный процесс идет чисто-стихийным. Но как только начинается сознательный период процесса, так язык интегрируется»³. Одно из наречий получает наибольшее распространение, на его основе создается единый литературный язык. Сознательную задачу выработки единого литературного языка берет на себя интеллигенция; «с появлением *интеллигенции*, является над наречиями единый *литературный* язык, который потом становится языком *национальным*»⁴.

Социальное общение интенсифицируется с переходом к городскому образу жизни. Милюков говорит о городском «круге расширения национальностей». Урбанистический образ жизни делает носителями национального сознания не только интеллигенцию, но и широкие массы простого народа. Теперь, по словам Милюкова, «процесс национального самосознания доходит и до низших социальных слоев»⁵.

Социологический подход к изучению национальности, полагал Милюков, тем более оправдан, что формирование национальности происходит одновременно со становлением общества. Это утверждение Милюкова несколько контрастирует с его же тезисом о том, что нация – явление ближайшего исторического прошлого. Говорить об общем истоке национально-

¹ Там же. С. 73.

² Там же. С. 75.

³ Там же. С. 83.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

сти и общества ему позволяет характерный для обоих признаков – сознание своего единства и особенности. «Теперь можно считать доказанным, – уверенно констатировал Милюков, – что человек является на свет уже в состоянии общности, т. е. с наличием этого сознания»¹. Речь здесь идет о «сознании рода» или «коллективном сознании». «Полное сознание себя в качестве члена единого коллектива, имеющего единую мысль и волю, происходит постепенно. Собственно оно и вкладывает “душу” в однородную этнографическую группу, интегрирует вечно-подвижный процесс, закрепляет его результаты», – описывал историк путь образования нации и национального сознания². Прежде всего осознается отличие своего от чужого. Милюков называл это «первоначальным видом сознания» и далее уточнял, что «национальное чувство всегда появляется в особенно отчетливой форме на *границах*, где сталкиваются разные национальные типы»³. Однако простое противопоставление своего народа соседним не достаточно для появления национального сознания. Сознание, возникающее из противопоставления, актуализируется прежде всего в периоды конфликтов. Оно порождает лишь временную или «прерывистую» национальную идентичность. «И содержание такого чувства – чисто отрицательное», – заключал историк⁴. Для перманентного поддержания национального сознания необходим «орган социальной памяти». Пока он не выработался, пишет Милюков: «Это еще не “нация”, а только *этнографический материал* (“неисторическая нация”, по терминологии Энгельса и Бауэра). Чтобы стать “нацией”, национальность должна создать в себе свой орган памяти и через него сознательно самоопределиться»⁵. Современное понимание нации Милюков выражал в следующей формуле: «Национальность становится активной, *волюнтаристической*. Она становится “нацией”»⁶.

¹ Там же. С. 77.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 78.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 79.

Социологическое изучение национальности, полагает Миллюков, является не только научно перспективным, но и актуальным для борьбы с ненаучными учениями о национальности. Историк имеет в виду космополитический, интернациональный и консервативный подходы к национальной проблеме. Космополитизм, свойственный, как правило, социалистической интеллигенции, сказывается в безразличном или даже враждебном отношении к национальному вопросу. «Сторонники общечеловеческих идеалов, – писал о них Миллюков, – отрицали национальность и предсказывали ее исчезновение в будущем, что в их глазах национальность была скопищем всевозможных пережитков прошлого, началом ограниченности и узости, стоящим на пути к осуществлению задач высшей человечности»¹.

Активный интерес к национальной проблематике проявляют консерваторы. «Реакционеры всех оттенков спешили поставить себя под защиту национального мировоззрения. Национальность становилась знаменем “национализма”», – диагностировал ситуацию Миллюков². В общую копилку националистических идеологий Миллюков складывал и фашистские, и социал-дарвинистские, и славянофильские теории. «Современной его форме учение национализма учение национализма, – разворачивал исследователь экспозицию своих оппонентов, – опирается на теорию графа Гобино о “неравенстве рас”, находит себе сильную поддержку в господствовавшем до последнего времени учении о наследственности А. Вейсмана и свое талантливое выражение в произведениях Гюстава Лебона. Из тех же корней исходит распространенное учение германских “расистов”: учение о превосходстве белокурой и высокорослой “германской” расы над всеми остальными. У нас в России отражением этих учений является теория Н. Данилевского о неизменных “культурно-исторических” типах, заимствованная у германского историка Рюккерта, но отдающая “превосходство” славянской “расе”. Наконец, особым ответвлением этих теорий является метафизическое учение о “непостижимости” и неразложимости национальности,

¹ Там же. С. 13.

² Там же.

на которую переносятся такие же учения об индивидуальности»¹. В последнем случае Милюков подразумевал также как и он «в рассеянии сущих» П.Б. Струве, Н.А. Бердяева и С.Л. Франка.

Однако, если эпигоны славянофильства представляли явный исторический и философский анахронизм, то современные Милюкову расистские учения набирали силу. Именно они, полагал русский историк, представляют наибольшую опасность. «Более последовательной в этом направлении, – отмечал он, – является уже та теория, согласно которой основой всех национальных особенностей являются прямо анатомия и физиология, – естественно-историческая “раса”. Такую теорию развивали защитники превосходства “белой” расы, отождествленной с “германской”»². Давая свою характеристику расистской идеологии, Милюков имел в виду прежде всего учение Гобино и Вольтмана. Расистские теории в интерпретации Милюкова сливались с романтическим учением о «народном духе», последователями которого в России были славянофилы. Основой для сближения здесь служит консерватизм в политике и отказ от любых социальных реформ. Для Милюкова и романтический национализм и расизм суть защитники отживших порядков и установлений. «В обоих охарактеризованных разветвлениях, – писал историк, – учение о неизменности “народной души” и о неравенстве “рас” являлось прекрасным оправданием практического национализма. Этими аргументами можно было доказывать преимущество всякой старины, отживших учреждений и идей, как специфически-национальных, так и вред каких бы то ни было нововведений для самого существования наций»³. Коснение и застой – вот принципы консервативного мышления, упрощенно и обобщенно постулируемые Милюковым. Не они должны лежать в основе научного осмысления общества. Националистические идеалы не соответствуют требованиям жизни и тормозят социально-историческое развитие. «Наиболее убедительным доказательством против национализма является именно то,

¹ Там же. С. 14.

² Там же. С. 16.

³ Там же. С. 17.

что он отстал не только от жизни, но и от науки», – выносил Милюков приговор своими оппонентами¹.

Социалистическая идеология пытается найти компромисс между двумя крайними точками зрения на проблему национальности, космополитизмом и национализмом, и приходит к идее интернационализма. Однако по своему содержанию интернационализм является, скорее, разновидностью космополитизма, чем «золотой серединой». «По существу социалистического учения, – заключал Милюков, – оно космополитично. Существование отличных друг от друга национальностей является для социализма – особенно для марксизма – досадным препятствием, подлежащим устранению в идеальном обществе будущего»². Иллюзия отличия интернационализма от космополитизма состоит в применении интернационалистами гегелевского диалектического метода. Специфику интернационалистского гегельянства Милюков пояснял следующим образом: «“Интернационализм”, противоположный “космополитизму”, как видим, разрешал национальный вопрос в гегелианском духе – в духе чередования (или сосуществования) национальностей, вносящих каждая свою “общекультурную” идею в сокровищницу человечества»³. Интернационализм можно допустить только лишь как «несовершенную форму» компромисса между космополитизмом и национализмом. Но такая форма компромисса недостаточна. «Очевидна и причина этой недостаточности: национальность продолжает трактоваться не изнутри, а *извне*, не как цель сама по себе, а как *средство* для некоторой посторонней цели»⁴. Лишь научный или социологический подход дает правильное решение проблемы национальности, объясняя национальность на основе имманентных для нее социальных и историкокультурных процессов. «Ибо реальна и конкретна, – добавлял Милюков, – именно сама эта национальная самодеятельность и ее продукты, вне того или другого отношения к гипотетическим мировым задачам человечества»⁵. Национальный номи-

¹ Там же.

² Там же. С. 18.

³ Там же. С. 20.

⁴ Там же. С. 22.

⁵ Там же. С. 23.

нализм универсализируется не с всемирно-исторической точки зрения, а на основе принципов социологической эволюции, т. е. одинаковых ступеней, которые в своем развитии проходят все общества. Формирование национальности – лишь одна из таких ступеней.

В своем развитии нация проходит три периода: длительный *бессознательный* период, когда она формируется; *сознательный* период, когда появляется «орган социального общения» – интеллигенция; и *государственно-волюнтаристический* период, когда нация становится активным историческим деятелем. Периоды развития национальности соответствуют «общему закону ускорения эволюционного процесса». Упрощая ситуацию можно даже говорить всего лишь о двух периодах, в терминологии С.М. Соловьева, разделяемых на периоды чувства и сознания. Милюков по существу вновь повторяет соловьевскую схему. «Можно так определить эти два периода: длительный период, когда национальность *создается*, и сравнительно короткий, последний период, когда национальность *сознается*», – уточнял он¹. Однако само формирование общества требует известного уровня осознанности, поэтому Милюков вынужден оговориться, что разумность не столько признак, сколько условие появления нации. «Конечно, – писал он, – известная степень сознания присуща самому началу процесса сознания национальностей, и социологи не даром считают основным фактом социального общения – сознание принадлежности к роду»².

Как порождение недавнего прошлого, идея национальности испытала влияния исторических событий, происходивших в Европе в XVIII–XIX вв. Так, во второй половине XVIII столетия становление национальной идеи сопровождалось «развитием идеи революционной». «Это, – разъяснял Милюков, – принцип Канта и Фихте: нация не есть мертвый *объект*, которым распоряжаются другие. Нация есть *субъект*, носитель *своей воли*»³. Рационалистически-просветительское и естественно-правовое понимание нации в XIX в. под воздействием романтизма трансформировалось в национализм. Романтизм

¹ Там же. С. 64.

² Там же. С. 64–65.

³ Там же. С. 85.

давал консервативное истолкование нации. «Национальность начинает пониматься, – писал Милюков, – исключительно, как продукт прошлого, и ее назначением хотят сделать охрану этого прошлого»¹. Вместе с этим романтизм окончательно утверждал в сознании современников идею национальности. Однако ее осмысление носило религиозный, мистический характер, далекий от эпистемологических критериев науки: «Национальность начинает мыслиться, как мистически-таинственная “народная душа”, неисповедимая в своем происхождении и содержании, уходящая своими корнями в неведомы метафизические глубины, переформулированная (преобразованная) от века предвечным промыслом»².

В XIX в. национальные движения принимали форму борьбы либо против иноземного господства, либо против неограниченной монархической власти. В первые два десятилетия XIX в. успеха добились только антимонархические движения. Успех зависел от степени распространенности национальной идеологии. Милюков отмечал эволюцию национального сознания в XIX в, которое «прогрессирует от дворянско-феодалного класса к городской буржуазии и от бюргерства к мужику»³. На этой волне зародилась в Чехии и распространилась по другим славянским землям идея панславизма. «Так как возрождение самой Чехии, как Чехии, – излагал Милюков позицию Колара, Шафарика и Ганки, – все еще казалось мало вероятным, то это поколение хотело опереться на идею славянства вообще. Здесь корень – “панславизма” и твердой веры и надежды на Россию»⁴. В самой России идея панславизма получила поддержку лишь в последней трети XIX в. у так называемых поздних славянофилов. Однако Первая мировая война казалось бы окончательно ее похоронила.

Эволюция идеи национальности вела не к национально-цивилизационным проектам типа панславизма, а к государственному самоопределению народов. Такое направление национальная идеология получила в следствие революционных событий в Европе в 1848 г. «Если национальная идея фран-

¹ Там же.

² Там же. С. 86.

³ Там же. С. 95.

⁴ Там же. С. 96–97.

цузской революции, – писал Милюков, – индивидуалистична, если сменившая ее идея романтической реакции мистически-коллективистична, то идея национальности, выдвинутая мартовской революцией и последующей борьбой на почве Австро-Венгрии – реалистически-коллективистична. Наряду с правами национальной личности, индивидуальности, тут выдвигается новый элемент: борьба за права национального коллектива»¹. Именно импульс, заданный Французской революцией в конце XVIII в. определил приоритетное развитие национальной идеи. Завершением этого процесса и стала война 1914–1918 гг. Милюков имеет в виду признание за народами права на самоопределение как результат Первой мировой войны. «Как бы то ни было, в общем, можно сказать, – подытоживал он, – что торжество малых национальностей, освобожденных войной, есть последнее и наиболее полное торжество *волюнтаристического* понимания существа национального вопроса»².

Социологическая теория национальности нашла отражение как в «Очерках по истории русской культуры», так и в эмигрантских работах историка. Взгляды Милюкова получили неоднозначную оценку у современников. В историографии отмечалось, что определение Милюковым национальности как продукта истории было заимствовано у В.И. Герье. В «Очерках по истории русской культуры» ученый ставил перед собой задачу «доказать бесперспективность русского национализма»³. М. Бенедиктов, напротив, подчеркивал не полемичность, а либерально-демократическую направленность концепции Милюкова: «И как ученый, и как политик, он всегда оставался верен демократической точке зрения в национальном вопросе»⁴. Расширительное толкование понятия «национальности» вызвало критические замечания со стороны А.Е. Преснякова. В рецензии на «Очерки по истории русской культуры» петер-

¹ Там же. С. 99–100.

² Там же. С. 104.

³ *Макушин А.В., Трибунский П.А.* Павел Николаевич Милюков. С. 355.

⁴ *Бенедиктов М. П.Н.* Милюков и национальный вопрос // П.Н. Милюков. Сборник материалов по чествованию его семидесятилетия. С. 209.

бургский ученый писал: «Термины: “народность” и “национальность”, “народное, национальное, общественное самосознание” – большое место исторической и социологической терминологии. Обозначая наиболее глубокие и сложные явления социальной психологии, они – в обычном словоупотреблении – далеки еще от твердой определенности смысла; это легко объяснимо, во-первых, тем, что субъект явлений социальной психологии не имеет конкретной, очевидной реальности, а, во-вторых, тем, что понятия, связываемые с упомянутыми терминами, имеют свою длинную, сложную и мало изученную историю, а, потому, чрезвычайно разнообразны»¹. Договориться о терминах – необходимая точка отсчета научного построения, своеобразная аксиоматика научного исследования. Милюков давал психологическое объяснение терминам «народ», «национальность» как осознаваемого, а часто просто психически переживаемого единства. Национальность для Милюкова, – результат психического взаимодействия внутри группы. «К сожалению, он употребляет эти термины без достаточной отчетливости», – сетовал А.Е. Пресняков². Критиковал А.Е. Пресняков и представления Милюкова о «сознательном космополитизме», об общечеловеческой культуре, считая, что все они – проявление самосознания с сильно развитым критическим отношением.

Решающее значение в процессе формирования национальности принадлежит интеллигенции, создающей «национальное сознание». Национальность всегда создается или, так сказать, психологически признается. Интеллигенция выступает носителем такого сознания. «Национализм и патриотизм, вообще говоря, – уточнял Милюков, – не есть простой, элементарный инстинкт любви к “своему”, с которым они иногда отождествляются. Это есть более сложное чувство, *сообща осознанное* в процессе культурного развития нации и прикреплённое к чему-нибудь осязательному, что для всех является

¹ Пресняков А.Е. Первый опыт истории русского самосознания (П.Н. Милюков. Очерки по истории русской культуры. Часть третья: Национализм и общественное мнение. Выпуск первый. СПб., 1901) // Известия отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1901. Т. VI. Кн. 3. С. 301.

² Там же. С. 302.

одинаково понимаемым символом»¹. Символ можно искать сперва в общем прошлом, в истории, предании. Затем объединяющим началом выступают совместно осознаваемые общие задачи современности. Сознанием общества является интеллигенция, поэтому, собственно, она и есть выразитель национальных идей. Только интеллигенция, как, по выражениям Милюкова, «социальное чувствилище» или «орган социальной памяти», способна привить народной массе чувство национального единства.

Интеллигенция – признак вступления народа в новую историческую эпоху, эпоху сознательного развития. «Инстинкт и материальная потребность – вот основные двигатели того стихийного процесса, с которого начинается всякая историческая жизнь. Лишь в высших ступенях этой жизни, – полагал Милюков, – стихийный процесс вырабатывает свой сознательный орган, сознательного деятеля, стремящегося все с большим успехом организовать все более сознательные усилия массы и заменить стихийный процесс целесообразным. Степень успеха в этом направлении – есть мерило просвещения известной страны: чем выше стоит ее развитие, тем более в ней бывает сделано для сознательной организации общественной жизни»². Формированием национальной интеллигенции завершается бессознательный период исторической жизни народа. С этого времени не инстинкты и внешние условия, а сознательно выбираемые идеи и цели начинают руководить историей.

«В этом смысле, – рассуждал Милюков, – появление интеллигенции есть необходимое предварительное условие для возникновения национального самосознания. “Национализм” есть продукт интеллигентского творчества»³. Процесс роста национального сознания – положительное явление, но он может принимать гипертрофированные формы. Таков «национализм», оцениваемый Милюковым как отрицательная сторона процесса национального самосознания. Интеллигенция несет ответственность за распространение националистической

¹ Милюков П.Н. Интеллигенция и историческая традиция. С. 138–139.

² Милюков П.Н. Лекции по «Введению в курс Русской истории». С. 15.

³ Милюков П.Н. Интеллигенция и историческая традиция. С. 139.

идеологии, поскольку движения национального сознания можно пространственно представить в виде перемещения сверху вниз, от интеллигенции к народным массам. Проявление националистически ориентированного сознания хорошо известны из истории – это и захватническая внешняя политика, и подавление других национальностей, и идеализация прошлого, и преобладание чувства национальной гордости или обиды над другими «нормальными» чувствами и т. п. «Истинно-научное понимание процессов создания и сознания национальности, которое мы старались здесь обосновать, – подводил Милюков итог, – приводит к заключению, что, хотя роль интеллигенции, как органа национальной памяти, оставляет место элементу случайности и искусственности, а распространение процессов сверху вниз, из социальных верхов в народные массы, предполагает разные степени усвоения и углубления процессов, – тем не менее, явления социального общения и взаимодействия, лежащие в основе этих процессов в достаточной степени устойчивы, чтобы требовать самого осторожного обращения с ними. Антинациональная и ассимиляционная политика, обращенная национальным большинством против меньшинств именно по указанным причинам чрезвычайно редко увенчивалась успехом. Большой частью она вела к озлоблению и обострению отношений, к болезненному росту преследуемого национального чувства, к ослаблению, а при первом удобном случае к распадению государств, которые позволили себе подобную политику»¹.

Этапы формирования русского национального сознания (бессознательный, сознательный, волюнтаристический) соответствуют главным периодам русской истории. Говорить о русской народности, полагал Милюков, не стоит ранее VI в. «Периодом, когда совершилось, на границе леса и степи, окончательное выделение *русской* группы (с ее позднейшими разновидностями) из славянской, надо считать, по-видимому, VI–XI столетия после Р. Х. Это – начало, гораздо более позднее, чем начало зарождения других национальных групп Европы. Но трудно было бы искать наших предков, как это делали русские историки-националисты, среди кочевых племен русского

¹ Милюков П.Н. Национальный вопрос. С. 192.

юга. Но там шли, как мы уже говорили, другие национальные процессы, и русская национальная традиция – даже и бессознательная – туда не заходит»¹. Искать исторической преемственности между древними насельниками Восточной Европы и русской народностью не стоит. Такие поиски, считает Милюков, не научны. Лишь в фантазиях русских националистов в племенах, обитавших в Северном Причерноморье и на Восточно-Европейской равнине можно увидеть предшественников славяно-русских племен. С этой точки зрения Милюков должен был бы зачислить в русские националисты и немецкого историка Байера, в своих написанных по-латыни исследованиях сводившего русскую историю к истории скифов, сарматов и киммерийцев.

Бессознательный период истории русского национального самосознания Милюков описывает в строгом соответствии с земско-областной концепцией А.П. Щапова, усвоенной, вероятно, благодаря лекционным интерпретациям В.О. Ключевского, так же проводившего мысль о колонизационном характере русского исторического процесса. Милюков принимает и тезис А.П. Щапова о неизбежной метисации населения по мере продвижения славяно-русских племен на северо-восток. «По всем признакам, – описывал Милюков бессознательный период, – в начале этого периода в лесной полосе верхних притоков Днепра и тотчас на восток от него, минуя степь, по направлению к Оке и Волге соседнили с русско-славянскими племенами финские и тюркские. Отсутствие географических препятствий, единство строения восточной равнины оказалось могущественным объединительным принципом. Постепенно двигаясь вверх по рекам к водоразделам, а потом переходя в другие бассейны, русские колонисты постепенно расселялись среди чужих племен, передавая им свой язык, усваивали их физическое обличие, – и таким образом не путем завоеваний, а путем медленной ассимиляции подготавливалась основа русской народности»².

Начало сознательного периода было положено чередой культурных заимствований, вызвавших серию подражаний

¹ Там же. С. 112

² Там же.

арабской, скандинавской и византийской культурам. В социальном плане это подражание шло сверху вниз. «Военный и государственный быт (преимущественно севера), религиозные верования (преимущественно юга), внешний быт (преимущественно востока) – все это составляло своеобразную амальгаму подражания, в среде которого появились первые признаки русского национального самосознания»¹. Окончание этого периода Милюков датировал XI в., когда усилилась тенденция к культурному изоляционизму.

Выразителями волюнтаристического понимания принципа национальности первоначально выступили высшие слои древнерусского общества. «Монастыри и дружина, – писал Милюков, – вот исходные центры древнейшего русского *волюнтаристического* отношения к национальности. Из этих же центров распространилось и первоначальное сознание русского *единства*, сперва политического и культурного, а потом и национального»². Первые проявления национального самосознания славянских племен на восточно-европейской равнине позволяют говорить о формировании единой русской народности: «Основной процесс *сознания* национальности на восточной равнине оказался таким образом с самого начала процесса сознанием *русской* национальности»³. Великорусская, малорусская и белорусская национальности выработались и обособились позднее. Окончательное выдвигание русской народности Милюков относил к XII–XV вв. Именно в этот период происходило обособление местных наречий и борьба политических центров между собой. Победителем из этой борьбы вышла Москва.

Спорадические зачатки формирования русской интеллигенции Милюков относил к концу XIV в. в Новгороде и к концу XV в. в Москве. Именно в это время русское государство достигает общественно-сознательной стадии. Иными словами, «непрерывную историю русского национального самосознания следует начинать... с конца XV в.»⁴. В этот период начи-

¹ Там же. С. 113.

² Там же. С. 114.

³ Там же. С. 116.

⁴ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 3. М., 1993. С. 29.

нается борьба идеологий или мировоззрений как внутри государства, так и между государством и обществом. Длительный период, охватывающий три столетия, вплоть до конца XVIII в., представляется Милюкову в виде борьбы идеологии «национализма» с «европеизмом» или «органического мировоззрения» с «критическим». После победы европеизма к середине XIX в. в результате противостояния официальной идеологии с общественным мирозерцанием сложились три формы мировоззрения: консерватизм, либерализм, социализм. Россия вступила в новый, революционный, период своего исторического развития, ознаменованный борьбой этих трех идеологий.

Сложившуюся в московский период идеологию Милюков характеризовал как «византийско-турецкую». С конца XV в. усилился поток новых подражаний. XVII в. отличается идеологическим конфликтом между различного рода западниками (от латинствующих до грекофилов) и последователями старины – раскольниками. В XVI–XVII вв. окончательно формируется русская национальная культура, наиболее полно проявившаяся в архитектуре, церковном пении, иконописи. В то же время, русская культура обнаружила явное отставание от западноевропейской в области знаний, как прикладных, так и абстрактных. Новый сильный поток заимствований приходится на XVIII в. Денационализацией верхов и вытеснением начатков московской культуры в низы отличались реформы петровского царствования. Однако заимствования петровского времени окончательно сформировали в России «орган национального самосознания», т. е. интеллигенцию. «И поэтому его реформа, – писал Милюков о Петре I, – есть *эра*, – та историческая дата, с которой начинается связанная история русского национального самосознания, – *русская культурная и волюнтаристическая национальная традиция*»¹. Только с Петра I складывается культурная традиция, т. е. «передача из поколения в поколение одних и тех же национальных стремлений»². Для закрепления национальной традиции необходимы особые условия: нужна школа и культурная среда. Такие условия соз-

¹ Милюков П.Н. Национальный вопрос. С. 124.

² Там же. С. 125.

даются лишь в XVIII в. Конечно, признавал Милюков, многие начинания Петра I были чужды, малодоступны и непонятны большей части населения. «Отсюда, – заключал историк, – и реформа Петра вышла слишком лична и насильственна; отсюда же и его крутой разрыв со старым бытом, побудивший близоруких людей считать ее антинациональной»¹.

Интенсификация культурных процессов, вызванная потоком заимствований и подражаний, способствовала формированию национальной интеллигенции и расширению сферы ее деятельности. Для Милюкова неизбежность такого исхода обусловлена логикой социологической эволюции. «И прежде, – писал он, – каждая новая ступень в развитии интеллигенции сопровождалась – или даже вызывалась – расширением круга приложения ее деятельности, увеличением количества участников этой деятельности, осложнением и конкретизацией самых целей приложения интеллигентского труда»². Черда заимствований и подражаний трансформировавших русскую национальную культуру начиная с петровского царствования, может быть хронологически разделена на несколько периодов: «период *инкубации*», длившийся около ста лет; «*классическая* эпоха», занявшая полстолетия и «национальный расцвет», соответствующий периоду нормального самостоятельного и независимого развития цивилизованных народов. Оптимистичность этой периодизации несколько ослабляется имевшими место перерывами в черед заимствований. Таковы периоды реакций в конце правления Екатерины II и царствования Николая I и Александра III. Но каждое новое поколение интеллигенции находило новые источники заимствований и с новой силой окуналось в поток культурных подражаний. Культурная мимикрия интеллигенции способствовала сокращению периодов реакции или перерывов в процессе культурных заимствований. «Социологическая причина этого – в том, что *круг лиц*, доступных подражанию, с каждым поколением становился все более широким»³.

Неизбежность усиления роли интеллигенции, увеличение ее численности детерминируется самим ходом социологиче-

¹ Там же.

² Милюков П.Н. Интеллигенция и историческая традиция. С. 106.

³ Милюков П.Н. Национальный вопрос. С. 126.

ской эволюции. Периоды самобытничества, господства националистических настроений в обществе постепенно сходят на нет. Исторически русский национализм проявлялся в погромах иностранных церквей московской чернью XVII в.; в неприятии раскольниками петровских реформ; в реабилитации прошлого, идеализации «древних добродетелей» и форм быта; в защите властью, противящейся нововведениям, старины. В период 1820-х – 1870-х гг. русская культура интернационализируется и сама становится источником для подражания. Споры западников, сторонников заимствований, со славянофилами, отстаивавшими национальную самобытность и исключительность, приходящиеся на этот период, не нарушают общую логику социологической эволюции. Оба направления, полагал Милюков, подчинялись одному и тому же закону заимствования; так что на самом деле это не эпоха борьбы самобытничества и заимствований, а периоды смены влияний.

Милюков насчитывал пять периодов истории русского национализма и европеизма:

«1. *Бытовой или этнографический* национализм и европеизм: ступень, перешедшая в XVIII-й век из XVII-го, и особенно отличающая ближайшее к петровской реформе время его первых преемниц на престоле.

2. *Политический* европеизм и несколько запоздавший, с соответственной формулой политический же национализм (приблизительно от 1770-го до 1825-го года).

3. *Религиозно-философский* национализм (“славянофильство”) окрасивший соответственно и современный европеизм радикального типа (“западничество”, еще не дифференцированное от социализма) – приблизительно 1825–1850 гг.

4. *Социальный* национализм и европеизм (1850–1870 гг.).

5. *Научный* национализм (неославянофильство) и европеизм (“эволюционный либерализм”) с конца XIX века»¹.

Реакция на европеизм, выразившаяся в последней трети XVIII в. в исторических поисках национальных добродетелей, способствовала дальнейшему самоопределению национального сознания. С именем И.Н. Болтина Милюков связывал и первый опыт научного обоснования русского национализма.

¹ Там же. С. 130.

«При Екатерине II он, – писал Милюков о национализме, – начал было принимать форму национального самосознания, углубленного попыткой связного изучения русского прошлого с объяснением русских национальных особенностей условиями географической среды и “климата” (историк Болтин). Но этот научный подход остался одиноким, не создавшим школы и направления. Главное течение тогдашнего национализма шло в русле восхваления русской бытовой старины и древних добродетелей наших предков»¹.

В царствование Александра I националистическая идеология получила дополнительный стимул – необходимость борьбы с Наполеоном. Носителями этой идеологии были Шишков, Глинка, Ростопчин. «Официальная формулировка национализма» была дана С.С. Уваровым. Но она уже ясно продемонстрировала тупиковость данного пути. Доминирующим в XIX столетии оставался европеизм, в рамках которого окрепли также оппозиционные и радикальные настроения, оформившиеся в идеологию революционизма. «“Европейское” еще мыслилось, – отмечал Милюков недостатки данного направления, – как нечто противоположное “национальному”, – нечто, что должно быть наложено извне, путем механического заимствования. Это было слабое место тогдашнего политического европеизма»². На этой слабой стороне построили свою критику европеизма славянофилы – последние носители национальной идеологии в России. Европеизм в это время отличался и недостаточной теоретической разработкой своих оснований. По словам Милюкова, «европеизм в течении третьего периода остался без равносильной славянофильству доктрины и ограничился преимущественно практическими возражениями»³. Русские западники находили много точек сближения со славянофилами, что также тормозило доктринальное оформление русского западничества. Позиции радикально настроенных западников в ряде оценок соприкасались со славянофильскими воззрениями. «По существу же, – писал Милюков, – и “западники” этого типа (В.Г. Белинский, А.И. Герцен. – А. М.) были убеждены, как и “славянофилы”, что евро-

¹ Там же. С. 132–133.

² Там же. С. 134–135.

³ Там же. С. 135.

пейский Запад уже изжил свою “идею”, что Восток в лице России, призван сказать Европе новое слово и тем выполнить свою всемирно-историческую миссию. И сущность этой миссии обоими школами понималась довольно близко»¹. Западники видели это предназначение России в русской общине, славянофилы, помимо сохранения общины, упирали на религиозное призвание русского народа.

В качестве примера социального национализма, получившего распространение в четвертый период, Милюков приводил народников. Только в пятый, научный, период появилась возможность создать обоснованную концепцию европеизма. Выполнению этой задачи и служит милюковская теория социологической эволюции. «Период монополии известной группы идей, известного “мировоззрения” здесь кончается», – характеризовал Милюков пятый, современные ему период². Борьба и конкуренция учений стимулирует разработку более точных научных теорий. Европеизм и национализм берут на себя функцию критической проверки противоположных концепций. «Общей всем целью является борьба против иллюзий и утопий друг друга», – подытоживал Милюков³.

Итак, непрерывная смена поколений русской интеллигенции, создавшая национальную традицию, завязывается только в результате петровских реформ. Поэтому с начала XVIII в. Милюков отмеряет сознательный период развития русской нации. Он мог бы повторить тезис К.Д. Кавелина, что только с XVIII в. мы начали жить умственно и нравственно. Историк насчитывает к двадцатым годам XX в. восемь поколений русской интеллигенции. «На последнем двухсотлетнем промежутке русская история, – писал он, – движется вперед не одними только стихийными бессознательными процессами. Она приобретает, чем далее – тем больше, характер планомерности и сознательности. Большие исторические задачи вообще не осуществляются на пространстве одной человеческой жизни. Чтобы их достигнуть, нужно передавать их от поколения к поколению. Только политическое воспитание поколений в стремлении к одной национальной цели может обеспечить ее

¹ Там же. С. 137.

² Там же. С. 138–139.

³ Там же. С. 139.

достижение. Такое единство в постановке и преследовании национальных задач у нас становится возможно с Петра»¹.

«Национальное самосознание», благодаря которому и определяется национальность и непосредственными формами выражения которого выступают язык и религия, не может быть основано на расовых или антропологических особенностях или «реальных свойствах людей». «Весь свой материал оно берет из самого себя, – утверждал Миллюков. – То же самое психическое взаимодействие, которое составляет необходимое условие национального сознания, в конце концов служит для распространения выработанного этим сознанием понятия о самом себе, то есть об отличиях национального типа, обыкновенно резких, лапидарных чертах. Нечего и говорить, что национальными отличиями оказываются те, которые запечатлеваются как такие в национальном сознании»². Так, от понятия «национальное самосознание» мы переходим к понятию «национальный тип», под которым следует понимать носителя такого сознания. Однако в отличие от «национального сознания» понятие «национальный тип» вносит еще одно измерение. Если национальное сознание обнаруживает себя в различных актах психического взаимодействия, итогом которых оказывается установление системы различий, закрепляемых в национальном типе, то сам национальный тип задает временную последовательность становления и кристаллизации этих различий. Национальный тип вписывается в историю или эпоху. Другими словами, «понятие национального типа везде отражает на себе характер создающей его эпохи»³.

Фактором, определяющим национальный тип, является внешняя среда. Природно-климатическая обстановка, конечно, не единственное условие, благодаря которому формируется национальный тип, но для Миллюкова – это главное в совокупности прочих условий, особенно на начальном этапе образования национального типа. «Для появления новых типов, – указывал Миллюков, – нужно во всех этих областях жизни два

¹ Миллюков П.Н. Роль декабристов в связи поколений // Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № 2/XV. С. 48–49.

² Миллюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 3. М., 1995. С. 13.

³ Там же.

условия: во-первых, распространение типа в новую среду – на известном, более менее значительном пространстве, и, во-вторых, его изоляция, хотя бы временная, в этой особой среде. Первое условие вызывает видоизменения, второе их закрепляет в процессе взаимного общения и подражания. Разумеется, не форма, а содержание этого процесса образует материал национальности»¹. Обработка впечатлений, доставляемых средой, общение, подражание, противопоставление чужому – «создают тот запас ассимилированных переживаний целой группы, из которых берется и содержание национальности и ее символика (костюм, движения, звуки, поведение, имена и “знамена” и т. д.)»². Однако не просто природная среда создает, так сказать, автоматически национальный тип, а историческая жизнь в тех или иных природных условиях. Национальный тип затем сказывается на всей последующей истории народа, ослабляя свое влияние с ростом сознательности, как все прочие данности исторической жизни. По словам Милюкова, «сами эти национальные отличия, национальный тип и характер не есть нечто искони данное, а благоприобретенное в течение того же исторического процесса; не первичное, не основное, а лишь вторичное историческое явление. Сложившись раз, это явление может оказывать, конечно, свою долю влияния на исторический процесс: влияние, главным образом, поддерживающее, как все унаследованное от прошлого. Но в своей исходной точке, это явление, как я сказал, само есть итог истории, результат других более основных условий исторической жизни»³. Национальный тип, таким образом, одновременно, и итог исторической жизни и ее данность. Формируясь в начальный период истории народа, он для последующих эпох оказывается уже предзадан. Сводить же научное исследование к определению национального типа Милюков считает бесперспективным, поскольку он мало что поясняет в современных событиях. «В конце концов, – признавал он, – при настоящем состоянии нашей науки – объяснить что-либо из особенностей национального характера, – большей частью значит

¹ Милюков П.Н. Национальный вопрос. С. 105

² Там же. С. 106.

³ Милюков П.Н. Лекции по «Введению в курс Русской истории». С. 8–9.

признаваться в незнании и в бессилии дать надлежащее объяснение»¹. Национальный тип – архаический пласт исторического процесса, лишь латентно присутствующий в современности.

Национальный тип вырабатывается в результате столкновения с инородными (в языковом, религиозном, а иногда и антропологическом отношении) племенами и есть результат обособления, отличия своего от чужого. В то же время, признавая характерные национальные черты и особый национальный тип за европейскими народами, лопарями, киргизами и т. д.², Миллюков, исходя из политических соображений, отрицал самобытность у русских и вообще у славян: «Другими словами наиболее выдающейся чертой русского народного склада является полная неопределенность и отсутствие резко выраженного собственного национального обличья»³.

Два типа среды сказались на формировании русского национального типа: лес и степь. Влияние степи можно отнести к более ранней эпохе. «Эта географическая среда, – писал Миллюков о степи, – была особенно удобна для того способа общения, способа взаимодействия и подражания, который, как мы не раз указывали, явился древнейшим способом образования человеческих и национальных групп: для кочевого быта»⁴. Жители степи повлияли и на антропологический состав европейского населения. Следы такого влияния заметны в короткоголовой альпийской расе. Кочевой быт способствовал более интенсивному общению, взаимопроникновению и объединению племен. Воздействие кочевников на формирование современного русского национального типа так же имело место, но оно было не столь значительно, как в древние времена. «В русской истории, – уточнял исследователь, – в несравненно более поздние времена очередные кочевники юной степи также сыграли чрезвычайно важную роль. Но в создании нацио-

¹ Там же. С. 9.

² Миллюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 2. СПб., 1897. С. 7.

³ Там же. С. 6.

⁴ Миллюков П.Н. Национальный вопрос. С. 107.

нальностей позднейшей России они непосредственного участия не приняли»¹.

Значение леса в образовании русского национального типа было более существенно. Согласно характеристике Милюкова, лес – среда раздробления и изоляции, «начало бессознательного процесса творчества национальностей»². Лесная среда центральной и восточной Европы препятствовала смешению рас. К «лесным культурам» помимо славянской Милюков относил также германскую и литовскую.

Кроме славянских народов Россию населяют и другие племена. Одни из них приняли участие в образовании русской народности, были ассимилированы славянским элементом или смешались со славянами. «Слагалась сложная антропологическая амальгама, – характеризовал Милюков этот процесс, – на почве которой устанавливалось единство социально-психического типа, именуемого национальным»³. Другие народности не были ассимилированы русскими, но и не выработали собственное национальное сознание, мирно уживаясь с русским населением. Особое положение занимают народы на западной окраине России и в Закавказье, присоединенные в XVIII–XIX вв. Эти народы отличает слабое развитие национального сознания при сохранившейся старой национальной культуре. В противоречии с русским национально-волюнтаристическим процессом находится польское национальное сознание. Причина этого противоречия – конкурирующие территории, на которые претендуют и русская и польская национальные культуры. Русское правительство поощряло в западных областях империи национальные культуры, чтобы противостоять западному влиянию намеренно поддерживало финскую культуру против господства шведской в Финляндии, эстонскую и латышскую культуру против немецкой, литовскую культуру против влияния польской. «Эти народности, – констатировал историк, – в известной степени обязаны русскому официальному покровительству зачатками своей новой национальной культуры, литературы, интеллигенции»⁴. Форми-

¹ Там же.

² Там же. С. 109.

³ Там же. С. 152.

⁴ Там же. С. 155.

рование национальных культур проходило под покровительством русской культуры, оберегавшей национальные культуры от иностранных влияний. Благотворное воздействие такой политики сказалось и в Закавказье. Россия смогла водворить на этой территории мир, способствовала благосостоянию и материальному развитию народов. «На почве этого благосостояния возродилось национальное чувство среди этих древних племен и создался новый расцвет национальной литературы»¹. В частности, под русским управлением произошло национальное объединение грузин, в последней четверти XIX в. в среде грузинской интеллигенции зародилась идея национального единства. Напротив, негативные последствия имела политика официального национализма при императоре Александре III. Гонения вызвали ответные всплески национализма, например, еврейский «сионизм» и финляндский «активизм».

После определения национального типа начинается в строгом смысле историческая жизнь. Изменения в национальном типе, т. е. изменения в национальном сознании и составляют основные содержательные моменты истории или, если изменить интерпретационный ракурс, то можно сказать, что национальное сознание отражает условия и обстоятельства исторической жизни. Согласно Милюкову: «Дальнейшая эволюция народного сознания, подобно экономической, политической, религиозной и т. д. эволюциям, находится в зависимости от исторических условий, среди которых протекает жизнь той или другой нации»². Далее историк указывал на необходимые условия «эволюции общественного самосознания». Во-первых, это «ослабление военной деятельности нации»³. Формирование национального типа сопровождается периодами войн и без их прекращения дальнейшее развитие невозможно. Другие условия формулируются следующим образом: «во-вторых, известная степень разнообразия интересов внутри нации при достаточной густоте населения, делающей возможным более или менее быстрый психологический обмен между личностями и группами. Сюда присоединяется, в-третьих, ус-

¹ Там же. С. 156.

² Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 3. М., 1993. С. 14.

³ Там же.

ловие, не необходимое логически, но обыкновенно сопровождающие два первые: именно известная степень мирного психологического взаимодействия между данной группой и чуждыми ей соседними национальностями»¹. На самом деле, значение третьего условия более существенно, чем может показаться из оговорки Милюкова. Именно знакомство с чужим национальным типом провоцирует изменения в национальном сознании. На смену национальному периоду истории, в свою очередь сменившему племенной, приходит критический. «Эпоха самовозвеличивания, – пишет ученый, – сменяется эпохой самокритики. Внимание части общества, наиболее заинтересованной в переменах, обращается от внешней национальной борьбы к внутреннему общественному строю»². Так происходит «смена состояний общественного сознания». В результате совершается «более или менее полная перестройка традиционной системы общественных отношений и замена ее системой, основанной на сознательном выборе большинства»³. Демократический исход исторической эволюции не случаен, поскольку именно при демократическом устройстве, убежден Милюков, можно обеспечить наиболее интенсивное или, по его словам, «быстрое и правильное» психическое взаимодействие между членами общества, принимающего форму сначала «периодического собрания для решения политических вопросов», а затем и народного представительства. Так, политика или, точнее, политическая культура, становятся для Милюкова важнейшей составной частью социально-исторического процесса. «Фактически, – писал по этому поводу А.А. Кара-Мурза, – европеист Милюков полагает именно развитие культуры наипрочнейшим залогом развития русского европеизма. Европеизм, либерализм и культура для него – в российском контексте – понятия почти синонимичные. Политическая культура для Милюкова высшая и универсальная форма культурного существования вообще. Через парламентско-партийную систему политика увенчивает здание культуры, создает ту универсальную связь, которая в конечном счете

¹ Там же. С. 15.

² Там же. С. 15.

³ Там же.

и «сцепляет» политическую нацию»¹. Политические убеждения Милюкова непосредственно переплетались и даже обосновывались его философско-историческими и социологическими воззрениями.

Самым эффективным средством влияния на общественное сознание в современный Милюкову период являлась пресса, вытеснившая в этом отношении игравшие ключевую роль в предшествующие эпох рынок и городскую площадь. «Для создания “общественного мнения нового времени”, – отмечал историк, – пресса есть столь же необходимое средство, как язык для национального самосознания всех времен»².

Проецируя обозначенные положения на «развитие русского общественного самосознания», Милюков делает два предварительных вывода: 1) об однородности или качественном единстве исторического процесса вообще и 2) о «количественных различиях и особенностях» этого процесса в России, совпадающих с общими отличительными чертами русской истории. Иными словами, Милюков имеет в виду обусловленность развития самосознания внешними условиями исторического существования русского народа. «В зависимости от этих двух выводов должен стоять и возможный для исследователя социологический прогноз», – заключал ученый³.

История русского общественного самосознания в интерпретации Милюкова распадается на три периода, отчасти пересекающиеся с периодами смены идеологий европеизма и национализма. Первый из них, длившийся с конца XV в. до конца XVII в., характеризуется становлением русской государственности и выработкой националистических идеалов при низком уровне развития общественного самосознания. Милюков называет этот период *органическим*. Пришедший ему на смену период, хронологически ограничивающийся XVIII столетием, следует воспринимать как промежуточный или *пере-*

¹ Кара-Мурза А.А. Павел Николаевич Милюков: «Идти соединением либеральной тактики с революционной угрозой...» // Кара-Мурза А.А. Интеллектуальные портреты: Очерки о русских политических мыслителях XIX–XX вв. М., 2006. С. 32.

² Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 3. М., 1993. С. 16.

³ Там же. С. 16.

ходный, в котором происходит борьба новых и старых форм общественного самосознания, новых и старых идеалов. Третий период – *критический* – занимает XIX–XX вв. и отличается победой критических воззрений и космополитических идеалов. Вот как об этом писал сам Милюков: «Таким образом, история русского общественного самосознания может быть разделена, для удобства изложения, на три отдела: 1) Развитие националистических идеалов органической (завоевательной) эпохи и начало их критики. 2) Переходный период: официальная победа критических элементов над националистическими. 3) Развитие общественного мнения критической эпохи. Через все три периода проходит, как видим, красной нитью постепенное нарастание критического воззрения и соответствующее ослабление воззрения националистического»¹. Нужно особо подчеркнуть «процесс нарастания критического общественного самосознания» как главный ориентир эволюции русского самосознания.

Общественное самосознание меняется от эпохи к эпохе, модифицируется вслед за развитием «общественного порядка». «Наше же мнение заключается в том, – признавался Милюков, – что каждый общественный строй создает свое общественное самосознание, совершенно от него неотделимое и вместе с ним изменяющееся»². Общественное самосознание впитывает и отражает все перемены в условиях исторической жизни, «соответствует потребностям настоящего и грядущего».

Подводя итог философско-историческим воззрениям Милюкова отмечу, что философской подкладкой его теоретических и исторических построений был позитивизм, в согласии с которым он низводил философию до мировоззрения и требовал проверки любых концепций действительностью. В то же время исследования Милюкова порой определялись не столько теоретическими или философскими, сколько идеологическими или политическими предпочтениями. Считая, что история должна быть наукой, он видел воплощение научности в социологии, которую намеренно противопоставлял филосо-

¹ Там же. С. 17.

² Там же. С. 21.

фии истории, отвергаемой им за метафизичность. Руководящим принципом социологического подхода к истории является идея закономерности. Однако индивидуальность исторических событий затрудняет реальное установление исторических законов. Поэтому Милюков предлагал ограничиться выявлением лишь общей социологической тенденции всякого исторического процесса, под схематику которого он пытался подвести и русскую историю. Вариативность же исторического процесса проистекает из целой совокупности факторов: особенностей внешней среды, влияния других народов, действия личностей, специфики национального типа, которому Милюков давал социологическое определение. Научная историография должна опираться прежде всего на факты, социологическая же ориентация исследований Милюкова заставляла его предпочтительное внимание уделять фактам «внутренней» или «культурной» истории – истории экономических отношений и учреждений. Критикуя всемирно-исторический подход, Милюков противопоставлял ему национальную историографию, в которой, на его взгляд, в большей степени отражается идея закономерности.

Насколько удачно социологический подход Милюкова реализовался в исторических исследованиях, прежде всего, в его собственных? В отечественной историографии теоретико-методологические достижения Милюкова оцениваются достаточно скромно, главным образом из-за идеи многофакторности объяснения исторического процесса, чаще именуемой, не без некоторой доли негативного смысла, эклектической. За эклектизм Милюкова критиковали А.М. Сахаров¹, А.Н. Цамутали², А.А. Шапиро³. Сам Милюков, напротив, видел в выявлении многофакторности исторической реальности единственный путь научного постижения прошлого. В литографированном курсе лекций он писал: «В глазах науки нет главного и второстепенного, нет нужного и ненужного; есть только при-

¹ Сахаров А.М. Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978. С. 219.

² Цамутали А.Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма. С. 174, 197–198.

³ Шапиро А.А. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. СПб., 1993. С. 567.

чины общие и частные, то есть, с более широкой и с менее широкой сферой действия; но все они должны войти в кругозор исследователя. Выделять какую-либо причину для отдельного рассмотрения мы можем только для удобства исследования; но мы не должны забывать, что в мире нет отдельно действующих причин, а есть только сложные равнодействующие и что именно объяснение последних составляет последнюю задачу науки¹. Однако такое историческое объяснение, как писал Н.Л. Рубинштейн, приводило к «распылению исторического процесса» и «фактически упраздняло» историческую закономерность², а вместе с ней и ставило под сомнение весь проект Милюкова обоснования научности историографии посредством социологии.

¹ Милюков П.Н. Лекции по «Введению в курс Русской истории». С. 11.

² Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М, 1941. С. 516.

ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ГНОСЕОЛОГИИ ИСТОРИИ

ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ Р. Ю. ВИППЕРА

Роберт Юрьевич Виппер (1859–1954) – один из немногих отечественных профессиональных историков, большинство работ которого сознательно включает в себя вполне определенные теоретические и философские представления. У него почти нет произведений, посвященных изучению сугубо частных исторических проблем. Интерес к философско-историческим вопросам Випперу, по-видимому, привили его учителя по Московскому университету, который он окончил в 1880 г., В.И. Герье и П.Г. Виноградов. С 1891 г. Виппер вел занятия в Московском университете в качестве приват-доцента, а в 1894 г. защитил диссертацию «Церковь и государство в Женеве XVI в. в эпоху кальвинизма» на степень магистра. Столь длительный срок между окончанием университета и защитой объясняется тем, что, согласно сохранившимся слухам, первый вариант диссертации погиб во время пожара. Работоспособность, упорство и настойчивость ученого были по достоинству оценены советом историко-филологического факультета, присудившему ему сразу докторскую степень. После защиты Виппер был назначен экстраординарным профессором по кафедре всеобщей истории Новороссийского университета (Одесса), но в 1897 г. вернулся в Московский университет, где на кафедре всеобщей истории проработал до 1923 г., заняв в 1901 г. должность ординарного профессора. В 1923 г. Виппер эмигрировал в Латвию и с 1924 по 1940 г. преподавал в университете в Риге. В 1941 г. ученый вновь вернулся в Москву, пережив вместе с университетом эвакуацию в Ташкент во время войны.

Популярность Виппера как университетского преподавателя единогласно подтверждают все мемуаристы. «Виппер –

светлое явление. Он дал много университетской жизни», – писал о нем В.И. Пичета. И далее продолжал: «Р.Ю. Виппер, живой, необыкновенно вежливый и простой в отношении студентов, был превосходным, блестящим лектором, и притом необыкновенно простой. Ясность, отчетливость и точность составляли основные его качества. Его аудитория была полной. ...Его семинарии по истории общественной политической мысли XIX в. были блестящими и по рефератам, и по мастерским резюме, которыми обычно заканчивался разбор того или другого реферата. Нет ничего удивительного в том, что он стал любимцем студентов. Его лекции издавались, и каждый из нас подробно записывал их. Виппер в общем читал довольно медленно, и записать его было нетрудно. Каждая лекция давала много материала для обобщений и рассуждений, не говоря уже о богатом фактическом материале. В этом была его сила вообще, а также влияние на студентов»¹. По словам Н.М. Дружинина: «Р.Ю. Виппер бесспорно, был самым выдающимся профессором историко-филологического факультета 1911–1916 гг.: он соединял в себе обширные и разносторонние знания, способность самостоятельно и тонко мыслить; при этом у него была спокойная и в то же время увлекающая форма изложения. Социологический метод и сочувствие передовым идеям приближали его в то время к учению марксизма. Курсы Р.Ю. Виппера по истории античного мира, новейшего времени, социальных идей, методологии исторической науки открывали перед нами широкие перспективы, возбуждали работу мысли, воспитывали навыки научно-исторического анализа»². В своем дневнике под 27 января 1910 г. Н.М. Дружинин зафиксировал свои впечатления от лекции Виппера «Сумерки людей», посвященной истории Рима первых веков н. э. «Лекция была шедевром научности, художественности и простоты, – отмечал Н.М. Дружинин; – вся – в образах и вся проникнутая широкими сильными обобщениями... Это была модернизация античного мира, так тесно сближавшая далекое прошлое с сегодняшним днем!

¹ Пичета А.И. Воспоминания о московском университете (1897–1901) // Славяне в эпоху феодализма. К столетию академика В.И. Пичеты. М., 1978. С. 59–60.

² Дружинин Н.М. Избранные труды. М., 1990. С. 14.

Вся сплошь она была проникнута бодрящим, зовущим к жизни настроением. Она бросала призыв в аудиторию, обвеянную духом реакции, погруженную в рефлексию, в мрачную тоску, в мистические помыслы»¹. С.П. Мельгунов уточнял, что Виппер стал играть заметную роль на кафедре всеобщей истории после отъезда за границу П.Г. Виноградова и «ухода» В.И. Герье. «Я вспоминаю, – писал тот же мемуарист, – с какой отрицательной враждебностью относился к нему Герье»². С.П. Мельгунов дает более сдержанную оценку преподавательской деятельности Виппера. «Виппер, однако, был недурной лектор, может быть несколько однотонный, иногда парадоксальный, но отчетливый по дикции, и по форме выражения, и по построению. На старшем курсе я участвовал в его семинариях. Может быть, не было достаточно опыта, и они в общем были скучны»³.

Сам Виппер только диссертацию считал чисто историческим исследованием, оценивая остальные свои сочинения как работу историка-философа и историка-повествователя. Б.Г. Софронов, автор обстоятельной монографии, посвященной московскому периоду жизни Виппера (1859–1923), признавал: «Работа Виппера кажется стерильной от историко-философских основ»⁴. Однако, рассматривая диссертацию ученого в перспективе его последующих работ, исследователь приходил к выводу, что и в ней присутствует невыраженная явно теоретическая установка на выявление влияния внешних обстоятельств, прежде всего политической жизни, на взгляды Ж. Кальвина и их изменение. «Его диссертация, – заключал Б.Г. Софронов, – органический продукт Виппера – историка-философа. Именно на такой конкретной динамичности базируется вся система его теоретических взглядов, совокупность руководящих идей и понятий 90-х гг. ...Руководящие социологические идеи отчетливо выступают в его диссертации. Это –

¹ Там же. С. 291.

² Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. М., 2003. С. 111.

³ Там же.

⁴ Софронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера и его время. М., 1976. С. 107.

стирание границ между героем и эпохой, снижение роли кюриффея, сглаживание различий между эпохами и т. д.»¹.

Опубликованные в последующие годы произведения Виппера представляют собой, как правило, либо лекционные курсы, либо доклады и публичные выступления. Этим объясняется как их популярный и просветительский характер, так и их стилистические особенности. «Тексты, создававшиеся Виппером на протяжении многих десятилетий, – признается современный исследователь, – дышат необычайной внутренней энергией и обладают огромным психологическим воздействием на читателя»². Д.М. Володихин отмечает и ряд особенностей подхода Виппера: адогматизм и самостоятельность мышления, афористичность стиля и метафоричность текстов, «пылающую и несколько нервную гениальность», свободу творчества и ориентацию на положительное научное знание, бескомпромиссность, «жесткую непримиримую позицию в дискуссиях»³. После защиты диссертации Виппер, действительно, сосредоточился на преподавательской деятельности и обработке лекционных курсов. Это требовало не только совершенствования стилистических приемов, но и осмысления и теоретического обоснования фактов. Л.Н. Хмылев полагает, что Виппер «впервые в России сформулировал предмет и задачи теории исторического познания как специальной научной дисциплины»⁴. Задача популяризации известных исторических данных привела Виппера не к упрощению, как можно было бы ожидать, а к обобщению и теоретизированию. «В центре внимания Р.Ю. Виппера, – писал Б.Г. Софронов о лекционных курсах ученого, – уже не поиски в архивах, не восстановление фактической стороны исторического процесса и не всесторонний скрупулезный анализ источника, а общая оценка, та или иная философско-историческая проблема, мировоззренческая значимость освещаемого явления. Меньше было академической осторожности, фундаментальности, боль-

¹ Там же. С. 108.

² *Володихин Д.М.* «Очень старый академик». Оригинальная философия истории Р.Ю. Виппера. М., 1997. С. 4.

³ Там же. С. 8, 10, 13, 17, 19, 23.

⁴ *Хмылев Л.Н.* Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии. С. 43.

ше остроумия, способности замечать, порою гипертрофировать определенный мотив, из немногого делать многозначительные выводы. Эти черты приближали его работы к научной публицистике высокого класса... Виппера преследует идея нового объяснения исторического факта, а не стремление дать добротный и полный материал, проверить и перепроверить источник и правильность его истолкования. Он торопится с широкими обобщениями, очень редко делает сноски на источник»¹. «Основным содержанием исследований Виппера, облеченных в изящную литературную форму, является не столько конкретно-историческое явление, сколько историко-философская и историко-гносеологическая проблема, безразлично при этом, идет ли речь об исторической теории, методике или об отдельном событии»².

Уже первый прочитанный им в Новороссийском университете спецкурс был посвящен «Главнейшим проблемам исторической науки»³, а вступительная лекция называлась «О современных задачах и приемах исторической науки». Философско-исторические и теоретические курсы Виппер читал и в Москве. Среди них прежде всего надо назвать публичные лекции по истории идеи прогресса, прочитанные зимой 1898–1899 гг. и опубликованные в 1900 г. отдельной книгой под названием «Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. в связи с общественным движением на Западе», впоследствии несколько раз переиздававшиеся. Зимой 1908 г. Виппер прочитал в Московском университете курс по гносеологии истории, напечатав его сначала в журнале «Современный мир», а в 1911 г. в виде книги под названием «Очерки теории исторического познания». В нумерованном предисловии он пояснял вынесенную в заглавие очерковость не популярностью изложения, а фрагментарностью затронутых проблем. «В курсе лекций, – писал ученый, – было бы невозможно дать исчерпывающее и систематическое изложение общих проблем, занимающих современного историка, представить во всей полноте столкновение борющихся между

¹ Софронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера. С. 133.

² Там же. С. 139.

³ Обзорение преподавания в Новороссийском университете за 1895–1896 гг. Одесса, 1896. С. 15.

собою теорий. Но за то при изложении предмета было важно ввести слушателей в круг вопросов, стоящих на очереди, и в особенности испробовать с ними приемы критического анализа по отношению к некоторым наиболее острым темам и спорным пунктам современной исторической науки»¹. Собственную оценку анализируемых проблем и подходов Виппер акцентировал в подзаголовках, помещенных на полях издания.

Виппер не скрывал поисковый характер своих теоретических и философско-исторических работ и поэтому не всегда давал ответы на те вопросы, которые в них затрагивал. Он сознательно касался проблем, которые считал актуальными для современного состояния науки и не боялся ставить беспощадные диагнозы как современному обществу, культуре, так и науке. Все это, на первый взгляд, делает его произведения оригинальными. «Вероятно, – полагает Д.М. Володихин, – можно говорить о своеобразном “випперизме”, включающем в себя следующие элементы: “новый идеализм”, теорию войн, понятие об историческом движении человечества (“круговорот” против прогресса), а также осмысление современного состояния культуры»². Однако актуальность затрагиваемых проблем (даже, порой, при парадоксальности выводов), полемический тон, публицистическая подача материала при метафорической агрессивности, переходящей в стилистическую неряшливость, еще не означает оригинальность. У Виппера есть актуальные, но нет новых тем, есть осознание критических явлений в жизни и в науке, но нет принципиальных решений. Он не писал о том, о чем в той или иной степени не писали другие его современники. В этом отношении более взвешенной видится позиция и оценка Б.Г. Софронова: «Его творческое лицо весьма сложно и, несмотря на резко выраженную оригинальность, все же остается характерным для своего времени»³.

Оригинальность Виппера не выходит за пределы тех философских направлений, в которые вписываются его рассуждения. Здесь Виппер не более, но и не менее оригинален, чем ученые его круга, скажем, В.И. Герье, П.Г. Виноградов,

¹ Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. М., 1911.

² Володихин Д.М. «Очень старый академик». С. 59.

³ Софронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера. С. 6.

Н.И. Кареев. Их влияние, а также В.О. Ключевского и А.А. Шахова, Виппер испытал еще в студенческие годы. В теоретическом плане он, безусловно, воспринял учение «первого позитивизма» (О. Конт, Э. Литре, Г. Спенсер, Д.С. Милль), а собственные философские построения опирал на последние достижения «второго позитивизма» – эмпириокритицизма, махизма. С оценкой Виппера как сторонника эмпириокритицизма, по крайней мере, в определенный период, соглашались все исследователи¹. Б.Г. Софронов даже писал о «боевом эмпириокритицизме Р.Ю. Виппера»². «Р.Ю. Виппер, бесспорно, самый яркий и крупный последователь эмпириокритицизма не только из историков России, но и в мировом масштабе»³. Б.Г. Софронов отмечал следующие «черты махизма» в творчестве ученого: «Это – растворение онтологии в гносеологии, теории – в методе, отождествление гносеологии с психологией, а последней с психической феноменологией, ограничение психологии областью чувств, стирание различий между психическим и физическим при помощи функциональной относительности»⁴. «Займствования Виппера из арсенала эмпириокритицизма связаны с общими вопросами мировоззрения, которые он затем дополняет и оценивает их значимость для теории исторического знания», – заключал исследователь⁵. По мнению С.П. Рамазанова, на философском фундаменте эмпириокритицизма Виппер разработал «релятивистский вариант обоснования специфики исторического позна-

¹ См, напр.: *Софронов Б.Г.* Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера. С. 156; *Володихин Д.М.* «Очень старый академик». С. 8–9; *Рамазанов С.П.* Кризис в российской историографии начала XX в. Часть I. Волгоград, 1999. С. 48; *Хмылев Л.Н.* Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии. С. 45; *Гутнова Е.В.* Историография истории средних веков. М., 1985. С. 453.

² *Софронов Б.Г.* Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера. С. 79.

³ Там же. С. 157.

⁴ Там же. С. 162.

⁵ Там же. С. 163.

ния»¹. О Виппере как основоположнике релятивистской методологии писал и Л.Н. Хмылев².

Б.Г. Софронов вместе с эмпириокритицизмом указывал и на увлечение Виппера неокантианством, что сближало его исследовательскую позицию с теоретико-методологическими исканиями Д.М. Петрушевского, П.Н. Милюкова, А.С. Лаппо-Данилевского³. Влияние баденской школы неокантианства (Э. Мейер, Г. Риккерт) на формирование позиции, выраженной в брошюре Виппера «Кризис исторической науки», подчеркивает и Д.М. Володихин, высказывая при этом сомнение в воздействии на ученого М. Вебера и В. Дильтея⁴. В «Очерках теории исторического познания» Виппер раскрывал свое критическое отношение к неокантианскому определению истории. Во-первых, истории нельзя поставить в упрек невозможность предсказания событий и тем самым противопоставить ей науки о природе. То же самое можно сказать и о целом ряде естественнонаучных дисциплин. «И окажется, – писал исследователь, – что везде, где дело идет о незаконченных рядах, о развивающихся комбинациях явлений, предвидение в той же мере, как в истории, является крайне ограниченным, предсказание – чрезвычайно обусловленным»⁵. Наконец, во-вторых, иметь дело с ценностями – не исключительное достояние истории, поскольку везде, где включаются процессы осмысления и восприятия, везде, где задействован человек, обстоятельства получают ценностную, смысловую окраску. Любой процесс познания предполагает человека, как субъекта познания, как того, кто познает. Более того, субъект познания не является пассивным, он навязывает свои представления, оценивает и судит познаваемое одновременно с самим процессом познания. А, значит, всякое познание неизбежно включено в ценностную шкалу субъекта, обремененного смыслом. «Человеческое познание, – постулировал Виппер свою гносеологи-

¹ Рамазанов С.П. Кризис в российской историографии начала XX в. С. 48.

² Хмылев Л.Н. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии. С. 66.

³ Софронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера. С. 79.

⁴ Володихин Д.М. «Очень старый академик». С. 59.

⁵ Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. С. 57.

ческую позицию, – есть продолженная и утонченная форма приспособления человеческого организма к окружающему. В своем познании человек восприимчив к тому самому, что имеет отношение к его органической жизни; его органы восприятия постольку являются посредниками в усвоении окружающей жизни, поскольку они сами проникнуты, заполнены ее элементами.

Поэтому можно было бы сказать, что весь постижимый мир наполнен ценностями с точки зрения человека; в известном смысле всякое познание есть и оценка»¹.

Земной путь Виппера, охватывающий почти целое столетие, дает возможность проследить его взгляды в разнообразном историко-философском контексте эпохи. И здесь, на философских перекрестках, Д.М. Володихин усматривает сближение идей Виппера, например, с экзистенциализмом К. Ясперса, Х. Ортеги-и-Гассета и позднего М. Хайдеггера², а в его критике теории прогресса и «некоторых методологических категориях» видит переключку с идеями К.Н. Леонтьева³.

Принципы исторической гносеологии

Философское осмысление истории, результатом которого стало становление историографии в качестве научной дисциплины, прошло несколько этапов. Этот процесс начался в XVIII в. Именно тогда сложилась та традиция осмысления прошлого, которая получила название философии истории. Философия истории возникла не на пустом месте. Она была наследницей, раскритикованного Просвещением, а позднее философски дисквалифицированного позитивизмом, религиозного мировоззрения. Виппер видел в истоках философии истории «сильный религиозный порыв» и «результат до известной степени посмертного влияния католицизма»⁴.

¹ Там же. С. 62.

² *Володихин Д.М.* «Очень старый академик». С. 15, 28.

³ Там же. С. 47, 71.

⁴ *Виппер Р.Ю.* Несколько замечаний о теории исторического познания // Вопросы философии и психологии. 1900. Кн. III (53). Май-июнь. С. 477.

В качестве наследницы католической концепции истории философия истории XVIII в. впитала ее универсалистские претензии, дополнив их просветительской идеей прогресса, придавшей новое направление старым по духу взглядам. «Философия истории, – указывал Виппер, – предполагала чисто-церковную идею объединения на земле спасенного человечества в одну общину с земным раем впереди, с предтечами торжества человеческой культуры в начале, с единой линией всеспасающего прогресса посредине»¹. Универсализм католицизма был трансформирован в представление о едином человечестве, а прогрессистский взгляд на него позволил выстроить различные исторические проявления такого человечества в единую всемирно-историческую последовательность. В XVIII в. философия истории предстала как всемирная история. «По идее *философии истории* – так еще в прошлом веке окрестили эту систему воззрений – человеческие общества, народы и государства, от ранних проявлений культуры в стране пирамид или на берегах Евфрата и до нашего времени, до великих успехов европейско-американской цивилизации, образуют одно великое, непрерывно связанное, органическое целое, “человечество”», – растолковывал Виппер².

Однако всеобщность предложенной схемы подрывалась сохранившимся и здесь старым делением народов на исторические и неисторические. Привилегию стать избранным с всемирно-исторической точки зрения народами, раздавали историки, принадлежащие к самим этим народам – европейцы. Философия истории как всеобщая история реализовывала культурную программу европоцентризма. «Говоря коротко, – пояснял ученый, – “философия истории” отбирала сначала небольшую местную группу народностей в уголку Средиземного моря, двигалась за римлянами на Запад, допускала ислам и Восток лишь в виде противоположности христианства Запада и кончала тем, что возводила факты европейской истории на высоту последнего момента мировой эволюции»³. «Круг

¹ Там же.

² *Виппер Р.Ю.* Школьное преподавание древней истории и новая историческая наука // Вестник воспитания. Научно-популярный журнал для родителей и воспитателей. 1898. № 1. С. 24.

³ Там же. С. 25–26.

прежней всемирной истории, – пояснял он в другой работе, – охватывает небольшую часть земной поверхности... В старой всемирной истории нетрудно было бы вскрыть простое преувеличение христианской Европы и ее исторического сознания¹. Все это, безусловно, сужало всемирно-историческую перспективу подобных построений.

Откровенная предвзятость философско-исторического схематизма XVIII в. усугублялась телеологичностью вырисовывающейся всемирно-исторической перспективы. Истории заранее приписывалась определенная цель, к которой, вытягиваясь в последовательность, подгонялись исторические факты. По словам Виппера, «все объяснения, исходившие от “философии истории” были телеологическими, т. е. всякий допущенный во “всемирную” историю факт выходил подготовительной ступенью, необходимым средством для достижения того результата, в котором “философия” видела главную цену всей данной эпохи, а люди прошлого, как будто они руководились этой будущей оценкой, оказывались приспособившими к ней свои поступки и мысли»². Целевая привязка всемирной истории как бы отсчитывала смысл прошлого от настоящего и задавала критерий оценки исторических эпох и деятелей. «Раз установленное объяснение исторического хода событий, – писал Виппер, – как цепи действий, направленных к осуществлению отдаленных целей общечеловеческого развития, хронологическая последовательность должна была казаться и логической: в порядке явлений настоящего отыскивать их смысл, в смене одного народа другим – выступление нового принципа на общечеловеческую сцену. Выработалась и определенная, тяжеловесная и торжественная манера оценки исторических событий, крупных переворотов, культурных изменений, деятельности выдающихся лиц: итог эпохи, моменту, делу крупного человека подводился определением “всемирно-исторического” их значения. Это означало найти место данной исторической фигуры или события в непрерывной и единственной линии, проходящей через всю жизнь чело-

¹ Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. С. 108.

² Виппер Р.Ю. Школьное преподавание древней истории и новая историческая наука. С. 27.

вечества от начала его и до современного момента»¹. Тем не менее, несмотря на априорность и надуманность всемирно-исторических построений, философия истории XVIII в. имела и положительное значение для развития историографии: она наводила определенный порядок в исторических представлениях, давала стройную и ясную схему исторического развития, предлагала понятную модель объяснения смены исторических эпох и народов. «"Философия истории", – констатировал исследователь, – несколько более столетия господствовавшая над умами, дала историческому материалу систематическое построение, не лишенное красоты и величественности. Большие эпохи, исторические народы считались олицетворением тех сил, тех принципов, которые, как предполагалось, правильно, в определенной последовательности вступали в жизнь человечества и накапливали вместе общую сокровищницу его культуры. Один народ выработал свободу, другой – порядок, один – идею красоты, другой – идею государства, одна эпоха – умственную критику, другая мораль и т. д.»².

Недоверие Виппера к старым философско-историческим и всемирно-историческим схемам, после высказанных замечаний, вполне понятно. Но принципы и подходы, выработанные философией истории в XVIII в. не остались в прошлом вместе с породившей их эпохой. Они получили продолжение и в веке девятнадцатом, став одной из его «интимных идей». «В исторической перспективе им виделось, – писал Виппер о последователях философии истории, – лишь движение; всюду непрерывная перестройка и перерождение, только нам научные снимки дают иллюзию остановок: в действительности таких нет, "все находится в течении". Сюда присоединилась еще другая мысль. Люди образуют и преобразовывают отношения...»³ Варианты философско-исторических построений могли быть различны. Один из самых популярных нашел воплощение «в гегельянском правиле: во всяком явлении, учреждении, идее видеть прежде всего момент развития и сумму

¹ Там же. С. 28–29.

² Там же. С. 25.

³ *Виппер Р.Ю.* Новые направления в философии общественной науки // Мир Божий. Ежемесячный и научно-популярный журнал для самообразования. 1903. № 11. С. 64.

предшествовавшего развития, разлагать каждый изучаемый факт на его исторические составные и выстраивать к нему целую генеалогию, оценивать вещи ее историей и успокаиваться, найдя всякому предмету его историческое место»¹.

Однако и в это время (первая половина XIX в.) находились ученые, отстаивавшие альтернативное понимание задач историографии. Одним из них, по мнению Виппера, был О. Тьерри. «Тьерри, – писал исследователь в предисловии к его книге “Опыт истории третьего сословия”, – сознавал необходимость реформы в составлении истории. До 1789 г., по его мнению, выполнялась лишь одна сторона задачи историка: исследование факта с целью восстановления его точности; оставалась другая – нарисовать и истолковать факты, одушевить их, придать им тот жизненный характер, который всегда должен быть присущим картине человеческих отношений, и найти закон последовательности, связывающий факты... В определении второй задачи Тьерри в сущности сдвигает вместе два совершенно различных требования, одно художественного, другое философского свойства: именно нарисовать факты, схватить в них индивидуальные или резко типические черты, и, с другой стороны, найти в них связующий закон»².

Постепенно в недрах философии истории и историографии выработались новые подходы и принципы осмысления прошлого. Наступил новый период, «социологическая фаза», по выражению Виппера. «Социология, – признавал он, – преемница философии истории, социология, это – новые общие требования, предъявляемые истории»³. Иными словами, «социологию можно рассматривать как умственное отвлечение новых задач, поставленных в исторической науке и в ее действительной жизни неразрывно соединенных с материалом»⁴.

¹ Там же.

² *Bunner P.Ю.* Огюстен Тьерри и «Опыт истории третьего сословия» // Тьерри О. История происхождения и успехов третьего сословия. М., 1899. С. 16–17.

³ *Bunner P.Ю.* Очерки теории исторического познания. С. 47.

⁴ Там же.

По мнению С.П. Рамазанова, «Виппер вообще отождествляет историю с социологией»¹.

Принципы социологического построения истории отличаются от философско-исторических: это не телеологическое, а причинное объяснение, не результат деятельности одного начала, а группа факторов или условий, не единый процесс, а социологические ряды, не наложенное на историю извне априорное представление, а внутренняя закономерность, раскручивающая исторический процесс. «Таким образом, – признавал Виппер, – наметилась новая научная цель: разбить это целое на нормальные, живучие группы, отыскать пути развития отдельных групп, сравнить их друг с другом, найти между ними сходство, аналогичные ступени и на основании их отыскать в развитии групп движущие, возобновляющиеся деятельные силы, “причины” явлений, “факторы” явлений. Установление причинной связи, причинных рядов путем, главным образом, сравнительного изучения, открытие “законов” смены и движения – вот формулировка основных задач исторической науки в этом периоде»². Продолжая свою мысль ученый писал: «Социологическое направление внесло в представления об историческом процессе резкую классификацию; оно видело в этом процессе эволюционные “ряды” твердого очертания, каковы, – право, хозяйство, государственная и общественная организация, культура и т. д. Между этими рядами предположены были определенные отношения причин и следствий, основных и производных групп и т. д. Господство этого направления до известной степени совпало и состояло в связи с преобладанием материалистической философии. Оно вместе с тем находило себе поддержку в великих успехах эволюционной теории в области естественных наук»³.

Наибольших результатов социологическое направление достигло, прилагая к истории сравнительный метод и эволюционную точку зрения. Это позволило выявить некоторые типы, стандарты исторического и социального развития, т. е.

¹ Рамазанов С.П. Кризис в российской историографии начала XX в. С. 49.

² Виппер Р.Ю. Несколько замечаний о теории исторического познания. С. 478–479.

³ Там же. С. 479.

сформулировать принципы нормального общераспространенного пути социально-исторического процесса. «Историческая наука, – уточнял исследователь, – становится более абстрактной; ее тенденция все более направляется к тому, чтобы подмечать общие черты в эволюции общественных групп, чтобы изучать роль постоянных факторов, чтобы, на основе наблюдения аналогичных моментов, выяснять нормальный ход развития этих групп. Такой перемене целей и приемов исторического изучения чаще дают другую формулировку: именно новые методы, приемы абстрагирования, общие комбинации и аналогии, добытые путем сравнения эволюционных моментов отдельных групп, отводят в круг особой науки, социологии, оставляя истории только конкретное описание, только классификацию материала»¹.

Философским ориентиром для социологического направления в историографии служит позитивизм. Борясь с остатками метафизического мировоззрения и религиозных предрассудков, позитивизм не смог избежать целого ряда неотрефлексированных положений. Позитивизм сам погрузился в метафизику не менее догматичную, чем та, которую он с таким убеждением и пафосом критиковал. Обнажая предрассудки позитивистского мышления, Виппер писал: «Если можно говорить очень обще, позитивное направление мало интересовалось самим научно-мыслящим субъектом; молчаливо позитивизм принимал человеческий ум за аппарат; за группу средств, служащих для простого и чистого отражения внешних факторов. Наши умственные определения вещей он склонен был отождествлять с сущностью вещей; в наших схемах, рубриках, классификациях, периодизациях позитивизм склонен был видеть истинный порядок вещей, реальные соотношения самих вещей; наконец, в повторяющихся впечатлениях смены или одновременности явлений позитивизм думал найти ни что иное, как отражение законов движения и со-существования самих явлений»². «Популярные заблуждения» позитивизма, унаследованные им от рационализма нового времени и Про-

¹ *Vunper P.Ю.* Общество, государство, культура Запада в XVI веке // Мир Божий. 1897. № 2. С. 7.

² *Vunper P.Ю.* Несколько замечаний о теории исторического познания. С. 450–451.

свещения, привели к тому, что в исторической науке четко обозначились приоритетные темы исследований. «Мы говорим, – указывал ученый на предпочтения позитивистской историографии, – о влиянии личности на общество и о влиянии среды на личность; говорим о смене общественных состояний общественными катастрофами и о влиянии событий на состояния или состояний на события; говорим о толчках вперед и вызываемых ими реакциях, о падениях и возрождениях, о торжестве нравственных сил над физическими или наоборот – физических над нравственными, о живучести и непобедимости идей и т. д.»¹.

В социологический период в практику исторической науки вошли такие дисциплины, как археология и этнография. Более того, выработка социологией новых методов изучения общественных явлений, приводит к тому, что сама социология «все больше и больше превращается в *этнологию*»². Этнология дает ученым информацию о древнейших состояниях жизни общества, т. е. о том периоде, сведения об исторических событиях которого отсутствуют. «Быт дикарей, – признавал Виппер, – всегда служил историкам, как показание старины: в жизни некультурных народов ученые видят обломок древних порядков»³. В этнологии реализуется интерес исследователей к «дикарю» как человеку и представителю человеческого общества вообще: «Интерес к “доисторическому” быту, к этнологическим типам основывается не на одной только задаче выяснить известный отдаленный период в эволюции человечества, но еще более на стремлении поймать человека и человеческое общество “вообще” в их наиболее рудиментарных, простейших чертах, наименее расстроенных перекрестными воздействиями, позднейшей рефлексией и т. д.»⁴. Постоянство «социально-философского интереса» к этнологии объясняется, по крайней мере, двумя причинами. Во-первых, этнология позволяет проследить генезис социальных отношений, поскольку все основные элементы социального устройства уже при-

¹ Там же. С. 452.

² Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. С. 266.

³ Виппер Р.Ю. Круговорот истории. Москва–Берлин, 1923. С. 180.

⁴ Виппер Р.Ю. Новые направления в философии общественной науки. С. 68.

существуют в «малокультурных обществах». Во-вторых, этнология дает возможность вернуться в социальной науке к незамутненным представлениям, изначальным и, так сказать, чистым понятиям об обществе. «Изучение этнологии, – писал Виппер, – позволяет нам освободиться от тумана понятий, сложившегося в условном мире культурного общества»¹. Однако этнология не подменяет социологию, а помогает социологии. Этнология, сосредоточиваясь на изучении ранних этапов жизни общества, позволяет ученым легче прийти к установлению «чистого типа» общества и социальных отношений. «Этнология, – полагал историк, – изучает общие элементы социальной жизни, повторяющееся, постоянное. В сущности говоря, она выполняет этим ту задачу, которая была поставлена в свое время в социологии. Но между историей и социологией есть еще другая разница: одна наука занята преимущественно поздними моментами культуры, другая – ранними»². Отсюда и вывод Виппера: «В наше время этнолог является более, чем когда-либо, социальным философом»³.

В своих исследованиях этнолог всегда должен брать поправку на качество доступного ему материала. От источника зависят и заключения и обобщения, переносимые на все древние общества. Беспристрастность научного поиска предполагает отказ от стереотипов и предпочтений собственной культуры. И только тогда быт «примитивных», т. е. в буквальном смысле первоначальных, народов может быть оценен по достоинству. На их фоне блекнут и многие достоинства индустриальной цивилизации, подрывается вера в превосходство современной культуры. «Мы, конечно, должны всегда помнить, – справедливо напоминал Виппер, – что лучшие экземпляры примитивных народных групп, давно исчезли, между прочим под давлением злой, истребительной, развращающей европейской культуры, остались забытые в худшие условия, всячески обрезанные в средствах, понизившиеся умственно и физически захудалые группы. И все же у этих “бывших” народов нередко лучше решены сексуальные вопросы, чем у новокультурных; почти все они более миролюбивы, чем европейцы и

¹ *Vipper P.Ю.* Очерки теории исторического познания. С. 269.

² Там же. С. 114.

³ Там же. С. 268.

новоамериканцы; часто они обладают бóльшей фантазией, бóльшим умением в мелкой технике всякого рода, чем народы образованные»¹.

Следя за достижениями этнологии, историк приходил к следующим выводам: во-первых, «старинное человечество, о котором мы судим по примитивам, было в себе цельнее, соответственно богаче одарено, более складно устроено, по-видимому, и физически крепче, чем современное культурное», во-вторых, «непрерывная жажда перемен, нововведений, постоянное движение и развитие – вовсе не составляют общего механически действующего закона исторической жизни... рядом с законом прогрессивного развития должно признать закон устойчивого состояния и признать его действие в равной мере с первым»².

Интенсификация археологических исследований в XIX в. была вызвана особенностями «индустриального века»: его материализмом и утилитаризмом. Археология, наверное, самая материалистическая из исторических дисциплин. «На этой основе (материализм. – *А. М.*) выросла типичная наука XIX в. – археология. Наука о вещах, которая представляет своеобразную идеализацию ремесла и машины в виде поисков их отдаленнейших предков. Наука, которая знает только безыменное искусство и труд, знает общечеловеческие приемы, но не знает личностей, их душевных переживаний, изгибов их ума и воли. Наука насквозь материалистическая»³. Достижения археологии способствовали выработке новых представлений в исторической науке и новых методологических приемов. Они значительно углубили историческую ретроспективу, отодвинули далеко в прошлое наше знание о древнейших обществах, их быте и культуре. «Археологические открытия, – признавал Виппер, – совершенно изменили наши представления о древней истории... История народов Средиземноморского побережья, которую мы издавна учим в школах, теперь, в результате археологических открытий, представляется нам концом очень длинного развития. Перед нами далеко не оригинальные культурные творения, а реставрация культуры, несколько раз

¹ *Bunper P.Ю.* Кризис исторической науки. Казань, 1921. С. 18.

² Там же. С. 19.

³ *Bunper P.Ю.* Круговорот истории. С. 88–89.

разрушаемой, исполненные племенами, которые позднее других пришли на сцену истории»¹. К частным заслугам археологии можно отнести, например, то наблюдение, что переход от каменного века к металлическому был вызван «не задачами усиления производства, а разрушительными военными целями»². Подобные заключения дают материал для выстраивания широких исторических параллелей и аналогий, демонстрирующих архаическую сущность многих процессов, происходящих в современном обществе и культуре.

Работа исторической мысли, стимулируемая достижениями археологии и этнологии, не замедлила привести и к новому осознанию задач и методов исторической науки. Наступил новый период ее развития. Этот новый период по-разному интерпретировался Виппером в разные периоды его собственного творческого развития. Так, например, в конце 1890-х – начале 1900-х гг. он больше писал о новом понимании всемирной истории. На рубеже 1910-х гг. историк сосредоточился на обосновании «теоретико-познавательного критицизма» в исторической науке. Первая мировая война и революция в России привели Виппера к новому пересмотру программы исторических исследований. Он заговорил о кризисе исторической науки и о новых акцентах в исторических построениях.

Отказ от всемирно-исторического схематизма в духе просветительской философии истории не означает отказ от идеи всемирной истории, а лишь пересмотр ее принципов. Пересмотр ознаменован смещением акцентов с планомерности на случайность, с однонаправленности на социологическую типичность. «Самое слово “всемирная история”, – развивал свою мысль Виппер, – если и продолжает употребляться, то получило другой смысл, – смысл простой всеобщности исторического обзора.

Современный историк решительно отказывается найти план в судьбах человечества на земле. В сношениях народов, враждебных и дружественных, в вытеснении одного культурного народа другим или в их соединении он допускает большую роль случайности, значительное участие внешних сцеп-

¹ Там же. С. 93–94.

² Виппер П.Ю. Кризис исторической науки. С. 19.

лений. Он привык оценивать жизнь отдельных народных групп не посторонней отвлеченной меркой, а определением внутренней взаимной связи тех отношений, из которых складывается эта жизнь. Для него народы и общества исторического прошлого – не проходящие только актеры, помогшие сыграть большую общую пьесу, а живые личности, аналогичные современным народным и общественным группам, направляемые теми же общими потребностями и мотивами, которыми руководимся и мы»¹. Всеобщность всемирной истории сохраняется. Только она задается не единственностью плана, а универсальностью социальных процессов, происходящих в различных национальных организмах. «Существенной же задачей исторического изображения будет – установить взаимодействие тех сил, которые возникали и работали внутри определенной народной или общественной среды», – таков новый взгляд на задачи всемирной истории².

Все перечисленные представления, на основе которых предпринимается периодизация всеобщей истории устарели и по сути являются пережитками прежних мировоззрений. В первую очередь Виппер усматривал здесь связь с элементами старинной астрологии. «Итак, – резюмировал он, – важнейшим источником идеи исторических веков и периодических смен надо признать *астрологические* наблюдения, которые дают впечатление правильности и неизбежности космических явлений (затмений, ежегодных солнцестояний или земных наводнений)».³ Другим источником выступает параллель с человеческим организмом, что уже вполне определенно записывает выстраиваемые на ней всемирно-исторические построения в архаизмы анимистической эпохи. «В свою очередь мысль о кризисах и возрождениях человеческого организма легко была перенесена на историю общественных форм, раз к обществу применили те же анимистические идеи».⁴

С большей определенностью об альтернативном варианте всемирно-исторического построения Виппер высказывался в

¹ *Bunper P.Ю.* Школьное преподавание древней истории и новая историческая наука. С. 31.

² Там же. С. 35.

³ Там же. 93–94.

⁴ Там же. С. 96.

тех же «Очерках теории исторического познания». Следуя в русле модного критицизма и подвергая ревизии исторические понятия и языки описания, Виппер отмечал односторонность или европоцентричность распространенной схемы всемирной истории. «Круг прежней всемирной истории, – писал он, – охватывает небольшую часть земной поверхности... В старой всемирной истории нетрудно было бы вскрыть простое преувеличение христианской Европы и ее исторического сознания».¹ Поэтому его не удовлетворяет и рубрикация истории на древнюю, среднюю и новую – явный слепок с европейской истории. Альтернативу историографическому эгоизму Европы он видел в «принципе *географического* размещения». «Географический принцип деления и является теперь самым серьезным конкурентом старой всемирно-исторической планировки», – пояснял он². Реализацию такого подхода он отмечал во «Всемирной истории», издаваемой под редакцией Гельмгольта. Здесь исторические факты группируются не в единую линию, а по «большим территориальным кругам, каковы Америка, Африка, Восточная Азия, Южная Азия, Западная Азия, Средиземное море, Европа и т. д.»³. Однако научные претензии всемирной истории не могут быть удовлетворены одной географической перегруппировкой материала. Она требует дальнейшего уточнения и конкретизации. «Без сомнения, – признавал ученый, – географический принцип только тогда получает свое настоящее значение, когда рамки для деления по территориям, очерчивая физико-биологические условия стран, будут служить вместе с тем естественными границами социально-культурных типов»⁴. Географическая группировка фактов впоследствии была положена в основу евразийской концепции истории, соединившей в понятие «месторазвитие» географическую и социально-историческую составляющие исторического процесса.

Предлагаемые Виппером нововведения в целом, скорее, развивают социологическую тенденцию, доминировавшую в общественных науках в XIX в., чем радикально меняют прин-

¹ Там же. С. 108.

² Там же. С. 110.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 111.

ципы исторического исследования. Задача истории сводится им к изучению общества в его типических проявлениях, процессов, которые можно объяснить при помощи исторических аналогий; повторяющихся форм жизни, отражающих постоянство человеческой природы. «Новая историческая наука, – писал он, – хочет открыть основы жизни отдельных обществ в совокупности условий, в их взаимных сцеплениях, повторяющихся в развитии других обществ; она хочет определить общие моменты и условия образования классов, распределения богатств, развития политической организации в соответствии с изменением морального уровня, расширением кругозора, сменой религиозных представлений об обществе и т. д. С этой точки зрения новая историческая наука интересуется, напр., не только установлением непрерывной связи идей между древним и новоевропейским миром, но еще более установлением аналогии между ними, выяснением тех сторон в жизни древнего и нового общества, в которых выразились одинаковые запросы и стремления, если угодно, общечеловеческие, поскольку человек в своем развитии проходит всюду одни и те же ступени и обнаруживает сходные желания, умственные представления и настроения»¹. Внимание, уделяемое Виппером историческим аналогиям при объяснении разновременных и этнически различных исторических явлений, вызвано желанием приблизить историческую науку к современности. Речь не идет о буквальном перенесении исторических знаний на актуальную политическую ситуацию, а лишь об истоках современной культуры и проблемах, стоящих перед обществом. Поэтому одной из задач новой исторической науки является «выяснить, как именно возник наш современный новоевропейский мир, его учреждения, его формы и идеи, в чем заключались и каковы были начала тех организаций, тех культурных заветов, понятий и запросов, которыми мы в настоящее время живем»². Все это приводило, по логике взаимообмена, с одной стороны, к модернизации прошлого, а с другой, – к архаизации современности.

¹ Виппер Р.Ю. Школьное преподавание древней истории и новая историческая наука. С. 60.

² Там же. С. 61.

Подробнее Виппер касался вопросов исторического критицизма, т. е. гносеологии истории. Теоретико-познавательная установка в историографии была следствием философского и научного развития Европы в новое время. Озабоченность историков гносеологическим обоснованием историографии указывала на завершение процесса научного становления истории.

Смена философского интереса в новое время с того *что* мы знаем, на то *как* мы это знаем, *откуда* мы это знаем, что дает нам возможность познавать и т. д., привело к доминированию гносеологической проблематики над онтологической. Виппер также фиксировал это новое «философское настроение», закрепившееся в течение двух последних столетий. Ученый писал: «Оно характеризуется стремлением прежде всего дать себе отчет, определить, что мы сами вносим в восприятие, в наблюдение фактов, с какими категориями подступаем мы к ним; какие элементы нашей психики мы вводим наперед при всяком приступе нашем к предмету изучения. Оно хочет определить, какова во всем нашем знании о мире доля необходимых и неизбежных предрасположений нашей мысли. Оно хочет знать те психические условия, в которых образуются наши представления о реальном мире, в которых происходит установление фактов и классификация их. Оно хочет знать, каков психический смысл наших заключений о взаимной связи явлений реального мира, о их закономерности и т. д. Оно требует, если можно так выразиться, чтобы мы были судьями наших собственных научных запросов»¹.

Проецируя философские представления эпохи на историческую науку, Виппер формулировал задачи «теоретико-познавательного критицизма» в отношении истории. Гносеология истории «ставит себе целью выделить отчетливо те элементы нашей психики, которыми определяется толкование исторических явлений, и с этой точки зрения проверить нашу терминологию, классификацию явлений, наши комбинации, построения фактов. Эта работа не ограничится одним анализом. Она должна раскрыть не только возникновение, способ образования наших исторических и социологических категорий; она

¹ *Vippner P.Ю.* Несколько замечаний о теории исторического познания. С. 451.

может определить их внутреннюю цену, если установить значение наших научных запросов с точки зрения психических условий, лежащих в их основании, если установить с этой точки зрения степень взаимного соответствия элементов, входящих в круг всякого научного истолкования, всякой научной системы»¹. Критицизм в историографии, таким образом, не рассматривает проблемы исторической реальности, а ставит вопрос об условиях возможности такой реальности. Историческая реальность конструируется, создается; она не дана, она задана. Новый градус рефлексии, привнесенный в историческую науку теоретико-познавательным критицизмом, делает акцент на проблемах исторического построения. С точки зрения критицизма, история познаваема настолько, насколько она конструируема. «Новый критицизм, – рассуждал Виппер, – напоминает о существовании целого ряда предварительных условий при изучении, в силу которых то, что мы называем объективной действительностью, должно быть признано одной из субъективных категорий, и притом категорий изменчивых по своему содержанию. Каждое поколение или ряд поколений, связанных общими идеями, каждая интеллектуальная группа неизбежно приспособляет к себе, к своим нуждам, к своим симпатиям, к своим гаданиям о будущем, к своим психическим предрасположениям всю традицию о прошлом, весь исторический материал, творит для себя идеальное прошлое, набрасывает для себя свою собственную историческую картину. Дело идет о том, чтобы держать в своих руках план, руководящие линии, по которым творится эта картина»².

Завершением теоретических исканий Виппера стали работы начала 1920-х гг., посвященные анализу кризисных явлений в исторической науке и европейской культуре и обществе. Они реализовались в целом ряде размышлений ученого о революции в России, о гибели европейской культуры, в создании им своеобразной философии войны. Кризис исторической науки, констатированный Виппером и вынесенный им в заглавие одного из сборников своих выступлений и докладов, был вызван изменениями в самой исторической жизни, обнару-

¹ Там же. С. 479–480.

² Там же. С. 480.

живших неадекватность принятый исторических объяснений, понятий, схем. «Посмотрите, – призывал историк, – куда направляется наш интерес: к событиям, войнам, революциям, драматическим конфликтам, сражениям, переворотам, боям, воинственным организациям, громадным захватам. Нам хочется наблюдать массы не в состояниях, не в классовом их делении, изучать их не в порядке описания, а в их действиях, в резких поворотах»¹. Возрос интерес и к историческим личностям: вождям, полководцам, идейным вдохновителям и т. п. Качества вождя – воля, решимость, настойчивость – требуют пересмотреть и концепцию исторических личностей. «А вождь должен быть деспотом, как Наполеон», – резюмировал Виппер². Но это только верхний слой той задачи по ревизии исторических представлений, которую науке навязывает жизнь. Ученый говорил о «повороте в наших исторических рассуждениях»³. Переоценки требует и наше представление о роли идей в истории. «Мы привыкли думать, – признавался историк, – что *идеи – лишь формулы действующих интересов*»⁴. События в России и Европе, напротив, демонстрируют «господство теорий над миром человеческих отношений»⁵.

Сдвиги, происходящие в исторических представлениях, Виппер рассматривал в терминах событий и состояний, идеализма и материализма. «Повторю, – писал он, – основные моменты наблюдаемой в современности перемены исторического метода, исторического толкования. Мы еще недавно спрашивали о *состояниях, о жизни масс, о направлении интересов*. Мы теперь хотим прежде всего знать *события, роль личностей, сцепление идей*. Когда эту смену воззрений и вкусов захочет определить философ, он скажет: общественное мнение перешло от воззрения *материалистического к идеалистическому*»⁶. Динамический момент истории фиксируется в понятии исторического события, устойчивый, напротив, – в понятии исторического состояния. По группам событий и со-

¹ Виппер Р.Ю. Кризис исторической науки. С. 10.

² Там же. С. 11.

³ Там же. С. 12.

⁴ Там же. С. 11.

⁵ Там же. С. 12.

⁶ Там же. С. 13.

стояний распределяются и исторические факты: например, войны, с одной стороны, и экономические процессы, с другой. «В наших изображениях хода исторического развития, – уточнял ученый, – обыкновенно чередуются группы “событий” и “состояний”. Когда речь идет о первых, то прежде всего, возникает представление о сцеплениях и актах политической или религиозной жизни, так как мы привыкли в этой области встречать более яркие моменты, находить большую изменчивость, больший драматизм. Явления социально-экономические представляются нам скорее в виде длительных состояний, видоизменяющихся мало заметными полосами»¹. Приоритет идей и теорий в истории служит основой идеалистической точки зрения в исторической науке, в то время как признание доминирующими силами исторического процесса экономических явлений служит обоснованию материалистического подхода. Однако каждая из этих точек зрения в отдельности недостаточна для исчерпывающего описания исторических явлений. Истина в истории достигается лишь в полноте описаний многопланового и многостороннего исторического процесса. «И материалистический взгляд, – сетовал Виппер, – и взгляд идеалистический, каждый в отдельности взятый, неполны, недостаточны, односторонни. Очень хорошо было бы, если бы в науке одновременно и согласно действовали тем и другим методами, смотрели бы с той и другой точки зрения. Но так никогда не бывает, все мы отличаемся односторонностью, никто не бывает одновременно материалистом и идеалистом»². Высказанное пожелание лишь частично реализуется в концепции многофакторности исторического процесса. Виппер приходил к идее многофакторности от критики понятия исторической причинности. Он, в частности, усматривал в причинности представление о скрытой воле и скрытом замысле, которые могут принимать вид представления о коллективной воле в таких, например, выражениях, как «дух», «смена традиций», «подъем», «брожение умов» и т. п. Замена представления о действии в истории личной воли представлением о коллективной воле трактовалась им в духе контовского по-

¹ Виппер Р.Ю. Общество, государство, культура Запада в XVI веке // Мир Божий. 1897. № 8. С. 217.

² Виппер Р.Ю. Кризис исторической науки. С. 13.

зитивизма, как смена теологического мировоззрения метафизическим. «Очевидно, – писал он, – все более развивается потребность смягчить *категорию причинности*, истребить или ослабить в ней оттенок творчества, духовности, производящей силы». ¹ Вариантами «смягчения», предлагаемыми Виппером, были понятия «условия» и «зависимости». Другим недостатком причинного объяснения является его близость к тавтологиям: «Толкование причины составляет лишь растянутый перифраз определения самого явления» ². Одной из разновидностей причинного истолкования явлений был, по мнению Виппера, и диалектический метод, однако и он не соответствует «современным» требованиям научности. «Научно-историческая задача, – подводил итог своим рассуждениям ученый, – состоит во *всестороннем описании явлений*». ³ Но полностью оно неосуществимо из-за неустранимости из исторической науки субъективного элемента.

Ориентация на теоретико-познавательный критицизм, философским выражением которого был второй позитивизм, натолкнула Виппера на идею теории исторического познания. Он неоднократно указывал на новизну термина «теория исторического познания» ⁴. Потребность в гносеологической опоре для исторической науки существует; это и служит побудительным мотивом для разработки соответствующих концепций. «Теории исторического познания пока нет, как связанного целого, но запрос на нее есть», – констатировал ученый ⁵. Гносеология истории должна внести в историю недостающий философский элемент. «Критицизм Виппера, – полагал Б.Г. Софронов, – постоянно связан с историко-философскими задачами и носит не источниковедческий, а концептуальный характер» ⁶. Историческое познание, согласно Випперу, необходимо строится по образцу общенаучного познания; «можно

¹ Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. С. 169.

² Там же. С. 171.

³ Там же. С. 220.

⁴ Виппер Р.Ю. Несколько замечаний о теории исторического познания. С. 451; Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. С. 1.

⁵ Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. С. 2.

⁶ Софронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера и его время. С. 134.

и должно установить приемы и задачи теории познания для истории»¹. Говоря определеннее, можно отметить, что задача гносеологии истории состоит в «анализе, в пересмотре установившихся в истории и социологии рубрик и терминов, схем и подразделений, приемов и методов»². Суммируя те проблемы, которые, согласно Випперу, входят в компетенцию гносеологии истории, Б.Г. Софронов писал: «Теория исторического познания, задуманная Р.Ю. Виппером как дополнение к неразработанной отрасли исторической науки, претендовала на объяснение средствами психологии историка всех важнейших категорий социологии, как-то: общественный процесс, роль личности в истории, причинность и закономерность, функция идей и производства, принципы периодизации, сущность социального класса. Его теория производила замену общей теории исторического процесса областью психической деятельности историка»³. Гносеология истории должна окончательно вытеснить метафизику из историографии. Виппер в образных выражениях клеймил метафизику как «идеалистическую эпопею», «сладкое младенчество сознания», «облака безбрежной метафизики».

Потребность в теории исторического познания – запрос жизни. Историография никогда не стояла в стороне от происходящих событий, просто влияние современной жизни не всегда бывает заметным, ее интенсивность меняется в зависимости от эпохи. «Бывают эпохи, когда хочется сказать как раз обратное: не история учит понимать и строить жизнь, а жизнь учит толковать историю. Такую эпоху мы сейчас переживаем», – утверждал Виппер во вступительной лекции в курс «Международной и политической истории новейшего времени», прочитанной в Москве 10 ноября 1920 г.⁴ Исторические катастрофы в виде войн и революций заставляют историков усомниться в адекватности используемых ими исследовательских приемов и методов, возбуждают критическое настроение.

¹ *Виппер Р.Ю.* Очерки теории исторического познания. С. 1.

² *Виппер Р.Ю.* Несколько замечаний о теории исторического познания. С. 451.

³ *Софронов Б.Г.* Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера и его время. С. 162.

⁴ *Виппер Р.Ю.* Кризис исторической науки. С. 3.

Теперь «история из наставницы стала ученицей жизни»¹. Современные исторические события и общественная жизнь формируют взгляды историков, задают оценочную шкалу и для событий прошлого. Настоящее отмеряет смысловые границы прошедшего, определяет направление интерпретаций. «Мы все принадлежим, – признавался историк, – так или иначе к большим полосам настроений, мы находимся во власти своего рода умственных партий, господство которых сменяется в обществе»². Однако не следует думать, что отражение современности или услужение настоящему дадут ответы на все вопросы, стоящие перед историком. Влияние жизни не то же самое, что конъюнктура или партийность в науке. Это как раз явления, пагубно сказывающиеся на исторической науке. «Партийные программы, политические устремления стесняют кругозор и принижают уровень научного исследования»³. По словам Виппера, пора «освободиться от боевых понятий канувшей эпохи»⁴. Партийность или идеологическая «нагруженность» взгляда историка пригодны лишь для практических целей, например, для «выяснения чьей-либо партийной физиономии, для предварительной классификации мнений и т. п.», но «неудовлетворительны для решения познавательной проблемы»⁵.

Вместе с историографией в рабстве у современности находятся и общественные учения, которые совместно с историческими теориями представляют собой «две формы одного и того же интереса, одного и того же запроса»⁶. Общественные учения исходят из «впечатлений» от действительности, оценивают ее и формулируют идеал будущего развития общества, условия которого пытаются обнаружить в прошлом этого общества. На этом основании Виппер полагал, что общественное учение «уже заключает в себе историческую теорию». Инте-

¹ Там же.

² Там же. С. 13.

³ *Виппер Р.Ю.* Круговорот истории. С. 136.

⁴ Там же. С. 137.

⁵ *Виппер Р.Ю.* Очерки теории исторического познания. С. 23.

⁶ *Виппер Р.Ю.* Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. в связи с общественным движением на Западе. СПб., 1900. С. 1.

рес к существующему общественному строю, по словам ученого, составляет «жизненный нерв» и «главную побудительную силу» исторической теории. «Всякая общая историческая теория есть критика и оценка современного ей общества. Обратное, всякое толкование живого общественного строя, т. е. всякое общественное учение, должно выстроить себе исторические подмости, должно истолковать и прошлое»¹. Современность обладает по отношению к прошлому смысловым приоритетом, подлинность прошедших событий удостоверяется настоящим. Подобное господство современности более событийно насыщенной, благодаря большей известности и близости этих событий, более понятной и этим противопоставляемой прошлому, фиксируется историками в виде особого исторического периода – нового времени. «В исторических обобщениях, – отмечал Виппер, – всегда более или менее называется потребность выделять эпоху своего поколения или ближайших к нему поколений в виде особого нового или новейшего времени»².

Время накладывает свой отпечаток на исторические произведения; историческая эпоха отражается в исторических сочинениях посредством господствующей философской доктрины, направляющей мысль историка. Лучшие исторические труды подчинены не только практическим, но и теоретическим, философским интересам своей эпохи. Примером такой работы может служить книга О. Тьерри «История происхождения и успехов третьего сословия». В предисловии к ее русскому переводу Виппер писал, что эта «книга принадлежит к числу тех классических сочинений по истории, к которым относятся “Рассуждение о причинах величия и падения древнего Рима” Монтескье, “История падения римской империи” Гиббона, “Старый порядок и революция” Токвиля. Это – памятники исторического сознания тех эпох, когда они возникли; это – яркие выражения общественно-философской мысли в крупные моменты ее развития. В этом смысле книги, подобные названным, всегда сохраняют свой жизненный интерес. Они с особенной выпуклостью воспроизведут перед нами со-

¹ Там же. С. 2.

² *Виппер Р.Ю.* Общество, государство, культура Запада в XVI веке // Мир Божий. 1897. № 2. С. 2.

вокупность взглядов и представлений, работу мысли известной группы поколений»¹. Продолжая свое рассуждение, историк отмечал, что подобные показательные или, как принято говорить, классические произведения «закрепляют известные результаты в общей работе человеческой мысли, они раз навсегда становятся живыми выразителями общих точек зрения, быть может, покинутых в отдельности, но залегших в фундаменте мировоззрения позднейших поколений»².

Лучшие образцы европейской историографии служат хорошим примером того, как развитие исторической науки идет под влиянием новых запросов жизни. «Новые идеи в истолковании истории – в сущности новые разрезы явлений, новые углы зрения, образуемые силой вновь возникающих общественных впечатлений», – полагал Виппер³. Новизна здесь достигается не благодаря новым открытиям, а в результате нового прочтения старых материалов, новой интерпретации известных фактов. Но тогда и концепция истины требует значительной корректировки: истина становится уже не просто нашим знанием о том, что есть или было, она приобретает социальное измерение, становится процессуальной, а в перспективе конвенциональной – результатом консенсуса. Онтологичность истины замещается общепризнанностью, хотя бы в качестве следствия однотипных и разделяемых большинством ученых впечатлений, получаемых в общественной жизни. «Если истина составляет возможно точное приспособление доступных данных к возможно развитому умственному зрению при возможно разнообразной постановке вопросов, – осторожно начинал свое рассуждение Виппер, – тогда мы идем постоянно к истине и постоянно ее достигаем... в меру четкости и вдумчивости того общества, которое творит и вырабатывает для себя науку. Приобретения общественной науки будут прочны в той степени, в какой они исходили от глубоких, продолжительных, многократно проверенных общественных впечатлений»⁴.

¹ *Vunper P.Ю.* Огюстен Тьерри и «Опыт истории третьего сословия». С. 3.

² Там же. С. 4.

³ *Vunper P.Ю.* Новые направления в философии общественной науки. С. 61.

⁴ Там же. С. 62.

Развитие историографии происходит не только под влиянием запросов жизни; оно непосредственно связано с развитием самой науки, что проявляется во взаимодействии различных отраслей научного знания. По словам Виппера, «науки не изолированы друг от друга, что работа мысли, выводы сделанные в одной, оказывают влияние на другую»¹. Скрещение исследовательских практик, перемещение выводов одной научной дисциплины на другую «дает возможность поставить факты совершенно чуждого рода в новую комбинацию»². Это создает «удачные метафоры», оцениваемые Виппером как «толчки и побуждения мысли». Рожденная в результате заимствований метафоричность в другой научной области воспринимается как выход на философский уровень. «В подобного рода заимствованиях, – писал исследователь, – повторяется одна методологическая черта: то, что было весьма близко к конкретности в известной науке, переходя к другой становится “философской” идеей»³. Философия науки – метафорическая оболочка, вызванная методологической экстраполяцией инородных научных практик. Такими заимствованиями из механики были понятия «социальная статика» и «социальная динамика» у О. Конта. Используемые Г. Спенсером понятия «дифференциация» и «интеграция» взяты из математики, а сравнение общества с организмом – из биологии. Часто встречающиеся выражения «исторические влияния», «общественные течения» и т. п. почерпнуты из географии и гидрографии. Теорию естественного отбора Ч. Дарвин в свое время позаимствовал из учения Мальтуса. Другим примером может служить концепция самого Виппера, представляющая собой перенесение идей и понятий эмпириокритицизма на историографию. Плодотворной метафорой здесь будет «теория исторического познания», воспринимаемая ученым в качестве философской основы исторической науки. Заимствованный обобщающий принцип «образует начало новой системы понятий», – заключал Виппер⁴.

¹ Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. С. 34.

² Там же. С. 34–35.

³ Там же. С. 36.

⁴ Там же. С. 37.

Следуя подобной плодотворной логике заимствований, историография черпает метафорическое содержание своего философского базиса из общенаучной методологии. Прежде всего история как наука опирается на восприятие, которое, в свою очередь, исходит от «обычного восприятия» (наблюдение и сравнение) и лишь совершенствует его приемы. «Совершенствование, – пояснял ученый, – состоит в том, что научное мышление учится контролировать одни наблюдения другими, учится производить многократный перекрестный опрос. В известном смысле науку и можно считать большим контрольным аппаратом наших восприятий, действующим при посредстве техники перекрестного их опроса или применения»¹. Примечательно не только выделение Виппером мышления из восприятия, но и сведение мышления к контролю и комбинированию восприятий.

Историк приводил и более подробную схему восприятий, представляющую собой ретенциальный синтез ощущений как смысловых состояний сознания. Эти состояния различаются по степени их интенсивности, зависящей от близости или удаленности от акта восприятия: яркие восприятия опознаются как конкретное, стертые, но удерживаемые в памяти восприятия – как абстрактное. Приведу соответствующее рассуждение Виппера: «Ощущение сопровождается и осложняется воспоминанием, т. е. отзвуком прежних сходных ощущений. Только благодаря этому обстоятельству и возможна регистрация нового ощущения; только при помощи воспоминаний мы узнаем предмет, констатируем его принадлежность к знакомым нам рядам. Но что такое воспоминание? Ряд наслоенных ощущений, в свою очередь когда-то воспринимавшихся при помощи более ранних воспоминаний, причем те, и другие, по мере восхождения к началу нашего сознания, оказываются все слабее и смутнее. Мы чувствуем всякий раз очень определенно разницу между данным ощущением и всей совокупностью прежних, раньше отложившихся в сознании; из сознания этой разницы и возникает различение конкретного и абстрактного.

Конкретно – непосредственно воспринимаемое, абстрактно – сгущенное и объединенное от прежних восприятий; но и

¹ Там же. С. 260.

это сгущение разлагается на отдельные конкретные случаи. Конкретное воспринимается как бы через известную сеть, его данные входят тотчас же в русла или линии типического. Мы ищем всюду уже слаженную сеть и наблюдаем лишь измененную ее; мы нигде не в состоянии указать их начала, отделить форму от содержания, категории от заполняющей их материи»¹. Особенность исторического восприятия Виппер обозначает словом «антиципация», которое, согласно его истолкованию, означает приписывание людям прошлого современных представлений и ожидания определенного будущего, «умственное видение будущего», по выражению историка.

Восприятие, с точки зрения эмпириокритицизма – это мыслительная и познавательная деятельность. Восприятие не только фиксирует данность, но и сознает ее. Восприятие не нейтрально, а смысловым образом наполнено. Восприятие фиксирует определенную данность или факт, которые не являются простым отражением действительности. «Группы, которые мы называем фактами, – писал Виппер, – не составляют чего-либо нам данного, что пассивно нами усваивается или просто открывается. Сознание известного факта прошлого есть результат прежде всего нашей способности, нашей привычки воспринимать впечатления в известной группировке, в известном сцеплении, связи. Представления наши о фактах зависят от тех рамок, в которые мы вводим отрывочные данные традиции и остатков прошлого. “Факты” появляются и исчезают в различных исторических представлениях и картинах. Факты существуют для одного глаза и отсутствуют для другого»². Это верно и для исторического исследования: историк придерживается определенной точки зрения, производит отбор фактов. По словам Виппера, «все равно, сознательно или нет, но мы приступаем к делу самого описания или анализа материала с определенным планом действия, который в конце концов сводится на целое мировоззрение»³. «Если выражать строже, – продолжал он, – под влиянием такого плана происходит даже не подбор, а *создание фактов* в уме нашем, их

¹ Там же. С. 73–74.

² Виппер Р.Ю. Несколько замечаний о теории исторического познания. С. 455.

³ Там же. С. 456.

формулировка по чертежу, по архитектурным линиям известной схемы»¹.

Однако упомянутый схематизм не является субъективным произволом. Историк придерживается общенаучных принципов исследования, прилагая их к своему конкретному материалу, к интересующий его проблеме. Постепенно складывается традиция, закрепляющая подобную практику исторического исследования. При возможности ее передачи от одного поколения ученых другому создается научная школа и вырабатывается частная, в данном случае – историческая, методология. Это в идеале. Проецируя подобное представление на русскую историографию, Виппер писал: «Во всякой науке, как в любом мастерстве, есть своя техника, требующая систематического усвоения; всякому ученому, как бы ни был велик его талант и оригинальность, необходимо пройти предварительную стадию ученической работы. Вот этой то школы в собственном смысле у нас и не было... У нас не было движения науки и не создалось традиции в усвоении метода»².

Популярный в современных Випперу философских и историко-философских исканиях критицизм приводил ученого к пониманию того, что исторической науке необходима теория исторического познания, задача которой состоит в «анализе, в пересмотре установившихся в истории и социологии рубрик и терминов, схем и подразделений, приемов и методов»³. Период критицизма – необходимый этап в развитии любого научного знания. Согласно Випперу, «история науки есть смена приемов и формул, и всякой смене предшествует критика, толчком к которой служит неудовлетворительность построения приемами, переданными от предшествующих поколений»⁴. Источником критицизма служит расхождение научного языка, методов, приемов и новых задач, стоящих перед наукой. «Иначе говоря, – пояснял исследователь, – между новыми запросами и теми группами символов, которыми мы располагаем для описания, для классификации, для истолкования фак-

¹ Там же.

² Виппер П.Ю. Круговорот истории. С. 130–131.

³ Виппер П.Ю. Несколько замечаний о теории исторического познания. С. 451.

⁴ Виппер П.Ю. Очерки теории исторического познания. С. 4.

тов, образовалось несоответствие»¹. Критике подвергаются и любые формы докритического или метафизического мировоззрения. Виппер называл его еще анимистическим мировоззрением. К его понятиям и представлениям, использовавшимся «в построении исторических схем», относятся: причина, следствие, сила, энергия, воля, целесообразность, влияние, воздействие и т. п.

Критицизм необходим в силу неизбежного «затвердевания» языка, отставания терминологии «от происходящего в науке движения»². Научные понятия Виппер называл «символами живых комбинаций мысли». К ним, например, относятся такие выражения, как «Средние века», «Новое время», «Возрождение», «Реформация» и т. п. Подобные термины задают границы исторического восприятия, отбирают и классифицируют факты, навязывают схематику исторического построения. «Но простые имена, – отмечал ученый, – при своей живучести, способны превращаться в умах как бы в неоспоримые общие факты. Термины сохраняют господство над историческим материалом: новые впечатления, новонаблюденные факты продолжают к ним приспособляться; мало того, в терминах стараются открыть новый смысл, им дают новое истолкование; вместо того, чтобы спрашивать, удобно ли обозначенное ими деление, подходит ли оно к таким-то выясненным нами вновь причинным рядам, мы склонны искать, в какую категорию отнести новооткрытое явление или группу явлений, как пригнать их к готовой схеме. Так бывает до тех пор, пока под влиянием новых научных задач, нового философского взгляда, не наступит момент кризиса схемы, момент решительного пересмотра общей исторической картины»³. «В результате, – признавал Виппер, – термины, можно сказать, начинают тиранизировать живой материал»⁴. Устарелость интерпретационных схем вызывает пересмотр научной терминологии. Крити-

¹ Там же. С. 5.

² *Виппер Р.Ю.* Несколько замечаний о теории исторического познания. С. 457.

³ *Виппер Р.Ю.* Общество, государство, культура Запада в XVI веке // Мир Божий. 1897. № 2. С. 1.

⁴ *Виппер Р.Ю.* Несколько замечаний о теории исторического познания. С. 457.

цизм второго позитивизма продолжает здесь просветительскую борьбу с предрассудками, перенося ее из области мировоззрения на саму науку. Отжившие классификационные рубрики подавляют материал, подминают новые факты, которые не вписываются в них и определяют их как «запоздалые», «скороспелые», «курьезные», «второстепенные» черты и т. п. Продолжая перечень подобных «затвердевших» терминов, Виппер называл: «реакцию», «индивидуализм», «античное мировоззрение», «германскую идею свободы»¹. Их многозначность приводит к широте толкований, вызывает заданные ассоциации и как следствие – задержку в развитии научного мышления, перекрывает альтернативные направления исследований. «Мозаика фикций», складывающаяся из таких представлений, приводит к тому, что «исследователю очень трудно просто констатировать противоречащие черты, раз известный исторический догмат закреплен именем и символом. Мысль невольно робеет и сбивается»². «Главный результат господства укрепившихся терминов состоит в том, – подытоживал Виппер, – что они сдвигают явления и характерные черты как бы на одну плоскость в неподвижную, фиксированную картину»³. Неудобство, «тяжесть» устаревшего языка, мешающего движению научной мысли не может быть преодолена даже кажущейся активностью субъекта, владеющего языком. «Как бы мы свободно ни располагали данными научного и философского языка, – констатировал историк, – однако и обратно, язык, точнее говоря, традиция через посредство языка, господствует над нашими представлениями»⁴. Этим объясняется и потребность в гносеологии истории как критике языка: «Задача теории познания теперь до известной степени может быть названа боевой; в результате ее критической работы должно произойти очищение понятий и приемов, устранение элементов чуждого, устарелого мировоззрения, которое не согласуется с нашими новыми запросами; вместе с тем долж-

¹ Там же. С. 258–459.

² Там же. С. 461.

³ Там же. С. 461–462.

⁴ *Виппер П.Ю.* Очерки теории исторического познания. С. 7.

но получиться и более точная формулировка наших научных задач»¹.

Однако расчистка понятий и ревизия научной терминологии не должна быть радикальной. Окончательно отказаться от устоявшегося научного языка не возможно. В нем содержится опыт ушедших поколений. Историк как никому другому известна ценность старины. В нашем же случае терминологический нигилизм критицизма способен дискредитировать и сам гносеологический проект. Языковой экстремизм может нивелировать все накопленное знание. «Всякое познание, в том числе историческое, – настаивал Виппер, – никогда не имеет перед собою “чистой действительности”. Оно прежде всего встречается с рядом наслоенных друг на друга схем, в которых предшествующие поколения передали нам воспринятый ими материал. Прежде чем составлять собственный чертёж истории, мы должны подчиниться готовой классификации и слаженной перспективе»². Язык – неустранимое условие и среда самого познания. Рубрикация и классификация – языковой эквивалент аналитической процедуры. Дело в том, что исследователь имеет дело, как правило, с явлениями сложными, познание которых предполагает их дробление на более простые элементы, доступные распределению по таксонам или, при минимизации уровня познания и конкретизации, к наименованию. «Операцию эту, – указывал историк, – можно назвать *расчленением* признаков или элементов в группе; оно сопровождается *называнием*, обозначением элементов или составных частей, выделенных при расчленении посредством новых имен»³. Следующий за анализом или расчленением шаг – это «узнавание»⁴. Именование, одновременно, и конкретизация, индивидуализация, и классификация явлений. Имя – не только распознавание, но и определение, рубрикация явления. «Имя обозначает индивидуальность и отводит к группе, служит средством приписать явление к определённому месту»⁵. «Своеобразная роль называния, для определения места

¹ Там же. С. 9.

² Там же. С. 75.

³ Там же. С. 172–173.

⁴ Там же. С. 176.

⁵ Там же.

того или другого элемента, после того как он выделен и узан, составляет один из самых старинных приемов человеческой мысли», – утверждал Виппер¹.

Идея пересмотра исторического языка перекликается с одним из методологических принципов академической философии истории – методом пережитков. Слова со стершимся значением, понятия с обветшавшим смыслом можно рассматривать как языковые пережитки. «Собственно говоря, – признавал Виппер, – остатков старинных мотиваций очень много, и мы встречаемся с ними на каждом шагу»². Смена понятий влечет перестройку всей системы исторического знания. Новые представления переструктурируют тот образ прошлого, который сложился в историографии. Примером может служить обоснованное в XIX в. археологией представление о более длительном, чем считалось раньше, существовании человечества на земле. «Самую решительную перемену, – писал историк, – в наши воззрения внесло понятие о *громальной протяженности истории человечества*. В самом деле, все эти трехраздельные или четырехраздельные группировки, все эти представления о периодических катастрофах и возрождениях держались на мысли о краткости века человечества на земле»³.

Терминологической ревизии требует и бесперспективный конфликт между идеалистическим и материалистическим истолкованием истории. Полемика дуалистов и монистов в историографии, так же как спор о законах истории не могут быть окончены без пересмотра используемых понятий. «История, – полагал исследователь, – всегда была в ранге науки, признававшей и наблюдавшей закономерность»⁴. Однако трудность определения исторической закономерности остается. Виппер видит причину безрезультативности поисков исторической закономерности в неправильном употреблении понятий. В связи с этим он формулирует задачу критики основных исторических понятий и пересмотр языков описания. Прежде, чем отвечать на вопрос о законах истории, надо посмотреть, правилен ли сам вопрос. Так оказывается, что пред-

¹ Там же. С. 176–177.

² Там же. С. 96.

³ Там же. С. 98.

⁴ Там же. С. 14.

ставление о законосообразном ходе событий в истории первоначально было заимствовано из юриспруденции, затем на него наслоились представления, взятые из математики и механики. «Очевидно, – заключает Виппер, – если мы хотим поправки в данном случае, мы должны пересмотреть понятие закона в применении к истории. Мы должны дать себе отчет в том, какова природа тех постоянств, которые можно наблюдать и констатировать в истории. Мы должны заранее иметь в виду степень точности, до которой могут идти наши запросы со средствами выполнения, не превосходит ли вопрос наших сил, а следовательно, правилен ли сам вопрос».¹

Уточнение терминов – только первый шаг в пересмотре распространенных систем описания и схем объяснения в истории. Термины складываются в «предвзятые комбинации», понятийные штампы, которые на самом деле отражают устойчивые психические комплексы, типы наших рассуждений. «Эти комбинации, по канве которых мы строим перспективы фактов, – разъяснял Виппер, – нередко всего лишь сравнения, метафоры, тропы, риторические обороты. В конце концов, они ничто иное, как объективированные моменты нашей психики».²

Ученый приводил и примеры таких типовых рассуждений в историографии. Один из них – «*психологический параллелизм*», в основе которого лежит «мысль о психических аналогиях и их взаимодействии»³. Другой тип он называл «*историческим уравновешиванием, возмещением*»⁴. Чаще всего он сводится к использованию метафор, например, как в «органической теории» в социологии, в свою очередь заимствовавшей подобный взгляд из реакционной публицистики начала XIX в.

Следующий тип рассуждений, часто применяемый историками – это «разделение исторического материала на *события* и *состояния*». «Группировка эта, – характеризовал ее Виппер, – очень естественна. То мы стараемся собрать разрозненные в нашей традиции, но одновременные в действительности явления в одну картину, на одну плоскость, на протяже-

¹ Там же. С. 14–15.

² *Vinper P.Ю.* Несколько замечаний о теории исторического познания. С. 464.

³ Там же. С. 465.

⁴ Там же. С. 467.

нии пространственном; тогда мы получаем состояния... То мы стараемся разместить обрывки исторической традиции, сохранившиеся в исторических свидетельствах, следуя другому приему: а именно, группируя их в порядке следования на протяжении времени. Тогда мы получаем события»¹. Некоторые события, в которых историк может отметить яркие группы, или быструю смену состояний, или участие большой массы людей, он, как правило, называет «великими событиями». «Ясно, – продолжал исследователь, – что в этих формах событий и состояний мы имеем лишь два возможных мысленных разреза явлений, лишь два возможных способа наблюдения и классификации»². Выбор между типами исторических рассуждений по образцу событий или состояний определятся учебным в каждом конкретном случае. Если для данного материала удобнее его расположение по модели событий, то она и продолжает использоваться, и наоборот. По такому же критерию материал группируется в прагматической и культурной истории или в истории политических деяний и истории социальных состояний³.

Однако у всех приведенных типов рассуждений есть один недостаток: они не учитывают положение наблюдателя, забывают об условности всех этих группировок. Устранению этого недостатка может служить «интроспекция» – понятие, заимствованное Виппером у Р. Авенариуса. Поясняя его, историк писал: «Она состоит вообще в том, что позади предметов, которые мы воспринимаем в их движении, смене, мы подставляем понятие некоей “внутренней” силы и приписываем ей толчок, источник движения и перемены»⁴. Применение интроспекции в историческом исследовании мы видим в «олицетворениях», в рассуждениях о влиянии идей на общество, личности на эпоху и т. п. «Интроспекция может принимать разнообразные и сложные виды. Но ее особенностью всегда является расчленение, производимое нами в группе воспринятых моментов: расчленение это состоит в том, что мы различаем в

¹ Там же. С. 470.

² Там же. С. 471.

³ Там же. С. 473.

⁴ Там же. С. 474.

такой группе элементы творящие и творимые, начало активное и пассивное, материю и дух»¹.

Широко используемое в исторических объяснениях понятие «причины» «в последнее время», как пишет Виппер, все чаще заменяется понятием «условий». «Условия», в свою очередь, предполагают иную модель исторического процесса: это не линейность причинно-следственных отношений, а многогранность исторического явления, исключая жесткий детерминизм. Признание обусловленности, а не причинности исторического процесса в вопросе о законах истории склоняет ученых на сторону плюралистической теории факторов. Причинное построение истории связано с хронологическим и фактологическим расположением событий, в то время как выявление условий предполагает расчленение исторических событий на моменты или факторы. «Чаще всего мы встречаемся в последнее время с группировкой фактов по четырем категориям: явлений *экономических, социальных, политических и культурных*», – указывал Виппер². Но ученый знает «нетвердость и колебимость» любых исторических категорий, что не позволяет строго установить границы между ними. Отсюда Виппер заключал, что «мы не имеем перед собою заранее данного отчетливого разделения явлений по категориям экономики, политики, социальной структуры и т. д. Мы сами делаем разрез действительности, руководствуясь известными, наперед намеченными признаками, установив себе критерий и единицу меры для подбора явлений»³. Историческое явление может быть описано в различных языках и терминах. Деление исторических категорий на экономические, политические, социальные, религиозные образует «группы описаний, ряды снимков»⁴. Но это не фазы или ступени движения, среди них нет в строгом смысле условий первичных и производных. Однако в социальной жизни, даже признавая принцип многофакторности, исследователи все равно различают основные или первоначальные и вторичные или позднейшие элементы. Здесь, конечно, есть своя сложность: множество градаций и

¹ Там же.

² Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. С. 205.

³ Там же. С. 210–211.

⁴ Там же. С. 231.

степеней перехода от основных факторов к производным. Есть и другая трудность, которая «состоит в том, что во всякой наблюдаемой действительности перед нами выступают не все градации в последовательном порядке, имеется не полный их подбор, и не целый вырез из всего ряда, взятый на известной высоте развития; напротив, мы имеем всякий раз спутанный, смешанный подбор элементов, градаций разного происхождения, разного возраста»¹. Даже историологический плюрализм не в силах охватить многообразие исторической жизни. Историческое описание, таким образом, всегда есть упрощение.

Распространенным примером исторического описания может служить взаимоотношение экономики и права в ту или иную историческую эпоху. При этом право мыслится как позднейшее отражение экономических реалий и сложившейся системы хозяйствования. Однако, высказывал свое сомнение Виппер, «не становимся ли мы жертвой оптического обмана, который получается вследствие приемов нашей собственной композиции»². Рассматривая правовые или политические и хозяйственные явления, мы имеем дело с различными системами описаний или исторических изображений: одно «по типу событий», таковы право и политическая жизнь; другое, «по типу состояний», такова экономическая жизнь. Это две композиции, два плана описания, несовместимые между собой.

Высказывания историографии, претендующей на научность, должны носить, согласно критицизму, всеобщий и необходимый характер. Значит, история как наука не может обойтись без обобщений. В свою очередь, обобщения в истории могут быть как результатом обработки и анализа материала, так и «сосредоточием внимания на одном пункте»³. Генерализирующий момент изначально присутствует в описании. Еще до того, как приступить к историческому описанию исследователь уже располагает определенным набором общих идей. Это необязательно будет готовый план, но, по крайней мере, основополагающие ориентиры описания. Индуктивный метод, в силу этого, в чистом виде не применим в исторической науке. «Всякое описание, – уточнял Виппер, – напротив,

¹ Там же. С. 233.

² Там же. С. 214.

³ Там же. С. 24.

предполагает систему, руководящие принципы и в значительной степени является попыткой доказать некоторые общие положения. Общая мысль является не в конце работы, а в ее начале и в ее ходе»¹. Поэтому «чистых, беспринципных описаний нет; во всяком обзоре конкретной группы участвует организующая общая мысль; она сначала представляет постановку вопроса, его рубрики; она возвращается в конце в виде ответа, заполняющего конкретным материалом эти рубрики, подчиняющего конкретность предварительной постановке»².

Обобщение, предшествуя описанию, однако, не ограничивается теми представлениями, исходя из которых историк начинает свою работу. Обобщения формулируются по мере исторического исследования и первоначальные идеи корректируются выводами, полученными по завершении работы. Исходное обобщение коррелирует с заключением, а его итоговая формулировка представляет собой проекцию выводов на начальные условия. Отсюда возникает то, что Виппер называл «исторической иллюзией». «Как скоро сделано обобщение и получилась систематизация результатов, – пояснял он складывающуюся ситуацию, – и получилась систематизация результатов, у людей возникает иллюзия, будто они переживали предварительно в уме всю систему представлений в том самом порядке, в каком они их собрали под конец»³. У историка формируется убеждение, что результаты исторического развития, фиксируемые в выводах исследования, были предусмотрены или потенциально присутствовали на более ранних этапах, а все историческое развитие с необходимостью шло к их реализации. Исторический процесс, таким образом, структурируется телеологически. Но цель истории – итог мысли, а не элемент действительности. Продолжая свое рассуждение, Виппер писал, что историческая «традиция и есть главная созидательница тех позднейших обобщений, тех регистраций пройденного и достигнутого, которые потом кажутся нам предварительными мотивами массовых действий. Огромное множество так наз. социально-исторических целесообразностей должны при ближайшем рассмотрении оказаться фикци-

¹ Там же. С. 29.

² Там же. С. 31.

³ Там же. С. 151.

ей. Историческая передача последовательно размещает явления по формуле: желание – исполнение, воля – действие, расчет – его оправдание. Таким образом, она дает историческую иллюзию»¹.

Обобщение предполагает выделение в исторических явлениях существенного и игнорирование его прочих признаков. Достигнуть этого можно либо путем сравнения, либо схватывания существенного «на одном выдающемся явлении»². Отсюда значение индивидуальности, единичного случая для исторического заключения. «Мы видим, – отмечал Виппер, – что факт повторяемости может быть безразличен для открытия постоянного начала. Закон может быть выведен из одного ряда. Тип часто определяется из одной индивидуальности»³. Историческое обобщение, таким образом, может быть связано с ограничением, может опираться на частное событие или индивидуальность. Даже простое описание, констатация того, что было не способно воспроизвести всю полноту составляющих историческое явление обстоятельств и неизбежно строиться по принципу схематизации и упрощения. Обобщение есть упрощение.

В равной мере в истории нет и чистой дедукции. Историческое обобщение имеет смысл только тогда, когда оно соотносится с конкретными историческими фактами. Более того, круг этих фактов очень часто ограничен, что компрометирует всеобщность такого обобщения. Но перечень фактов в истории никогда не может быть исчерпывающим; все факты никогда не будут известны историку. Подразумевая подобное затруднение, Виппер писал, что «отвлеченная мысль в исторической науке работает вовсе не вне конкретного материала. Этот материал может быть односторонним, он может быть изолирован от сравнений, он может оказаться лишенным параллелей. Извлеченные из него выводы не опираются тогда на множество рядов, не строятся из частных обобщений; они составляют тогда констатирование некоторой основной линии, наблюдаемой на одном определенном ряде. Может быть, даже это и есть типичный вид изобретений или открытий в истори-

¹ Там же. С. 155.

² Там же. С. 59

³ Там же. С. 72.

ческой науке; таким путем, может быть, чаще всего и возникают новые теории»¹. «Итак, – подытоживал Виппер, – историческая наука не идет чисто-опытным путем, ее метод нельзя назвать индуктивным. Но, с другой стороны, она и не исходит от чистых интуиций, от абстрактных категорий, ее метод нельзя назвать дедуктивным»². Успех исторического исследования может быть обеспечен только единством, сочетанием, а не изолированием методов и подходов. Искомое единство способно обеспечить также теоретическая предвзятость, изначальная идеологическая установка в исследовании. «Всякое описание наше, всякое перечисление фактов является на службе определенной организующей теории. Всякая теория есть формула определенных конкретных рядов»³. Осторожность в заключениях, сопровождающихся множеством оговорок и маскирующих авторскую позицию, приводят Виппера к следующему выводу: «Конкретное и абстрактное являются не двумя противоположностями, а двумя градациями: больше, меньше реального материала, сравнений, опытов; больше, меньше удаление от наблюдаемого конкретного ряда»⁴.

Руководящие идеи исторического построения

Анализ базовых положений философско-исторического критицизма или гносеологии истории Виппера позволяет перейти к более подробному рассмотрению тех принципов, на основе которых реализуются различные виды исторических построений. Одно из самых распространенных среди них – психологизация истории. Виппер отмечал «историзирование душевных состояний» в предшествующей историографии, во многом находящейся в зависимости от религиозного мировоззрения. К подобной психологизации были склонны основатели религий, «психологизацию исторических моментов» можно наблюдать в мистике⁵. Основополагающим принципом исто-

¹ Там же. С. 45.

² Там же. С. 45–46.

³ Там же. С. 46.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 124–127.

рического построения психологизация стала в прагматической историографии XVIII в. Здесь «...историческое событие, факт политический и экономический, превращен в морально-психологический момент; фактическая единица, комплекс случайностей обращен в вечный тип... Получается впечатление, что в сознании людей события постоянно превращались в типы, что они образовали в памяти как бы главы моралистического романа»¹. Отсюда морализаторство просветительской историографии, стремление рассматривать душевные состояния исходя из этических понятий. Нравственная оценка навязывается историческим событиям. Историческое описание превращается в суд над историей. «Если присмотреться ближе, – детализировал Виппер свою точку зрения, – психологизация истории основана на весьма произвольных операциях с историческим материалом. При этом главным образом можно заметить наклонность составителей исторической картины сокращать и сгущать далекие удаленные от нас периоды в компактные психологические массы»².

Еще один вид психологического истолкования – присваивание каждой эпохе «особого *носителя ее идеи*»³, что воплощается в представлениях о героях или исторических личностях. Все споры о роли личности в истории не что иное, как разновидность психологизации или одушевления исторического процесса. Мы можем «отметить одну упорную наклонность человеческой мысли при истолковании массовых явлений, развертывающихся в последовательности времени. Человек ищет души, внутренней, сознательно направляющей силы не только в окружающих его предметах, организмах или группах, объединяющих в себе признаки существования, но он ищет той же души, тех же сознательно стремящихся внутренних сил в рядах последовательных явлений, притом таких явлений, которые раздробляются между многими длительными единицами»⁴. Виппер говорит здесь об «анимизме» в истории или постоянной наклонности «вносить аналогию опыта в тол-

¹ Там же. С. 128.

² Там же. С. 129.

³ Там же. С. 131.

⁴ Там же. С. 132–133.

кование общественно-исторических явлений»¹, например, в причинные отношения. Притом Виппер ссылается на Э. Маха и Ф. Ницше. Второй позитивизм также не избежал психологизации, хотя современная научная тенденция в историографии состоит в элиминации всех следов душевных состояний из исторических фактов, в стремлении рассматривать исторические явления лишь с той стороны, которая доступна наблюдению, точнее, восприятию со всеми его оттенками и разновидностями, в том числе, и свидетельством.

Личность вносит в историю момент целеполагания, расчета и разумного плана. Разумно-волевое начало в истории подчеркивала либеральная историография, особо акцентировавшая принцип личности. Убежденность в разумной постижимости мира и даже в логичности бытия переносилась и на историю. История, как результат разумно-волевой деятельности личностей, познаваема в столь же разумной исследовательской практике историка. Но для Виппера это то же одушевление, пусть и в форме интеллектуализации, логизации исторического процесса. «Мысль о тождестве в жизни целесообразности есть, конечно, результат наивного самонаблюдения человека», – постулировал он². Виппер, напротив, вслед за Ф. Ницше, которого он упоминает, настаивал на бессистемности мышления. С этой точки зрения он рассматривал и то, что мы считаем целесообразностью: «Оно сводится на *регистрирующую* роль сознания, на последовательные обобщения, из которых собственно и складывается наше сознание. То, что мы называем целями, образует *остановки сознания* или *моменты его выступления*»³. Целесообразность – частный и необязательный момент нашей сознательной деятельности, точно так же как и сама разумно-волевая деятельность лишь частный случай жизненных процессов. Поэтому, заключал историк, «...надо крайне ограничить область, на которую распространяется руководимость, или воля»⁴. Более того, целесообраз-

¹ Там же. С. 137.

² Там же. С. 139.

³ Там же. С. 144.

⁴ Там же. С. 145.

ность в общественной жизни – «полный обман зрения»¹, иллюзия.

Отчасти поддержать представление о целесообразности могут встречающиеся в истории повторения, которые нередко оказываются механическими подражаниями. Целесообразное поведение как «предвосхищение системы своих будущих действий, конечно, встречается в истории, но распространенность его ограничена. Исторические движения толпы на самом деле являются не столько следованием воли вождя, сколько результатом «подражательных действий»². Это «механические повторения» действий. Историк упрощает ситуацию, когда соединяет разнообразие «произвольных действий» в «многогранную пирамиду телеологий». Виппер приходит к выводу о непригодности категории целесообразности для истолкования общественно-исторических явлений; «мы должны признать формулы телеологии своего рода ошибочным преувеличением сил человека»³.

История в этом смысле неотличима от природы. И телеология в истории – всего лишь «неловкое выражение для обозначения факта приспособления» к окружающей среде. Как в природе нет целеполагающего момента, так его нет и в истории. История действует по тому же сценарию траты и распыления социальных сил и энергии, какой мы видим в жизни природы. «В социальной жизни, – утверждал Виппер, – наблюдается то же, что и в окружающей человека природе, где происходит трата массы производственных сил, семян, зародышей, тепловой, электрической и т. д. энергии на риск, для обеспечения одного нового существа из тысячи. Как в жизни природы не только не видно прицела, систематической подготовки, сбережения, экономии сил, но, напротив, развертывается какое-то невероятное мотовство, роскошество, нервическая поспешность, разбрасывание, преувеличение, так же и в человеческих отношениях»⁴.

Персонифицируя целеполагающую тенденцию исторического процесса, ученые приходят к вопросу о роли личности в

¹ Там же.

² Там же. С. 156.

³ Там же. С. 160.

⁴ Там же. С. 162.

истории, который, согласно Випперу, столь же устарел, как и обосновывающий его телеологизм. Вопрос о личности в истории – отголосок традиционного представления о героях, «остаток мифологического мировоззрения»¹. «В своих картинах и резких формулировках, – признавал Виппер, – теория деятельной или творческой личности в истории, разумеется, слишком напоминает мифологические темы и способна увлечь только очень примитивные умы»².

Виппер давал свое объяснение этого застарелого представления о личностях, героях, вождах в истории, воздействующих на косную и инертную массу. Согласно его точки зрения, свидетельства людей прошлого, из которых черпается наше знание истории, подталкивают историка видеть в личностях и главных исторических деятелей, затем обобщенная и упрощенная характеристика этих деятелей переносится на все остальные личности, которые превращаются в толпу, массу. Вот как эту исследовательскую процедуру описывал Виппер: «В сущности, источники, исторические свидетельства заключают в себе лишь обрывочные указания на известные акты, отношения, мнения прошлого. Личности, и как раз наиболее выдающиеся, наиболее ярко выражающие известные тенденции, служат для нас единственными показателями общественных течений, настроений, идей, деятельности учреждений прошлого. Это – единственные наши свидетели, но мы хотим также сделать их объектами своего рассмотрения, своего суда, и вот мы расчленяем группу воспринятых исторических впечатлений: мы начинаем выделять известные нам личности в качестве творящих, воздействующих, от остальной неизвестной нам массы, которой мы приписываем лишь пассивное восприятие. Однако, характеристику массы мы составляем по тем же самым данным жизни и мысли известных нам личностей, потому что иных данных нет: мы только стираем несколько оригинальны черты, разницу между личностями, чтобы из суммы стертых фигур получить “среду”. Мы как бы два раза эксплуатируем одних и тех же свидетелей, заставляя их выступать то как фактор воздействия, то как объект воздейст-

¹ Виппер П.Ю. Несколько замечаний о теории исторического познания. С. 463.

² Виппер П.Ю. Очерки теории исторического познания. С. 244.

вия. По одним и тем же людям мы судим о характере, силе полученного влияния, и о характере, силе оказанного влияния»¹. К полюсу личности относятся автор, вождь, герой, к полюсу массы – зрители, слушатели, армия. Виппер еще раз объясняет происхождение разделения в истории на личности и толпу: «Обыкновенно при составлении общих исторических характеристик культуры, состояния общества и т. п. историк незаметно для себя производит следующую операцию: стирает более или менее сильно оригинальные черты отдельных личностей, ослабляет разницу между индивидуальностями, вырабатывает искусственно некоторый средний уровень и из суммы стертых фигур получает “среду”»². Далее историк располагает характеристики активности и пассивности в хронологическом порядке, «причем активные относятся в раннюю пору, а пассивные – в позднюю». «Мало того. Мы склонны переносить различие активных и пассивных элементов во внутреннюю жизнь личности» – заключал Виппер³.

Учение о роли личности в истории, таким образом, – «обломок» старого дуализма – дуализма организующего духа и руководимой сырой или мертвой материи. В отношении истории он подразумевает косность и неподвижность общества и активизм личности. Исторических деятелей, в свою очередь, чаще всего делят на две категории: «во-первых, пророков, провозвестников новых религиозных начал, основателей религии, и во вторых, завоевателей, объединителей, политических организаторов»⁴.

Анализируя исходные представления, из которых складывается учение о роли личности в истории, Виппер выделял три группы идей: «Во-первых, есть мысль о постоянной возможности выступления сильных руководящих натур, изобретателей, организаторов, вождей, людей, выводящих общество из маразма, из коснеющего бездействия или помогающих вырваться к новому строю жизни. Во-вторых, есть представле-

¹ *Bunper P.Ю.* Несколько замечаний о теории исторического познания. С. 475.

² *Bunper P.Ю.* Очерки теории исторического познания. С. 262.

³ *Bunper P.Ю.* Несколько замечаний о теории исторического познания. С. 476.

⁴ *Bunper P.Ю.* Очерки теории исторического познания. С. 243.

ние о сильных натурах другого типа, которые не могут увлечь за собою общество, но которые, тем не менее, прорывают условные рамки жизни, добиваются свободы для себя или погибают в трагическом столкновении со средой. То и другое возможно во все моменты эпохи. Но помимо того, в третьих, есть времена, особенно обильные выступлениями сильных или оригинальных личностей, есть эпохи и преобладания личностей в противоположность другим эпохам, когда личности принижены или влияние их ослаблено»¹. Историк оценивает подобные представления как «переживание очень старых идей». Так учению о роли личности в истории непосредственно предшествовала идея личности-божества, опирающаяся на комплекс представлений архаичной магии и мистицизма. Личность или герой, повторял Виппер теорию Г. Тарда и Н.К. Михайловского, как правило, не выделяется своими качествами на фоне породившей его толпы. Герой может быть лучше других выражает чаяния и желания толпы и направляет ее на путь их удовлетворения. «Определенные единичные акты, – разъясняя ученый, – выступают на особенно видное место не вследствие своей внутренней цены, а под влиянием обстановки, в которой они являются: они первые среди других или они кажутся первыми – эта разница уже не имеет значения»². Понять толпу можно через героя, а не противопоставляя личность массе. Герой – персонификация толпы. Личность – единственный источник наших сведений о массе. «Надо постараться, – советовал Виппер, – возможно более полно использовать те свидетельские показания, которые мы имеем в деятельности личностей, прежде чем садиться за суд над ними. ...Надо постараться через эти группировки понять и определить массу, слои и оттенки, которые в ней имеются»³. Указанный метод, признавался Виппер, близок приемам исторического материализма, поэтому исторический материализм представляет собой «важный шаг в теории исторического познания»⁴. В историографической перспективе, высвечиваемой последними достижениями гносеологии, вопрос о роли лично-

¹ Там же. С. 255.

² Там же. С. 258.

³ Там же. С. 263–264.

⁴ Там же. С. 264.

сти окончательно элиминируется из исторической науки. «Чудесам личного творчества, всемогуществу человеческой воли, – предсказывал ученый, – нет более места в новом понимании общественной жизни»¹. Однако вскоре революционные события в России заставили Виппера пересмотреть свои взгляды. Не только в теоретических статьях и выступлениях, но и в книге об Иване Грозном личность заняла доминирующее положение в его исторических построениях.

Подобный ход мысли Виппер предусматривал и ранее. Он называл его драматизацией, от которой также призывал отказаться. «Нельзя не заметить. – писал он, – что мысль о катастрофах держалась на некоторой произвольной драматизации, на сильном стягивании состояний и настроений, в действительности раздвинутых во времени, т. е. до известной степени на сокращении сокращений»².

К принципам исторического построения относятся и различные варианты деления человеческого прошлого на «века, периоды, циклы жизни»³ или, по словам Виппера, «наружное очертание, фасад исторического построения». Такова идея *плана истории*, «т. е. представление о ходе и порядке исторических явлений, о смене в нем кризисов и остановок, о сроках оборота и следования больших повторяющихся групп»⁴. План истории, в свою очередь, может принимать различные модификации. Во-первых, это «понятие о *темпе движения*»⁵, согласно которому исторические периоды не должны быть чрезмерно длинны и их не должно быть слишком много. Во-вторых, это «идея *морфологическая*» или «мысль об органическом характере исторического развития»⁶. Чаще всего она принимает вид метафоры возраста, усматривающей в истории народа периоды детства, зрелости, старости. «Так или иначе, – отмечал Виппер, – мысль о различии возрастов, о возрастных эпохах, о сменах жизненных периодов постоянно возвращает-

¹ Там же. С. 270.

² Там же. С. 107.

³ Там же. С. 76.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 82.

⁶ Там же. С. 83.

ся в периодизациях»¹. По этой же модели производится традиционное деление истории на древнюю, среднюю и новую. В третьих, это мысль «о повторяемости моментов», т. е. о круговороте или смерти и возрождении общества, о циклах истории. Виппер использовал и специальный термин для формулы возрождения общества к новой жизни – «*палингенезия*».

Но, пожалуй, самым распространенным является причинно-следственное построение истории. Оно, согласно Випперу, также устарело. Во всяком случае, причинное объяснение не отличается принципиально от целесообразного или телеологического толкования истории. «Так же, как и в телеологическом объяснении истории, – полагал Виппер, – и в *каузальном*, т. е. при установлении причинной связи явлений, мы прежде всего опять-таки встречаемся с вариациями понятия о воле. Понятие об исторической причине в своей основе есть понятие о скрытой воле, скрытом замысле, который потом осуществляется в делах, в следствиях»². «В более ранних толкованиях причинной связи исторических явлений, – писал он далее, – исходили от понятия намеренности, цели, руководящей людьми. Разбирая какую-нибудь группу событий, историк отделял одни элементы вглубь, в качестве мотивов, желаний, приготовлений, другие выдвигал на поверхность, в качестве обнаружений, результатов; воля и исполнение, вот что он разумел, кратко говоря, под причиной и следствием. Диалектическое расчленение представляет важный шаг вперед в смысле большей тонкости анализа. Оно заменяет старое анимистическое понятие “цель”, “осуществление желаний” и т. п. более безличным принципом *смены последовательных ступеней движения*. Диалектический прием при наблюдении какого-либо целого выделяет известные признаки и расставляет их в перспективе; они кажутся ранними и поздними состояниями, или, что то же, причинами и следствиями»³. Диалектика – метод расчленения целого. «Таким образом, – проводил исследователь гегелевскую мысль, – всякий логический процесс есть исторический путь рассуждения, и всякая группа исторических явлений есть развернутая логическая схема. Логические

¹ Там же. С. 85.

² Там же. С. 166.

³ Там же. С. 201.

фазы в то же время являются реальными звеньями цепи причин и следствий»¹. Диалектика лишь один из видов причинно-следственного истолкования исторического процесса. «Диалектический метод, оценивал его Виппер, «представляет один из самых ярких приемов общей операции расчленения понятий и явлений»².

Концепция многофакторности исторического развития признавалась многими современниками Виппера, и он не внес в ее разработку принципиально новых решений. К идее многофакторности приводила и применяемая Виппером аналогия с биологией. Ближайшим фактором, определяющим историческую жизнь, выступает окружающая природная среда. «Мы можем говорить, – полагал историк, – также о *приспособлении общества к своей среде*, данной внешней природой и другими человеческими обществами»³. Концепция многофакторности находит отражение и в последовательном описании различных сторон исторического явления: экономических, правовых, культурных, религиозных, социальных. Так же как и П.Н. Милюков Виппер называл их «рядами». «Изучение цепи явлений в каждом отдельном ряду, – пояснял он, – есть следование раз принятому разрезу действительности. Но при истолковании какого-либо явления в целом необходимо проследить его, так сказать, горизонтально через все ряды, найти все его формулы»⁴. Принцип взаимообусловленности или многофакторности выступает альтернативой причинно-следственному описанию исторических явлений.

Больше всего внимания Виппер уделял такому принципу построения истории, как прогресс. Переосмысление теории прогресса, как справедливо полагает С.П. Рамазанов, связано с представлением Виппера «не только о релятивном, но и о субъективистском характере исторического познания»⁵. Следует оговориться, что ученый рассматривал не теорию прогресса, а *идею* прогресса и построенную на ее основе «истори-

¹ Там же. С. 183.

² Там же. С. 201.

³ Там же. С. 160–161.

⁴ Там же. С. 219.

⁵ Рамазанов С.П. Кризис в российской историографии начала XX в. С. 50.

ческую картину», т. е. прогресс как «представление», «регулятивную идею», а не реальный процесс. Прогресс как комплекс представлений, который задает специфику исторического восприятия. В нумерованном предисловии к изданию лекций об истории идеи прогресса, Виппер пояснял свою исследовательскую позицию: «Автору хотелось показать черты зарождения и главные моменты той религии прогресса, которая наполняет возбужденную атмосферу европейской мысли в течение каких-нибудь шестидесяти лет, занимавших последнюю треть XVIII и первую треть XIX века»¹.

Обращение к истории идеи прогресса было вызвано кризисом «быта и понятий» современного европейского общества. Одним из таких изрушившихся убеждений, как утверждал Виппер в докладе «Верит ли кто-нибудь в теорию прогресса?», прочитанном 16 ноября 1913 г. в кружке московских историков, была теория прогресса. Он фиксировал «крушение теории прогресса, составлявшей чуть ли не главный догмат культуры XIX века»². Ученый подробно перечислял «догматические пункты» теории прогресса: представление о косности и кратковременности первобытного человечества; отождествление исторического периода с прогрессом и развитием; постепенное утверждение начала личности в истории; параллельное развитие вместе с личностью общественных связей и их взаимоотношение. Приведу соответствующую формулировку самого Виппера: «1. Человечество *доисторического* вида жило неподвижной жизнью вне государства, без науки и техники. В его быту нет развития, нет страстей, нет подъема, нет хронологии. Доисторический век не был очень долгим; историк прозревал весьма рано в глубине времен начало движения, жажду перемен.

2. *Историческая* жизнь представляет настоящее поле или мастерскую прогресса. Вызывается прогресс нарастанием потребностей человека, движется от увеличения его энергии, а его результат – новое накопление данных для дальнейшего материального обогащения и морального совершенства»

¹ *Bunper P.Ю.* Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв.

² *Bunper P.Ю.* Кризис исторической науки. С. 15.

ния. Чем дольше, тем более прогресс растет и ширится от развившихся в самом движении сил; таков закон его механики.

3. Содержанием прогресса является прежде всего *рост личности*, всестороннее ее совершенствование. В старинном человечестве личностей не было, индивид поглощался целым, но это целое представляло стадо, т. е. общество в зоологическом смысле: в нем отдельный человек играл роль зависимого органа, у которого нет своей жизни, нет лица и свободы.

С пробуждением личности начинается история. Ее главные моменты отмечены сильным подъемом личной энергии, личной изобретательности, они могут быть названы революциями личности. Особенно любили представлять Ренессанс в виде какого-то прорыва, бури, анархического вихря, благодаря которому личность поднимается на высшую культурную ступень.

4. На вопрос о том, в какой мере прогресс представляет рост *общественных союзов* и укрепление общественных связей, не получалось единодушного ответа: имелись две главные разновидности, либерализм и социализм»¹.

Утвердившись, теория прогресса стала задавать собственную модель исторического описания и объяснения. Стала производить отбор, расстановку и оценку исторических фактов. «Руководящая линия представляла теперь не кривую, а непрерывную восходящую прямую. Шаги вперед, этапы следования по этой линии назывались “улучшение”, “усовершенствование”. Наблюдение должно было отнестись более чутко к одним фактам, чем к другим, выделять те, у которых можно было поставить отметку “лучше, шире, человечнее” и т. д. и изолировать другие, где подобная отметка оказалась неприложимой»². Тенденция к улучшению и усовершенствованию человеческой жизни, провозглашаемая теорией прогресса, не оставляла в истории возможности остановки или даже возврата. Прогресс рисовался как непрерывное движение вперед. «Для теории прогресса, – писал Виппер, – не могло быть полных пробелов, полных потерь в движении человечества... Вместо падения новая теория видела выступление новых све-

¹ Там же. С. 15–16.

² Виппер Р.Ю. Несколько замечаний о теории исторического познания. С. 453–454.

жих начал, дополнение старой несовершенной культуры элементами, которые должны были привести ее к новой высшей ступени»¹. Образцом подобных умозаключений служила история Европы последних 4–6 веков. У родоначальников современной теории прогресса – Гердера, Кондорсе, Гегеля и Конта, – «факты европейской истории были подняты на высоту мировых переворотов и общечеловеческой эволюции»². Но Виппер усматривал и религиозные корни идеи прогресса, считая ее наследницей христианства, видя в ней старую идею целесообразной эволюции. Теория прогресса оказывается продолжательницей христианской философии истории. В современных настроениях Виппер ощущает «неостывшее христианское представление о краткости человеческого века на земле»³, переносимое на идею прогресса.

Однако господство теории прогресса закончилось. Она «выветрилась из умов»⁴. Виппер отмечает кризис идеи прогресса. Данные археологии опровергают представление о непродолжительности доисторического периода. Напротив, они говорят о древности человеческого общества и его форм. Во все неочевиден прогресс в сфере религиозных идей. «Эволюция человеческой культуры, – констатировал Виппер, – не представляется нам теперь одной линией, круто и ускоренно поднимающейся вверх. Эволюционный процесс раздробляется на много самостоятельных групп, по большей части вовсе не примыкающих друг к другу, в виде звеньев одной цепи. Многие из этих групп в своей жизни, растянутой на века, производят впечатление медленно разворачивающихся почти ровных полос. В истории перед нами выступают не столько хронологические моменты одного расширяющегося течения, сколько местные общественные и культурные типы с характерным строением весьма длительного свойства»⁵. Иллюзией оказывается и идея единого человечества: она принадлежит веку прогресса не больше, чем другим временам. Идея человечества –

¹ Там же. С. 454.

² *Bunper P.Ю.* Общество, государство, культура Запада в XVI веке // Мир Божий. 1897. № 2. С. 5.

³ *Bunper P.Ю.* Очерки теории исторического познания. С. 101.

⁴ *Bunper P.Ю.* Кризис исторической науки. С. 17.

⁵ *Bunper P.Ю.* Очерки теории исторического познания. С. 106.

такая же наша конструкция, как и другие исторические понятия, накладываемые на историческую действительность, а не выводимые из нее. Исследователь должен иметь в виду, «что человечества, как органического связного целого, прежде не было, что это – наша современная фикция. Забывалось, что ведь именно только в нашей мысли мы составляем это целое из разбросанных элементов: забывалось, что эти элементы могут иметь для нас научную цену и интерес в известных сопоставлениях и соединениях, но что в действительности они составляли группы и общества, которые жили для себя и часто ничего не имели общего между собою»¹. Недоверие к соединению «человеческого общества в единственном числе» усиливается у Виппера сомнением в планомерности прогресса, в том, «что в его ходе должна быть восполнена великая просветительная, воспитательная система»². Опровергается интеллектуальная интерпретация прогресса, уверенность в «росте человеческого сознания», так же как и гуманности. Все это «оптический обман». История демонстрирует нам, напротив, не нравственное совершенствование, а, скорее, «закон падения», «внутренние распри», «ожесточенные столкновения самолюбий», «подъем злых чувств»³.

Сокрушительный удар по идее прогресса нанесла мировая война, опрокинувшая постулат, что война есть «пережиток древней старины»⁴. «Ни одна партия, ни одно направление культурной мысли не в силах более отстаивать догмат учения о прогрессе», – писал Виппер об идеологических последствиях войны⁵. Идея прогресса долгое время считалась одной «из самых упорных идей века индустриализма, возникшей у либералов и перешедшей затем к социалистам»⁶. Теоретики прогресса полагали, что с развитием капитализма мирное, деловое, юридическое регулирование должно вытеснить военные конфликты. Однако демократическая и буржуазная Европа

¹ *Bunner P.Ю.* Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. С. 193–194.

² Там же. С. 194.

³ *Bunner P.Ю.* Кризис исторической науки. С. 26–28.

⁴ *Bunner P.Ю.* Круговорот истории. С. 43.

⁵ *Bunner P.Ю.* Кризис исторической науки. С. 29.

⁶ Там же.

показала больше воинственности и ожесточения, чем ее менее прогрессивные и цивилизованные предшественники или соседи.

Наконец, даже в области политических теорий и государственных учений на протяжении последних пяти тысяч лет «не видно никакой эволюции»¹. То же можно наблюдать и в исторической действительности: «В истории государства за большой период времени мы не видим ни прогресса личности, ни прогресса общежития»². Более того, наблюдения над современностью приводят Виппера к совсем пессимистическим заключениям: «...жить делается труднее, а человек становится все слабее силами»³. В жизни он отмечает физическое и нравственное истощение современных рабочих, рост самоубийств среди различных категорий населения. Развитие техники не делает человека сильнее, а его жизнь более осмысленной, но приводит лишь к «росту опустения» в человеческих занятиях, искусствах, умениях, навыках⁴. Историческая действительность не оправдывает притязаний прогресса на линейное, поступательное движение. «Ничего не повторялось в истории, – думали веровавшие в непрерывный прогресс, – было только одно восхождение одной группы, сначала небольшой, потом постепенно сделавшейся всесветной»⁵. Исторически прогресс оказывается наполнен отклонениями, задержками, возвратами и повторами.

Альтернативой прогрессу может служить теория исторического круговорота. Группируя факты, историк замечает повторяемость или, по крайней мере, аналогию некоторых событий. «И мы начинаем все более осознавать, – признавался Виппер, – какое огромное место занимает в историческом прошлом повторяющиеся действия одних и тех же сил, как медленно и слабо совершались изменения»⁶. Теория исторического круговорота не моложе теории прогресса. В XVIII в. ее, например, разрабатывал Д. Вико. Но ее реанимация и более

¹ Там же. С. 20.

² Там же.

³ Там же. С. 21.

⁴ Там же. С. 23.

⁵ *Виппер Р.Ю.* Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. С. 195.

⁶ *Виппер Р.Ю.* Очерки теории исторического познания. С. 101.

широкое научное применение стало возможно в результате консервативно-романтической реакции на просветительский прогрессизм. Националистическая историография, сменившая всемирно-исторические построения Просвещения и «эпохи революционно-религиозного энтузиазма», по мысли Виппера, дала сильный толчок научному развитию истории. Националистическая точка зрения, отказавшись от подчинения истории отдельных народов универсальной логике общечеловеческого движения, побудила к сличению и сравнению множества «национальных процессов». В итоге историки заметили «факт повторяемости исторических явлений в определенных рядах», т. е. зафиксировали единство последовательности социальных процессов. Повторяемость вновь возвращала к идее единообразия, но не как исторической схеме, а в качестве структуры социального организма. Ни одна общественно-историческая эволюция в этом отношении не может служить образцом исторического развития. Напротив, все частные исторические процессы являются проявлением одного типа. «Для современного историка, – актуализировал Виппер теорию исторического круговорота, – наиболее важная задача – определить повторяемость явлений в пределах человеческих обществ, воспроизведение при сходных или одинаковых условиях сходных или одинаковых форм жизни и понятий, движение каждой развивающейся общественной или народной группы по некоторым немногим типичным ступеням... на первом плане стоит вопрос о том, каковы вообще условия роста, успеха или падения человеческих обществ, каково взаимодействие внутри отдельных обществ различных сил и элементов, из которых они состоят»¹. Единообразие процесса позволяло прояснять и восполнять неизвестные моменты в исторической жизни народов или прогнозировать последующие изменения. «При таком сравнении историк, – пояснял Виппер, – получал впечатление, что каждая народная группа, каждое национальное общество пробегает определенные ступени развития, которые повторяются у всякой другой. Обнаруживалось сходство и в моментах движения, и в порядке их следования друг за другом. Явилась возможность делать заклю-

¹ *Bunper P.Ю.* Школьное преподавание древней истории. С. 59.

чение от судьбы одной народности, одного национального общества к развитию другой. Раз были известны все ступени, пройденные одной группой, отсюда можно было выводить наличие такого-то неизвестного или неясного момента у исследуемой другой группы, если она отстала в своем ходе от первой».¹ История тем самым становилась на научную почву. В итоге ход исторической мысли с середины XIX столетия был направлен на установление социальных типов, в которых согласовались бы основные элементы научного объяснения: повторяемость и привязка к определенным условиям. Метод типологизации, или в другой терминологии, «эволюционной закономерности», вытеснял генерализирующие построения, опирающиеся на однозначные и универсальные «исторические законы». Типологизация допускала более гибкий подход к обобщению исторических явлений, позволяла включать в один тип несколько вариантов, которым, в свою очередь, соответствовали разные и на первый взгляд вполне уникальные национально-исторические процессы. «Наука с этого времени, – констатировал Виппер, – преимущественно исходит от представления об общественных типах, изучает в истории не единый процесс, а множество сходных процессов. Она отталкивается от мысли о повторяемости известных исторических явлений и комбинаций там, где повторяются соответствующие условия, от мысли о существовании некоторых норм и некоторой нормальности общественного развития; поэтому она идет путем сравнения»².

Динамика исторических циклов раскрывается Виппером в формулировках близких спенсеровскому органицизму. Теория исторического круговорота, безусловно, связана с органическим подходом к общественным явлениям, хотя Виппер и не акцентирует на этом внимание, записывая органицизм в пережитки устаревшего мировоззрения. Повторяемость в качестве моделиобразующего признака исторических явлений отмечалась и раньше. В своем архаическом выражении ее принципы излагались Виппером следующим образом: «Господствовавшая когда-то теория исторического круговорота представляла

¹ *Bunper P.Ю.* Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. С. 198.

² Там же. С. 200.

нормой в исторических судьбах человечества смену двух движений, движений культуры вверх от некоторого исходного пункта и движения ее вниз, назад к исходу; смену подъема от некоторого первоначального уровня и обратно падения к этому уровню; после чего должен наступить опять новый и равный прежнему подъем и т. д. Теория круговращения считала нормой в историческом ходе раздробление основной цельной формы жизни и исходной цельной веры людей на самостоятельные существования и индивидуальные мнения, а потом возвращение от анархии и раздробленности к прежнему единству»¹.

Теория исторического круговорота рассматривает исторические эпохи и народы как замкнутые исторические миры. Виппер предлагал изучать истории отдельных народов «как законченный круг жизненных форм и идей, во многом аналогичный новоевропейскому»². Сходство исторических процессов и культурных форм получается не в результате непрерывной связи или аналогии социально-исторического развития. Иными словами, повторяемость достигается не посредством исторической преемственности, а в итоге самостоятельного воспроизведения жизненных форм. «Раз мы будем изучать это движение общественных сил, – писал историк, – не однажды повторявшееся в истории, и всюду повторяющееся, где образуется живая прочная народная группа, будем изучать не движение человечества в целом, потому что человечество есть в значительной мере цепь случайно связанных групп, а движение человеческого общества»³. Специфика подобного исторического исследования смыкается с задачей социологического изучения, точнее, с задачей выяснения «как возникает, расширяется, развивается человеческое общество в известных более или менее ограниченных рамках, где можно удобно наблюдать взаимодействие различных его элементов»⁴. Это предусматривает расположение материала не хронологически, а в порядке «доступности, отчетливости и яркости явлений, на

¹ *Bunner P.Ю.* Несколько замечаний о теории исторического познания. С. 452–453.

² *Bunner P.Ю.* Школьное преподавание древней истории. С. 36.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 38.

которых можно показать ход развития общества, начиная с ранних моментов»¹.

Идея исторических циклов имеет своим прототипом и более понятные и привычные обстоятельства: смену поколений, возрастные периоды в жизни человека, группировку людей по близости интересов и т. п. Жизнь наполнена повторами, воспроизводящими один и тот же смысл событиями, дублирующими состояниями. Поэтому нет ничего удивительного в том, что исследователь замечает повторения и в истории. Более того, Виппер полагал, что «повторения охватывают самые существенные стороны исторического процесса»². Повторяемость в истории способна поднять сциентистский рейтинг историографии, облегчая ей поиск исторических законов. От повторяемости к закономерности – таков путь утверждения научности истории. По словам Виппера, «мы хотим из наблюдений аналогии и повторений вывести более точные законы общественного движения»³.

Концепция исторических циклов, настаивал Виппер, противопоставляется идее исторической эволюции, хотя полностью ее и не отрицает. Изменения внутри циклических периодов вполне могут рассматриваться в соответствии с эволюционной схематикой. Да и повторения в истории никогда не бывают буквальными. Но эволюционизм не может объяснить наблюдаемую в истории цикличность. «Эти повторения в различных общественных группах, не стоявших между собою ни в каком общении, – отмечал Виппер, – часто не подозревавшие о существовании одна другой, странные по своему упорству, иногда по своей “нелепости”, т. е. по своей противоречивости рациональному опыту, – заставляют предполагать какие-то неисследованные еще, глубоко залегающие складки человеческой природы, слабо подающиеся эволюции и способные поставить в тупик просветительную работу своими внезапными вспышками»⁴. Эволюционизм продолжает рационалистическую традицию в философии истории, пытается представить

¹ Там же. С. 39.

² Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. С. 57.

³ Виппер Р.Ю. Школьное преподавание древней истории. С. 60–61.

⁴ Виппер Р.Ю. Новые направления в философии общественной науки. С. 74–75.

исторический процесс в качестве логической последовательности постижимых и ясных ступеней, наполненных доступными познанию событиями. Однако невозможность полного логического объяснения в истории корректируется в позитивизме теорией многофакторности исторического развития. Но для Виппера и она не способна до конца рационализировать историческую действительность, логически исчерпать жизнь. «Общественная наука XIX в., – писал историк, – может быть, слишком упорно искала в эволюции последовательности и логичности. Действительный ход вещей приносит много неожиданностей, хотя и покрываемых терминами эволюционистики, в роде “естественная реакция”, “перерождение” и т. д., но, в конце концов, жестко нарушающих предполагаемые нормы. Среди этих неожиданностей дают себя знать “повторяющиеся мотивы”, которые служат знаками некоторых устойчивых, длительных качеств и состояний человеческого интеллекта и людского общества. Общественная наука необходимо должна была обратить особое внимание на эти элементы, часто обидный и досадный для рационалиста, но неустранимый в кругозоре историка и психолога»¹.

Виппер не ограничился одними теоретическими рассуждениями о цикличности истории, а попытался экстраполировать свои знания по античной истории на историческую ситуацию в России и Европе начала XX в. Исторический параллелизм между эпохой Античности, прежде всего римской историей, и современностью исследователь усматривал, главным образом в трех обстоятельствах: рост империализма и вызванные им войны, кризис культуры в его различных проявлениях, гражданская война. «Мне кажется, – признавался историк, – что наш усиленный, почти болезненный, интерес к эпохе римской империи и особенно к ее религиозной форме вызывается каким-то не вполне ясным, но настойчивым сознанием сходства того момента с нами переживаемым.

Мы чувствуем, что наша цивилизация, подобно греко-римско-иудейской, клониться к кризису, дошла после блестящего критицизма, после лихорадочного напряжения деятельности, до упадка и бессилия, слышит все больше и больше

¹ Там же. С. 80.

неминуемое приближение варварства»¹. «Расширенная и углубленная древняя история, – продолжал он свое рассуждение, – дает еще другой материал для выводов философии человеческого общества. Мы убеждаемся, что все наши переживания составляют повторение того, что много раз бывало, что знакомые нам душевные бури, порывы фантазии, запросы мысли и наблюдения над миром, подобные нашим, составляли содержание жизни далеких поколений в разных широтах, в разные эпохи. Мы невольно проникаемся почтением к тому, что можно назвать постоянным элементом в природе человека и в строении человеческого общежития. Мы отвыкаем от предрассудка видеть в сцеплениях данного момента нечто единственное в своем роде и превосходящее своей ценностью все, что раньше переживалось людьми»². Более того, история Древнего Рима служила своеобразным каноном для всех последующих применений теории исторических циклов. В ней отмечали все основные элементы циклической модели. «Таким образом, – утверждал Виппер, – факты размещались, так сказать, по кривым линиям, концы которых опять встречались на известном протяжении, факты получали своеобразные отметки, связанные с понятиями повышения или понижения, цельности и дробления, гармонии и анархии. Наблюдению историка таким образом был дан как бы основной руководящий чертеж; у него был в руках определенный тип, образец, с которого он мог копировать все свои картины»³. Не исключен параллелизм и с более удаленными историческими эпохами. Так, борьба за права женщин в современном мире воспринималась Виппером как повторение (смысловое, а не фактическое, разумеется) тех форм жизни, которые преобладали в период матриархата. «Старина, – писал он, – была мудрее нас в вопросах устройства общества. То, что мы теперь стараемся провести в отношении прав женщин, о чем мы так торжественно возглашаем, составляет только неполное восстановление

¹ Виппер П.Ю. Круговорот истории. С. 99.

² Там же. С. 104–105.

³ Виппер П.Ю. Несколько замечаний о теории исторического познания. С. 453.

ние справедливости, лишь некоторую долю того, что было, и о чем в новой Европе безнадежно забыли»¹.

Идея исторического круговорота влечет и перестройку методологического инструментария исторической науки. На первый план выходит типологизация. Задача историка теперь состоит в том, чтобы изучать не факты, а «типическое»². По словам Виппера, «центр тяжести исторического интереса лежит в данную минуту не в изучении событий, не в изучении единичного, особенного, исключительного, а в изучении типического, в наблюдении повторяемости, правильности, в выделении постоянных, возвращающихся элементов»³. Типологизация на методологическом уровне отражает ту социологическую интенцию частно-исторических и философско-исторических исследований Виппера, которая отмечалась в теории круговорота. На основе типологических группировок ученый предлагал выстраивать и всемирную историю. «Таким образом, – постулировал он, – в наше время всеобщая история постепенно обращается в изучение исторических типов и типических соотношений. Задача ее состоит или в выяснении общего пути, общих норм, в которых совершается жизнь аналогичных общественных групп в их целом составе, или в выяснении повторяющихся взаимоотношений, как, например, развитие государственного порядка в связи с эволюцией общественных форм и т. п.»⁴.

Применение метода типологизации наиболее эффективно при изучении больших исторических периодов. Типологизация в первую очередь акцентирует устойчивые и повторяющиеся элементы исторического процесса. «Но там, – отмечал Виппер, – где мы не можем обозначить перемены годами и десятилетиями, где продолжительность форм измеряется веками и десятками веков, там вопросы хронологии вообще утрачивают острое значение; мы склонны рассматривать относящиеся сюда социальные состояния не столько под углом зрения эволюции, движения форм, сколько по их общему

¹ *Bunper P.Ю.* Круговорот истории. С. 189.

² *Bunper P.Ю.* Школьное преподавание древней истории. С. 59.

³ *Bunper P.Ю.* Общество, государство, культура Запада в XVI веке // Мир Божий. 1897. № 2. С. 7–8.

⁴ Там же. С. 8.

внутреннему сцеплению, по их типическим особенностям, по их зависимости от длительных условий, географических или расово-психических и др.»¹. Метод типологизации как бы дополняет теорию многофакторности.

Плюрализм факторов, в свою очередь, оправдывает множественность исторических образований, разнообразие исторических судеб. Тип одновременно фиксирует универсальные черты исторического явления, т. е. то, что служит предметом социологического изучения, и сохраняет самобытность и уникальность описываемых процессов (может быть установлен, например, тип эпохи или определенного периода в истории народа), т. е. то, что считается преимущественным предметом исторического исследования. «А тип у него – это исторически уникальное, специфическое, – разъяснял Б.Г. Софронов, – т. е. не то, что обязательно должно повториться в истории всякого народа как необходимая ступень его развития, а наоборот, как нечто особенное, как один из способов или вариантов решения вопросов, которые задает история отдельным народным группам»². Сам же Виппер чаще подчеркивал социологическую сторону типологизации. «Для современного историка, – писал он, – наиболее важная задача – определить повторяемость явлений в пределах человеческих обществ, воспроизведение при сходных или одинаковых условиях сходных или одинаковых форм жизни и понятий, движение каждой развивающейся общественной или народной группы по некоторым немногим типичным ступеням... на первом плане стоит вопрос о том, каковы вообще условия роста, успеха или падения человеческих обществ, каково взаимодействие внутри отдельных обществ различных сил и элементов, из которых они слагаются»³.

В заключении повторяю основные моменты философско-исторического учения Виппера. Философской основой его построений был эмпириокритицизм и критически переосмыс-

¹ Виппер Р.Ю. Новые направления в философии общественной науки. С. 68–69.

² Софронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера и его время. С. 119.

³ Виппер Р.Ю. Школьное преподавание древней истории. С. 59.

ленное неокантианство. Начало философии истории Виппер относил к XVIII в., хотя признавал и влияние религиозной традиции, прежде всего, католической философии истории. В XVIII в. философия истории понималась как история всеобщая, построения которой отличались телеологизмом и априоризмом. Следующий этап в философском осмыслении истории ученый называл «социологической фазой», для которой характерны причинное объяснение, теория факторов, идея внутренней закономерности и система социологических рядов. Методологической опорой социологическому подходу служат сравнительный метод и эволюционная точка зрения. Социология сосредоточивается на обнаружении в истории повторяющихся явлений. Другой источник новых взглядов на историю – достижения археологии.

Отличительной особенностью нового понимания философских проблем истории является интерес к гносеологическим вопросам. Виппер говорит здесь о «теоретико-познавательном критицизме», задача которого состоит в пересмотре понятий и языков описания. Историческая гносеология осознается им как критика языка. С этой целью, полагал Виппер, философ истории должен критически анализировать традиционную историческую терминологию, складывающуюся в «предвзятые комбинации», пересмотреть распространенные в историографии типы рассуждений. Из принципов исторических рассуждений Виппер, в частности, рассматривал психологизацию, приводящую к морализаторству, суду над историей, проблеме личности в истории. Он критиковал причинное построение в истории, видя альтернативу ему в теории многофакторности, писал о кризисе теории прогресса, отдавая предпочтение теории исторического круговорота, использующей метод типологизации.

Историография, исторические теории и общественные учения, полагал Виппер, всегда находятся под сильным влиянием происходящих современных событий. Так мировая война и революции в России привели к переакцентировке исторических исследований на массовые исторические явления, социальные катаклизмы, роль личностей и идей в истории. Иными словами, переключение исследовательского интереса с состояний на события. Еще один стимул развития исторической

науки – влияние других научных дисциплин, представления и терминология которых могут выступать «удачными метафорами», побуждениями мысли. Подводя итог теоретико-методологическим построениям Виппера, Л.Н. Хмылев писал: «Общий смысл гносеологической позиции Виппера сводился к признанию объективного существования исторического процесса как предмета познания исторической науки и отрицанию возможностей ее объективного осознания, причем последнее вовсе не ставилось исторической науке в виду, так как ее основная задача усматривалась не в объективном отражении прошлого, а в выражении средствами исторической науки современных общественных запросов»¹.

¹ *Хмылев Л.Н.* Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии. С. 60–61.

ПРИЕМЫ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ П. Г. ВИНОГРАДОВА

Методологические взгляды Виноградова не нашли отражение в отдельном труде, их приходится извлекать из его историографических исследований, из предисловий к монографиям и литографированным курсам лекций. Методологическим проблемам исторической науки был посвящен семинар Виноградова, который он вел на протяжении сорока лет сначала в Москве, потом в Оксфорде.

Об этом семинаре сохранилось много воспоминаний и высоких оценок учеников и коллег ученого. Как отмечал сам Виноградов: «Семинарии носили преимущественно методологический характер: В. старался преподать своим ученикам умение самостоятельно обращаться с источниками и применять к ним приемы научной критики»¹. На своих занятиях Виноградов требовал от учеников хорошего знания научной традиции при критическом отношении к авторитетам, настаивал на необходимости дополнять знание фактов «творческими» приемами исследования. По свидетельству В.Бузескула: «В деле изучения истории в России для развития метода исторического исследования большое значение имела деятельность П.Г. Виноградова, как руководителя практических занятий в семинарии в Московском университете и у себя на дому. Успех этих занятий был огромный. В них принимали участие не только студенты, но и уже окончившие университетский курс молодые ученые разных факультетов, его ученики и младшие товарищи по специальности, так или иначе интересовавшиеся историей»².

¹ Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. С. 296.

² Бузескул В. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. С. 181–182.

Влияние виноградовских семинаров, полученные на них навыки, знания, да, по-видимому, и особый эмоциональный настрой или напряженная атмосфера научного поиска, были настолько сильны, что участники занятий спустя десятилетия вспоминали о них с неизменным восхищением. «Этот образцовый, неподражаемый семинарий был превосходной школой, научавшей общению с текстами памятников и умению пользоваться ими», – писал М.М. Богословский¹. «Виноградов поднимал нас на высоту новейших научно-исторических проблем», – вспоминал А.А. Кизеветтер и продолжал: «Великолепно ставил Виноградов занятия в своем историческом семинарии. Ни Ключевский, ни Герье не шли вровень с ним в этом отношении... Виноградов же делал из своего семинария истинную школу исследовательской работы. Тут именно можно было учиться тому, как стать ученым. Он умел втянуть всех участников семинария в равномерную общую работу по исследованию исторических памятников и собственное направляющее руководство вел так, что оно лишь возбуждало самодеятельность руководимых»². «Это была своего рода историческая химия», – признавался М.М. Богословский³. «Они давали, – пояснял он далее, – для самостоятельной работы в области истории подготовку и выправку. Они приучали обращаться с источниками и пользоваться ими; они научили и приемам критики, и приемам конструкции на основании памятников. Эти навыки приобретались и путем упражнения при постоянной работе в семинарии, но, может быть, главным образом здесь действовал пример учителя. Наблюдая за той серьезной и вдумчивой работой над историческими памятниками, которую он в нашем присутствии проделывал в семинарии, мы, может быть, бессознательно усваивали или старались усвоить те же методы и приемы»⁴.

¹ *Богословский М.М.* [П.Г. Виноградов] // Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярная. (Научное наследие). М., 1987. С. 73–74.

² *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий (воспоминания 1881–1914). Прага, 1929. С. 70.

³ *Богословский М.М.* [П.Г. Виноградов]. С. 79.

⁴ Там же. С. 81.

История как строгая наука

Теоретико-методологические рассуждения Виноградова подчинялись одной задаче – обоснованию научности историографии. В то же время становление истории как науки не могло состояться без разработки теоретических и методологических вопросов истории. Сциентистское исповедание эпохи ищет опору в природе. Все плоды научного творчества, вплоть до рукотворных консеквенций техники, возводятся в ранг естественных отправления человеческого разума. Виноградов изъяснял науку в категориях знания, порядка и рефлексии. «Наука, – постулировал он, – есть знание, приведенное в порядок рефлексией, и как таковое является характерной особенностью человечества; наиболее фундаментальное различие между человеком и животным заключается в способности к рассуждению»¹. Столь общее понимание науки уточняется позитивистским изводом духа научности, характерным для XIX в. Более определенно Виноградов говорит о двух идеях, которые «господствуют над всеми научными взглядами века и глубоко отражаются на всем его мирозерцании; это – идея закона и идея развития»². Распространяя эти идеи, в том числе и на общественные науки, ученый конкретизирует свои взгляды. Идея закономерности вводит предмет общественных наук в область необходимых явлений. По словам Виноградова, «в общем наука понимает теперь *мировую жизнь не как сцепление случайностей*, а как результат действия законов, частью известных нам, частью неизвестных»³. В статье о Фюстель де Куланже ученый настоятельно подчеркивал потребность «понимать историю не как капризное сплетение разнокалиберных событий, а как проявление строгой внутренней необходимости»⁴. Имея в виду идею закономерности, Виноградов не противопоставлял ей телеологическое развитие социальных явлений, что вполне согласовывалось с принимаемой им органической точкой зрения. Закономерность в истории может быть

¹ Виноградов П.Г. Очерки по теории права. М., 1915. С. 6.

² Виноградов П.Г. Накануне нового столетия. М., 1901. С. 25.

³ Там же.

⁴ Виноградов П.Г. Фюстель де Куланж. Итоги и приемы его ученой работы // Русская мысль. 1890. Кн. I. С. 84.

как причинной, так и целевой. «Где есть дух и есть жизнь, там находит себе применение категория цели», – утверждал историк¹. «Хотя каждое стремление, – пояснял он свой подход, – каждый волевой акт имеет свои причины и может быть рассматриваем как необходимое следствие, причинный механизм, который приводит их в движение, часто остается скрытым или недостаточно выясненным, между тем как связь между средствами и целями выступает на поверхность и легче поддается наблюдению. Мало того, раз сложившийся план, раз установленная цепь, сами по себе приобретают значение причины, направляют энергию в известном смысле, вступают в конкуренцию с естественными условиями и влияют на конечный результат»². К такому заключению Виноградов приходил от критики неокантианской философии истории, противопоставившей причинности ценность. «Едва ли нужно объяснять, что Риккерт и его последователи сильно преувеличивают отмеченную ими противоположность», – признавал ученый и добавлял, что в науках о культуре «огромное значение имеют... исследование причин и установление некоторых однообразий»³. В истории есть место и причинности и цели; «историкам так же мало можно обойтись без причинности и законосообразности, как и без целесообразности и идеальных мерил»⁴.

Обоснованию и иллюстрации закономерности общественных явлений Виноградов посвящал и свои лекции. Социально-исторические обзоры ученого должны были служить демонстрации закономерности происходящих в обществе процессов. «Но о чем бы с ним не говорили, – писал по этому поводу В.А. Маклаков, – в его распоряжении всегда находилась масса аналогий, сравнений, иллюстраций из разных эпох и народов, которые показывали с кристальной ясностью, что в истории все совершается по непреложным законам общественной жизни, что в ней нет ничего необъяснимого. В обнаружении и определении этой закономерности был лейтмотив Виноградовских лекций и его научных работ. При этом идею

¹ Виноградов П.Г. Перспективы исторического правоведения // Современные записки. 1921. № 7. С. 156.

² Там же.

³ Там же. С. 155.

⁴ Там же. С. 155–156.

закономерности он нам не навязывал, не внушал “a priori”, как аксиому своей исторической философии. Это был простой логический вывод, к которому каждый естественно сам приходил, усвоив его изложение»¹.

Идея развития в интерпретации Виноградова несет явные биологические коннотации, а ее применение к историческому процессу неизбежно приводит к установлению органической точки зрения. Историческая эволюция становится частным приложением общей органической периодизации жизни. «Другая проходящая повсюду научная идея века, – развивает свои соображения историк, – есть *идея развития*, – мысль, что все существующие формы – растения, животные, люди и общества – проходят естественный рост, развертывая постепенно свое строение и силы, питаясь из окружающей почвы в борьбе и взаимодействии с окружающими условиями, двигаясь сначала вперед, затем останавливаясь и разрушаясь, с тем чтобы передать жизнь новым существам подобного же рода. Эта идея развития в применении к истории обнимает две стороны *исторического процесса* – его *преемственность*, постоянную зависимость всего, что существует в настоящее время от прошлого, из которого оно вышло, и *изменчивость* – постоянное движение к разрешению новых задач и применение к новым условиям»².

Идея закономерности становится руководящей и в философско-исторических поисках. Так, согласно Виноградову, воспроизводящему традиционный взгляд на возникновение философии истории, философский интерес к истории зарождается и терминологически оформляется в гуманистическом мирозерцании XVIII в. Здесь обозначаются два направления философского постижения истории: поиск закономерности исторических явлений (Монтескье) и представление об историческом прогрессе (Гердер, Кант, Кондорсе). В XIX в. идея закономерности входит в сциентистский арсенал социологии и в различных вариантах, прежде всего каузальном, продолжает формировать научный облик историографии. Наметившееся еще в историческом сознании XVIII в. соотнесение естественно-

¹ Маклаков В.А. Отрывки из воспоминаний // Московский университет 1755–1930. Париж, 1930. С. 310.

² Виноградов П.Г. Накануне нового столетия. С. 26.

научно понимаемой закономерности с законом в юридическом смысле, заметно и у Виноградова. Изучение истории права и внимание к юридическим, равно как и хозяйственным, отношениям в истории убеждали и побуждали Виноградова к научному построению истории. Вспоминая этот сложный период формирования своих научных взглядов, он следующим образом обосновывал свое признание научности историографии: «Ознакомление с правом и политической экономией сделалось важным элементом дальнейшего развития, так как они явились как раз в разгар болезненных сомнений относительно роли и приемов «истории как науки». Забота о развитии научной стороны предмета, в противоположность литературно-художественной, осталась и укрепилась, но внимание направилось не к социологическим построениям, пока шатким и чисто словесным, а к установлению причинной зависимости между отдельными рядами исторических фактов»¹. Сомнение в научности истории, впрочем, осталось. В изданной в Лондоне в 1915 г. брошюре «Русская проблема» Виноградов вновь кратко касается этой темы. Неповторимость исторических событий не позволяет от знания фактов предсказывать последующие события. История не проективная дисциплина. Если в брошюре «Накануне нового столетия» Виноградов, подводя итоги ушедшему веку, оптимистически пытался обозначить сложившиеся исторические тенденции, могущие иметь продолжение, то теперь ограничивает научную перспективу истории лишь составлением фактов в связанную цепь развития. «История, – пишет он, – не является наукой, позволяющей нам точно предсказывать будущие события, но указывает, рассматривали ли мы факты социальной жизни вне опыта или связывали их в единую цепь развития»². В конце жизни ученый, правда, еще настойчивее высказывал сомнение в возможности построения истории в качестве науки. «Довольно трудно предположить, – писал он, – будет ли когда-нибудь история наукой; во всяком случае ясно, что она не является таковой в настоящее время, об этом можно говорить разве что

¹ Венгеров С.А. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых (историко-литературный сборник). Т. VI. СПб., 1897–1904. С. 68–69.

² Vinogradoff P. The Russian Problem. London, 1915. P. 2.

в отношении экономической теории»¹. Главный критерий научности, по мнению Виноградова, – формулирование гипотез, объясняющих большое количество фактов. Соответствие фактам подтверждает истинность теории, служит ее верификации. Появление фактов, которые теория не способна объяснить, приводят к опровержению гипотезы, факты фальсифицируют теорию. «В индуктивных науках, – разъяснял историк, – факты важны исключительно в их отношении к теориям, и новые теории определяют значимость новых фактов»². Однако подобные научные «стандарты», полагал Виноградов, пока к истории не применимы. «Истории, – сожалел он, – рассматриваемой как воплощение истины, похоже, еще долго придется оставаться почти чисто описательной дисциплиной»³.

Отсутствие у истории прогностической функции – серьезный удар по ее научной репутации, но не смертельный. Он лишь сужает научные притязания истории. Так, более частный характер приобретает и историческая закономерность. Сомнение в возможности закономерного объяснения в истории сопровождается недоверием к обобщениям в исторической науке. Для того, чтобы выдержать научность исторических исследований, необходимо опираться на индуктивные умозаключения, следуя обобщающей логике которых можно было бы сформулировать исторические законы. Но это невозможно не потому, считал Виноградов, что мы не имеем нужного количества фактов для наиболее полного индуктивного обобщения, а как раз наоборот, потому что этих фактов слишком много и случайный характер большинства из них препятствует корректному умозаключению. «Действительно, – полагал ученый, – большое число примеров не всегда необходимо для установления закона, позволяющего легко выявить среди сопутствующих явлению обстоятельств существенные. Но в истории так много незначительных и случайных по своей природе сопутствующих обстоятельств, что ни одно широкое и простое обобщение не возможно»⁴. Более того, в истории цен-

¹ Виноградов П.Г. Об истории // Историки-эмигранты. Вопросы русской истории в работах 20-х – 30-х годов. М., 2002. С. 13.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 14.

ны не законы, а сами по себе факты, и этим историография принципиально отличается от естественных наук. Это, конечно, не исключает возможности обобщений в истории и даже их ценности и важности. Необходимо лишь учитывать ограниченность подобных умозаключений, обусловленность их конкретными обстоятельствами. Выводы истории не носят обязательный характер, хотя, порой, любопытны и даже полезны. «Тем не менее, – уточнял Виноградов, – история играет роль в современных делах, но не столь прямую, определенную и решающую. Она может, во-первых, предлагать малые максимы, чья истинность, когда они однажды предложены для обсуждения, становятся очевидной вне зависимости от событий, из которых эти максимы выведены... Везде, где помимо фактов из несомненных предпосылок может быть выведен простой дедуктивный аргумент, история может преподносить полезные наставления»¹. Однако допустимость упомянутых обобщений Виноградов был склонен ограничивать лишь областью экономической истории. Вопрос об исторической закономерности неоднократно обсуждался в русской академической философии истории. Результат обсуждений, правда, был более чем скромным. Установление исторических законов осталось в сфере пожеланий. Чувствуя неудобство такой, компрометирующей научность, истории безрезультативности, Н.И. Кареев, например, предпочитал говорить о «законосообразности», а не «закономерности» исторических явлений; а П.Н. Милюков, признавая сложность установления исторических законов, переносил их в компетенцию социологии. В итоге, идея исторической закономерности, как правило, замещалась концепцией многофакторности исторического развития.

К такому разрешению проблемы тяготел и Виноградов. Исторический процесс объемлет различные стороны общественной жизни и представляет собой результирующую взаимодействия многих сил, ни одной из которых в порядке постижения прошлого мы не можем отдать абсолютного предпочтения. «Конечная цель истории – выяснить условия действительного развития общества, как целого, в живом соотношении всех слагающих общество сил», – писал Виноградов во

¹ Там же. С. 16.

вступительной лекции в курс сравнительного правоведения¹. Разбирая известную книгу Л.И. Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки», он отмечал, что воздействие географической среды необходимо дополнить влиянием расы, а также теми следствиями, к которым приводили столкновения и смешения народностей. В результате Виноградов указывал на два основных вида «исторической обстановки»: географическую среду и этнографический состав населения.

Точное установление исторических законов – дело будущего; но уже сейчас ясно одно: они должны быть частным приложением общих законов социальной эволюции, рассмотрению которых с органической точки зрения Виноградов посвятил в 1898 г. цикл лекций «О прогрессе». Поиски законов социальной эволюции служат ориентиром для соответствующих изысканий историков. «Законы развития, – полагал Виноградов, – могут пока еще представляться в виде неясных очертаний, которые более определенно могут быть прослежены будущими поколениями работников, но теперь уже нельзя спорить о том, что совершается постоянный прогресс обобщений на прочно установленных посылах в направлении к ним»². Многофакторность исторического развития вовсе не означает разнообразия исторической жизни, точнее, вариативности социальной эволюции. Универсальность цивилизационного развития воспринимается Виноградовым как всемирно-исторический процесс; по его словам «в исторической жизни нам дано чувствовать солидарность больших организаций, которые неизмеримо возвышаются над личной жизнью государств и национальностей, образуя всемирную историю»³. Развитие цивилизованности или культурности такой же всемирно-исторический процесс, как и рост солидарности или кооперации. Если всемирная история ранжирует народы по степени их большей или меньшей развитости, то история цивилизации несколько сглаживает эту иерархию тем, что со-

¹ Виноградов П.Г. Задачи правоведения // Вступительные лекции профессоров Московского императорского университета. М., 1909. с. 8.

² Vinogradoff P. Villainage in England. Essays in English Mediaeval History. Oxford, 1892. P. 3.

³ Виноградов П.Г. История средних веков. Курс 1901–1902 гг. М., 1901 (литография). С. 11–12.

поставляет разные народы различным этапам, стадиям общего цивилизационного процесса. Всемирная история и есть для Виноградова история единой цивилизации. История цивилизации предпочтительнее в том отношении, что она дает больше возможностей пользоваться сравнительным методом, а, значит, согласно Виноградову, и больше уверенности в научности самого познания прошлого. В одном из последних университетских курсов, прочитанных им в Москве до отъезда в Англию, он выражал эту мысль следующим образом: «...во всем, что принадлежит истории, т. е. памяти и сознанию, в конце концов везде обнаруживается та же солидарность, и хотя она [не?] достигает такой конкретной самостоятельности, как в процессе образования языка или государственных учреждений и права у одного и того же государства, но, спрашивается, в самом деле, не представляет ли история человечества, помимо общего характера действий тех или других учреждений, помимо общности права, еще солидарной культуры, которая завязывается далеко на востоке и идет до нашего времени. Это самосознание культурного человечества в последнее время вызывает стремление к так называемой истории цивилизации, в противоположность истории отдельных народов и государств. Эта история цивилизации, уже вследствие своей объективности и устранения от себя забот и стремлений отдельных национальностей и отдельных исповеданий, становится шире и беспристрастнее в своем повествовании, являясь тем основанием, которое дает нам возможность стремиться к научным обобщениям, возможность сравнительных операций над историческим материалом»¹. Кажущееся многообразие цивилизаций, вариативность путей цивилизационного развития, по мнению Виноградова, проистекают от многогранности самой исторической жизни и отражающей ее многоаспектности понятия цивилизации. Согласно историку, «в сущности одной исключительной классификации в данном случае и быть не может. Общепринятое распределение тем и слабо, что оно набирает в одну систему разнокалиберные признаки. А научных периодизаций может получиться столько же, сколько есть разных сторон в самом понятии цивилизации. По соци-

¹ Там же. С. 12–13.

альному критерию факты расположатся одним образом, по политическому – другим, по религиозно-философскому – третьим»¹.

Разработка теоретико-методологических проблем истории началась еще в XVIII столетии, но научный облик истории – заслуга XIX в. Именно рост научности во всех сферах человеческой деятельности определил индивидуализирующие черты XIX столетия. «Поколения девятнадцатого века, – характеризовал Виноградов свою эпоху, – осознавали воодушевляющую силу религиозных чувств; пытались возродить философские системы прошлых времен; подняли структуру теоретической и прикладной науки на такую высоту, которая едва ли могла быть представлена два века назад»². В авангарде онаучивания истории стояли английские ученые. Виноградов связывает новый взгляд на исторические проблемы и новый способ их осмысления с практикой политической жизни Англии. «Историческое исследование в истинном смысле слова, действительно, – настаивал он, – впервые появилось только в XIX в., и более успешно это происходило в Англии, чем в других странах, потому что Англия опережала континентальные государства в политическом отношении: влияние образованного общества на политические дела позволило ему легче понять условия политического развития»³. Влияние политической обстановки, впрочем как и других сторон современной жизни на историческую науку, неоднократно подчеркивалось Виноградовым. Согласно наблюдению Б.Г. Могильницкого: «Проблема отношения между современностью и историей является центральной в историографических обзорах Виноградова»⁴. Так, в статье по поводу известия о кончине Л. фон Ранке Виноградов специально оговаривал влияние эпохи, точнее, политических событий в Европе в 1812–1840-е гг. на становление взглядов немецкого историка. Исследователь указывает на

¹ Виноградов П.Г. Влияние рек на происхождение цивилизации // Северный вестник. 1892. № 6. С. 40.

² Vinogradoff P. Villainage in England. P. 1.

³ Ibid. P. 6.

⁴ Могильницкий Б.Г. П.Г. Виноградов как историк исторической науки // История и историки. Историографический ежегодник. 1973. М., 1975. С. 217.

«связь между действительной борьбой того времени и образованием нескольких основных мнений и приемов историка»¹. Два направления более всего отразились на работах Л. фон Ранке: романтизм, допускающий и оправдывающий иррационализм, мистицизм, чувственность и бессознательное, и рационализм, последовательно проводящий идею развития, что лучше всего заметно в гегелевской философии истории. И далее он писал о Л. фон Ранке, что «его отношение к историческим событиям проникнуто теми общими принципами, которые он развивал для современности»²; «Политическая обстановка много содействовала образованию основных взглядов нашего историка»³. С аналогичной точки зрения Виноградов воспринимал работы А. де Токвиля. О затронутых французским историком проблемах «почти невозможно наблюдать спокойно и рассуждать беспристрастно»⁴. В публичной лекции о Т.Н. Грановском, прочитанной 11 февраля 1893 г. в пользу комитета грамотности Виноградов, в образной форме выражал ту же идею: «Как световые лучи собираются в фокусе человеческого глаза, так в голове мыслителя сосредотачиваются и своеобразно преломляются лучи идей, которые попадают на него с разных сторон, из различных умственных центров его времени»⁵. В рассуждениях Виноградова звучат отголоски спора между Ю.Ф. Самариным и Б.Н. Чичериным о народности в науке. «Ведь ход мыслей, конечно, – пишет он, – зависит не от одного логического сцепления их, а значительно определяется обстановкой»⁶.

Отличительным признаком историографии XIX в. является забота о научной репутации истории. И здесь внешние обстоятельства во многом определяли и направляли исторические поиски ученых. Виноградов отмечает несколько ключе-

¹ Виноградов П.Г. Ранке и его школа // Русская мысль. 1888. Кн. IV. С. 216.

² Там же. С. 218.

³ Там же. С. 219.

⁴ Виноградов П.Г. Предисловие к русскому переводу // Токвиль. Старый порядок и революция. М., 1896. С. 5.

⁵ Виноградов П.Г. Т.Н. Грановский // Русская мысль. 1893. Кн. IV. С. 46.

⁶ Там же. С. 52.

вых политических событий, которые не только составили историческую эпоху, но и изменили ориентиры исторических исследований: Французская революция конца XVIII в. и последовавшая за ней реакция. «Переворот во взглядах на историческую работу, – утверждал он в одном из лекционных курсов, – совпал по времени с переворотом в общественных и политических условиях, стал движением, которое известно под именем Французской революции и которое вызвало сильное возбуждение умов в Европе. Это совпадение не может быть признано случайным; эти 2 движения не только совпадают во времени, но и зависят друг от друга»¹. «Если Революция, – пояснял ученый далее свою точку зрения, – была учительницей истории, что факты политической жизни податливы, то реакция была тоже учительницей того, что известные традиции крепко держатся, несмотря ни на какие порывы»². «Все это были исторические уроки, которые писались кровью. Ни один век не сделал столько для истории, как проученный революцией и реакцией девятнадцатый век», – заключал Виноградов³.

С точки зрения современности Виноградов предлагал оценивать и историю средних веков. Причинно-следственная цепь событий связывает прошлое с настоящим. Современность лишь замыкает каузальный ряд, теряющийся во тьме веков. Современность всего-навсего вершина причинно-зависимого корневища. Исходя из такого понимания, Виноградов рассматривал средневековье в качестве отдаленной причины происходящих событий. «В самом деле, – рассуждал он в лекционном курсе, – если смотреть на средневековую историю как на ряд отдаленных причин, то может, мне кажется, скоро возникнуть вопрос: не являются ли эти отделенные причины в то же самое время и причинами основными, именно потому, что в это время складывались первоначальные условия, вырабатывались общие формы существования европейских народов, с которыми приходится считаться и до сих пор»⁴. Прежде

¹ Виноградов П.Г. История Греции. Лекции 1898–99 ак. г. (литография). С. 10–11.

² Там же. С. 11.

³ Там же. С. 12.

⁴ Виноградов П.Г. История средних веков. Курс 1901–1902 гг. С. 4.

всего ученый имел в виду то сочетание римских и германских элементов, которое сложилось в раннем Средневековье. Актуализация, а зачастую и преувеличение исследователем значения своего любимого предмета, эпохи, проблемы – обычное явление в науке. Виноградов обосновывает свой исследовательский интерес теоретической схемой, подводя исторические периоды под этапы жизни исторического организма. В результате, средневековье соответствует тому возрасту исторической индивидуальности, в который сложились политические, социальные, национальные и религиозные особенности современных европейских народов.

Что же касается того времени, в котором формировались исторические воззрения самого Виноградова, то здесь русский ученый говорит скорее о неопределенности современной эпохи, лишенной стимулирующего влияния ярких политических событий. «Мы не так счастливы, – признается он в статье о И.В. Киреевском, – как люди тех времен, – мы не застали ни старого порядка, ни кризиса, его опрокинувшего; мы... заняты частными, специальными работами, применением к новым условиям со всеми их местными особенностями и временными неудобствами. По необходимости работа идет в разброд и довольно случайно»¹. Политическая жизнь знает эпохи стабильности и эпохи изменений. Подстраиваясь под ритм политических обстоятельств, наука также знает периоды интенсивного развития и периоды застоя. Поэтому, характеризуя состояние современной исторической науки, Виноградов в равной мере оценивает и свою эпоху. «А в исторической психологии, – пишет он, – такая разрозненность – условие роковое: она тотчас отражается на самом свойстве достигаемых результатов»². Для сравнения приведу диагноз В.О. Ключевского, поставленный русской историографии последних четырех десятилетий XIX в.: «Работа русской историографии идет ровным ходом и в довольно миролюбивом духе. Былые богатые битвы западников с славянофилами затихли и вместе с своими богатырями отошли в область героической эпопеи русской историографии... Новых направлений с принципи-

¹ *Виноградов П.Г.* И.В. Киреевский и начало московского славянофильства // Вопросы философии и психологии. 1892. Кн. 11. С. 98–99.

² Там же. С. 99.

альными разногласиями не заметно; слышны только споры методологического или экзегетического характера»¹. Однако не следует думать, что Виноградов полностью подчинял развитие науки политическим перипетиям современности. Историческая эпоха, конечно, неизбежно сказывается в историографии, но при этом наука обладает и своей имманентной логикой развития. «Школы, – писал ученый о складывающихся в историографии направлениях, – сменяют друг друга не в силу каприза или талантливости отдельных ученых, а в силу общих условий, действующих помимо прямого заимствования и сплетающихся разноплеменных исследователей в теоретические группы. Толчок для образования групп приходит из практики, то есть, из общей исторической жизни, отовсюду облегчающей науку, образующей ученых, подсказывающей решения. И тем не менее теоретическое развитие самостоятельно – самостоятельно настолько, что вся сила этой многообразной жизни не в состоянии прервать или повернуть назад его течения, а принуждена склонять его в новых и новых изгибах все в том же поступательном направлении»². Воздействие политических событий, как и вообще любые внешние влияния на науку не являются исключительным фактором развития научной мысли. В равной мере наука трансформируется в зависимости от вновь открытых фактов и их дополнительной интерпретации. Достижения историографии, новые точки зрения и гипотезы также участвуют в развитии науки. «Всякое развитие научной мысли, – по словам Виноградова, – совершается под влиянием трех процессов. Во первых, под влиянием расширения материала, во вторых, под влиянием того, что каждое поколение или школа принуждены развивать работы предшественников, так как мысль не стоит на одном месте и с каждым днем являются все новые и новые запросы. В этом случае историография представляет как бы ряд вопросов, ответов и доказательств. Сам процесс разработки материала называется диалектическим. Наконец, 3-ий процесс, обуславливающий движение научной мысли, есть процесс влияния или воздействия, который приходит со стороны обстановки и жизненных усло-

¹ *Ключевский В.О.* Сочинения. В 9 т. Т. VII. М., 1989. С. 388.

² *Виноградов П.Г.* Исследования по социальной истории Англии в средние века. СПб., 1887. С. 33.

вий, так как полного разделения разработки научных вопросов в кабинете ученого и в сфере обыденной жизни быть не может»¹.

Связь историографии с эпохой непосредственно сближает ее и с искусством, поскольку только искусство стремится воспроизвести и передать всю полноту текущей жизни. История обречена быть синтетической дисциплиной, восполняющей разнообразие исторической жизни силой художественного воображения и интуиции. Как пишет Виноградов, «в основе эта способность художественная, поэтическая. Нельзя ни в каком знании обойтись одним логическим процессом. Самые замечательные открытия делаются чутьем или отгадыванием. Особенно велика область художественного творчества в истории, потому что она охватывает все формы жизни в прошедшем и главной своею задачей ставит не характеристику отдельных сторон хозяйства, права, литературы, науки, религии – порознь, а изображение сложного взаимодействия, так называемой *жизни*»². Примером такого синтетического подхода может служить творчество Л. фон Ранке, который дополнял научный анализ и фактологическое исследование мастерством своего художественного таланта. «Для него история – наука, поскольку она искусство», – заключал Виноградов³.

Неустранимая синтетичность историографии отражается на «энциклопедичности задачи»⁴, стоящей перед историком. Для успешного ее разрешения историку нужны знания и сведения из области экономики, богословия, литературы, искусства, права. Религия в ряду перечисленных дисциплин занимает особое место, поскольку менее всего претендует на научность. В «Очерках западно-европейской историографии» – этом своеобразном отчете Виноградова о современном состоянии исторической науки, написанном на основе анализа работ прежде всего английских, итальянских и немецких ученых, он отмечает определяющую роль религии в формировании того, что можно назвать идейным фоном эпохи. Представления, идеи, убеждения, из которых в своей работе исходит историк в значительной степени складываются под воз-

¹ Виноградов П.Г. История Греции. С. 3–4.

² Виноградов П.Г. Т.Н. Грановский. С. 57.

³ Виноградов П.Г. Ранке и его школа. С. 221.

⁴ Виноградов П.Г. Задачи правоведения. С. 7.

действием тех или иных религиозных воззрений. По словам Виноградова, «не трудно показать, что если брать во внимание крупные исторические периоды, благотворное влияние религии на нравственность и практическую жизнь прямо пропорционально силе теоретических убеждений; что самое отделение морали от вероучения свидетельствует о распадении или ослаблении религии; что в борьбу с принципом свободы действительно может вступать только принцип авторитета»¹. Так, согласно Виноградову, событиями, предreshившими историю Европы в Новое время были реформация и контрреформация. «Реформация и борьба с реформацией в значительной степени определили судьбы европейских народов», – писал он в рецензии на докторскую диссертацию Р.Ю. Виппера². Осмысление религии как исторической силы вводит в социально-историческую концепцию Виноградова еще одну тему – роль идей в истории. В тех же «Очерках западно-европейской историографии» он касался этого вопроса, рассуждая о значении «культурного идеала» в истории, на примере такого исторического явления, как рыцарство, в частности, разбирая книгу Фримана «William Rufus»³. Другим примером реального воздействия идей на общую динамику исторического процесса и его конкретные проявления может служить рецепция римского права в средние века – излюбленный исследовательский сюжет Виноградова. Посвятив данной теме один из последних прочитанных им в Московском университете курсов, правда, уже в качестве приглашенного профессора, он следующим образом подводил итог своим разысканиям: «История римского права в средние века свидетельствует о скрытой мощи и

¹ Виноградов П.Г. Очерки западно-европейской историографии // Журнал министерства народного просвещения. 1883. Сентябрь. Ч. ССXXXIX. С. 165.

² Виноградов П.Г. Кальвин и Женева (Р. Виппер: «Церковь и государство в Женеве XVI века в эпоху калвинизма». Москва, 1894) // Русская мысль. 1894. Кн. IX. С. 134.

³ Виноградов П.Г. Очерки западно-европейской историографии // Журнал министерства народного просвещения. 1883. Август. Ч. ССXXVIII. С. 398–399.

организующей силе *идей* среди изменчивой обстановки фактов»¹.

Идеи, идеалы, цели – неустрашимый, сугубо человеческий и в этом отношении существенный признак истории. Если что и выделяет историю из природы, так это наличие в ней интеллектуальной составляющей. «Важно, – подчеркивал Виноградов, – что без проникновения в сферу идеалов не может быть и речи о научном изучении человечества»². Исследование человеческого общества, особенно его цивилизационного развития, также предполагает преимущественное внимание к идеальным истокам социальной организации. Ссылаясь на В. Вундта, Виноградов отмечал, что «эволюция человеческой цивилизации немыслима без ведущей нити интеллектуального общения и размышления»³. Ключевая роль в этом процессе принадлежит языку, чьи социализирующие потенции не способна компенсировать ни одна другая форма человеческого деятельности. «Он, – писал Виноградов о социальной функции языка, – дает возможность индивиду общаться не только с ближайшим окружением и не только в отношении простейших потребностей и чувств: он поднимает индивидуальное сознание до социального сознания у всех племен и всех народов в мире»⁴. Подобное восприятие истории наталкивает исследователя на смысловое постижение прошлого, основания которого непосредственно не выводимы из известных фактов. Доступные историку данные о прошлом следует объединять в смысловые комбинации – исторические события, эпохи, периоды. Примером подобного подхода может, например, служить проблема начала средних веков. Согласно Виноградову, «такого рода обширный период не может начинаться с определенного года... Дело не в каком-либо определенном факте, но в ряде бытовых изменений»⁵. Отсюда вытекает и требова-

¹ Виноградов П.Г. Римское право в средневековой Европе. М., 1910. С. 95.

² Виноградов П.Г. Перспективы исторического правоведения. С. 156.

³ Vinogradoff. P. Outlines of Historical Jurisprudence. Vol. I. Oxford, 1920. P. 39.

⁴ Ibid.

⁵ Виноградов П.Г. История средних веков. Лекции, читанные ординарным профессором П.Г. Виноградовым на филологическом фа-

ние типологической обработки фактов, согласно которой многообразие исторических явлений необходимо сводить к нескольким «руководящим принципам», «организующим идеям»¹.

Признавая, таким образом, значение идей и религии как исторической силы, Виноградов все же усматривал прогресс исторической науки не в разрешении богословских вопросов и прослеживании истории церкви. Более заметные изменения в историографии были вызваны ее сближением с другими науками. Главенствующее место среди научных образцов и приоритетов занимают, конечно, науки естественные. Естествознание выступает в первую очередь в качестве методологического эталона для истории. «Прежде всего, – фиксирует Виноградов умонастроение своего времени, – 2-я половина нашего века [находится] под влиянием того взгляда, что историческая наука по методу исследования должна приближаться к наукам естественным»². Общий позитивистский настрой эпохи лишь усиливал доверие к естествознанию. Однако и естественные науки движутся навстречу истории, обнаруживая в пределах своей позитивной программы историческое измерение. «Истинное влияние естествознания на историю, – замечал Виноградов, – начинается, когда само естествознание прониклось идеей превращения и развития и выработало себе, по выражению одного из наших выдающихся естествоиспытателей, исторический метод. Теоретическим понуждением к такому обороту дела послужила идея единства и круговорота сил природы»³. Сам Виноградов в лекциях «О прогрессе» находился под обаянием эволюционной концепции Г. Спенсера. Отсюда и биологические аналогии, распространяемые русским ученым на историю. Виноградов ограничился общим рассмотрением воздействия естественных наук на историю. К чести Виноградова надо сказать, что он не заикнулся на прямом перенесении методов естествознания на историю, а подошел к ним достаточно критически. Ближе всего к истории

культете Московского университета в 1897/8 учебном году. Литография. Б. м., б. г. С. 3.

¹ *Vinogradoff. P. The Collected Papers. Vol. I. Oxford, 1928. P. 112.*

² *Виноградов П.Г. История Греции. С. 17.*

³ *Виноградов П.Г. О прогрессе // Вопросы философии и психологии. 1898. Кн. II (42). С. 282.*

стоят науки также изучающие жизнь. История как наука о живом теснее всего сходится в этом отношении с психологией и биологией. Но даже и они не способны полностью элиминировать ни специфику исторической реальности, ни особенности исторического познания. Более того, здесь таится опасность редуccionизма, сведения исторических проблем к проблемам, лежащим вне сферы ее компетенции. Заманчивые перспективы скорых научных дивидендов не прельщают Виноградова, и он, не удовлетворяясь таким сближением, отказывается от попыток биологизации и психологизации истории. Как пишет ученый, «все эти теории в конце концов придавали точному изучению исторического процесса второстепенное значение, все отправлялись от общих положений, добытых на стороне, и применяли эти общие положения к материалу без должного внимания к его собственным характерным чертам и требованиям»¹. «И приходится сказать, – подытоживал Виноградов свои наблюдения, – что наличный исторический материал не оправдывает слишком всеобъемлющих, слишком самоуверенных указаний на ход исторического прогресса»².

Иное методологическое обоснование истории способны дать так называемые «моральные науки». Их метод состоит в телеологическом рассмотрении общественных явлений. Телеологизм, ближайшие образцы которого могут быть взяты из сферы жизненных процессов, лучше всего подходит и к историческим образованиям, понимаемым Виноградовым в качестве органических явлений. «Человеческое мышление, – предлагает ученый свое различие, – может рассматривать наблюдаемые им факты с одной из двух точек зрения: оно может наблюдать их взаимоотношения извне и стараться связать их в отношении к сознательной деятельности человека и оценивать по связи целей и средств. Первая точка зрения присуща естественным наукам. Вторая точка зрения свойственна моральным наукам. Разовьем это различие несколько полнее. В моральных науках мы замечаем две основные идеи, которые обуславливают особый характер этой отрасли знания и ставят их в противоположность к нашим понятиям об окружающей

¹ Там же. С. 292–293.

² Там же. С. 293.

внешней природе – идеи воли и разумной цели»¹. По основным своим параметрам и характеристикам история в большей мере вписывается в сферу моральных наук, нежели естественных.

Методология исторического исследования

Помимо общетеоретических оснований, конкретные исторические работы Виноградова имели источник и в предшествовавшей историографической традиции. Д.М. Петрушевский упоминает влияния, сказавшиеся на виноградовской концепции происхождения феодализма. Это немецкая историческая школа конца XVIII – начала XIX в., а также взгляды русских народников, «школа общинников»². Виноградов сам в предисловиях обосновывал актуальность выбранной темы недавними спорами вокруг крестьянской общины и наделов, вызванных отменой крепостного права в России. Все еще актуальная для России последней трети XIX в. проблема крестьянской общины рассматривалась Виноградовым на примере английской аграрной истории. «Изучить общинный и крепостной строй, – писал Е.А. Косминский, – установить их соотношение и взаимодействие, проследить судьбы того и другого было легче на примере страны, где тот и другой проделали уже весь круг своего развития. В этом отношении Англия могла быть классическим образцом»³. История Англии служила для Виноградова своего рода парадигмой эволюции общинного землевладения. Исследовать эту проблему применительно к России в таком объеме и с такими выводами, как это позволял английский материал, историк не мог еще и по политическим соображениям. Болезненность крестьянского вопроса могла иметь политические, если не полицейские последствия.

¹ Виноградов П.Г. Очерки по теории права. М., 1915. С. 10.

² Петрушевский Д.М. П.Г. Виноградов как социальный историк. С. 11–12.

³ Косминский Е.А. Роль русских историков в разработке истории Англии // Косминский Е.А. Проблемы английского феодализма и историографии средних веков. М., 1963. С. 69.

Показательна характеристика, даваемая Виноградовым немецкой историографии в отличии от английской. «Место общего изложения, – писал он в «Очерках западно-европейской историографии», – занимает исследование, место широких тем – специальные вопросы»¹. Можно дополнить историографические предпочтения, на которые указывает сам Виноградов. Так Л. фон Ранке, согласно русскому ученому, «был историком внешнего, а не внутреннего развития»². Явной симпатией проникнута характеристика Виноградовым исследовательской программы Фюстель де Куланжа – этого, по его словам, историка «в широком смысле слова»³. «Его изучение прошедшего, – писал Виноградов в реферате, прочитанном 6 ноября 1889 г. в заседании Московского юридического общества, – всегда задавалось целью не разрешить те или другие частные вопросы, а объяснить руководящие принципы целых периодов человеческого развития; при этом внешние исторические события, смена царствований, подробности войны и дипломатии совершенно ступшеваются, все внимание сосредоточивается на внутреннем строе: верования, нравственный склад, право, хозяйство, учреждения – вот что составляет содержание работ Фюстель де Куланжа»⁴.

Идеал внутренней истории лучше всего согласуется с тем назначением исторической науки, которое виделось Виноградову. По существу, история понимается им как наука самопознания. Подобный взгляд на историю не новость. Достаточно упомянуть, что его развивал, например, С.М. Соловьев, чьи лекции в Московском университете посещал Виноградов будучи студентом. В принципе самопознания Виноградов непосредственно усматривает научную сторону истории. «Можно сказать, – осторожно начинает он свое рассуждение, – что у нас есть одно особенно важное основание для того, чтобы двигать научную разработку истории. Оно заключается в том, что, как сказано давно, история есть одна из форм самопозна-

¹ Виноградов П.Г. Очерки западно-европейской историографии // Журнал министерства народного просвещения. 1883. Декабрь. Ч. ССXXX. С. 497.

² Виноградов П.Г. Ранке и его школа. С. 218.

³ Виноградов П.Г. Фюстель де Куланж. С. 83.

⁴ Там же. С. 83–84.

ния»¹. Научный потенциал самосознания, по существу, заключается в изучении многообразных сторон минувшей жизни. «Историк, – дает Виноградов свою редакцию соловьевского тезиса, – не учит, чему верить, как думать, как отличать добро от зла, как вести хозяйство, как управлять государством, как издавать и применять законы: он изучает, как и почему протекла судьба обществ, которые жили известными верованиями и мировоззрением, по-своему понимали добро и зло, вели хозяйство, строили государства, создавали и применяли право. Изучение общества в его прошлом, несомненно, является одним из самых могущественных средств, которыми человеческий дух стремится понять себя и окружающий мир»². Вероятно, и общее влияние «юридической школы» в русской историографии, к которой принадлежал С.М. Соловьев, не прошло даром для теоретико-методологической и исторической концепции Виноградова.

Изучение внутренней истории предполагает многосторонний взгляд на минувшие состояния общества. Задача историка интегрирующая: свести в единое целое различные стороны исторической жизни, представить их в неразрывной связи и развитии. Там, где это не удастся, работа историка остается незавершенной. «Руководство по древностям, – писал Виноградов в рецензии на английские работы по античной истории, – во всяком случае, могут иметь только вспомогательное значение, потому что они рассматривают факты с особой, не-исторической точки зрения: их прямая цель – представить состояние государственного, административного права, судостроительства и судопроизводства известных эпох, а не условия и причины развития, тем менее общий синтез исторической жизни, в которой учреждения входят только одним из нескольких элементов»³. В этом отношении синтетический метод в исторических исследованиях предпочтительнее аналитического. По крайней мере, Виноградов выступает против резкого разграничения синтетических и аналитических приемов. «В двух отношениях, – разъясняет он в статье о Фюстель

¹ Виноградов П.Г. История средних веков. Курс 1901–1902 гг. С. 11.

² Виноградов П.Г. Задачи правоведения. С. 8.

³ Виноградов П.Г. Новые работы по истории Греции // Русская мысль. 1883. Кн. III. С. 47–48.

де Куланже, – синтетический прием может оказать великие заслуги изучению даже ранее, чем исчерпан анализ наличных данных. Добытые по известному вопросу результаты не могут игнорироваться при изучении следующего вопроса; они войдут важною составною частью в это изучение наравне с прямо относящимися к нему фактами, а выводами, привнесенными со стороны на основании уверенности в неразрывной, живой связи целого»¹. Следующее плодотворное применение синтетического метода Виноградов усматривает в гипотезах, которые он также называет «предварительными синтетическими комбинациями». Гипотезы, уточняет ученый, «вытекают не из его (наличного материала. – А. М.) всестороннего расследования, а из общих соображений, отдельных наблюдений, инстинктивной или глазомерной оценки»². Гипотезы служат distraиванию разрозненного исторического материала до исторического целого. Гипотеза, понимаемая как необходимый прием научного исследования, при историческом изучении как бы компенсирует недостаточность прочих научных методов, прежде всего непосредственного наблюдения и эксперимента. Отсюда возрастающая роль гипотез в историческом исследовании при неизбежной привязке их к имеющимся, пусть и отрывочным, фактам. «В истории, – развивал свою мысль Виноградов, – при неприменимости количественных измерений и экспериментальных методов, при отрывочности материала и чрезвычайной сложности задач, устранить такие гипотезы значило бы отказаться от самого изучения. При всякой характеристике целого, взаимодействий его частей, процесса как взаимного отношения причин и следствий, приходится выставлять такие предварительные гипотезы и сосредоточивать всю строгость методологических требований не на стеснении этого необходимого фазиса изучения, а на тщательной проверке предложенных комбинаций наличностью имеющихся в распоряжении данных»³. Именно мастерское владение приемами исторического синтеза Виноградов больше всего ценит у Л. фон Ранке и Т.Н. Грановского. «Истинная сила Грановского, – писал он в статье о русском историке, –

¹ Виноградов П.Г. Фюстель де Куланж. С. 93.

² Там же.

³ Там же.

заклучалась в историческом синтезе, в способности сводить разрозненные и разнохарактерные факты в одно целое, указывать взаимодействие, зависимость»¹. Являясь в определенном смысле наследником Т.Н. Грановского на кафедре всеобщей истории Московского университета, Виноградов обнаруживает и общий с Т.Н. Грановским исследовательский интерес: не просто история средних веков, а изучение переходных эпох. Для Виноградова такой переходной эпохой было происхождение феодализма.

Стоит затронуть еще одну тему общеисторических и теоретических изысканий Виноградова подробно, впрочем, им не разработанную – отношение общего и индивидуального в историческом исследовании. Историк, как правило, ограничивается изучением отдельных фактов. Однако и синтетический характер самого исторического исследования и задача научно понимаемой историографии вынуждают ученого выходить за пределы конкретных эпох или народов к обобщению. «С методологической точки зрения, – настаивал Виноградов в “Villainage in England”, – столь же допустимо изучение “универсалий”, на которые всегда указывает индивидуальное бытие, хотя оно и не создает их, но кажется составленным в каждом случае из отдельных элементов»². Поясняя далее свою теоретико-методологическую позицию в предисловии к той же книге, он писал: «Все предметы и стороны общественной жизни, если рассматривать их в целом, схематично изучаются историками в приложении или отгадываются как загадки древности, выходящие на передний план и признаваемые как реально важные части истории. Словом, изучение прошлого колеблется между двумя крайностями: мелочным исследованием, не ведущим к общим результатам и общими утверждениями, не опирающимися ни на какой поиск фактов»³. В каком-то смысле задаче исторического синтеза может соответствовать интерес к великим людям в истории. «Великий человек, – отмечал Виноградов в статье о Л. фон Ранке, – есть живое сосредоточие общих течений своего времени: рассмотрев общие течения, необходимо принять во внимание и жизнен-

¹ Виноградов П.Г. Т.Н. Грановский. С. 57.

² Vinogradoff P. Villainage in England. P. VIII.

³ Ibid. P. 2–3.

ную искру, которая сводит их в индивидуальную личность»¹. Однако сосредоточенность на великих людях в истории не решает проблемы соотношения общего и индивидуального; да и «общие течения времени» трудно принять за научное обобщение. Впрочем, Виноградов никогда не абсолютизировал роль личности в истории. Выбираемые им для изучения исторические явления (происхождение феодализма, рецепция римского права и т. п.) рассматриваются как социальные, а не личностные процессы. Показательно в этом отношении высказывание Виноградова, приводимое В.А. Маклаковым: «Мой идеал, сказал он мне раз, прочитать историю средних веков, не назвав ни одного собственного имени. Они не нужны для ее понимания»². Даже обращаясь к современным реалиям, он подчеркивал безличный характер происходящих событий. Болезненно воспринимая деформацию эволюционного пути общественного развития, Виноградов в статье «Россия. Психология нации», опубликованной в газете «Таймс» 14 сентября 1914 г., скорее для самоуспокоения, чем для английских читателей утверждал: «К счастью, ход истории не зависит от неистовых преувеличений сторонников»³.

Исходной точкой исторического исследования является документ в том смысле, что документ непосредственно отсылает к тому, что было на самом деле, т. е. к реальности. Действительность, всамделешность истории как науки или даже просто как рассказа обеспечивается именно документом. «Более того, – полагал Виноградов, – в одном документе жизни больше, чем в пятидесяти историях (за исключением очень немногих лучших); по той простой причине, что он содержит в себе то, что принадлежит этому действительному прошедшему, он имеет странную живую жизнь-в-смерти (life-in-death), как будто принадлежит нашему собственному прошлому, которое порой способны пробудить определенный звук и аромат»⁴. Документ раскрывает фактическую сторону историографии, точнее, наличие документа и есть подтверждение самого факта, удостоверение его существования. Утверждения

¹ Виноградов П.Г. Ранке и его школа. С. 221.

² Маклаков В.А. Отрывки из воспоминаний. С. 310.

³ Vinogradoff P. The Russian Problem. P. 32.

⁴ Виноградов П.Г. Об истории. С. 12.

истории становятся истинными лишь прикрепляясь к фактам посредством документов. Истинность истории, в свою очередь, поднимает ее до уровня знания, ценность и сила которого в новоевропейской науке неоспорима, по крайней мере, со времен отца индуктивного метода Ф. Бэкона. Однако на установлении фактов историческое исследование не заканчивается. Следующий шаг – отбор существенных, наиболее значимых фактов. Здесь уже возникает проблема критерия такого отбора, который не может быть почерпнут из самих фактов. «Тем не менее, можно сказать, – добавлял Виноградов, – что единственным истинным принципом отбора является чисто научный принцип: как важные должны рассматриваться те факты, которые ведут к установлению общих законов»¹. Трудность в определении законов в истории известна, отсюда вытекает сомнение в объективности любых критериев подобного рода. Из невозможности установить закономерную причинность в истории Виноградов делал вывод и о теоретической необоснованности любых «уроков истории». Особенно не подходит история для иллюстрации и подтверждения философских представлений. «Вред от этого становится особенно большим, – писал Виноградов о различных вариантах “уроков истории”, – когда история рассматривается как учащая определенной общей философской доктрине, такой как: “Право (right) в конечном счете есть могущество”, “истина всегда торжествует в конце” или “прогресс есть универсальный закон общества”»².

Виноградов проявлял устойчивый интерес к методологическим проблемам исторической науки. Продолжительность и популярность его методологического семинария – лучшее тому подтверждение. Достоверно судить о его содержании из-за отсутствия отдельных теоретико-методологических работ у самого Виноградова, к сожалению, не приходится. Остается исходить из тех кратких замечаний и наблюдений, которыми наполнены его специальные исторические сочинения. Методологическую направленность многих своих, казалось бы, сугубо исторически-конкретных исследований признавал и сам

¹ Там же. С. 13.

² Там же. С. 15.

ученый. В автобиографическом очерке, рассказывая о своей магистерской диссертации, о тех спорах, которые велись по проблеме феодализма и о путях русской и европейской истории, он писал: «Согласно направлению, которое получило умственное развитие В., он прежде всего ставил себе целью вывести вопрос на почву методологического исследования»¹. В начале «Происхождения феодальных отношений в Лангобардской Италии» он более определенно высказывался о значении методологической стороны исторических разысканий: «Чрезвычайное значение имеет различие методологических приемов. Ученые всех категорий собирают факты, толкуют и группируют их, но при этом каждой категории свойственны способы, особенно отличающие и содействующие тому, что задача разрешается известным образом»². Разбирая различные методологические приемы, Виноградов особо останавливался на «германской школе», в частности, на работах Вайца и его манере прибегать «для дополнения скудных источников к заключениям от общего духа известной эпохи»³. Не приветствуя фактологически необоснованные обобщения, Виноградов и к методу Вайца отнесся с подозрением. «А priori ничего нельзя сказать против этого приема, – признавал он, – но видно только, что он может в частностях привести к ошибкам, и главное, послужить предлогом для удержания неправильных мнений»⁴. В этом же произведении Виноградов наметил и две области методологических разработок, которым впоследствии отдавал предпочтение: историческая критика и сравнительно-исторический метод.

Десятилетие спустя в статье о Фюстель де Куланже Виноградов специально останавливался на методологической стороне исследований французского историка. Он соглашался с целым рядом положений или, по его выражению, «основных идей» Фюстель де Куланжа. «Едва ли кто станет оспаривать мысли, – уточнял русский историк, – что надо исходить из

¹ Венгеров С.А. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых. С. 70.

² Виноградов П.Г. Происхождения феодальных отношений в Лангобардской Италии. СПб., 1880. С. 13.

³ Там же. С. 15.

⁴ Там же.

текстов и не выдавать предположения за факты, что всякий ученый обязан относиться беспристрастно к своему делу и по возможности не вносить в него посторонних политических или патриотических предрасположений, что для успешного применения научного сравнения необходимо точное исследование сравниваемых объектов в отдельности»¹. Общепризнанность и распространенность подобных утверждений, впервые провозглашенных полтора столетия назад, во времена Виноградова не требовала даже оговорки. Партийный подход к науке утвердился несколько позже на непререкаемых внелогических аргументах власти. Виноградов продолжал настаивать на беспристрастной атмосфере и фактологическом базисе исторической науки. Он так и не решился развить до полнокровной концепции философско-социологические интенции своего понимания истории. Во вступительной лекции в курс истории правоведения он вновь зачислял в достоинства историографии общенаучные требования. «По методу, – писал он об отличии истории от других наук, – потому что она оправляется прежде всего от критического изучения материала – и ничто не может заменить в ней точного знакомства с материалом и внимательно-беспристрастного, как бы судейского разбора этого материала. Никакие обобщения, никакие теории, как бы красивы и заманчивы они ни были, не имеют права на существование в глазах историка, если они не добыты непосредственным изучением материала. Метод историка не допускает умозрения, а ригор'ных построений»².

Обобщение, как отмечал Виноградов, допускаются в истории лишь в виде гипотез. Однако гипотезы не могут иметь в историческом исследовании самодовлеющего значения. Они должны быть дополнены строгим расследованием фактов. По существу в изложении Виноградова историческая методология предстает как сочетание индивидуализирующих и обобщающих приемов. Сопоставив индивидуализирующему приему фактологическое доказательство, а обобщению – гипотезу, мы получим методологическую формулу Виноградова. «Метод исследования, – рассуждал историк, – идущий от извест-

¹ Виноградов П.Г. Фюстель де Куланж. С. 92.

² Виноградов П.Г. Задачи правоведения. С. 8.

ного к неизвестному, не состоит непременно в том, чтобы идти от позднейшего к более раннему: важно строго различать доказательства и гипотезы, хотя необходимо систематически пользоваться и теми и другими»¹. Связь между доказательством и гипотезой можно рассматривать и как последовательную смену приемов, неизбежную по мере расширения и концептуализации нашего знания. За скептическим и критическим анализом источников должно последовать то, что Виноградов называл «положительной реконструкцией». Согласно его точке зрения, «идя таким путем, мы в конце концов окажемся в состоянии лучше проникнуть в исторические особенности мышления и социального уклада рассматриваемой эпохи»². Завершением исторического исследования должно стать «начертание общего хода социальной эволюции. Подобные попытки особенно нужны не столько ученым, занятым спорными вопросами и всецело поглощенным своими специальными работами, сколько исследователям общей истории и широкой читающей публике, которые имеют право знать, к каким результатам пришли специалисты»³. Подобное начертание Виноградов предпринял в лекциях «О прогрессе», хотя, надо признать, его теоретические и социологические построения продолжали существовать несколько самостоятельно от его специальных исторических работ. До систематической концептуализации своих теоретических и социологических взглядов, которые бы обобщали добытые им исторические факты, Виноградов так и не поднялся. Впрочем, как и не снизошел до последовательного отслеживания на материале детально исследованных им эпох и стран всех ступенек и изворотов социальной эволюции.

Недостаточную концептуальную разработанность Виноградов, в частности, ставил в упрек Фюстель де Куланжу. Можно вспомнить, что о необходимости теории для истории писал в своей знаменитой статье «Взгляд на юридический быт древней России» К.Д. Кавелин. Виноградов, по существу, продолжает рассуждения К.Д. Кавелина даже терминологиче-

¹ Виноградов П.Г. Средневековое поместье в Англии. СПб., 1911. С. 6.

² Там же. С. 4.

³ Там же. С. 5.

ски: замена «теории» на «диалектику» намекает (возможно и непреднамеренно) на кавелинское гегельянство. «Не следует ставить диалектику вместо истории, – начинает свой теоретический пассаж Виноградов, – но самый простой анализ исторических фактов требует некоторой диалектики, уже хотя бы потому, что нельзя ограничиться прямым смыслом случайно дошедших до нас свидетельств, которые и отрывочны, и говорят часто не о том, что нас интересует и что действительно для нас важно. Приходится искать косвенного смысла, поворачивать свидетельства не тою стороной, которою они обращены к нам в повествовании источника. А раз дело идет о такой аналитической перестановке, нельзя обойтись без логических построений и диалектического развития положений, противуположностей и примирений»¹.

К диалектике как методу научного постижения и его применимости в исторических исследованиях Виноградов вернулся в лекциях «О прогрессе». Рассматривая Гегеля как представителя идеалистической версии теории прогресса в XIX в., он не мог обойти стороной и используемый немецким мыслителем метод. Отдавая предпочтение позитивистской философии в духе Г. Спенсера, Виноградов, тем не менее, готов признать идею диалектического развития, отказавшись от массы ее гегелевских интерпретаций. Русский ученый признает формальную правоту диалектического метода и, в частности, пишет следующее: «...с формальной стороны, течение мысли и жизненных отношений действительно дает множество примеров именно таких переходов, которые отметил Гегель. Нисколько не насилуя историю, можно показать, что утверждение известных взглядов или отношений по существу своему, вследствие того, что на них в данном направлении затрачивается энергия, совершается с известным преувеличением, с нарушением объективной меры и равновесия. Этот перевес вызывает к существованию противоположное, и борьба противоположностей обыкновенно приводит к третьему посредствующему мнению, стремящемуся устранить преувеличения того и другого из предшествовавших. Все дело в том, что ради формальной стороны нельзя забывать положитель-

¹ Виноградов П.Г. Фюстель де Куланж. С. 92.

ной: мнения и отношения могут получить силу независимо от идейных колебаний, вследствие того, что они отвечают потребностям данного положения, раз навсегда или хотя бы на известное время разрешают данные вопросы. Утверждение научных истин несомненно зависит не только от прилива и отлива диалектических противоположностей, но и от степени зрелости этих истин»¹. Отношение Виноградова к диалектике достаточно полно выражено в приведенной цитате и, как говорится, не требует комментария. В курсе по истории Греции, прочитанном в том же году, что и лекции «О прогрессе», Виноградов отмечал и конкретный пример диалектического развития исторической мысли. «Как на пример диалектического развития в области историографии, – писал он, – можно указать на историческую критику, возникшую в начале нашего века»².

Больше всего внимания Виноградов уделял сравнительно-историческому методу, усматривая в нем, особенно в оксфордский период, истоки своей научной генеалогии. Еще работая над докторской диссертацией, Виноградов писал 23 сентября 1883 г. из Лондона В.И. Герье об увлечении новым для себя методом: «С другой стороны, сравнительно-историческое исследование очень меня привлекает по новизне приемов»³. Образцом сравнительно-исторического изучения были для него работы Мауэра и Мэна. Подробнее всего Виноградов разбирал подход Генри Мэна – своего предшественника на кафедре сравнительно правоведения в Оксфорде. Концепцию Г. Мэна о происхождении общества, разработанную им на основе изучения первобытных народов, Виноградов подробно проанализировал в третьем выпуске своих «Очерков западно-европейской историографии»⁴. Во вступительной лекции в Оксфордском университете, посвященной учению Г. Мэна, Виноградов изложил основные положения сравнительно-

¹ Виноградов П.Г. О прогрессе. С. 280–281.

² Виноградов П.Г. История Греции. С. 6.

³ Из писем П.Г. Виноградова. Публикация и примечания К.А. Майковой // Средние века. Выпуск XXII. М., 1961. С. 276.

⁴ Журнал министерства народного просвещения. 1883. Ч. ССXXXIX. Октябрь. С. 371–385. См. так же: *Vinogradoff. P. Outlines of Historical Jurisprudence. Vol. I. P. 138–140.*

исторического метода. Рассматривая его достаточно широко, не только как метод исторических исследований, но и правоведения и социальной науки, он уточнял, что «исторические наблюдения часто суживаются случайным характером материала: вследствие прихоти времени в документальной истории не хватает иногда очень важных звеньев; целые эпохи и целые вопросы погружены в беспросветный мрак. В виду этих частых пробелов, здравый смысл подсказывает искать указаний в родственных процессах развития вместо того, чтобы довольствоваться простыми догадками и заключениями. Раз внимание остановилось на возможности такого выхода, глазам открывается огромное поле – не только в изучении других случаев, засвидетельствованных в истории, но и сходных фактов в жизни полудивилизованных и диких народов, доступных наблюдению в настоящее время. Независимо от могущественной помощи, представляемой сравнительным правоведением для воссоздания полуисчезнувших и чуждых форм, сравнительный метод изучения дает единственно возможное основание для индуктивного мышления в общественных науках и для исследования законов социального развития»¹. Еще в последнем своем курсе в Московском университете, прочитанном накануне отъезда в Англию, Виноградов отождествлял сравнительное и научное изучение прошлого. «Вот почему как раз те школы, – давал он историографическое пояснение, – которые относятся с особенной строгостью к научному методу и которые интересуются не столько литературным изложением предмета, сколько научным выяснением его основ, ищут прежде всего опоры в сравнительных точках зрения»².

Интерпретация Виноградовым сравнительно-исторического метода во многом совпадает с проектом «генетической социологии», разрабатывавшимся, например, М.М. Ковалевским. Сравнительно-исторический метод, опираясь на здравый смысл, а в перспективе и на представление о единстве человеческой природы, фактически берет на себя задачу восполнения недостающих фактических данных. В этом отношении роль сравнительно-исторического метода совпадает с той

¹ Виноградов П.Г. Учение сэра Генри Мэна // Научное слово. 1904. Кн. VIII. С. 71.

² Виноградов П.Г. История средних веков. Курс 1901–1902 гг. С. 13.

ролью, которую в исторических исследованиях Виноградов отводил гипотезе и обобщению. Он и сам сопоставляет сравнительно-исторический метод с индуктивным обобщением. Научные потенции сравнительно-исторического метода находят опору и в концепции исторической эволюции, которая, в свою очередь, предполагает единство и однородность всякого общественного развития. В результате недостающие сведения об определенных ступенях исторических изменений можно почерпнуть из изучения народов все еще находящихся на этой ступени. Однако для успеха такой сравнительной процедуры необходимо разработать общую эволюционную шкалу, которую Виноградов, в частности, выстраивал по модели спенсеровского эволюционного органицизма.

Сравнительный метод – частное приложение историзма к исторической методологии. Называя сравнительный метод «официальным методом» русской либеральной историографии, Б.Г. Могильницкий писал: «Использование сравнительно-исторического метода рассматривалось как необходимая предпосылка познания закономерностей исторического процесса, открытия законов, по которым происходит развитие общества, создания общей концепции эволюции человечества»¹.

Вступительная лекция Виноградова примечательна еще и тем, что в ней он четко прописывает базовые положения сравнительно-исторической методологии в приложении к правоведению. Сравнительное правоведение лишней раз подчеркивает универсальные возможности сравнительно-исторического изучения. Основы сравнительного правоведения были разработаны Г. Мэнном, и Виноградов, по его собственному выражению, «готов подписаться» под ними. Обобщая методологические нюансы сравнительно-исторического подхода, Виноградов дает следующую формулировку, которую приведу полностью:

«1. Изучение права имеет целью не только приготовление к профессиональным обязанностям или обучение искусству обращаться с профессиональными задачами. Оно может рассматриваться также как предмет науки.

¹ Могильницкий Б.Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиэвистики середины 70-х годов XIX в. – начала 900-х годов. Томск, 1969. С. 270.

2. Два метода научного исследования приложимы к изучению права: метод дедуктивного анализа, основанный на отвлечении от существующих в настоящее время правовых понятий и предписаний, и метод индуктивного обобщения, основанный на исторических и этнографических наблюдениях.

3. В области индуктивного правоведения право – не что иное, как одно из проявлений истории; история же понимается в широком смысле изучения социальной эволюции человечества.

4. Поскольку каждая наука должна быть направлена к открытию законов, то есть общих начал, управляющих отдельными случаями, исторический метод в правоведении по необходимости является также методом сравнительным»¹.

Приведенная, так сказать, «зрелая», формулировка сравнительно-исторического метода показывает, насколько верен оставался Виноградов выбранной методологической установке. Его толкование сравнительно-исторического подхода мало изменилось со времени подготовки магистерской диссертации. «Автор писал в то время, – указывал Виноградов на методологическую сторону своего исследования, – когда в литературе сильно выдвинулся вопрос о применении сравнительного метода: пользование им в духе Мэна представлялось ему слишком случайным и опрометчивым, но великое значение сравнительных точек зрения казалось неопровержимым и приводило к попыткам применить их в тесно ограниченном круге явлений»². Впоследствии критическое отношение к Г. Мэну, как видно, смягчилось. Однако и материал, к которому Виноградов применял сравнительно-исторический подход был иным; он рассматривал уже не первобытные общества, а эпоху раннего средневековья. Давая методологическое пояснение в начале своей магистерской диссертации, Виноградов отмечал, что сравнительный метод не годится для исследования сложных культурных и политических явлений. «При этом сравнительное изучение, – уточнял он, – может быть направлено к целям двойного рода – к определению черт явления, сгладившихся в известиях об одном случае и ясно переданных

¹ Виноградов П.Г. Учение сэра Генри Мэна. С. 74.

² Венгеров С.А. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых. С. 69–70.

в другом, или же к выяснению причин сходных явлений. В первом отношении нельзя [не?] быть слишком осторожным, – так как велика опасность под предлогом дополнения традиции перенести в нее совершенно чуждые черты»¹. Опасность подстерегает и во втором случае. Предпочтительное внимание к общим чертам общественного развития, уделяемое при сравнительно-историческом подходе, как и вообще универсализм социальной эволюции, из которой исходит сравнительный метод, грозят элиминировать идиографическую специфику самой истории. «Зато при определении причин, – писал Виноградов, – сравнительный метод может оказать значительные услуги. Изучая историю отдельного народа, подбирая в ней по мере возможности причины к следствиям, мы, постоянно подвергаясь опасности приписать какому-либо частному явлению слишком большое и слишком общее значение. Повторение того же результата в другой исторической сфере и при иных исторических antecedентах выведет нас из заблуждения и заставит искать причин поглубже, в явлениях общих обеим формам развития. Сравнительный метод может послужить к поправке и проверке раздельного изучения эпох и народов; надо прибавить, что для правильного применения он сам нуждается в опоре этого «раздельного» изучения. Стараясь схватить прежде всего одинаковое и сходное, представители сравнительной науки слишком пренебрегают различиями и коренными особенностями, слишком быстро приводят к одному знаменателю самые разнообразные исторические величины, слишком легко вырывают из всей связи развития какие-нибудь две-три черты, на которых и строят свои заключения»².

Сравнительно-исторический метод удачно согласуется и с концепцией многофакторности исторического развития. «Несомненно, – утверждал Виноградов, – что сравнительные наблюдения в области культуры складываются в целый ряд эмпирических однообразий применительно к почве, климату, расе, условиям господства и подчинения, исключительности и

¹ *Виноградов П.Г.* Происхождения феодальных отношений в Лангобардской Италии. С. 17.

² Там же. С. 17–18.

смешению классов и национальностей, и т. п.»¹. С этой стороны однообразия, получаемые в результате применения сравнительно-исторического метода, способны обеспечить историческому построению недостающую научность, пока окончательно не разрешен вопрос о закономерности в истории.

Другим разделом методологических разработок Виноградова была историческая критика. В методологическом плане она, непосредственно примыкая к источниковедению, предшествует сравнительно-историческому подходу. Историческая критика – это прежде всего критика источников, а ее конечный результат – установление достоверных фактов, т. е. привязка исследования к реальности. От итогов критических изысканий зависит ход, направление, а в перспективе и успех исторического исследования. «Всякая предварительная критика, – отмечал Виноградов в статье о Фюстель де Куланже, – различает материал, устраняет часть его, выдвигает вперед другие и своими общими результатами поэтому предпринимает до известной степени дальнейшие задачи исследования и толкования»². Здесь же ученый указывал на слабость критики источников у Фюстель де Куланжа, проистекающую от его «боязни субъективных примесей». Однако в другой своей статье «Ранке и его школа», Виноградов дал следующее сжатое определение назначения исторической критики. «Все отдельные задачи исторической критики сводятся, в сущности, к одной – отстранению субъективного элемента в передаче источников о событиях»³. Упрек, сделанный Л. фон Ранке, в данном случае состоял в малом внимании к роли материальных факторов в истории.

Фрагментарность высказываний Виноградова о методологическом значении исторической критики не позволяет подробно представить его методологическую программу. Специфика приемов исторической критики в конце XIX в. уже вполне определилась и Виноградов не нуждался в подробной разработке этого вопроса. Свою точку зрения он выражал лишь тогда, когда появлялся конкретный повод. Отдельного догматического изложения своих теоретико-методологичес-

¹ Виноградов П.Г. Перспективы исторического правоведения. С. 155.

² Виноградов П.Г. Фюстель де Куланж. С. 94.

³ Виноградов П.Г. Ранке и его школа. С. 222.

ких взглядов Виноградов так и не предпринял. Помимо статей о Фюстель де Куланже и Л. фон Ранке он затронул проблему исторической критики источников в статье «И.В. Киреевский и начало московского славянофильства», связанной, вероятно, с прочитанным им в 1891 г. в Оксфордском университете цикле лекций о славянофилах. Обозначая общие параметры своего исследования, Виноградов писал: «Критика каждого произведения мысли, в том числе и работы Киреевского, может быть двоякая: она может, так сказать, уединить произведение, взять его само по себе, как связь посылок и выводов, и раскрывать неполноту или недостоверность данных, непоследовательность, превратность, преувеличения в рассуждении. Или она может задаться целью поставить произведение в его историческую обстановку и судить его, как выражение известных идей и стремлений, сообразно с относимым значением этих идей и стремлений, применительно к тому, насколько они сами оказались крепкими и плодотворными»¹. Этим, конечно, не исчерпывается содержание приемов исторической критики. Ее методологическое предназначение определяется не только той подготовительной работой, которую она проводит с источниками, но и общими органическими предпосылками социальной эволюции. «Предварительный критицизм, – утверждал Виноградов в “Villainage in England”, – привел как к улучшению метода, так и дал важные результаты. Говоря широко, сфера сознательного сузилась, сфера органического развития и бессознательной традиции расширилась»².

Подытоживая теоретико-методологические разработки Виноградова следует отметить, что они были подчинены идее истории как науки. Путь достижения научной зрелости историографии Виноградов видел в двух господствующих в то время научных идеях – закономерности и развития. Идею развития применительно к истории он понимал в духе органической теории. Закономерность же в истории может быть как причинной, так и целевой. Однако у историка возникают сомнения в возможности объяснения истории с точки зрения закономерности. Индуктивные умозаключения и разнообразие

¹ Виноградов П.Г. И.В. Киреевский и начало московского славянофильства. С. 115.

² Vinogradoff P. Villainage in England. P. 36.

случайных исторических фактов не позволяют однозначно признавать закономерность в истории. Отсюда объясняющие схемы в историографии должны строиться скорее на основе идеи многофакторности, чем строгой закономерности. Виноградов выделял два основополагающих фактора исторического развития: географическую среду и этнографический состав населения. При этом он сохранял уверенность в единстве и универсальности социальной эволюции.

Из влияния современных событий, в том числе и политических, на историографию, Виноградов выводил синтетичность истории как науки, признавая при этом порой решающее значение религии и идей в истории. Примером синтетической методологии в истории могут служить гипотезы, хотя исходной точкой исследования должен быть документ. Для историографии, таким образом, характерно сочетание индивидуализирующих (отсылающих к факту посредством документа) и обобщающих (гипотеза) приемов. Необходимым методологическим подспорьем в исторических исследованиях служат также историческая критика и сравнительно-исторический метод.

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО

Научная и педагогическая деятельность Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919) была связана с Академией наук и Санкт-Петербургским университетом. Помимо специальных исторических курсов Лаппо-Данилевский вел в университете многочисленные семинарии философского содержания, посвященные, как он сам выражался, «теории обществоведения»: практические занятия по VI книге «Системы логики» Д.С. Милля (1899–1900 и 1900–1901), систематике социальных явлений разных степеней (1901–1902), анализу простейших социальных взаимодействий (1903–1904), теории ценности и ее приложении к обществоведению (1904–1905), теории эволюции и ее применении к обществоведению и истории (1906–1907), логике общественных наук и истории (1908–1909 и 1909–1910), теории исторического знания: разбор важнейших учений о ценности (1910–1911), критическому разбору важнейших учений о развитии (1911–1912), критическому разбору главнейших учений о случайности (1912–1913), критическому разбору главнейших учений о ценности (1913–1914 и 1917–1918), критическому разбору главнейших учений, касающихся проблемы «чужого я» (1914–1915), методологии социальных и исторических наук (1915–1916), логике социальных и исторических наук (1918–1919).

Основное философское произведение Лаппо-Данилевского – «Методология истории». Над темами, затронутыми в этом труде, ученый работал около двадцати лет. Многие сюжеты, вошедшие в «Методологию истории», предварительно рассматривались на практических занятиях, посвященных теоретическим вопросам социальных и исторических наук, которые Лаппо-Данилевский вел в Университете с 1899 г. Систематическое изложение они получили в общем курсе по методологии истории, к чтению которого ученый приступил в 1906 г. Этот курс постоянно перерабатывался и обновлялся Лаппо-Данилевским. Первый раз он был издан литографским спосо-

бом в 1909 г. Наиболее полное и завершенное издание вышло двумя выпусками в 1910 и 1913 гг. Незадолго до смерти Лаппо-Данилевский вновь приступил к переделке своего исследования, которое в 1918 г. начал публиковать частями в «Известиях Российской академии наук» (серия VI, том XII, № 5-7, 9, 11, 13). В 1923 г. в Петрограде стараниями учеников и друзей был издан первый выпуск новой редакции «Методологии истории».

В оценке творчества Лаппо-Данилевского «Методология истории» служит основным аргументом для неокантианской атрибуции его взглядов. Подобным образом его оценивали уже современники¹. Тогда же была отмечена и эволюция его философско-исторических взглядов, проделавшая путь от увлечения позитивизмом до построения основ исторической науки в духе неокантианства. Вот что об этом писал А.Е. Пресняков: «Его философское развитие шло иным путем – от догматизма к критицизму, а причиной такого направления была основная потребность – сочетать научную обоснованность системы понятий об изучаемой действительности с широтой и глубиной удовлетворения нравственных запросов в цельном и стройном мировоззрении»². В дальнейшем эта точка зрения неоднократно воспроизводилась другими исследователями. Однако, как правило, упускался из вида другой аспект, отмеченный А.Е. Пресняковым, согласно которому движение мысли Лаппо-Данилевского было проникнуто стремлением к созданию целостной, по возможности непротиворечивой философской системы, обосновывающей научный статус гуманитарного знания, и прежде всего истории. Лаппо-Данилевский не был всего лишь эрудированным компилятором, следовавшим в своем творчестве смене философской моды. Его наследие достаточно цельно и целостно, хотя и не лишено противоречий. Хорошее знание современной ему исторической и философской литературы, академическая требовательность к обоснованию выдвигаемых положений, научно

¹ См., напр.: *Кареев Н.И.* Историко-теоретические труды А.С. Лаппо-Данилевского // *Русский исторический журнал.* 1920. № 6. С. 121; *Кареев Н.И.* Основы русской социологии. СПб., 1996. С. 168–169.

² *Пресняков А.Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922. С. 53.

понимаемая отстраненность утверждений, профессионализм в подборе фактического материала создают иллюзию компилятивного сочинения, нанизывающего одна на другую разные точки зрения. Лаппо-Данилевский, действительно, не стремился к оригинальности. Он пытался разработать научно обоснованную систему исторического знания так, как он понимал научность, и в согласии с тем, как научность понималась в его время.

Позитивизм и неокантианство на рубеже XIX–XX вв. представляли собой два основных варианта научной философии и две основных версии философского обоснования науки. И то и другое направление претендовало на то, чтобы быть философией науки. Для Лаппо-Данилевского была важна, по преимуществу, общая цель и задача этих направлений, а не конкретные методологические аспекты философских школ. В своем учении он следовал общему духу научной философии. В этом смысле и его ранние работы (которые обычно и относят к позитивизму) и «зрелые» (так называемые неокантианские) произведения подчинены одной задаче – построению научной системы гуманитарного знания. В этом и состоит цельность и последовательность его научного творчества. Наиболее чуткие и внимательные современники отмечали эту особенность: «Работа его, разрастаясь и систематизируясь, направлялась к созданию всеобъемлющей системы *теоретического обществоведения*»¹; «все разносторонние труды его были объединены одной идеей – идеей научной истины как объединенного знания»².

Непосредственно разбору позитивной философии посвящена монография Лаппо-Данилевского «Основные принципы социологической доктрины О. Конта», помещенная в сборнике «Проблемы идеализма» (1902). Эта работа писалась на заказ. П.И.Новгородцев, составитель сборника, в письме к Лаппо-Данилевскому так сформулировал задачу редакции: «Нам нужна статья, в которой была бы раскрыта неудовлетворенность социологической доктриной Конта... Ваша репутация и ваше имя в науке... делают для нас особенно желательным

¹ Гревс И.М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души) // Русский исторический журнал. 1920. № 6. С. 67.

² Пресняков А.Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С. 90.

удар позитивизму, нанесенный вашей рукой»¹. Лаппо-Данилевский всесторонне и обоснованно критикует учение Конта, указывая на догматизм многих его построений², на смешение теоретического и эмпирического уровней знания, подмену научного понимания закона эмпирическим обобщением³, пренебрежение психологией⁴ и отрицание понятия «субъект» и значения личности⁵. Главный упрек контовскому учению состоял в том, что основатель положительной философии попытался построить науку об обществе, не выяснив ее оснований⁶. Это требование Лаппо-Данилевский взял в качестве основной задачи своих собственных исследований. В то же время многие идеи позитивной философии оказались ценны и привлекательны для русского мыслителя. Прежде всего это ее общий настрой, сформулированный Лаппо-Данилевским в начале критического разбора: «Глубокая вера во всеобъемлющее значение науки и сильная потребность в нравственном обновлении общества проникают всю философию О. Конта»⁷. Более частные стороны концепции Конта также нашли отклик в методологическом труде Лаппо-Данилевского. Это и понятие человечества, принимаемое в качестве предельного предмета социологических построений, и основные принципы контовской социологии: принцип условий существования; принцип единства человеческой природы; принцип «консенсуса», т. е. согласованности элементов всякой данной группы общественных явлений между собой; принцип эволюции⁸. Указанные здесь принципы, конечно, не были бездумно перенесены Лаппо-Данилевским в свое исследование, но подверглись значительной корректировке. В частности, принцип условий существования вошел в учение об исторической связи в качестве

¹ Грехова Г.Н. Эпистолярное наследие А.С. Лаппо-Данилевского // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. С. 264.

² Лаппо-Данилевский А.С. Основные принципы социологической доктрины О. Конта // Проблемы идеализма. М., 1902. С. 409–410, 415 и др.

³ Там же. С. 411–412.

⁴ Там же. С. 434–435.

⁵ Там же. С. 478–479.

⁶ Там же. С. 490.

⁷ Там же. С. 394.

⁸ Там же. С. 436.

принципа интерпретирующего отношения индивида со средой. Принцип единства человеческой природы стал пониматься как принцип единства, по преимуществу, психофизической природы человека, связанной с истолкованием проблемы «чужого я» и чужой одушевленности. Принцип консенсуса и принцип эволюции начали рассматриваться как два аспекта одного принципа. Лаппо-Данилевский мог критиковать многие противоречивые и непоследовательные положения философии позитивизма, но никогда не изменял ее общему научному духу. Позитивизм же приучил историка-теоретика исходить от предмета, полагаться на конкретную действительность, с которой должна соотноситься наука. Особенно важно это было в начальные годы научного пути: «Но в годы созревания его мысли, – отмечал А.Е. Пресняков, – школа позитивизма оформила и укрепила его тягу к выяснению их неустрашимой связи с восприятием и изучением конкретной действительности»¹.

В еще большей мере на «Методологию истории» Лаппо-Данилевского оказала влияние баденская школа неокантианства (В. Виндельбанд и Г. Риккерт) Однако следует учитывать характер этого влияния. Основная часть специальной терминологии «Методологии истории» имеет неокантианское происхождение. Примером может служить уже упомянутое понятие «исторической связи», используемое Г. Риккертом в его «Философии истории». Неокантианский привкус работы Лаппо-Данилевского заметен при первом же знакомстве. Показательно в этом отношении начало посмертного издания «Методологии истории», провозглашающее кантовское понимание научного знания и обильно подкрепленное ссылками на сочинения самого И. Канта². Совсем, казалось бы, по-кантовски звучит следующее утверждение из первого, литографированного варианта «Методологии истории»: «Всякий исторический факт с теоретико-познавательной точки зрения есть только наше представление о нем»³. Хотя для того чтобы

¹ Пресняков А.Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С. 12.

² Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Выпуск первый. Пг., 1923. С. 3.

³ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории (литография). СПб., 1909. С. 78.

прийти к такому заключению, не обязательно быть кантианцем. Многочисленные ссылки на немецких философов выглядят скорее данью школьной традиции, вариантом академического занудства, чем единственно возможным каноном исторического построения. Терминология баденских философов в большей степени используется Лаппо-Данилевским как вариант современного ему научного языка, а не только как отсылка к концепциям немецких ученых. В «Методологии истории» Лаппо-Данилевский прежде всего стремился быть на уровне современной ему науки.

Историческая феноменология

Сомнение в правоверном неокантианстве русского историка вызывает то обстоятельство, что он разрабатывал методологию, а не собственно философию истории. Методологический уклон исследования очень важен для понимания расхождения Лаппо-Данилевского с неокантианской философией истории. Методология имеет дело исключительно с формами представления, в котором складывается наше знание истории. Однако методология истории рассматривает такие формы представления, содержание которого имеет реальный смысл, т. е. имеет непосредственное отношение к тому, что реально существует. В то же время методологию истории интересует не всякое реальное содержание представления, а только то, которое мы можем назвать историческим. Лаппо-Данилевский формулирует это следующим образом: «Какое именно содержание моего представления о действительности я, однако, должен признать реально существующим для того, чтобы назвать его исторической?»

Приступить к решению этой проблемы можно, лишь исходя из различия между бытием и быванием и несколько выяснив себе понятие об изменении»¹. В отличие от методологии, неокантианская философия истории ничего не утверждает о реальном существовании истории и рассматривает исключи-

¹ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Выпуск II. СПб., 1913. С. 295.

тельно априорное существование и применение исторических представлений или понятий. Исторические понятия не имеют эмпирического происхождения и тем не менее а priori относятся к предметам. Методология истории, со своей стороны, рассматривает способы данности исторического, чем, в частности, занимаются исторические критика и интерпретация. Эту данность методологический подход к истории выражает в понятиях источника, свидетельства и факта. Проблему исторической действительности методология истории выясняет при помощи понятия *исторического события* и способов его построения.

Методологический подход сохраняет интерес к действительности и пытается исходить из нужд конкретной науки (истории), возможность которой обосновывается гносеологически, а не из общего представления о познании. Теория познания только обосновывает методологию науки, обеспечивает достоверность и общезначимость всякого частного научного знания¹. Отсюда вполне естественно вытекает представление о том, что историческое знание является отраслью теории познания². Если история понимается в качестве науки, т.е. если она не только имеет отношение к действительности, но и познает действительность через это отношение, то «должно конструировать учение о принципах и методах науки с теоретико-познавательной, а не с генетической точки зрения... необходимо различать логическое значение принципов и методов знания от их развития...»³ Методология истории не есть история методологии или история исторической науки, генезис исторического мышления⁴. В противном случае происходит смешение дискурсивного мышления с интуитивным⁵. Собственно говоря, большинство теоретико-познавательных проблем сводятся Лаппо-Данилевским к проблемам методологическим. «Его гносеология, – писал А.Е. Пресняков, – есть ме-

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Выпуск I. СПб., 1910. С. 3.

² Там же. С. 4.

³ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Выпуск первый. Петроград, 1923. С. 4.

⁴ Там же. С. 6.

⁵ Там же. С. 15.

тодология научного познания; она должна обосновать и обеспечить систематичность, полноту и достоверность изучения. Но, в конце концов, и она ориентирована методологически. Философия А.С. Лаппо-Данилевского заключена в “методологии” научного исследования действительности, онтологический синтез которой, отнюдь не упускаемый из виду, отодвинут вдаль идеальной полноты и законченности этого изучения»¹.

Отношение к действительности, в котором раскрывается истина истории, есть необходимая предпосылка как исторической науки, так и самого исторического процесса. Однако отношение к действительности еще ничего не говорит о возможности исторического знания. В истории не возможно, как в естественных науках, отделить знание от действительности. Действительность истории есть ее знание. Действительность истории неотделима от ее построения. На этой основе Лаппо-Данилевский, в частности, критикует позитивистское понятие о достоверности как соответствии показаний действительности: «ведь всякий, кто “судит” о действительности, в сущности имеет дело с своим представлением о действительности, т. е. с построением ее, хотя бы и очень элементарным, а не с действительностью самой по себе, взятой в ее целостности»². Факты не дают логической необходимости и всеобщности³, т. е. того, что как раз и характеризует научное знание. Более того, всеобщность знания и общезначимость добываемой на его основе истины, тем более истины о человеческом обществе, является не простым результатом деятельности трансцендентальных структур сознания, но имеет и социальное измерение. Иными словами, «общепризнанность истины становится фактором ее общезначимости и как бы социальным продуктом...»⁴ Трансцендентальная гарантированность знания не достаточна для деятельности историка, поэтому он исходит из «понятия о признании всяким ценности фактической исти-

¹ Пресняков А.Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С. 61.

² Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Выпуск II. СПб., 1913. С. 621.

³ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Выпуск I. СПб., 1910. С. 112.

⁴ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Выпуск II. С. 314.

ны»¹. Само знание структурируется и оформляется на уровне суждения. Более определенно это звучит так: «... мое знание о действительности есть прежде всего обоснованное экзистенциальное суждение о содержании моего представления, т. е. о том именно, что в нем содержится»². В научном суждении особенное мыслится подчиненным общему. Поскольку историку дано только особенное, которое должно быть подведено под общее, постольку историческое суждение есть суждение рефлектирующее, а не определяющее. Итак, для Лаппо-Данилевского принципиально важно различие двух типов подхода к истории: со стороны знания и его теоретического оформления и со стороны действительности. Различие теории и действительности Лаппо-Данилевский пытается проследить во многих разделах своей «Методологии истории». С этой точки зрения он, в частности, критикует неокантианскую абсолютизацию противопоставления номотетического и идеографического методов.

Важнейшей особенностью науки является систематическое единство знания. «С теоретико-познавательной точки зрения научное знание характеризуется его систематическим единством... наука есть объединенная система понятий, охватывающих возможно больше данных нашего опыта; она пытается установить возможно меньшее число понятий, в каждое из которых укладывалось бы возможно большее число представлений о фактах»³. Единство знания представляет собой систему научных понятий, объединяющую данные опыта⁴. Построение такой системы – непосредственная задача методологии (нелишенной, впрочем, на этом пути известных затруднений⁵), которая как раз и понимается Лаппо-Данилевс-

¹ Там же. С. 634.

² Там же. С. 295.

³ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Выпуск I. С. 63.

⁴ Там же. С. 4.

⁵ «Достижение полного систематического единства всех данных нашего опыта сопряжено, однако, с величайшими затруднениями: ведь если бы человеческому сознанию и удалось формулировать единый закон, по которому мир существует, нельзя было бы вывести из такого закона самый факт его существования» (*Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Выпуск первый. Пг., 1923. С. 19).

ким как система общих понятий, устанавливаемых сознанием¹. Но у единства знания есть и другой аспект. «Вместе с тем наука не может получить единство в явный ущерб полноте нашего знания: она должна удовлетворять наш интерес не только к общему, но и к индивидуальному; она должна выяснить значение для нас и общих понятий, и самой действительности»². Отсюда два пути достижения единства и полноты знания: обобщающий и индивидуализирующий. Вещь может быть рассматриваема и в отношении общего с другими вещами, и как часть целого. Так возникают две точки зрения на один предмет: номотетическая и идиографическая. Употребляя эти термины, Лаппо-Данилевский ссылается на В. Виндельбанда, но тут же в примечании оговаривается, что «понимает вышеуказанные термины в несколько ином смысле»³. В свою очередь, сама методология науки состоит из двух разделов: учения о принципах науки и о методах изучения. Так формулируются две задачи научной методологии – основная и производная: «...основная состоит в том, чтобы установить те основания, в силу которых наука получает свое значение, т. е. выяснить значение ее принципов; производная – сводится к тому, чтобы дать систематическое учение о тех методах, которыми что-либо изучается»⁴.

Методология истории следует основным положениям методологии науки. Прежде всего историческая наука имеет дело с конкретно данной действительностью⁵, однако данной не непосредственно, а через источник. Отсюда «каждое историческое исследование преследует такую именно цель – по данному источнику познать действительность»⁶. Историк сталкивается с тем, что уже произошло, поэтому «нам остается только исходить из конкретно данного результата и пытаться объяснить, каким образом он возник в действительности»⁷. Но проблемы с исторической действительностью здесь только

¹ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Выпуск I. С. 5.

² Там же. С. 63–64.

³ Там же. С. 64.

⁴ Там же. С. 15.

⁵ Там же. С. 225.

⁶ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Выпуск II. С. 366.

⁷ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Выпуск I. С. 168.

начинаются. Историческое значение имеет не отдельный, изолированный факт, а серия фактов или, по крайней мере, отдельный факт со стороны его связи с другими фактами. «Вообще можно сказать, – писал Лаппо-Данилевский, – что историк интересуется целостною “действительностью” или целокупностью исторических фактов, связанных между собою, а не разрозненными или оторванными друг от друга обломками действительности»¹. Факты стоят друг к другу, по преимуществу, в причинно-следственном отношении. Но это отношение не дается при восприятии действительности, а требует анализа зафиксированных фактов, т. е. «историк должен исходить из конкретно-данной действительности, поскольку она дана ему в его чувственном восприятии или переживается им; значит, историк не предсказывает факт, а исходит из совершившегося уже факта; но он пытается возможно дальше углубить анализ фактов в причинно-следственном смысле: он стремится выяснить, какого рода причины встретились в данном месте и в данное время и какие последствия имела данная встреча»². При этом необходимо учитывать антропологическую основу исторической действительности. «Таким образом, область наук о духе начинается там, где существенным “фактором” данного явления оказывается человек как существо мыслящее...»³ Историческая действительность не совпадает полностью с миром, существующим по законам природы. Существенными моментами исторической действительности становятся свобода, ценности, смыслы.

Другая особенность исторической действительности состоит в том, что историк не только исходит из действительности, но и научно создает ее⁴. Иными словами, историческая наука «стремится научно построить историческую действительность»⁵. Со стороны же познания в исторической науке встречается как элемент обобщения, так и индивидуации, по-

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Выпуск II. С. 331.

² Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Выпуск I. С. 262.

³ Там же. С. 119.

⁴ Там же. С. 271.

⁵ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Выпуск II. С. 521.

этому история имеет дело, в сущности, лишь с относительными обобщениями¹.

Методология истории рассматривает основания исторического знания и разрабатывает обоснованную систему исторических понятий². Она «устанавливает производные принципы или положения, которые, в комбинации с основными, делают возможным изучение данных нашего опыта с исторической точки зрения и придают систематическое единство историческому знанию; вместе с тем она выясняет и те методы исторического мышления, которые относятся к ним и благодаря которым известная точка зрения прилагается к изучению данного материала; таким образом, она оттеняет и общее значение исторического метода, и главные его особенности, в соотношении их с объектами исторического исследования... лишь при таких условиях она может установить принципы систематически-объединенного, общезначимого и обоснованного знания о той действительности, которая имеет “историческое значение”, и выяснить те методы, которые служат для того, чтобы устранять противоречия между показаниями о ней и конструировать из ее элементов одно историческое целое»³. Таким образом, методология истории распадается на теорию исторического знания и учение о методах исторического мышления⁴.

Со своей стороны, теория исторического знания занимается установлением основных и производных принципов этого знания⁵. К ним относятся изучение данных нашего опыта, принципы причинно-следственности и целесообразности, критерий исторической оценки при выборе фактов, объем и содержание предмета исторического знания и т. п.⁶

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Выпуск I. С. 290.

² Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Выпуск первый. Пг., 1923. С. 9.

³ Лаппо-Данилевский Методология истории. Выпуск первый. Пг., 1923. С. 6; Методология истории. Выпуск I. С. 6.

⁴ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Выпуск первый. Пг., 1923. С. 6; Методология истории. Выпуск I. С. 15.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 6–7.

Учение о методах исторического изучения непосредственно опирается на те принципы, которые обосновывает теория исторического знания. Оно не занимается установлением и обоснованием исторического значения исторических фактов, а рассматривает те отношения, которые существуют в историческом исследовании между познавательной точкой зрения, обоснованной в теории исторического знания, и объектом исторического знания. Таким образом, это учение устанавливает двойную зависимость принципов и методов исторического исследования: от познавательной установки, с одной стороны, и от свойств объектов – с другой¹. На этой основе проводится дальнейшее деление учения о методе: «Такое учение обнимает, значит, кроме рассмотрения исторического метода вообще, “методологию исторического источниковедения” и “методологию исторического построения”». Методология исторического источниковедения устанавливает принципы и приемы, на основании и при помощи которых историк, пользуясь известными ему источниками, считает себя в праве утверждать, что интересующий его факт действительно существовал или существует, и построает историческую действительность»². Учение о методах исторического изучения отсылает, с одной стороны, к факту, а с другой – к объяснению, т. е. к двум аспектам самой действительности: действительности реально существующего (или существовавшего) и к действительности теории.

При этом Лаппо-Данилевский предостерегал от смешения методологического изучения истории с техническими приемами исторической работы³. Технические приемы опираются не на принципы, а на правила работы и зависят от свойств изучаемых объектов⁴. Принципы апеллируют к истине, технические приемы – к утилитарной цели: «...принцип и техническое правило не одно и то же: принцип требует своего обоснования путем опознания заключенной в нем истины; техниче-

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Выпуск I. С. 16.

² Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Выпуск первый. Пг., 1923. С. 7; Методология истории. Выпуск I. С. 16; Методология истории. Выпуск II. С. 340–341.

³ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Выпуск II. С. 339.

⁴ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Выпуск I. С. 16.

ское правило не обосновывается, а формулируется в виду той утилитарной цели, которая ставится исследователем...»¹

Действительность, с которой соотносится историческое исследование покрывается понятием *исторического факта*. Следует различать как «реальную» сторону исторического факта, так и те способы, какими исторический факт дан и благодаря которым он входит в систему исторического знания. «Действительная» и «познавательная» стороны исторического факта во многом определяются теми отношениями, в которых это понятие состоит с понятиями индивида (индивидуальности) и ценности. Так, исторический факт представляет собой воздействие, такое индивидуальность как часть целого оказывает на это целое и результат такого воздействия². Иными словами, «под фактом он (историк – А. М.) преимущественно понимает воздействие индивидуальности на окружающую среду, мертвую и, в особенности, живую»³. Это не механическое, а психическое (посредством воли⁴) воздействие, т. е. «историк изучает те факты, которые состоят в психо-физическом воздействии индивидуальности на среду»⁵. Точнее говоря, это воздействие сознания на общественную среду⁶. При этом наибольшее историческое значение имеет не столько само воздействие индивидуальности на среду, сколько последствия и результаты такого воздействия⁷. «Исторический факт также имеет тем большее историческое значение, чем сфера его действия больше», – заключал Лаппо-Данилевский⁸.

Однако только экстенсивные параметры для определения исторического факта не достаточны. «Итак, всеобщее значение факта нельзя установить с точки зрения качественного критерия – численности его последствий; надобно принять во внимание качественный критерий: данный факт приобретает всеобщее значение, когда “важность” его должна быть при-

¹ Там же. С. 17.

² Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Выпуск II. С. 335.

³ Там же. С. 322.

⁴ Там же. С. 323.

⁵ Там же. С. 322.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 325.

⁸ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Выпуск I. С. 252.

знана всеми; а историческое значение он получает лишь в том случае, если он имеет не только всеобщее, но и действительное влияние на развитие человечества»¹.

Исторический факт со стороны своей «реальности» характеризуется такими признаками, как достоверность (или недостоверность)² и вероятность (или невероятность)³. Критериями фактической достоверности, которая должна учитывать различие между абсолютной и фактической истиной⁴, служат представления о единстве сознания и о соответствии факта культуре и индивидуальности⁵. Способом данности исторического факта являются показания, опирающиеся на признание ценности фактической истины, связывающей мысль с опытом, т. е. с эмпирически данным содержанием показания⁶. Носителем такого опыта является свидетель, т. е. «тот, кто имеет ценное для сознания основание дать фактически истинное показание о факте, так как он испытал его в данных своего собственного чувственного восприятия»⁷. Показание, основанное на чужом восприятии факта, называется известием⁸.

Итак, определенное отношение индивидуальности к окружающей ее действительности может породить исторический факт. Отношение историка к показанию, через которое этот факт дан, приводит к познанию исторического факта. Историк оказывает волевое воздействие на опосредованный показанием исторический факт. С психологической точки зрения такое воздействие называется оценкой⁹. В то же время «следует всегда отличать отнесение к ценности от субъективной оценки фактов, производимой самим историком»¹⁰. Для исторической науки важна не субъективная оценка, а отнесение

¹ Там же. С. 238.

² Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Выпуск II. С. 621.

³ Там же. С. 623.

⁴ Там же. С. 630.

⁵ Там же. С. 631–632.

⁶ Там же. С. 633–634.

⁷ Там же. С. 637.

⁸ Там же. С. 639.

⁹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Выпуск I. С. 239.

¹⁰ Там же. С. 249.

факта к ценности. Можно сказать, что исторический факт – это такой индивидуальный фрагмент реальности, который, благодаря отнесению к ценности, получает историческое значение. Ценность имеет отношение к индивидуальному сознанию, поскольку характеризуется моментом требования, предъявляемого нашим «я» к собственному сознанию¹. Эти требования носят абсолютный характер и бывают познавательными, этическими или эстетическими². Историк «лишь относит к ценностям индивидуальные объекты для выяснения того, какое значение приписать им, в силу именно их индивидуальности...»³ Общие ценности можно трактовать и как общие понятия⁴.

Лаппо-Данилевскому не удалось до конца развести познавательную и психологическую установки. Отнесение факта к ценности, являясь индивидуальным актом, в конце концов соотносится с переживанием. «Итак, для того, чтобы признать всеобщее значение данного факта, надобно, прежде всего, признать его ценность; но такое признание получает разный смысл в зависимости от того, придерживаться ли теоретико-познавательной или психологической точки зрения. С теоретико-познавательной точки зрения мы называем “ценностью” то значение, которое сознание вообще приписывает данному переживанию»⁵. Переживание выступает субъективным коррелятом ценности. «Всеобщее значение» покрывается осмысленной деятельностью индивидуальности. Переживание окказывается субъективным аналогом исторического значения. Конечно, историк не может полностью отказаться от переживания той действительности, которую он стремится познать, от попытки воспроизводить в себе состояния чужого сознания или ассоциировать между собой идеи, т. е. «ярко переживать то, что его интересует, глубоко погружаться в чужие интересы, делать их своими и т. п.»⁶. Но подобное психологическое творчество должно опираться на отрефлексированные методы.

¹ Там же. С. 239.

² Там же.

³ Там же. С. 240.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 239.

⁶ Там же. С. 7.

Для Лаппо-Данилевского не приемлема абсолютизация интуитивистами творческого начала в познании¹. Интуиция не устраняет необходимости методологических разработок².

Процесс выбора ценности и придание факту значения посредством отнесения его к ценности Лаппо-Данилевский называет «аксиологическим анализом». Это означает, что «переживание и понимание ценности объекта становится необходимой предпосылкой всякого исторического объяснения и построения; путем аксиологического анализа мы и определяем, какие именно объекты подлежат научно-историческому объяснению и построению»³. С ценностью соотносится прежде всего *индивидуальное*. Однако то индивидуальное, с которым имеет дело историк, само способно устанавливать и опознавать ценности: «Наконец, историк, в узком смысле слова, имеет дело (в отличие от естествоиспытателя) с такими индивидуальными объектами, которые он признает одновременно и субъектами, способными опознавать ценности, в отношении к которым данный факт получает свое значение»⁴.

Установлением или обоснованием ценностей занимается философия; в отношении истории это дело философии истории⁵. Философия вырабатывает систему абсолютных ценностей, в первую очередь устанавливает ценность добра, истины и красоты. «Действительно, – заключает Лаппо-Данилевский, – философское размышление стремится опознать критерий ценностей и обосновать их путем нормативных оценок: оно вырабатывает систему абсолютных ценностей, т. е. с логической, этической или эстетической точки зрения признает абсолютную ценность истины, добра и красоты; полагая их в основу, оно может указать, какое значение (положительное или отрицательное) данные в сознании людей известного времени ценности имеют по отношению к такой системе, какое место они должны занимать в ней и т. п.»⁶

¹ Там же. С. 6–9.

² *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Выпуск II. С. 413.

³ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Выпуск I. С. 244.

⁴ Там же. С. 241.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 242.

В то же время обоснованность культурных ценностей может не быть для историка данной¹. Историк должен проследить процесс реализации установленных и обоснованных ценностей в действительности. То есть философски обоснованные и в силу этого абсолютные ценности применимы для историка лишь тогда, когда они являются (исторически) общепризнанными; иными словами, когда они имели отношение к действительности, т. е. действительно разделялись, например социальной группой². Отнесение к абсолютным ценностям часто является для историка недостаточным. Общепризнанные ценности психологичны, что вызвано тем обстоятельством, что исторические объекты являются субъектами, а, значит, сами (были) способны выбирать, устанавливать и обосновывать ценности. Отсюда проистекает важное для Лаппо-Данилевского различие в отнесении к обоснованной и к общепризнанной ценностям³.

Общепризнанная ценность может не совпадать с обоснованной, т. е. она может иметь не абсолютный, а относительный характер: «...отнесение к обоснованной ценности требует обоснования той производной ценности, в отношении к которой отдельным фактам приписывается известное значение, а отнесение к общепризнанной данным обществом ценности предполагает только наличие ее признания в той самой общественной группе, которая изучается историком; общепризнанная ценность, значит, может не совпадать с обоснованной и в таком смысле признается лишь относительной»⁴. Благодаря такому пониманию общепризнанной ценности, сам процесс отнесения к ценности выходит за пределы только познавательного (в данном случае, исторического) отношения к реальности. Ценность реализуется в деятельности разделяющей ее социальной группы (т. е. коллективной индивидуальности) в самой действительности. Это означает, что «понятие об общепризнанной ценности уже находится в тесной связи с понятием о действительности индивидуального: историк интересуется вневременной ценностью в процессе ее реализа-

¹ Там же. С. 244.

² Там же. С. 245.

³ Там же. С. 246.

⁴ Там же.

ции; а ценность тем полнее реализуется, чем более факт, в котором она воплотилась, имеет последствий»¹. Через понятие общепризнанной ценности преодолевается разрыв между познанием истории и самой исторической действительностью.

К более частным вопросам методологии исторического исследования относится проблема источников. Исторической данности или, так сказать, исторической материи соответствует понятие *исторического источника*.

Исторический источник сам по себе является психическим продуктом, т. е. результатом человеческого творчества², имеющим познавательную цель; точнее, эту цель ему придает историк³. «Под историческим источником, следовательно, должно разуметь доступный чужому восприятию, т. е. реализованный, продукт человеческой психики»⁴, «пригодный для изучения фактов с историческим значением»⁵. В качестве реализации человеческой психики исторический источник есть реально данный объект, изучаемый не ради него самого, но дающий опосредованное знание о другом объекте⁶. Как и всякий реальный объект он характеризуется единством и целостностью: «...объективно-данный исторический источник представляется историку в виде некоторого единства и целостности»⁷.

Психическая природа исторического источника связана прежде всего с особенностями восприятия. Индивидуальное психическое восприятие факта (в данном случае исторического) неповторимо и единственно, поэтому источники, описывающие один и тот же факт, часто разноречивы. Но это не недостаток источников, а следствие субъективных особенностей восприятия, что, конечно же, по мнению Лаппо-Данилевского, только подчеркивает «реальность» этого восприятия и косвенным образом указывает на подлинность источников⁸. Так

¹ Там же. С. 249.

² *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Выпуск II. С. 356.

³ Там же. С. 374.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 375.

⁶ Там же. С. 366, 368.

⁷ Там же. С. 378.

⁸ Там же. С. 541–542.

возникает проблема определения подлинности источника. Критерии его подлинности (или неподлинности) уже не являются психологическими: это соответствие источника с культурой и соответствие с другими источниками того же места¹ и времени². Определением подлинности источников и установлением ее критериев занимается историческая критика.

Поскольку исторический источник является продуктом человеческой психики, постольку и исследующий его историк должен исходить из представления о восприятии факта, отраженного в источнике, «как если бы, он сам испытал или не испытал его в своем чувственном восприятии»³. Это означает, что достоверность источника определяется отнесением его к фактической истине⁴. Но это отнесение фикционалистское, ведь «историк судит на основании показания о факте, как если бы он сам испытал его в своем чувственном восприятии»⁵. Аналогичным образом обосновывается утверждение о телеологическом характере исторического источника⁶. Дело в том, что историк, приступая к изучению источника, должен исходить из предположения, что этот источник имеет значение. Дальнейший анализ источника лишь уточняет это значение. В основе такой установки лежит представление о том, что всякий продукт человеческой психики имеет значение. «Следовательно, – писал Лаппо-Данилевский, – историк может исходить из общего положения, что реализованный продукт человеческой психики имеет некоторое назначение»⁷. Подводя предварительный итог, можно сказать, что смысл научного отношения к источнику определяется через объективацию заложенного в него психического значения. «Вообще, научно понимать исторический источник значит установить то объективно-данное психическое значение, которое истолкователь должен приписывать источнику...»⁸

¹ Там же. С. 548–549.

² Там же. С. 549–551.

³ Там же. С. 620.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 424.

⁷ Там же. С. 426.

⁸ Там же. С. 408.

Лаппо-Данилевский предлагал подробную классификацию источников. Прежде всего источники могут быть действительными или поддельными¹. Но основное деление их дается либо по степени значения, либо по содержанию. В первом случае получается деление источников на основные и производные², а также на источники, изображающие и обозначающие факт. Последнему делению во многом соответствует группировка источников на памятники вещественные и письменные³ или, схожим образом, на остатки культуры и исторические предания⁴. Остатки культуры, в свою очередь, подразделяются на воспроизведения, пережитки и произведения культуры⁵. Исторические предания бывают чистые и смешанные⁶.

Деление источников по содержанию приводит к различению на народные и индивидуальные источники (деление по роду творчества) и на источники с фактическим и нормативным содержанием⁷, которым соответствует либо познание того, что было, либо того, что признавалось должным. Источники с фактическим содержанием могут быть идейными и бытовыми⁸. Источники с нормативным содержанием подразделяются на источники с чисто нормативным содержанием (чистые нормы) и источники с утилитарно-нормативным содержанием (правила)⁹.

Теоретико-познавательные предпосылки методологии исторического исследования Лаппо-Данилевского нашли применение в разделах, посвященных *исторической интерпретации и критике*.

Интерпретация направлена на научное понимание исторического источника¹⁰ и применяется там, где невозможно

¹ Там же. С. 531.

² Там же. С. 378.

³ Там же. С. 383.

⁴ Там же. С. 384–385.

⁵ Там же. С. 389.

⁶ Там же. С. 399.

⁷ Там же. С. 401.

⁸ Там же. С. 402.

⁹ Там же. С. 403.

¹⁰ Там же. С. 408.

чувственное восприятие. Прежде всего интерпретация пытается выявить психическую сторону исторического источника и пользуется для этого основными принципами научного построения истории: принципом единства чужого сознания, исторического целого и исторической индивидуальности: «...всякая интерпретация исторического источника исходит из понятия о некоем единстве чужого сознания, обнаружившегося в нем, а также должна принимать во внимание и то целое, к которому оно относится, и ту индивидуальность, через посредство которой он получает свое существование»¹.

Лаппо-Данилевский дает развернутую классификацию видов исторической интерпретации. В первую очередь он проводит деление по методу, в результате чего получает следующие виды исторической интерпретации: психологическую, техническую, типизирующую и индивидуализирующую. Большинство из них имеет свои подвиды. Следующее основное деление проводится по объекту, что дает рационалистическую, или формальную, и реальную, или историческую виды интерпретации.

Психологическая интерпретация является основным видом исторической интерпретации и лежит в основе остальных методов истолкования исторических источников². «Действительно, – уточнял Лаппо-Данилевский – с познавательной точки зрения можно сказать, что собственно историческая интерпретация начинается с психологического истолкования источников»³. Историк при психологической интерпретации пользуется «собственными аналогичными психическими переживаниями»⁴, хотя полное тождество состояний сознания, конечно, невозможно. Основной принцип психологической интерпретации сводится к понятию о единстве чужого сознания, о его ассоциирующей и целеполагающей деятельности⁵. «Психологическое истолкование основано, конечно, на принципе признания чужой одушевленности: оно исходит из понятия о чужом сознании, обнаружившемся в данном продукте и

¹ Там же. С. 410.

² Там же. С. 436.

³ Там же. С. 410–411.

⁴ Там же. С. 415.

⁵ Там же. С. 416.

применяется ко всякому реальному объекту, значение которого не может быть установлено с чисто “механической” точки зрения...»¹ В частности, можно заметить, что на этом же принципе основываются правила герменевтики, например, представление о единстве значения слова у данного автора в данном произведении². Близко к этому и «основное правило» интерпретации: «правило об изучении текста лишь в его контексте»³. Психологическая интерпретация отсылает к так называемому «психическому значению», под которым понимается комплекс состояний сознания⁴. На основе ассоциативного единства психического значения у автора источника и у историка устанавливается тождество реального объекта⁵. В данном случае историк имеет дело не с самой вещью, а с представлением о ней или с ее материальным образом. «Только тогда, когда объект, в смысле представления о данном материальном образе, оказывается действительно общим и автору, и историку, последний может установить и то психическое значение, с которым он ассоциировался у автора»⁶. Возможны два пути установления соответствия психических значений: аналитический и синтетический⁷.

Психологическая интерпретация дополняется *технической* или истолкованием тех технических средств, которыми автор воспользовался для обнаружения своих мыслей⁸. Она также часто применяется для проверки выводов, полученных при психической интерпретации⁹. Технический метод, в свою очередь, распадается на интерпретацию материальных свойств источника и техническую интерпретацию стиля источника¹⁰.

Следующий метод исторической интерпретации – *типизирующий*. Он ориентируется на представление о культурном

¹ Там же. С. 414.

² Там же. С. 417.

³ Там же. С. 500.

⁴ Там же. С. 421.

⁵ Там же. С. 419.

⁶ Там же. С. 420.

⁷ Там же. С. 423.

⁸ Там же. С. 411, 437–438.

⁹ Там же. С. 440.

¹⁰ Там же. С. 438.

типе, к которому принадлежит источник, и пытается на его основе установить историческое значение источника: «...историк пытается при помощи типизирующего метода интерпретации придать толкованию источника более исторический характер: он исходит из понятия о том культурном типе, к которому источник относится, и сообразно с ним понимает его содержание»¹. При этом подходе источник понимается как типический экземпляр культуры. В типизирующей интерпретации различают два вида: систематический и эволюционный². Эволюционный метод в большей мере опирается на представление об определенном историческом периоде культуры³, в то время как систематический метод состоит в интерпретации состояния сознания той общественной группы, к которой относится источник⁴.

К типизирующему методу примыкает *индивидуализирующая интерпретация*, которая рассматривает источник как продукт конкретной индивидуальности⁵. Этот метод делает акцент на личности автора, понимая авторство как функцию смыслового единства и целостности источника. Цель этого метода – экспликация авторского замысла: «...историк стремится выяснить, что именно думал данный автор, когда он работал над своим творением...»⁶ При анализе личности автора возможен аналитический и синтетический подход⁷.

В зависимости от того, что служит объектом интерпретации различают два ее вида: *формальную*, или *рациональную*, и *реальную*, или собственно *историческую*⁸. Рационалистическая интерпретация состоит в разыскании общего смысла и в понимании источника в общих чертах. Основные методы такой интерпретации: психологический и технический⁹. Историческая интерпретация состоит в психологическом истолко-

¹ Там же. С. 463.

² Там же. С. 464.

³ Там же. С. 478.

⁴ Там же. С. 471.

⁵ Там же. С. 493.

⁶ Там же. С. 494.

⁷ Там же. С. 495.

⁸ Там же. С. 503.

⁹ Там же. С. 504.

вании материального образа, в котором выражено содержание источника, Она направлена на установление связи источника с породившей его культурой¹. При исторической интерпретации используется комбинация типизирующего и индивидуализирующего методов. Схожим образом подвергается интерпретации аллегорическое выражение². Точнее, «исследователь прибегает к “аллегорической интерпретации”, пользуясь преимущественно типизирующим и индивидуализирующим методами: он стремится понять “скрытый” смысл, более или менее отличный от “буквального”, изучая данное произведение в связи с условиями места и времени, с личностью его автора, его взглядами и т. п.»³ Так возникает еще один вид интерпретации – *аллегорическая интерпретация*.

Историческая критика, так же как и историческая интерпретация, представляет собой тот раздел методологии истории, в котором разрабатываются конкретные, частные приемы исторического построения, исходя из общих целей научного знания. Интерпретация и критика есть способы соотнесения конструируемого исторического знания с действительностью, представленной источником. В первом случае это соотнесение с действительным существованием автора, под которым может подразумеваться как индивидуальный, так и коллективный субъект, поскольку интерпретация отсылает к психологическому, ментальному плану и имеет в виду отражение в источнике сознания (как производной общественного сознания, культуры и т. п.). Во втором случае это соотнесение с действительным существованием факта. Это два различных вида понимания. Интерпретация апеллирует к автору (авторскому замыслу), т. е. к адекватному пониманию; критика же обращается к установлению реального факта, т. е. к действительному, реальному пониманию. Для интерпретации важно единство сознания конкретного индивида – автора источника⁴. Иными словами, «интерпретация стремится установить только то именно значение источника, которое автор придавал ему, а не то, какое источник действительно имеет для познания истори-

¹ Там же. С. 506.

² Там же. С. 512.

³ Там же. С. 511.

⁴ Там же. С. 557–558.

ческого факта»¹. Историческая критика, напротив, исходит из объективного единства факта. Это два разных направления в исторической обработке источников. Поэтому Лаппо-Данилевский выступал против, как сведения методологии источниковедения исключительно к критике, так и смешения интерпретации и критики².

Историческая критика устанавливает научно-историческую ценность источников³. Прежде всего она определяет критерии подлинности, при помощи которых устанавливает действительные источники: «... если историк имеет основание утверждать, что действительный источник есть тот самый факт, каким этот источник представляется ему, он и признает его подлинным»⁴. Критерием подлинности (или неподлинности) выступают: единство и непрерывность (или разъединенность) сознания, соответствие (или несоответствие) с культурой и индивидуальностью, с которыми источник соотносится⁵. Необходимо отличать понятие о достоверности или недостоверности источника от понятия о его подлинности или неподлинности. Достоверность или недостоверность источника устанавливаются критикой⁶.

Отношение к действительности, к реальному факту, устанавливаемое критикой, осуществляется в суждении. Критика предполагает специальный критерий, который и лежит в основе суждений⁷. «В широком теоретико-познавательном смысле, – писал Лаппо-Данилевский, – всякое суждение, устанавливающее некоторую ценность того, о чем субъект судит, можно назвать критическим, под критикой я буду разуметь, однако, только теоретическое отнесение данного объекта к общезначимой ценности, а не чисто утилитарную или произвольно-субъективную его оценку»⁸. В зависимости от абсолютной ценности различают три вида критики: научную, моральную и

¹ Там же. С. 514.

² Там же. С. 517.

³ Там же. С. 521.

⁴ Там же. С. 532.

⁵ Там же. С. 533.

⁶ Там же. С. 618.

⁷ Там же. С. 522.

⁸ Там же. С. 518.

эстетическую. Для исторической критики значимым является отнесение к научной ценности, т.е. суждение с точки зрения абсолютной истины: «Понятие о “научной критике”, устанавливающего ценность данного объекта с точки зрения истины, всего более, конечно, подходит к понятию об исторической критике: и она устанавливает научную ценность источника»¹. Моральная и эстетическая критика имеют подчиненное, второстепенное значение². Отнесение к научной истине, однако, не дает еще полного приближения к конкретной (индивидуальной) исторической действительности: «...историческая критика пользуется, конечно, отнесением к “абсолютной” истине, но для того, чтобы установить ценность источника в его отношении к “фактической” истине»³. Стоит подчеркнуть, что та действительность, к которой отсылает критика, есть действительность построяемая, конструируемая (и благодаря этому познаваемая), а научная ценность, с которой соотносится источник, есть фактическая истина. «Историческая критика, значит, – пояснял Лаппо-Данилевский, – определяет научную ценность источника для построения действительности, что она и может сделать только путем отнесения его к научной ценности, называемой “фактической” истиной»⁴.

Из разновидностей критики имеет смысл выделить критику, устанавливающую научно-историческую ценность источника как факта, и критику, устанавливающую научно-историческую ценность показаний источника о факте⁵. Каждая из них применяется к отдельным видам источников. «Итак, критика, устанавливающая научно-историческую ценность источника как факта, приложима и к остаткам культуры, и к историческим преданиям; критика же научной ценности показаний источника о факте, в сущности, применяется только к историческим преданиям»⁶.

¹ Там же. С. 519.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 520.

⁵ Там же. С. 524, 526.

⁶ Там же. С. 529.

Историческое построение

Теория исторического знания может быть построена с двух точек зрения: номотетической и идеографической¹. Номотетический подход стремится к «полаганию» и построению законов, а идеографический – к описанию индивидуальных фактов². От этих двух подходов зависит различие в построении как самой системы наук, так и место в ней истории. Деление наук на идеографические и номотетические производится на основе применяемого в них метода. Но возможна иная классификация наук: по степени абстрактности либо по характеру изучаемых процессов и предметов. Таково деление на науки о природе и науки о духе³. Стронниками номотетического понимания науки Лапо-Данилевский называл Конта, Спенсера, Бентама, Ампера, Вундта.

Номотетическое построение истории способствовало развитию понятия о закономерности (в начале в психологическом смысле) исторических явлений и, как правило, основывалось на переносе понятий естествознания для обработки исторического материала⁴. Изначальный психологизм этого подхода связан с тем, что «история имеет дело, главным образом, с явлениями психологического порядка...»⁵ Именно по этому при номотетическом построении исторического знания Лаппо-Данилевского не могли устроить понятия механики, энергетики или экономического материализма.

С теоретико-познавательной точки зрения номотетическое построение опирается на данные опыта, объединенные при помощи общих понятий, которые, в сущности, выполняют роль законов. «Номотетическое построение вообще стремится объединить данные нашего опыта (понимаемого, конечно, в широком смысле), т. е. его содержание при помощи общих понятий; оно устанавливает возможно меньшее число общих

¹ Там же. С. 67.

² Там же. С. 64.

³ Там же. С. 65.

⁴ Там же. С. 68.

⁵ Там же. С. 118.

понятий, в каждое из которых укладывалось бы возможно большее число представлений об отдельных фактах»¹.

Основные принципы номологического построения имеют явную отсылку к учению О. Конта. К ним относятся: принцип причинно-следственности; принцип единообразия психофизической природы человека; принцип «консензуса» и эволюции (в естественнонаучном смысле)². Эти принципы служат для выработки общих исторических понятий при номологическом построении истории. Для образования таких понятий необходимо использовать номологические и типологические обобщения³. В то же время необходимо отличать номологическое и типологическое обобщения от эмпирического обобщения, которое учитывает при анализе исторических фактов преимущественно последовательность явлений только во времени, принимая пространство и действия связанных с ним физических факторов за условия постоянные⁴.

Неудовлетворенность номотетическим построением истории, которую выражает Лаппо-Данилевский, вызвана тем, что при этом подходе не учитывается нормативный характер нашего сознания и смешиваются законы природы и нормативные законы. Важным для Лаппо-Данилевского оказывается императивный характер исторической науки: «...между тем история получает совершенно особое, самостоятельное по отношению к природе значение, если рассматривать ее как постоянное осуществление некоего долженствования...»⁵ С другой стороны, номотетическое построение огрубляет действительность и не дает ее полноты. Оно упускает конкретные, индивидуальные исторические факты (личности, события и т. п.)⁶.

Номологическое понимание есть в строгом смысле научное понимание истории, сопрягающее ее с рядом других наук об обществе, в частности с социологией. «С точки зрения научно-обобщенного знания между социологией и историей не должно быть принципиального различия: обе стремятся к

¹ Там же. С. 112–113.

² Там же. С. 113–114.

³ Там же. С. 113.

⁴ Там же. С. 153.

⁵ Там же. С. 169.

⁶ Там же. С. 162.

обобщению и разнятся только по ближайшим объектам исследования: социология обобщает преимущественно явления постоянно повторяющиеся, а история – явления развития; в таком случае легко свести социологию – к социальной статике, а историю – к социальной динамике. С точки зрения научно-обоснованного знания, принимающего во внимание и наш интерес к индивидуальному, между социологией и историей нужно, напротив, признать принципиальное различие. Социология стремится к построению общих понятий, история, напротив, к образованию понятий индивидуальных, например, понятия о едином целом, об отношении к нему частей, об историческом значении индивидуального и т. п.»¹.

Идиографическое построение расставляет иные акценты в исторической науке. Во-первых, оно обращает историческую науку к конкретной реальности², а во вторых, – к действующей в этой реальности индивидуальности. В этом состоит познавательная цель идиографического построения³. «Идиографическое построение стремится к объединению наших исторических знаний, с той познавательной точки зрения, которая обнаруживается в нашем “интересе” к конкретной действительности... понятия об индивидуальном и его значении...»⁴ Приближение к действительности и интерес к индивидуальности в идиографическом построении вызваны тем, что «с идиографической точки зрения ученый интересуется индивидуальным целым или единичными составными частями действительности не как познавательными средствами, а как такими ее частями, каждая из которых сама по себе заслуживает внимания в качестве объекта познания»⁵. Объекты идиографического исторического исследования те же, что и при номологическом построении – разница лишь в избранных целях⁶.

Следует различать понятия об *индивидуальном* и об *индивидуальности*. Понятие об индивидуальном шире понятия об индивидуальности; в предельном смысле, это такое понятие,

¹ Там же. С. 66–67.

² Там же. С. 224.

³ Там же. С. 222.

⁴ Там же. С. 221.

⁵ Там же. С. 224.

⁶ Там же. С. 224–225.

которое обозначает лишь один объект¹. Его определение зависит от полноты составляющих его абстрактных понятий: «Можно сказать, однако, что понятие об индивидуальном есть предельное понятие: хотя наш разум не в состоянии объять все многообразие и своеобразие действительности, но мы можем стремиться объединить наши представления о ней путем образования возможно более конкретных комбинаций общих понятий или отдельных признаков, отвлекаемых от действительности»². В широком смысле относительно индивидуальное значение могут иметь, например, понятия о государстве, народе, обществе, городе и т. п.³ Однако историю интересует не просто индивидуальное, а индивидуальность. Эти понятия близки друг другу. «Понятие об индивидуальности характеризуется богатством своего содержания и ограниченностью своего объема... под индивидуальностью, в более частном значении слова, можно разуметь и личность, и событие, и социальную группу, и народ, в той мере, в какой они отличаются от других личностей, событий, социальных групп, народов и т. п.»⁴ Отличие состоит в том, что понятие об индивидуальности связано с представлением о ее (индивидуальности) значении. Соответственно «историческая индивидуальность конструируется с точки зрения ее исторического значения»⁵. Это понятие с единичным содержанием. Под ним можно разуметь и понятие о целом, и понятие о части целого, незаменимой никакой другой ее частью⁶.

Придание исторического значения осуществляется через отнесение индивидуального исторического факта к ценности. Однако не следует смешивать ценность индивидуальности и ее историческое значение: «Лишь комбинируя понятия о ценности и о действительности индивидуального, историк получает основание признать за ним историческое значение»⁷. В свою очередь, понятие о действительности индивидуального

¹ Там же. С. 231.

² Там же. С. 164.

³ Там же. С. 230.

⁴ Там же. С. 232–233.

⁵ Там же. С. 232.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 238–239.

обусловлено понятием об историческом обществе¹. Так вырисовывается социальная, в широком смысле интересубъективная структура исторического знания. Лаппо-Данилевский отмечал: «Индивидуальное поучает историческое значение... поскольку оно становится “общим достоянием”, следовательно, поскольку оно отпечатлевается, или повторяется в других индивидуумах»². Можно добавить, что коррелятивным такому историческому значению является понятие общепризнанной ценности.

Ни номотетическое, ни идиографическое построение взятые в отдельности не достаточны для исторической науки. Оба подхода представляют собой способы научного построения истории и выражают лишь отдельные, разнонаправленные аспекты этого построения. Синтез этих подходов дает более полное описание предмета исторического изучения³. Лаппо-Данилевский прекрасно осознавал как достоинства, так и недостатки обоих способов научного построения истории. Дело в том, что историк никогда не соприкасается с той действительностью, на идеальное сближение с которой рассчитывает идиографически ориентированная наука. Во-первых, действительность истории опосредована документом, источником, свидетельством. Во-вторых, человеческое сознание не в состоянии обнять всю множественность конкретно данных элементов действительности. «Итак, действительность слишком разнородна для того, чтобы можно было изобразить ее во всей полноте ее многообразных черт...»⁴ «Следовательно, – писал далее Лаппо-Данилевский, – историк, подобно естествоведи, очевидно, нуждается в упрощении конкретного содержания данных своего исторического опыта»⁵. Но подобное упроще-

¹ Там же. С. 251.

² Там же. С. 288.

³ Это обстоятельство дало основание некоторым исследователям причислить Лаппо-Данилевского к представителям системного подхода в области гуманитарных наук (см., напр.: *Медушевская О.М. Методология истории А.С. Лаппо-Данилевского и современное гуманитарное познание // Археографический ежегодник за 1994 г. М., 1996. С. 248.*)

⁴ *Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Выпуск I. С. 233.*

⁵ Там же. С. 234.

ние не означает переход к номологическому обобщению. Имеется в виду упрощение посредством построения, конструирования особой, исторической действительности.

Цели научного конструирования исторической действительности служит понятие *исторической связи*. При помощи этого понятия историк формирует представление о непрерывном историческом процессе, связывающем разрозненные исторические факты. Историческая связь «имеет большое объединяющее значение; благодаря ему мы связываем между собой исторические факты и получаем возможность представить себе непрерывность исторического процесса»¹. «Таким образом, – уточнял Лаппо-Данилевский в другом месте, – понятие об исторической связи между смежными фактами служит для объединения наших представлений о действительности; вместе с тем оно, в сущности, лежит в основе понятия о непрерывности исторического процесса...»² Историк интересуется не логической, «а данной в действительности индивидуальной связью между комплексом условий и их результатов»³.

Следует различать логически необходимую и фактически необходимую связь между фактами. Первая из них опирается на принцип причинно-следственной связи, а вторая понимается как конкретно данная связь⁴.

Причинно-следственная связь в строгом смысле не обнаруживается в истории: «...причинно-следственное отношение нужно устанавливать между непосредственно предшествующим и следующим так, чтобы предшествующее непосредственно переходило в следующее; но такой непрерывной связи между предшествующим фактом и последующим в области истории установить нельзя, не исходя из заранее данного фактического отношения»⁵. Для историка важна фактически необходимая причинно-следственная связь, при помощи которой и устанавливается реальное отношение между историческими

¹ Там же. С. 255.

² Там же. С. 275–276.

³ Там же. С. 255.

⁴ Там же. С. 166.

⁵ Там же. С. 167.

фактами¹. Если историк не знает причину того, что произошло, то он говорит о «случае». Следует отличать понятие об исторической случайности, как от понятия о свободе воли², так и от представления о «маловажном» и «несущественном»³. Различая абсолютную и относительную случайность, Лаппо-Данилевский указывал на значимость для идиографического построения истории понятия об «относительной случайности»⁴.

Центральным понятием конструируемой исторической действительности является не «исторический факт», а «событие», в котором уже заключено представление о причинно-следственной связи. *Событие* – сложное понятие, обозначающее встречу нескольких индивидуальностей или их действий⁵. Точнее, это встреча двух или большего числа причинно-следственных рядов, т.е. «относительный случай»⁶. В событии соединяются два вида действительности – исходная, данная и строяемая, заданная: «...под “событием” можно, следовательно, разуметь, индивидуальное понятие, объединяющее множество представлений о разнородных фактах, образующих конкретное сцепление, в состав которого входит встреча последнего рода, причем совокупность их действительно дана и действительно влияет (или влияла) на ход развития человечества; поскольку такая совокупность представляется нашему разуму данной и, значит, относительно случайной, она и называется событием в узком смысле слова»⁷. Таким образом, в событии осуществляется постижение реальности при помощи ее построения. Встречающиеся причинно-следственные серии исторических фактов способствуют образованию событий и, тем самым, к синтетическому построению исторической действительности. Построение истории приводит к образованию своеобразного исторического бытия, к онтологии истории, хотя Лаппо-Данилевский и не пользуется этим выражением.

¹ Там же. С. 221.

² Там же. С. 261.

³ Там же. С. 257.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 274.

⁶ Там же. С. 260.

⁷ Там же. С. 274.

Онтология истории, раскрывающаяся как историческая событийность, позволяет истории состояться в качестве науки, которая, в свою очередь, оперирует уже не доступными ей историческими фактами, а создаваемыми, конструируемыми наукой историческими событиями, познаваемыми именно потому, что они созданы этой наукой. Исторические события, в свою очередь, также индивидуальны. Элементом строяемой подобным образом действительности, в частности, могут быть исторические личности.

Деятельность исторической личности можно понимать как разновидность взаимодействия индивида со средой, различая, как влияние индивида на среду, так и воздействие среды на индивида. Лаппо-Данилевский склонен видеть в этом различии признаки, с одной стороны, идиографического, а с другой – номотетического построений¹. Воздействуя на среду, индивид, в свою очередь, может руководствоваться идеями и ассоциациями выдвигаемыми им самим, но может использовать и те идеи, которые предлагает либо социальная среда, либо другие индивиды. В этом состоит отличие гениев от талантов, действующих в истории. Таким талантом Лаппо-Данилевский, в частности, признает Екатерину II².

Номотетическое конструирование исторической действительности оперирует понятием *консенсуса*, которое включает в себя представления о целом и составляющих его частях, о системе и ее элементах³. Понятие консенсуса указывает на разновидности и способы связи элементов в социальной системе. «В силу принципа консенсуса, – отмечал историк, – элементы данной социальной системы признаются взаимозависящими; они стремятся к солидарности друг с другом»⁴. Дополнение этого понятия органической теорией и телеологическим принципом приводит к понятию *эволюции*⁵. Оба эти понятия можно комбинировать друг с другом⁶. «Вместе с поня-

¹ Там же. С. 230.

² *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II. СПб., 1898. С. 1.

³ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Выпуск I. С. 128.

⁴ Там же. С. 149.

⁵ Там же. С. 129.

⁶ Там же. С. 135.

тием консенсуса историк-социолог пользуется и понятием эволюции: оно служит для формулировки “законов” исторического развития. Впрочем, можно понимать их различно: или в смысле образования эволюционных рядов, или в смысле законов их повторяемости»¹. Лучше всего понятие консенсуса подходит для построения понятия о системе культуры, части которой находятся во взаимодействии друг с другом². В свою очередь, историк, рассматривающий эволюцию культуры, «имеет дело с коллективным субъектом эволюции: он изучает психогенезис социальной группы, народа, государства и т. п. ...устанавливает “типические” стадии культуры»³.

Для научного построения конкретной (исторической) действительности необходимо дополнить понятие об исторической связи понятием об *историческом целом*⁴. Отдельно взятый индивидуум есть абстракция, поэтому историка интересует индивидуум как конкретная часть какого-либо целого или даже нескольких целых. То же самое можно сказать и о событии⁵. Историческая индивидуальность, рассматриваемая как субъект консенсуса или эволюции, «полагает себе цель, общую для всех по своему значению, обладает общей волей и самоопределяется в объединенной деятельности членов целого»⁶. Целое можно понимать как реальное единство многообразия. Вместе с тем своеобразное целое уже представляет собой нечто индивидуальное⁷. Лаппо-Данилевский предлагал рассматривать два понятия о целом – коэксистенциальное и эволюционное – в зависимости от преобладания либо пространственных, либо временных признаков в определении этого понятия: «Под понятием о коэксистенциальном целом я разумею такое понятие, которое строится с статической точки зрения: оно относится к устойчивой системе элементов, каждый из которых занимает определенное положение в пространстве, т. е. место в топографических пределах данного

¹ Там же. С. 151.

² Там же. С. 129.

³ Там же. С. 134.

⁴ Там же. С. 276–277.

⁵ Там же. С. 278.

⁶ Там же. С. 277.

⁷ Там же.

целого. Под понятием об эволюционном целом я разумею такое понятие, которое строится с динамической точки зрения, оно относится к последовательной смене элементов, каждый из которых занимает определенное положение во времени, т. е. момент в хронологических пределах данного целого»¹.

Представление о целостности – предел идиографического построения, к которому стремится историк². В свою очередь, предельным понятием о целом является *понятие о мировом целом*³. Но историка интересует лишь та часть мирового целого, которая обладает сознанием и которая поэтому способна воздействовать на это целое и сама зависит от него. Такая история может быть сведена к истории человечества. *Человечество* есть то предельное понятие, которое имеет историческое значение. Лаппо-Данилевский следующим образом выводил это понятие: «...историк интересуется, главным образом, не индивидуальным, самим по себе взятым, а индивидуальным как целым или индивидуальным как частью: историк, в узком смысле слова, сосредоточивает свое внимание лишь на той части мирового целого, которую мы называем человечеством, и преимущественно изучает ее в качестве относительного эволюционного целого, выясняя какое именно реальное значение каждая ее часть имела или имеет в историческом процессе ее образования. В таких построениях историк заменяет обобщающее понятие о законе объединяющим понятием об историческом развитии...»⁴ Человечество рассматривается как субъект индивидуальной эволюции⁵, т. е. как коллективный субъект. Развитие человечества предстает в виде конструируемого нами процесса постепенного возрастания единства человеческого сознания в таком коллективном субъекте. В возрастании единства сознания заключено историческое значение развития человечества⁶. Объединяя сознание, человечество превращается в «великую индивидуальность». «Вообще,

¹ Там же. С. 280.

² Там же. С. 277.

³ Там же. С. 277; *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Выпуск II. С. 332.

⁴ Там же. С. 283–284.

⁵ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Выпуск II. С. 333.

⁶ Там же. С. 334.

рассуждая об истории человечества, историк прежде всего характеризует его некоторым реальным единством его состава: человечество состоит из индивидуальностей, способных сообща сознавать абсолютные ценности, что и может объединять всех; по мере объединения своего сознания человечество все более становится “великой индивидуальностью”; она стремится опознать систему абсолютных ценностей и осуществить ее в истории, воздействуя таким образом и на тот универсум, частью которого оно оказывается; такое воздействие предполагает, однако, наличность цели, общей для всех по своему значению, существование общей воли и проявление объединенной и организованной деятельности членов целого, созидающих культуру человечества, разумеется, в зависимости от той мировой среды, в которой им приходится действовать»¹. В то же время понятие об эволюционном целом, действующим субъектом которого выступает человечество, находится в тесной связи с понятием о развитии, объединяющем представление об общем направлении или тенденции и формирующимся при участии телеологического принципа в регулятивном смысле².

С субъективной стороны можно говорить о процессе *изменения* содержания сознания, которому соответствует то, что происходит или случается в действительности. В этом смысл *бывания*, которое Лаппо-Данилевский предлагал отличать от *бытия*³. Можно заметить, что здесь вновь проявляется онтологическая тенденция в творчестве русского историка, не выводимая строго из его неокантианства. История – реальный процесс, но данный не в чувствах, не феноменально, а в воспоминании. История также имеет дело с тем, что есть. История не фикция, она может быть научно обоснована. В ней обнаруживает себя онтологически гарантированная истина. Более того, реальность истории только и может быть онтологической – как реальность мысли и как та реальность, которая дается в мысли. То, что дано в истории, ее предмет доступен человеку не со стороны его реального присутствия, а со сто-

¹ Там же. С. 333.

² Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Выпуск I. С. 281–282.

³ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Выпуск II. С. 295.

роны его возможного помысливания и, данный лишь как предмет мысли, он предстает имеющему с ним дело (историку) со стороны его (предмета) бытия. Это особый род бытия – историческое бытие или бывание.

Об изменении можно говорить тогда, когда одному и тому же объекту соответствуют два различных содержания сознания. Изменение мыслиться во времени¹. «Итак, историк интересуется не понятием о постоянном пребывании того, что изменяется, а понятием об изменениях состояний того, что пребывает...»² Изменяющаяся, акцидентальная сторона того, что есть, интересует историка, его занимает существующее со стороны смысла. Продолжая Лаппо-Данилевский писал: «...в сущности, только бывание, изменение того, что пребывает, интересует историка: он обращает внимание не столько на то, что есть, сколько на то, что было в его отношении к тому, что есть»³. Изменение можно рассматривать или с номотетической точки зрения, делая акцент на том, что в изменении является общим, или с идиографической точки зрения, интересуясь различием в изменении⁴.

С понятием изменения непосредственно соприкасается *принцип чужой одушевленности*. Историк обращает внимание на качественное, а не на количественное изменение⁵. Это изменение в чужой психике. В основе принципа чужой одушевленности лежит представление о единообразии природы вообще и, в частности, психической природы человека⁶. «Чужое я» не дано непосредственно в опыте, поэтому мы заключаем о нем по наблюдениям над телесными процессами⁷. К конкретному «я» (а, далее, и к исторической индивидуальности) затруднительно прийти от понятия о сознании вообще и от представления о соотношении «я» и «не я», где самосознание понимается как сознание другого⁸. Впрочем, Лаппо-Данилевс-

¹ Там же. С. 295–296.

² Там же. С. 296.

³ Там же. С. 297.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 301.

⁶ Там же. С. 314.

⁷ Там же. С. 314.

⁸ Там же. С. 305–306.

кий не различал четко «психическое» и «трансцендентальное» и часто использовал их в одном смысле. Принцип чужой одушевленности и признание «чужого я» оказывают влияние и на концепцию истины, и на становление и развитие самосознания¹.

Для установления принципа чужой одушевленности необходим не категорический или конститутивный, а регулятивно-телеологический подход². Иными словами, этот принцип следует рассматривать либо как научную гипотезу, либо как нравственный постулат³.

Значение априорного элемента этического характера для построения теории исторического знания Лаппо-Данилевского отмечал еще А.Е. Пресняков⁴. Этическая интенция не была четко сформулирована в «Методологии истории» Лаппо-Данилевским, он не посвятил этой проблеме специального раздела, но этическая настроенность многих его рассуждений об истории встречается неоднократно. В поддержку этого тезиса можно привести следующее высказывание Лаппо-Данилевского: «С такой точки зрения (имеется в виду идеографическое построение. – А. М.) этика находит существенную поддержку в истории... она (история. – А. М.) должна определять должное в отношении его к человеку, как индивидуальности в ее социально-историческом значении»⁵; «желательно, конечно, пользоваться историческим материалом для этических целей...»⁶.

В принципе, конститутивное применение психологии для объяснения исторических фактов также возможно, но оно не дает основание утверждать о действительном существовании этих психических факторов в истории и их результатах. «При-

¹ Там же. С. 312.

² Там же. С. 306.

³ Там же. С. 307.

⁴ *Пресняков А.Е.* А.С. Лаппо-Данилевский как ученый и мыслитель // Русский исторический журнал 1920. № 6. С. 90; *Пресняков А.Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С. 62.

⁵ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Выпуск I. С. 233.

⁶ *Лаппо-Данилевский А.С.* Материалы для общеобразовательного курса по истории человечества // Памятная книжка Тенишевского училища. Т. 1. СПб., 1890. С. 100.

ложение психологии к истории в конститутивном смысле, – писал Лаппо-Данилевский, – напротив, предполагает особого рода предпосылку: в таком случае психические факторы признаются реально-данными в действительности»¹. Однако ни регулятивное, ни конститутивное применение психологии к истории не дают возможность сформулировать законы истории. Дело не только в неприложимости психологии к номотетическому построению истории, но в том, что законы истории более сложны, чем законы психологии². В широком смысле, телеологический принцип может использоваться в истории со стороны ее познания. Это означает, что историк обладает знанием о том, что произошло, и, исходя из знания о результатах исторического процесса, интерпретирует этот процесс. В ходе самой «истории» телеологическую функцию могут выполнять ценности, которые действующие в истории индивидуальности ставят себе и на достижение и осуществление которых направляют свои усилия.

Еще один вариант признания чужой одушевленности можно назвать «психогенетическим». Он проявляется в сочувственном переживании «чужого я»: «...всякое понимание чужой душевной жизни, предполагает личное переживание и воспроизведение ее»³. Но, как замечал Лаппо-Данилевский, этот подход до сих пор является мало выясненным⁴. Лаппо-Данилевский пытался дополнить его понятием «конгениальности» или «созвучия» между однородно организованными существами⁵, в основе которого лежит двойная ассоциация состояний сознания, представляющая собой проявление однородных психических процессов⁶. Иногда этот процесс интерпретируется как заключение по аналогии⁷.

В качестве итога этих рассуждений можно привести следующую цитату: «Итак, можно сказать, что историк изучает историческую эволюцию с психологической, а не с чисто био-

¹ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Выпуск I. С. 110.

² Там же. С. 111.

³ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Выпуск II. С. 435.

⁴ Там же. С. 309.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 310.

⁷ Там же. С. 311.

логической точки зрения: он всегда предпосылает действительное существование одушевления той социальной группы, развитие которой он построит...»¹

В наибольшей степени теоретико-методологическое понимание Лаппо-Данилевским исторической науки воплотилось в учении об исторической типологии. К проблеме типологии историк пришел от критики номотетического и идиографического методов. В этом учении можно видеть тот «средний путь», который Лаппо-Данилевский хотел предложить исторической науке.

Вначале Лаппо-Данилевский воспринимал типологическое обобщение как один из способов образования общих понятий при номотетическом построении истории². При этом типологическое обобщение, или типизация, является отражением психической законосообразности. Проявление этой законосообразности во времени приводит к понятию о *национальном типе*, а проявление в пространстве – к понятию о *культурном типе*. «В сущности историк-социолог, – писал Лаппо-Данилевский, – превращает законы комбинаций психических факторов в типизацию их, но он придает типическим комбинациям значение реальных факторов. При помощи такого построения историк-социолог вырабатывает понятия, которые я назову понятием о племенном (или, в более узком смысле, о национальном типе) и понятием о культурном типе (данного периода)... В основе общих понятий лежит мысль о законосообразной комбинации психических факторов, соответственно производящей, при тождественности условий, одни и те же следствия: только постоянство такого соотношения в понятии о племенном типе строится преимущественно во времени, а в понятии о культурном типе – преимущественно в пространстве»³. Определенным (психологическим в основе) типом может обладать социальная группа, сословие, класс, народ⁴. Понятием национальный тип, понимаемым как устойчи-

¹ Лаппо-Данилевский А.С. *Методология истории*. Выпуск I. С. 133.

² Там же. С. 113.

³ Там же. С. 139.

⁴ Там же. С. 144.

вый во времени психический комплекс, Лаппо-Данилевский пользовался, в частности, в своей магистерской диссертации.

Культурный тип содержит в себе такое сочетание психических и культурных факторов, при помощи которых объясняется то или иное явление культуры, в том числе, например, социальное течение¹. Культурный тип следует понимать как общее для данной социальной группы состояние сознания². Иными словами, «можно установить некое психическое отношение между состоянием сознания, а также характером данной группы и однородностью соответствующих продуктов культуры»³. В свою очередь, общее состояние сознания связано с представлением об «общей воле»⁴. Общие психические черты, характеризующие данный культурный тип, признаются общими и постоянными причинами, обуславливающими данную культуру⁵. Комбинация характеристик национального и культурного типов позволяет установить такую законосообразную последовательность фактов, служащую их объяснению, которую уже можно считать не только психологической, но и историко-психологической. Лаппо-Данилевский уточнял: «В реалистических построениях психического типа данного племени или нации и “культурного” типа, поскольку они рассматриваются как сложная комбинация причин, порождающая соответственные продукты культуры, можно, таким образом, усмотреть попытку установить некоторую законосообразность отношений в данной последовательности не с чисто психологической, а с историко-психологической точки зрения»⁶. Тип может получить определенное историческое значение путем отнесения его к известной ценности. Причем это значение имеет нормативный характер и становится нормой. Такой тип фиксирует уже не общее, а должное⁷. Значимая для исторического исследования ценность, прежде всего общепризнанная ценность, фиксируется историческим типом, проявляется в

¹ Там же. С. 145.

² Там же. С. 149, прим.

³ Там же. С. 147.

⁴ Там же. С. 148.

⁵ Там же. С. 141.

⁶ Там же. С. 149.

⁷ Там же. С. 176.

нем. Она составляет содержание познания того коллективного исторического субъекта, который описывается типологически.

В то же время Лаппо-Данилевский выступал против объективации понятия «тип». Говоря более определенно, это означает, что не следует смешивать типологическое обобщение, которое является теоретическим конструктом и продукт культуры как фрагмент действительности. «Между тем всякий тип – есть наше построение, а всякий продукт культуры – есть результат индивидуальной деятельности»¹. Сам *тип* Лаппо-Данилевский разумел как понятие ментального плана и пояснял его в таких выражениях, как, например, «типический образ» или «общее представление». Предполагается, что при типологизации можно избежать как чрезмерного абстрагирования номологического обобщения, так и дробления истории на сингулярные и несвязанные происшествия идиографического построения. «Не будучи номологическим построением закона или даже эмпирического обобщения (в строгом смысле), – отмечал Лаппо-Данилевский, – тип, вместе с тем, очевидно, не оказывается и единичным случаем; с логической точки зрения тип есть относительно общее понятие по преимуществу и занимает как бы среднее место между законом и единичным случаем: он не достигает всеобщности закона и полноты эмпирического обобщения, ибо допускает уклонение, но и не низводится до индивидуальности. С такой точки зрения можно, пожалуй, назвать тип “общим представлением”...»² Тип следует понимать как экзemplификацию общего. В одном из своих первых курсов Лаппо-Данилевский следующим образом обосновывал необходимость типологизации в качестве способа выражения общих понятий: «Общие понятия должны быть представлены в типических образах, т. е. единичных, но характерных случаях, в которых ученик мог бы всегда чувствовать проявление общих начал»³. С номотетической точки зрения тип принадлежит к общим понятиям, носящим, однако, относительный характер: «...тип есть научно установленное общее представление, которое в таком именно

¹ Там же.

² Там же. С. 155.

³ *Лаппо-Данилевский А.С.* Материалы для общеобразовательного курса по истории человечества. С. 100.

смысле можно назвать и относительно общим понятием; в последнем смысле понятие о типе близко подходит к понятию о “среднем”»¹. «Итак, “тип” – есть всегда относительно обобщение... есть понятие растяжимое и объем типа может быть разным», – резюмировал Лаппо-Данилевский².

В зависимости от отношения к действительности можно различать *идеальный тип* и *репрезентативный тип*³. Идеальному типу ничего не соответствует в реальности, в то время как репрезентативному типу в действительности соответствует по крайней мере один факт. «Таким образом, – уточнял Лаппо-Данилевский, – пользуясь типологическим приемом обобщения, историку следует иметь в виду, что тип есть его построение, а не действительность; понятие типа, если он идеальный, не обозначает реально данной вещи; лишь репрезентативный тип может обозначать конкретный факт; но и последний в отношении к остальным случаям данной группы все же будет только идеальным»⁴. Такое деление типов служит не для объяснения материала, а только для систематики или группировки определенной совокупности объектов⁵. Это типологизация в систематизирующем смысле.

Возможно и другое значение типологизации – морфологическое. В данном случае типологизация производится лишь на основе внешней формы объектов, выявляя наиболее характерные признаки. «Вообще, изучая данную совокупность предметов в их устойчивых признаках, мы как бы накладываем наши представления о предметах друг на друга и получаем общее им содержание; тогда мы называем понятие о группе сходных между собою объектов (конкретных предметов) – типом; сюда можно отнести, например, типы животных видов и рас, национальный тип, культурный тип и т. п.; если принимать во внимание лишь понятие о группе формальных свойств, т. е. не объекты целиком взятые, а только их внешнюю форму, служащую достаточно характерным признаком для систематики, то с такой точки зрения мы можем получить

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Выпуск I. С. 155.

² Там же. С. 158.

³ Там же. С. 156.

⁴ Там же. С. 157–158.

⁵ Там же. С. 158.

морфологические типы, например, типы кристаллов, растений (по форме листьев) или животных; типы языков изолирующих, агглютинирующих и флектирующих и т. п.»¹. Установление общности типов на основе общности их происхождения приводит к образованию понятия об *эволюционном* или *генетическом типе*. Дисциплина изучающая эту разновидность типов, называется морфогенией. Стоит упомянуть, что Лаппо-Данилевский вводил еще одну разновидность типов – *феноменологический тип*. Возможность феноменологической типизации исходит из того, что «можно типизировать данную метаморфозу в тех ее стадиях, какие наблюдаются в данной совокупности сходных случаев»².

В заключении отмечу, что Лаппо-Данилевскому принадлежит наиболее подробная и разработанная концепция методологии истории, хотя сам ученый едва ли считал ее завершенной. Целью своей работы он полагал создание целостной системы гуманитарного знания, для которого история могла бы служить научно обоснованным образцом. Философской основой этого проекта для Лаппо-Данилевского выступили позитивизм и неокантианство. Под методологией истории ученый понимал применение к истории общенаучной методологии. Задача методологии истории – посторенные системы исторических понятий, что возможно двумя путями: номотетическим и идиографическим. История как наука должна исходить от действительности. Но действительность истории не дается, а задается, строится. В этом смысле действительность истории неотделима от знания об истории. Историческая реальность изъясняется в понятиях источника и факта. Их изучение относится к области исторической феноменологии. Исторический источник представляет собой психический продукт, результат восприятия. Способами обработки исторического источника являются историческая интерпретация и критика. Методология истории делится, согласно Лаппо-Данилевскому, на теорию исторического знания и учение о методах исторического мышления. Познание в истории осуществляется посредством отнесения факта к ценности. Историк отдает

¹ Там же. С. 160.

² Там же.

предпочтение в этом процессе не абсолютным, а общепризнанным ценностям. Ценности переживаются в сознании, в результате чего факту приписывается историческое значение. Такое познание Лаппо-Данилевский называл «аксиологическим анализом». Следующий за исторической феноменологией этап – историческое построение, которое состоит в реконструкции исторических событий посредством целого ряда исторических понятий и представлений. Важнейшие из них: консенсус, эволюция, историческое целое, мировое целое. Важными для исторического построения концептами выступают «принцип чужой одушевленности» и учение об исторической типологии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные теоретико-методологические искания в русской исторической и философской мысли второй половины XIX – начала XX в. были в значительной мере вызваны преобладанием позитивистских установок в исторической науке и философии¹. Позитивизм пытался перенести методологию естествознания на историю, полагая, что историческая

¹ Анализу принципов позитивистской историографии и характеристике ее представителей посвящена обширная литература: *Гутнова Е.В.* Место и значение буржуазной позитивистской историографии второй половины XIX в. в развитии исторической науки // Средние века. Вып. 25. М., 1964; *Дорошенко Н.М.* Философия и методология истории в России (конец XIX – начало XX в.). СПб., 1997; *Зонов В.Т.* Основные принципы историко-социологической концепции «первого позитивизма» // Методологические вопросы исторической науки. Вып. 9. Томск: ТГУ, 1974; *Каганович Б.С.* Несколько слов о так называемом позитивизме // Одиссей: Человек в истории: Ремесло историка на исходе XX в. М., 1996; *Кон И.С.* Позитивизм в социологии. Историографический очерк. Л., 1964; *Кроче Б.* Теория и история историографии. М., 1998; *Лаптева М. П.* Теория и методология истории: Курс лекций. Пермь, 2006; *Могильницкий Б.Г.* Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. – начала 900-х годов; *Нечухрин А.Н.* Основные элементы позитивистской парадигмы истории (на материале отечественной историографии) // // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 21. Томск, 1994; *Попов А.С.* Социологическая методология отечественной истории. Историографические очерки. Пенза, 1999; *Рамазанов С.П.* Кризис в российской историографии начала XX в. В 2 ч. Ч. 1–2. Волгоград, 1999–2000; *Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю.* История исторического знания: Пособие для вузов. М., 2004; *Русакова О.Ф.* Философия и методология истории в XX веке. Екатеринбург, 2000; *Сафронов Б.Г.* Некоторые характеристики идеи позитивистской социологии и их источник // Философские науки. 1974. № 4; *Уткина Н.Ф.* Позитивизм, антропологический материализм и наука в России (вторая половина XIX в.). М., 1975; *Шкуринов П.С.* Позитивизм в России XIX в. М., 1980 и др.

реальность может быть постигнута такой, какова она есть. Доминирующими здесь становятся вопросы о наблюдаемости, доступности исторической реальности исследователю, о регулярностях и повторениях, которые можно зафиксировать в этой реальности. Первый вопрос привел к формулированию различных вариантов «исторической феноменологии», которая изучает историческую данность, а в узком понимании разрабатывает проблемы исторического источниковедения и методов обработки источников (интерпретация и критика). Ответ на второй вопрос привел к поискам исторической закономерности. Следующее поколение философствующих историков в большей степени испытало влияние неокантианства, исторического материализма, философии жизни. По словам О.Б. Леонтьевой: «Рубеж же XIX–XX вв. был временем интенсивных методологических и историософских исканий, бурных научных дискуссий, когда боролись не просто разные школы в исторической науке: друг с другом соперничали разные типы исторической мысли, принципиально разные представления о сущности, задачах и пределах исторического знания. Позитивисты и марксисты отстаивали убеждение, что предметом исторической науки должна быть социально-экономическая история, ход которой подчиняется строгим и непреложным закономерностям; в трудах неокантианцев и приверженцев религиозной мысли рождалось культурно-антропологическое направление исторической науки, которому была свойственна “понимающая” интеллектуальная установка, интерес к “картинам мира” и системам ценностей ушедших эпох»¹.

Неокантианство сделало акцент на уникальности, единичности исторических событий, которые к тому же недоступны непосредственному наблюдению. С одной стороны, это означало, что в теории истории следует отказаться от поисков закономерности; исторические события не повторяются, они могут быть только описаны в своей уникальности. С другой стороны, историческая реальность оказывалась производной от познавательной деятельности субъекта, результатом его

¹ *Леонтьева О.Б.* «Субъективная школа» в русской мысли: Проблемы теории и методологии истории. Самара, 2004. С. 182.

творческой активности, проекцией априорных схем, понятий и т. п. историка на то, что относится к сфере исторической данности. Доминирующими здесь становятся вопросы «исторического построения»¹.

Второй позитивизм или эмпириокритицизм свел основные вопросы теории и методологии истории к необходимости пересмотра существующих языков описания истории, к анализу исторических понятий, разбору существующих схем исторического объяснения. Доминирующими здесь становятся вопросы «исторической терминологии».

Основные теоретико-методологические проблемы в русской историографии разрабатывались по преимуществу в рамках либерально-западнического направления, для которого было характерно стремление реализовать в истории идеал научности, сложившийся в европейском гуманитарном и естественнонаучном знании. Конкретизация данной проблематики была связана с рассмотрением основных положений и принципов построения всеобщей истории. В качестве следствия анализа проблем всеобщей истории можно отметить интерес к общим вопросам исторического процесса, теории цивилизации, понятию единого человечества, которые не могут быть разрешены в пределах специальных, частных исторических исследований.

Однако главный интерес академической философии истории был сосредоточен на теоретико-методологическом обособлении исторической науки. Теоретико-методологические искания в русской исторической и философской мысли второй половины XIX – начала XX в. затрагивали несколько проблем.

Процесс обособления историографии от наук филологических и юридических, начавшийся еще в XVIII в. и отмеченный Т.Н. Грановским, со второй половины XIX в. оказался вовлеченным в общий процесс сциентизации гуманитарного знания, вызванного нарастающей популярностью и распространением позитивизма. Историография, с одной стороны, уподобляется наукам естественным, по крайней мере ищет в них опору и воспринимает их в качестве образца, с другой

¹ Подробнее о неокантианской методологии истории см.: *Синицын О.В.* Неокантианская методология истории и развитие исторической мысли в России в конце XIX – начале XX вв. Казань, 1998.

стороны, среди ученых все более определенно осознается специфичность исторического знания и уникальность исторических событий. Научность истории складывается на основе противоречивых и на первый взгляд разнонаправленных ориентаций: представления об универсальности исторического развития, единстве и единственности научной истины и общности научных проблем; и идеи неповторимости, единичности конкретных исторических форм. Это противопоставление было зафиксировано Н.И. Каревым в духе позитивистской классификации наук как различие наук номологических и феноменологических, а позднее нашло отражение в неокантианской методологии. Во второй половине XIX – начале XX в. историческая наука сталкивается с проблемой демаркации, необходимой для определения специфики ее предмета, т. е. с проблемой отделения истории от других социальных наук. Мало исследованным остается вопрос о взаимодействии и разграничении историографии, с одной стороны, и социологии, демографии, философии истории, политической экономии, права, государственного управления, этнографии, социальной философии, с другой. Сочинения многих российских историков наполнены рассуждениями об истории как науке. Надо сказать, что ни одна из социальных дисциплин в России второй половины XIX – начала XX в. не подвергалась столь настойчивым попыткам осмысления своего научного статуса. Все это привело к более подробной и разнообразной, по сравнению с другими дисциплинами, разработке теоретико-методологических проблем и позволило историографии во второй половине XIX – начале XX в. претендовать на роль теоретико-методологической парадигмы социального знания.

Разработка теоретико-методологических проблем историографии предполагает установление метаисторического взгляда, связанного с ответом на вопрос как возможна история как наука? Даваемый новоевропейской наукой и философией ответ ищет опору научности истории в анализе познавательных способностей субъекта и его априорных форм. С этой точки зрения историография также рассматривается как разновидность познавательной установки субъекта по отношению к миру. Однако невозможность непосредственного наблюдения и эксперимента, невозможность исторических со-

бытий быть предметом опыта не позволяют полностью перенести общенаучную методологию на историю, а требуют выработки самостоятельной концепции исторической гносеологии. В качестве такой концепции выступает методология истории. В круг вопросов теории исторического познания входят специфика исторического объекта, субъекта и методов познания прошлого (отличие научных методов от художественного, религиозного, философского и т. п.), классификация исторических источников, определение понятия «исторический факт», проблема исторической истины и т. д.¹

Осознание потребности в методологии истории четко просматривается уже в критических статьях и рецензиях К.Н. Бестужева-Рюмина 1850–1860-х гг. К этой же идее приходят авторы первых философско-исторических обзоров В.И. Герье и М.М. Стасюлевич. Однако наиболее полно методологическая установка реализовалась в работах А.С. Лаппо-Данилевского, П.Г. Виноградова, Р.Ю. Виппера, М.М. Хвостова, Д.М. Пет-рушевского. Методология истории или теория исторического познания предполагает разработку вопросов исторической данности, что относится к сфере «исторической феноменологии» и вопросов исторического конструирования или «исторического построения». Методология истории исходит из представления об активности субъекта и стремится реконструировать процесс формирования исторической реальности, совпадающий с ее познанием. Именно здесь формулируется представление об «историческом сознании». К вопросам методологии истории относятся проблемы номотетического, идиографического, типологического построений, «чужой одушевленности», исторического синтеза, исторической связи, исторической интерпретации и критики, значения и роли идей в истории. Методологическая сторона исторической науки во второй половине XIX – начале XX в. разрабатывалась в непосредственном соприкосновении с социологией, не случайно долгое время воспринимавшейся в качестве синонима философии истории. Общими для философии истории и социологии методами становятся сравнительно-истори-

¹ *Дорошенко Н.М.* Российская методология истории. (Философские подходы). СПб., 2005. С. 81.

ческий и метод пережитков. Наиболее показательны в этом отношении исследования М.М. Ковалевского, Н.И. Кареева и П.Г. Виноградова.

Другой комплекс проблем связан с детализацией представления об историческом процессе, соответствующего современным (для того времени) требованиям научности. Главное из них – поиск законов истории. Закономерность процессов происходящих в истории осознается отечественными историками-теоретиками как основополагающий признак научности. Даже признание сложности их установления не вызвало у некоторых исследователей, например у П.Н. Милюкова, сомнения в самой закономерности истории. Н.И. Кареев пытался смягчить жесткую детерминистическую установку позитивистской историографии и предпочитал говорить не о закономерности, а о законосообразности истории. В итоге, в русской философско-исторической мысли возобладали концепция многофакторности исторического процесса. У истоков такого решения проблемы стоял спор о значении природных условий в истории, спровоцированный работами К. Бэра конца 1840-х гг. В качестве определяющих факторов исторического процесса признаются: природно-климатическая среда, расово-антропологические особенности населения, влияние других народов и внешнего окружения, действия исторических личностей. Вопросы, затрагиваемые историками в ходе поисков исторической закономерности и вызывающие разработку проблем теории нации, расы, следует рассматривать на фоне аналогичных дискуссий, развернувшихся в то же время в русской социологии, литературе и философии. Наиболее показательным в этом отношении, можно сказать, знаковыми стали теория культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского и книга Л.И. Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки», свое отношение к которым высказали практически все теоретизирующие русские историки второй половины XIX – начала XX в.

Вместе с этим, концепция многофакторности делает акцент на различиях в историческом процессе, указывает на причины неповторимости и своеобразия его отдельных проявлений. Однако идея исторической закономерности, подменяемая теорией факторов, сохраняет убеждение в универсально-

сти исторического процесса, что находит себе обоснование в теории исторической эволюции. Рассуждения об исторической эволюции непосредственно пересекаются у русских историков, например, Н.И. Кареева, П.Г. Виноградова, П.Н. Милюкова с социологическими поисками эпохи. Не случайно поэтому, разыскания в области исторической эволюции часто приводят историков-философов к более углубленным социологическим штудиям, вызывающим необходимость определить свои отношения к натуралистическим концепциям общества (П.Ф. Лилиенфельд, А.И. Стронин и др.). Другая вызывающая дискуссии концепция – материалистическое понимание истории¹, – обсуждение которой также идет в рамках теории факторов. В теориях исторического процесса и исторической эволюции русские мыслители пытались согласовать представление об универсальности исторического и общественного развития с уникальностью конкретных национальных историй. В сферу вопросов, затрагиваемых в теориях исторического процесса входят вопрос о месте русского исторического процесса во всемирной истории, о роли личности в истории и т. д.

¹ О теоретико-методологических взглядах русских марксистов см.: *Леонтьева О.Б.* Марксизм в России на рубеже XIX–XX веков. Проблемы методологии истории и теории исторического процесса. Самара, 2004.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ОНТОЛОГИИ ИСТОРИИ

Теория исторического процесса Н.И. Кареева	3
<i>Исторический процесс</i>	12
<i>Деонтология истории</i>	38
<i>Теория литературной эволюции</i>	77
Социально-историческая концепция П.Г. Виноградова	123
<i>Философия истории как социология</i>	124
<i>Социальная анатомия истории и прогресс</i>	142
Теория исторической эволюции П.Н. Милюкова	162
<i>Историческая социология</i>	175
<i>Социология нации</i> <i>и русский исторический процесс</i>	228

ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ГНОСЕОЛОГИИ ИСТОРИИ

Теория исторического познания Р.Ю. Виппера	283
<i>Принципы исторической гносеологии</i>	291
<i>Руководящие идеи исторического построения</i>	328
Приемы и методы исторического исследования	
П.Г. Виноградова	353
<i>История как строгая наука</i>	355
<i>Методология исторического исследования</i>	373
Методология истории А.С. Лаппо-Данилевского	392
<i>Историческая феноменология</i>	397
<i>Историческое построение</i>	419
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	439

Малинов Алексей Валерьевич

ОЧЕРКИ ПО ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ
В РОССИИ в 2 томах. Том 2.

Научное издание

Подписано в печать 21.05.2013. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Объем 28 п. л. Тираж 200 экз. Заказ №
Отпечатано в Производственно-полиграфической
компании «Литография»
С.-Петербург, ул. Днепропетровская, д. 8